Какъ рукопись.

ЛЕКЦІИ

ПО

РУССКОЙ ИСТОРІИ

ПРОФЕССОРА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

В. О. Ключевскаго.

Часть первая.

С.-Петербургъ. 1902 г. Типографія В. О. Киршбаума, Дворц. пл., д. М-ва Финансовъ.

Введеніе.

Приступая къ изложенію своего курса, я выскажу нѣсколько предварительныхъ общихъ мыслей, чтобы объяснить цѣль и пріемы предстоящаго историческаго изученія. Я буду излагать общій курсъ исторіи нашего отечества.

Какая можетъ быть научная цѣль изученія мѣстной исторіи? Эта цѣль, очевидно, должна быть та же, къ какой направлено изученіе исторіи человѣческой вообще. Изученіе науки, называемой всеобщей исторіей, имѣетъ своимъ предметомъ историческій процессъ человѣческаго общежитія. Общежитіе это слагается изъ взаимодѣйствія различныхъ общественныхъ стихій, или силъ, строящихъ человѣческое общество. Эти силы намъ извѣстны: природа и люди, лицо и общественный союзъ, власть и право, трудъ и капиталъ, знаніе и искусство и т. д. Эти силы присутствуютъ вездѣ, въ каждомъ обществѣ; но общество, ими созидаемое, въ разныя времена и въ различныхъ мѣстахъ выходитъ не одинаковымъ по своему характеру и своимъ формамъ. Это разнообразіе происходитъ оттого, что перечисленныя общественныя силы однѣ и тѣ же всюду, однако въ различныхъ мѣстахъ и въ различныя времена приходятъ не въ одинаковыя сочетанія, являются не въ одинаковомъ отношеніи другъ къ другу; напр., въ странѣ недостаточно населенной отношеніе труда къ капиталу не похоже на то, какое дѣйствуетъ въ странахъ перенаселенныхъ. Другой при-

мѣръ: степныя пространства, заставляющія людей передвигаться большими родственными группами, дольше помогаютъ удерживать первобытные кровные союзы, чѣмъ страны лѣсныя, гдѣ населеніе должно расходиться на постоянныя мѣста жительства; кочевое движеніе мѣшаетъ выдѣленію лица изъ первобытнаго союза, тогда какъ осѣдлое разселеніе помогаетъ этому выдѣленію, содѣйствуя замѣнѣ родства сосѣдствомъ, т. е. замѣнѣ стихійнаго, невольнаго союза союзомъ, основаннымъ на вольномъ соглашеніи. Въ первомъ примѣрѣ отношеніе природы страны къ населенію дѣйствуетъ на экономическій бытъ послѣдняго. Во второмъ случаѣ отношеніе природы страны къ экономическому быту отражается на ходѣ его юридическаго развитія. Значитъ, то или другое отношеніе между однѣми стихіями общежитія видоизмѣняетъ взаимодѣйствіе другихъ и сообщаетъ людскимъ отношеніямъ иной характеръ.

Мало того, въ различныхъ сочетаніяхъ одна и та же общественная сила дѣйствуетъ неодинаково, обнаруживая различныя свойства своей природы. Напр., крѣпостной трудъ производитъ далеко не то же дѣйствіе на хозяйственный и нравственный бытъ народа, какое имѣетъ трудъ вольный. Первый убиваетъ энергію, ослабляетъ предпріимчивость, развращаетъ нравы и даже портитъ расу физически. Другой примѣръ: освобожденіе лица изъ подъ гнета первобытнаго кровнаго союза считается значительнымъ успѣхомъ въ развитіи личной свободы, необходимымъ для того, чтобы общество могло устроиться на началахъ равноправности и личной свободы. Но прежде чѣмъ восторжествовали эти начала, въ Средніе вѣка у насъ, какъ и на Западѣ, личная свобода предоставленнаго самому себѣ человѣка значительно содѣйствовала успѣхамъ рабства, вела къ развитію личной кабалы, иногда болѣе тяжкой сравнительно съ

гнетомъ старыхъ родовыхъ отношеній: припомнимъ развитіе феодализма на Западѣ и закладничества на Руси. При различныхъ сочетаніяхъ даже одна и та же форма общежитія является не съ одинаковымъ характеромъ: древняя римская семья далеко не похожа на ново-европейскую ни по юридическимъ, ни по нравственнымъ отношеніямъ своихъ членовъ, ни по власти отца, ни по кровнымъ узамъ, ни по праву наслѣдованія.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что чѣмъ болѣе разнообразныя сочетанія мы изучаемъ, тѣмъ болѣе узнаемъ новыхъ свойствъ въ общественныхъ элементахъ, тѣмъ полнѣе познаемъ природу каждаго изъ нихъ. Съ другой стороны, изучая происхожденіе того или другого сочетанія, мы узнаемъ, при какихъ условіяхъ общественныя стихіи стали въ то или другое отношеніе другъ къ другу, т. е. при какихъ условіяхъ общественныя стихіи выступаютъ той или другой стороной своей природы. Значитъ, путемъ историческаго изученія мы познаемъ не только природу общественныхъ элементовъ, но, такъ сказать, ихъ механизмъ, узнаемъ, когда извѣстная общественная сила двигала человѣчество впередъ и когда задерживала его движеніе, когда, напр., капиталъ уничтожалъ свободный трудъ, не усиливая его производительности, и когда, наоборотъ, капиталъ этотъ помогалъ труду стать болѣе производительнымъ, не порабощая его. *Такимъ образомъ изъ науки о томъ, какъ строилось общество, можетъ современемъ развиться наука о томъ, какъ лучше его строить.*

Такова общая задача историческаго изученія. Она состоитъ въ познаніи природы и дѣйствій общественныхъ элементовъ посредствомъ изученія тѣхъ сочетаній, въ которыя они приходили въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена. Но эти элементы суть проявленія человѣческаго духа, а одинъ изъ нихъ, именно при-

рода, служитъ обстановкой и вмѣстѣ съ тѣмъ объектомъ дѣятельности для этого духа. Отсюда можетъ быть выведено и приблизительно точное опредѣленіе исторіи, какъ науки. Она есть наука о многообразныхъ мѣстныхъ и временныхъ проявленіяхъ духа въ человѣческомъ общежитіи, или наука о человѣческомъ духѣ, какъ онъ проявляется въ мѣстныхъ и временныхъ формахъ общежитія.

Съ этой точки зрѣнія легко опредѣлить научную цѣль изученія исторіи отдѣльнаго народа. Вопросы: какія своеобразныя мѣстныя сочетанія представляетъ данная исторія отдѣльнаго народа, какъ возникали эти своеобразныя сочетанія и какія новыя свойства обнаруживали дѣйствующія въ ней стихіи—и составляютъ научное содержаніе исторіи отдѣльнаго народа; и чѣмъ больше своеобразныхъ сочетаній этихъ общественныхъ стихій представляетъ намъ исторія извѣстнаго народа, чѣмъ больше новыхъ, въ другихъ мѣстахъ не замѣчаемыхъ, свойствъ открывается въ дѣйствіи этихъ различныхъ стихій—тѣмъ бо́льшій научный интересъ получаетъ исторія извѣстнаго народа.

Тѣмъ же взглядомъ на задачу историческаго изученія опредѣляется и самый методъ, котораго я буду держаться въ своемъ изложеніи. Среди разнообразныхъ явленій извѣстной эпохи мы должны прежде всего разглядѣть, какія отношенія установились между основными стихіями общежитія, какія изъ нихъ имѣли господствующее значеніе, а какія только служебное. Потомъ должно разсмотрѣть тѣ историческія обстоятельства, которыя вызвали именно такія отношенія, и, наконецъ, показать, какъ эти отношенія отразились въ различныхъ сферахъ народной жизни: въ сферѣ политической, экономической и другихъ. Оговорюсь здѣсь, впрочемъ, что я въ своемъ изложеніи ограничусь лишь

фактами экономической и политической жизни, не касаясь, или касаясь только мимоходомъ, остальныхъ.

Способъ приложенія этого метода я покажу на томъ дѣленіи, какое я ввожу въ изучаемый предметъ. Я дѣлю нашу исторію на періоды, соотвѣтствующіе измѣненіямъ отношеній между основными общественными элементами. Это дѣленіе должно отразить въ себѣ смѣну господствовавшихъ въ нашей исторіи общественныхъ элементовъ, преемственность ихъ историческихъ комбинацій. Всѣ эти смѣны выходили изъ одного основного сочетанія, дѣйствующаго на всемъ пространствѣ нашей исторіи до послѣднихъ дней: изъ своеобразнаго отношенія страны къ ея населенію. Въ началѣ нашей исторіи обширная русская равнина не является уже занятой тѣмъ населеніемъ, которое доселѣ дѣлаетъ ея исторію; эта исторія открывается тѣмъ, что населеніе, которое разрастается потомъ въ русскій народъ, вступаетъ на эту равнину изъ одного ея угла— именно юго-западнаго, со склоновъ Карпатъ. Въ продолженіе всей нашей исторіи этого населенія не было достаточно, чтобы занять всю равнину; притомъ оно распредѣлялось по равнинѣ не постепенно, путемъ нарожденія, не разселеніемъ, но переселеніемъ, переносясь, если можно такъ выразиться, птичьими перелетами изъ края въ край, покидая насиженныя мѣста и садясь на новыя. При каждомъ такомъ передвиженіи оно попадало подъ дѣйствіе различныхъ условій, вытекавшихъ какъ изъ физическихъ особенностей края, такъ и изъ внѣшнихъ отношеній, завязывавшихся на новыхъ мѣстахъ. Эти различныя вліянія и вызывали разнообразныя сочетанія общественныхъ элементовъ. Итакъ, переселеніе, колонизація страны была основнымъ фактомъ нашей исторіи, съ которымъ въ близкой или отдаленной связи стоятъ всѣ ея основныя явленія. Но

этотъ основной фактъ самъ выходилъ изъ совокупнаго дѣйствія двухъ причинъ: 1) изъ несоразмѣрности населенія съ пространствомъ страны и 2) изъ внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ, заставлявшихъ населеніе переноситься изъ края въ край, обстоятельствъ, которыя были сами въ значительной степени дѣломъ той же природы страны. Это и есть то основное сочетаніе, какое дѣйствуетъ въ продолженіе всей пережитой нами исторіи, то своеобразное отношеніе страны къ населенію, которымъ были вызваны въ ней всѣ важнѣйшія движенія.

Такъ само собою обозначается основаніе, на которомъ должно быть построено дѣленіе изучаемой нами исторіи. Періоды этой исторіи суть этапы, постепенно пройденные русскимъ народомъ въ занятіи и разработкѣ страны, пока наконецъ онъ, при помощи естественнаго нарожденія и поглощенія встрѣчныхъ инородцевъ, не разселился по всей равнинѣ и даже перешелъ за ея предѣлы. Рядъ періодовъ нашей исторіи есть рядъ приваловъ и стоянокъ, которыми прерывалось это движеніе русскаго народа по равнинѣ и при каждомъ изъ которыхъ общество устраивалось иначе, чѣмъ оно было устроено прежде. Я перечислю эти періоды, указывая въ каждомъ господствующіе факты: политическій и экономическій, и обозначая при этомъ территорію, на которой сосредоточивалась масса русскаго населенія,—не все населеніе, а главная масса его, дѣлавшая исторію.

Съ VIII приблизительно до конца XII вѣка масса русскаго населенія сосредоточивалась на среднемъ и верхнемъ Днѣпрѣ съ его притоками и историческимъ его воднымъ продолженіемъ—областью Ловати-Волхова. Во все это время Русь политически раздроблена на отдѣльныя волости, центромъ каждой изъ которыхъ

является большой торговый городъ—первый устроитель и руководитель политическаго быта, потомъ встрѣтившій соперника въ князѣ. Господствующимъ фактомъ экономической жизни была внѣшняя торговля съ вызванными ею лѣсными промыслами (мѣха и воскъ). Это—*Русь Днѣпровская, городовая, торговая.*

Приблизительно съ конца XII вѣка до половины XV-го масса русскаго населенія является на верхней Волгѣ съ ея притоками. Она раздѣлена политически, но не на городовыя области, а на княжескіе удѣлы. Господствующимъ экономическимъ фактомъ является вольный земледѣльческій трудъ—на алаунскомъ суглинкѣ. Это—*Русь Верхне-Волжская, удѣльно-княжеская, вольно-земледѣльческая.*

Приблизительно съ половины XV-го и до половины или конца XVII-го вѣка масса русскаго населенія изъ верхне-волжскаго центра начинаетъ растекаться на востокъ и югъ. Въ это время населеніе, занимающее серединное пространство равнины, является политически соединеннымъ подъ властью московскаго государя, который однако правитъ государствомъ при содѣйствіи боярской аристократіи, составившейся изъ бывшихъ удѣльныхъ князей и ихъ бояръ. Господствующимъ фактомъ экономической жизни является попрежнему вольный крестьянскій трудъ, но воля его начинаетъ стѣсняться, такъ какъ землевладѣніе все болѣе переходитъ въ руки высшаго служилаго класса, созидаемаго государствомъ. Это — *Русь Великая Московская, но съ преобладаніемъ аристократіи, монархическо-боярская, военно-земледѣльческая.*

Съ конца XVII столѣтія и до начала великихъ реформъ Императора Александра II идетъ послѣдній, открытый нашему изученію, періодъ. Населеніе, входящее въ составъ русскаго государства, въ это время

занимаетъ всю русскую равнину отъ Урала до морей Балтійскаго, Бѣлаго и Чернаго, даже распространяется далеко на востокъ за Уралъ. Политически это населеніе соединяется попрежнему подъ единою властью, но послѣдняя дѣйствуетъ не съ помощью родовой аристократіи, а съ помощью созданнаго государствомъ дворянства. Господствующими въ экономической жизни двигателями являются земледѣльческій трудъ, окончательно ставшій крѣпостнымъ, къ которому присоединяется, частью также производимая крѣпостными руками, промышленность обрабатывающая, т. е. фабричная. Это — *Русь Всероссійская, монархическо-дворянская, земледѣльческая и вмѣстѣ съ тѣмъ фабричная.*

Вотъ главные періоды нашей исторіи, на которыхъ отразились смѣны дѣйствовавшихъ у насъ различныхъ сочетаній общественныхъ стихій. Пересчитаемъ эти періоды, обозначая ихъ по территоріямъ, на которыхъ въ разныя времена сосредоточивалась главная масса народонаселенія: 1) Днѣпровскій, 2) Верхне-Волжскій, 3) Великорусскій, 4) Всероссійскій.

Итакъ, изъ общей задачи историческаго изученія мы вывели какъ научную цѣль изученія мѣстной исторіи, такъ и методъ изученія, съ раздѣленіемъ изучаемаго предмета. Но та же задача даетъ отвѣтъ и еще на одинъ важный вопросъ,—какой не научный только, но и практическій результатъ можно получить отъ изученія мѣстной исторіи. Вопросъ этотъ становится еще важнѣе, когда припомнимъ, что исторія, которую мы изучаемъ, есть именно исторія нашего отечества. Выводы, къ которымъ приведетъ эта работа, должны ли остаться въ области чистаго знанія, или могутъ выйти изъ нея и какъ нибудь дѣйствовать на наши стремленія и поступки? Исторія нашего отечества можетъ ли

имѣть свою прикладную часть? Я думаю, что можетъ и должна, потому что смыслъ всякаго знанія заключается въ его связи съ нашими житейскими поступками и стремленіями, иначе знаніе становится простымъ балластомъ памяти, полезнымъ для ослабленія житейской качки только пустому кораблю, плывущему безъ настоящаго цѣннаго груза.

Какая же можетъ быть практическая цѣль изученія нашей исторіи? Чему могутъ научить насъ сочетанія общественныхъ стихій, которыя мы изучимъ? Съ одной стороны, они покажутъ намъ, какіе элементы общежитія имѣли у насъ преобладающее значеніе и какіе дѣйствовали слабѣе, слѣдовательно, какіе мы должны выдвинуть впередъ, чтобы достигнуть возможной полноты общественнаго развитія. Если мы, напримѣръ, замѣтимъ, что право у насъ всегда было только слугой капитала, то нашей задачей должно стать усиленное развитіе права, какъ оплота общественной правды и личной свободы, а не только какъ выраженія перевѣса матеріальныхъ силъ. Съ другой стороны, разсматривая, какія свойства обнаружили общественныя стихіи въ тѣхъ или другихъ сочетаніяхъ, мы можемъ понять, какъ нужно избѣгать ихъ вреднаго дѣйствія и какъ можно заставить ихъ дѣйствовать наиболѣе полезнымъ образомъ. Значитъ, *изученіе нашей исторіи покажетъ намъ не только недостатки нашего общественнаго развитія, но и укажетъ средства къ ихъ устраненію.* Наконецъ, собирая опыты и впечатлѣнія, пережитые нашимъ народомъ, *мы узнаемъ весь наличный историческій запасъ его общественныхъ и нравственныхъ силъ и средствъ;* а это знаніе весьма важно.

Мы живемъ въ эпоху усиленной разработки проектовъ наилучшаго устроенія общежитія. Эти проекты создаются нами самими или заимствуются изъ чужихъ

рукъ, и намъ иногда трудно бываетъ рѣшить, какіе изъ нихъ удадутся, какіе нѣтъ. Не каждый изъ насъ будетъ призванъ къ устроенію общества, не отъ каждаго по·требуется прямое дѣйствіе но, отъ каждаго потребуется то или другое отношеніе къ этому дѣлу. Изученіе того наличнаго запаса силъ и средствъ, какой накопилъ народъ, поможетъ намъ рѣшить, какія предполагаемыя формы общежитія ниже этого запаса и какія выше, не подъ силу народу. Такимъ образомъ въ важныхъ гражданскихъ отношеніяхъ, въ вопросахъ, стоящихъ на очереди, часто необходимо быть историкомъ, чтобы быть порядочнымъ гражданиномъ.

Первый періодъ.

Природа восточно-европейской равнины.

Въ географическомъ очеркѣ страны, предпосылаемомъ обзору ея исторіи, необходимо отмѣтить тѣ физическія условія, которыя имѣли наиболѣе сильное вліяніе на ходъ ея исторической жизни.

Двѣ особенности отличаютъ Европу отъ другихъ частей свѣта и отъ Азіи преимущественно: *1) разнообразіе формъ поверхности, 2) чрезвычайно извилистое очертаніе морскихъ береговъ.* Нигдѣ горные хребты, плоскогорія и равнины не смѣняютъ другъ друга такъ часто, на такихъ сравнительно незначительныхъ пространствахъ, какъ въ Европѣ. Здѣсь на 30 кв. миль материковаго пространства приходится 1 миля берега, тогда какъ въ Азіи 1 миля берега приходится на 100 кв. миль материковаго пространства. *Европейская Россія не раздѣляетъ этихъ выгодныхъ условій Европы* или, точнѣе, раздѣляетъ ихъ въ одинаковой степени съ Азіею. Море образуетъ лишь малую долю ея границъ; однообразіе— отличительная черта ея поверхности. На огромномъ протяженіи это—равнина, волнообразная плоскость въ 90,000 кв. миль, очень немного сравнительно приподнятая надъ уровнемъ моря. Даже въ Азіи, среди ея громадныхъ сплошныхъ пространствъ одинаковой формаціи, такая равнина заняла бы не послѣднее мѣсто. Въ довершеніе сходства съ Азіей, эта равнина на югѣ переходитъ въ обширную маловодную и безлѣсную степь тысячъ въ 10 кв. миль, приподнятую всего саженъ на 25 надъ уровнемъ моря. По геологическому строенію эта степь совершенно похожа на степи Азіи, а географически

она составляетъ ихъ прямое непрерывное продолженіе, соединяясь съ азіатскими степями широкими воротами между Уральскими горами и Каспійскимъ моремъ и простираясь сначала широкою, а потомъ все суживающеюся полосою по направленію къ западу, мимо морей Каспійскаго, Азовскаго и Чернаго. Это какъ бы азіатскій клинъ, вдвинутый въ европейскій материкъ и тѣсно связанный съ Азіей климатически и исторически. Этими Урало-Каспійскими воротами издавна хаживали въ Европу азіатскія кочевыя орды.

Климатъ. Отъ однообразія формы поверхности въ значительной мѣрѣ зависитъ и *климатъ* равнины. На огромномъ пространствѣ отъ линіи Вайгачскаго пролива, почти подъ 70° с. ш., до 44°, идущаго по сѣверному предгорью Кавказскаго хребта, мы ожидаемъ рѣзкихъ климатическихъ различій. По особенностямъ климата наша равнина дѣлится на 4 пояса: *арктическій* по ту сторону сѣвернаго полярнаго круга, *сѣверный* или холодный отъ $66^1/_2$° до 57° с. ш., *средній* или умѣренный, охватывающій центральную полосу равнины (57°—50°), и *южный*, теплый или степной. Но климатическія особенности этихъ поясовъ гораздо менѣе рѣзки, чѣмъ на соотвѣтствующемъ пространствѣ Зап. Европы; однообразіе формы поверхности дѣлаетъ климатическіе переходы болѣе постепенными. Въ Европейской Россіи нѣтъ значительныхъ горъ меридіанальнаго направленія, которыя производили бы рѣзкую разницу въ количествѣ влаги на ихъ западныхъ и восточныхъ склонахъ, нѣтъ здѣсь и значительныхъ горъ поперечнаго направленія, которыя производили бы значительную разницу въ количествѣ теплоты на сѣверѣ и на югѣ отъ нихъ. Моря, окаймляющія Россію съ нѣкоторыхъ краевъ, производятъ слабое дѣйствіе на климатъ внутренняго пространства страны; изъ нихъ Черное и Балтійское слишкомъ незначительны, чтобы оказывать замѣтное вліяніе на кли-

матъ такой обширной равнины, а Ледовитый океанъ съ своими глубоко-врѣзывающимися заливами на бо́льшую часть года перестаетъ быть моремъ. Указанныя особенности восточной равнины объясняются *геологическимъ ея происхожденіемъ*. Ея поверхность состоитъ изъ рыхлыхъ наносныхъ пластовъ, покрывающихъ гранитную площадь; на нихъ лежатъ холмы, которые и придаютъ равнинѣ волнообразный видъ. Эти пласты, состоящіе изъ смѣси песка и глины, лишены въ южной части равнины всякой плотности, становятся зыбучими; они имѣютъ такое однообразное строеніе, которое заставляетъ предполагать и одинаковое ихъ происхожденіе. Въ этихъ наносныхъ слояхъ находятъ стволы деревьевъ, остовы допотопныхъ животныхъ, а по степи разсѣяны раковины. Всѣ эти признаки заставили геологовъ предположить, что наша равнина, если не вся, то на большей части своего протяженія, была нѣкогда дномъ моря, отступившаго съ нея сравнительно въ позднее время. Берегами этого моря были горы Карпатскія и Уральскія, чѣмъ и объясняется присутствіе большихъ залежей каменной соли въ этихъ горахъ. Воды, покрывавшія равнину, отступили въ обширный водоемъ, называемый Каспійскимъ моремъ. Отступленіе это произошло вслѣдствіе пониженія дна этого моря. Осадки, отложившіеся при отступленіи моря, и образовали тѣ однообразно расположенные глинисто-песчаные пласты, изъ которыхъ состоитъ почва нашей равнины. Несмотря на такое однообразіе равнины, можно замѣтить нѣкоторыя мѣстныя особенности, которыя, повидимому, также тѣсно связаны съ геологическимъ происхожденіемъ страны и имѣли большое вліяніе на ея исторію.

Почва. Пространство между 55° с. ш. и линіей Общаго Сырта, раньше освободившееся отъ моря, почти совпадаетъ съ полосою наиболѣе толстаго чернозема. Этотъ черноземъ, какъ думаютъ, образовался вслѣдствіе

продолжительнаго гніенія обильной растительности, вызванной здѣсь благопріятными климатическими условіями. Между тѣмъ пространство на югъ отъ линіи Общаго Сырта, образующее степную полосу и позднѣе вышедшее изъ-подъ моря, успѣло покрыться лишь тонкимъ растительнымъ слоемъ, лежащимъ на песчаномъ солончаковомъ грунтѣ, оставшемся отъ ушедшаго моря. Ближе къ Каспійскому морю почва лишена и такого тонкаго слоя, и солончаки прямо выступаютъ наружу. Если южныя понтійскія степи еще обильны травой и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже производятъ хлѣбныя растенія, то на прикаспійской низменности встрѣчается только слабая солончаковая растительность; но даже и травянистая южная степь по тонкости растительнаго слоя не въ силахъ питать древесныхъ породъ. Въ этомъ главная причина безлѣсія степной полосы. Видъ и составъ почвы прикаспійской степи заставляетъ предполагать, что отливъ моря съ нашей равнины завершился сравнительно поздно, можетъ быть, даже въ историческую эпоху. Постепенная убыль морей Каспійскаго и Аральскаго продолжается и доселѣ. Такимъ образомъ геологическое строеніе раздѣлило нашу равнину на двѣ ботаническія полосы, *лѣсную* и *степную*, которыя имѣли сильное вліяніе на исторію нашего народа. Отливъ моря съ южной части равнины произошелъ по склону, какой она дѣлаетъ къ морямъ Черному и Каспійскому; и степной характеръ страны въ этой части усиливается въ томъ же юго-восточномъ направленіи. Чѣмъ позднѣе вышло дно моря изъ-подъ воды, тѣмъ тоньше растительный слой, которымъ оно успѣло укрыться. Его сѣверо-западный край обнажался раньше сѣверо-восточнаго, такъ что сѣверный берегъ отливавшаго моря наклонялся къ югу въ западной своей части болѣе, чѣмъ въ восточной. И степная полоса имѣетъ то же очертаніе: она наиболѣе расширена съ юга къ сѣверу, въ

восточной своей части у Урала и постепенно суживается къ западу, упираясь клиномъ въ низовья Дуная. Къ этой степной полосѣ съ сѣвера и сѣверо-запада примыкаетъ широкая полоса лѣса, образовавшагося здѣсь вслѣдствіе болѣе ранняго выхода этой полосы изъ-подъ моря и вслѣдствіе болѣе прочнаго растительнаго слоя, ее покрывшаго. Эта полоса лѣса дѣлится по характеру почвы и растительности на двѣ части: черноземъ на югѣ питаетъ *лиственный* лѣсъ; суглинокъ, который преобладаетъ въ составѣ почвы далѣе на сѣверъ, производитъ лѣсъ *хвойный*. Здѣсь равнина дѣлаетъ подъемъ въ сѣверо-западномъ направленіи. Этотъ подъемъ носитъ названіе *Алаунскаго плоскогорья*, которое далѣе къ сѣверо-западу переходитъ въ *Валдайскую возвышенность*, состоящую изъ группы холмовъ отъ 800 до 900 фут. высоты; только нѣкоторые холмы достигаютъ 1000 фут.

Рѣки. *Валдайская возвышенность* имѣетъ важное *гидрографическое значеніе* для нашей равнины: она служитъ ея гидрографическимъ узломъ. Изъ озеръ, залегающихъ между ея холмами, берутъ начало главныя рѣки: Волга, Днѣпръ, Западная Двина. Алаунское плоскогорье составляетъ центральный водораздѣлъ нашей равнины и оказываетъ сильное вліяніе на систему ея рѣкъ. Наша равнина не обдѣлена почвенной водой сравнительно съ Западной Европой; обиліе водъ въ ней зависитъ и отъ формы ея поверхности. Въ углубленіяхъ между холмами остались обширные скопы водъ, которые поддерживаются атмосферными осадками. Уралъ задерживаетъ облака, идущія со стороны Атлантическаго океана, и заставляетъ ихъ изливаться обильными дождями надъ нашей равниной. Рыхлость почвы даетъ возможность водамъ находить выходы въ разныя стороны, а равнинность страны позволяетъ рѣкамъ принимать самое разнообразное направленіе. Поэтому нигдѣ въ Европѣ мы не встрѣтимъ такой *сложной системы*

рѣкъ съ такими разносторонними развѣтвленіями и такой взаимной близостью бассейновъ: вѣтви разныхъ бассейновъ такъ близко подходятъ другъ къ другу, что какъ бы переплетаются между собою, образуя чрезвычайно сложную рѣчную сѣть, наброшенную на равнину. Эти рѣки текутъ съ невысокой Алаунской плоскости и потому имѣютъ медленное теченіе, при чемъ встрѣчаютъ рыхлый грунтъ, который легко размывается. Вотъ почему онѣ дѣлаютъ змѣевидные изгибы. Есть и еще особенность у нашихъ рѣкъ, текущихъ въ болѣе или менѣе меридіанальномъ направленіи: *правый берегъ у нихъ вообще высокъ, лѣвый низокъ.* Эта особенность оказала нѣкоторое дѣйствіе на систему внѣшней обороны страны и на размѣщеніе населенія: по высокимъ берегамъ рѣкъ возводились укрѣпленія и въ этихъ укрѣпленіяхъ или около нихъ сосредоточивалось населеніе.

Такимъ образомъ геологическимъ строеніемъ равнины обусловлены наиболѣе важныя для ея исторіи географическія особенности: во-1-хъ, ея дѣленіе на полосы съ неодинаковой растительностью и, во-2-хъ, сложность ея рѣчныхъ бассейновъ съ разнообразными направленіями и общимъ узломъ въ центрѣ равнины. Эти полосы и эти бассейны оказали сильное дѣйствіе на исторію страны и притомъ неодинаковое на различныя стороны быта ея населенія. Различіемъ въ составѣ почвы разныхъ частей равнины опредѣлились особенности народнаго хозяйства и политическаго строя, смотря по тому, на какой полосѣ, степной или лѣсной, въ данное время сосредоточивалась масса русскаго населенія. Съ другой стороны, рѣчными бассейнами направлялось размѣщеніе населенія, а этимъ опредѣлялось политическое дѣленіе страны. Служа готовыми первобытными дорогами, рѣчные бассейны разсѣивали населеніе по своимъ вѣтвямъ. Но взаимная близость этихъ бассейновъ не позволяла размѣщавшимся по нимъ частямъ

населенія обособляться другъ отъ друга, поддерживала общеніе между ними, народное единство, и помогала государственному объединенію страны. Однако, по рѣчнымъ бассейнамъ рано обозначились различныя мѣстныя группы населенія и сложились политическія области, *земли*, на которыя долго дѣлилась страна. Въ областномъ и княжескомъ дѣленіи древней Руси легко замѣтить это гидрографическое основаніе. Такъ, древняя Кіевская земля—это область средняго Днѣпра, земля Черниговская—область Десны и т. д. Наконецъ, гидрографическимъ узломъ въ центрѣ равнины намѣчено было средоточіе государства, на ней образовавшагося.

Древнѣйшія извѣстія о народахъ Восточной Европы.

Древній міръ оставилъ намъ очень немного надежныхъ извѣстій о той части нашей равнины, которая раньше другихъ пришла съ нимъ въ соприкосновеніе, т. е. о сѣверномъ прибрежьѣ Чернаго моря. Греки въ гомерическія времена пугались Понта и изъ ихъ малоазіатскихъ колоній корабли долгое время не отваживались пускаться за Босфоръ Ѳракійскій. Греки долго считали Понтъ границей обитаемой земли. Но съ теченіемъ времени открылось нѣсколько путей, которыми проникали въ Грецію свѣдѣнія о сѣверныхъ берегахъ Понта. Первый, наиболѣе ранній изъ этихъ путей, проложили греческія колоніи, которыя съ VIII вѣка до Р. Х. стали возникать по берегамъ Понта. Греческіе купцы изъ колоній приносили въ Грецію извѣстія о варварскомъ мірѣ, облегавшемъ съ сѣвера Черное море. Но извѣстія эти были сказочнаго характера и едва ли обогатили греческій міръ вѣрными свѣдѣніями. Гораздо надежнѣе былъ другой источникъ свѣдѣній: это греческіе путешественники-писатели, посѣщавшіе сѣверные берега Чернаго моря съ цѣлью изученія

ихъ. Самымъ важнымъ изъ нихъ былъ Геродотъ (V в. до Р. Х.), который посѣтилъ греческія колоніи въ устьяхъ Днѣпра и Буга и сообщилъ соотечественникамъ подробное описаніе Южной Россіи. Третьимъ путемъ ознакомленія Грековъ съ міромъ понтійскихъ варваровъ служили ихъ взаимныя столкновенія. Греки узнали объ этихъ варварахъ отъ Персовъ, возвратившихся изъ похода Дарія на Скиѳовъ (въ 513 г. до Р. Х.). Потомъ (около 340 г.) со Скиѳами воевалъ македонскій царь Филиппъ, который привелъ огромый полонъ, тысячъ въ двадцать головъ, который былъ весь обращенъ въ рабство. Подъ римскимъ владычествомъ этотъ последній путь расширился. Во время войнъ съ Митридатомъ, который хотѣлъ поднять всѣхъ понтійскихъ варваровъ противъ всемірныхъ завоевателей, Римляне обогатились новыми обильными о нихъ свѣдѣніями. Но варвары эти начали дѣлать и сами нападенія на римскія провинціи. Эти нападенія начинаются въ I в. по Р. Х. вторженіемъ *Роксаланъ* изъ-за Дуная въ Мизію (въ нынѣшнюю Сербію и Болгарію). За ними слѣдовали нападенія *Даковъ*, которые въ томъ же вѣкѣ успѣли образовать обширное государство, простиравшееся отъ нижняго Дуная до верховьевъ Вислы, и даже принудили императора Домиціана платить имъ дань. Эти нападенія еще ближе познакомили Римлянъ съ понтійскими варварами.

Такими путями проникали въ греческое и римское общество свѣдѣнія, которыя были изложены нѣкоторыми греческими и римскими писателями. Есть извѣстіе, что ученикъ Аристотеля Клеархъ написалъ сочиненіе о Скиѳіи. До насъ дошло обстоятельное описаніе Скиѳіи, сдѣланное въ IV книгѣ Геродота. За нимъ слѣдовалъ цѣлый рядъ историковъ и географовъ, которые описывали эту страну: въ I в. по Р. Х. Страбонъ, Помпоній Мела, Тацитъ; во II в. Птоломей Александрійскій. Эти

писатели проводятъ передъ нами длинный рядъ разныхъ народовъ, поочередно господствовавшихъ въ Южной Россіи. Такъ, по разсказамъ поэта Аристея, по сѣвернымъ берегамъ Понта нѣкогда обитали Киммеріяне, а на сѣверъ отъ нихъ Скиѳы. При Геродотѣ Скиѳы являются здѣсь господствующимъ населеніемъ. Послѣ, во времена римскаго владычества, географы представляютъ господствующимъ здѣсь племенемъ какихъ-то *Сарматовъ*; за ними слѣдовали или изъ нихъ выдѣлились Роксаланы, Аланы, Языги и проч. Эти этнографическія имена задали трудную работу исторической критикѣ. Ученые пытались розыскать, какого происхожденія были народы, носившіе эти имена. Безплодность этихъ попытокъ происходила отъ того, что эти имена старались пріурочить къ тѣмъ этнографическимъ группамъ, которыя сложились исторически и обособились лишь въ позднѣйшее время, — или къ германской, или къ славянской. Разумѣется, нельзя сказать, что среди этихъ племенъ не было Славянъ, но невозможно и доказать, что они были. Въ извѣстіяхъ древнихъ географовъ о народахъ, населявшихъ Южную Россію до Р. Х. и въ началѣ нашей эры, цѣнны собственно указанія на условія жизни этихъ племенъ: подъ дѣйствіе тѣхъ же условій станутъ, несомнѣнно, и наши предки, которые появятся въ болѣе позднее время. Геродотъ написалъ превосходную картину южно-русской степи и быта ея обитателей. Удивляясь обширности равнины, онъ всего болѣе поражается величиной и многочисленностью рѣкъ, орошающихъ Скиѳію. Въ населеніи Скиѳіи онъ различаетъ двѣ вѣтви, изъ коихъ одну составляли Скиѳы—пахари, а другую—пастухи или скотоводы; одни были осѣдлые земледѣльцы, другіе кочевники; пастухи господствовали надъ пахарями. Послѣдніе жили по Днѣпру и далѣе на западъ до Днѣстра, а кочевники обитали на востокъ отъ Днѣпра до Дона, за которымъ далѣе къ востоку, въ сте-

пяхъ обитали другіе кочевники, очевидно, будущіе преемники кочевыхъ Скиѳовъ. Стоитъ только зачеркнуть племенныя названія, и можно подумать, что Геродотъ излагаетъ начало нашей исторіи, повторяетъ разсказъ нашей лѣтописи. Такимъ образомъ у Геродота явственно намѣчены тѣ самые три факта, которыми открывается наша исторія: 1) важное значеніе рѣкъ нашей равнины; 2) господство кочевниковъ надъ осѣдлымъ населеніемъ, и 3) смѣна однихъ кочевниковъ другими. Такъ, Скиѳы смѣнили Киммеріянъ, самихъ Скиѳовъ смѣнили Сарматы. Родственны ли были по своему племенному происхожденію Сарматы и Скиѳы, или были совершенно различные народы, объ этомъ ничего нельзя сказать утвердительно; но и Сарматовъ смѣнили другія племена, этнографическое происхожденіе которыхъ также очень темно.

Около начала нашей эры въ припонтійскихъ степяхъ усиливаются Роксаланы и Аланы (вѣроятно, разныя названія одного и того же племени); но Готы уничтожаютъ ихъ господство. Племя *Готовъ* первоначально обитало гдѣ-то на берегахъ Балтійскаго моря. Во II или III вѣкѣ по Р. Х. на этомъ морѣ начали появляться корабли удалыхъ мореходовъ, которые по рѣкамъ нашей равнины проникали въ Черное море и громили Греческую имперію. Въ IV в. ихъ вождь Германарихъ образовалъ первое исторически извѣстное государство, основанное европейскимъ народомъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи; въ именахъ покоренныхъ имъ племенъ, перечисляемыхъ латинскимъ историкомъ Іорнандомъ (VI в.), можно разобрать позднѣйшія названія финскихъ обитателей нашей равнины: Мери, Веси и пр. Въ такой этнографической обстановкѣ являются у того же писателя и наши Славяне подъ именами *Венетовъ*, *Антовъ* и *Склавенъ*. Венеты были покорены Готами. Но прежде чѣмъ владычество Готовъ упрочилось, появились *Гунны*, разгромили Готовъ, перевалили

за Карпаты, прошли Зап. Европу и образовали новое государство. Уже къ концу V вѣка и это царство разрушилось. Спустя столѣтіе, племена, освободившіяся отъ гунскаго ига, были захвачены новымъ азіатскимъ потокомъ — *Аварами*, которые въ VI в. распространились до Карпатъ и нижняго Дуная. Въ извѣстіи объ Аварахъ или *Обрахъ*, какъ ихъ называетъ наша лѣтопись, является одно изъ восточно-славянскихъ племенъ подъ своимъ именемъ *Дулѣбовъ*. Аварское владычество продолжалось до VIII вѣка, въ концѣ котораго Авары потерпѣли пораженіе отъ Карла Великаго въ Панноніи. Въ то время какъ разрушалось аварское владычество, Восточные Славяне являются подъ игомъ новыхъ кочевниковъ *Хозаръ*. Таковъ былъ рядъ племенныхъ потоковъ, среди которыхъ выступаютъ въ предѣлахъ нашей равнины Восточные Славяне. Когда въ предѣлы ея пришли Хозары, они застали Восточныхъ Славянъ уже на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они обитали по разсказу нашей лѣтописи.

Древне-русскія лѣтописи. Начальная лѣтопись.

Обращаясь къ изученію перваго періода нашей исторіи, Днѣпровскаго, я напередъ обозначу то сочетаніе общественныхъ элементовъ, какое дѣйствовало въ этотъ періодъ. Территоріей, на которой сосредоточивалась масса русскаго населенія, была длинная полоса средняго и верхняго Днѣпра, съ ея сѣвернымъ продолженіемъ до устья Волхова. Эта страна была политически раздроблена на области, устроителями и властителями которыхъ были большіе волостные города древней Руси. Эти города были центрами экономическаго движенія, которое руководило хозяйственнымъ бытомъ тогдашней Руси, — внѣшней торговли. Всѣ остальныя явленія этого времени: явленія права, нравственно-религіозной жизни, успѣхи знанія и искусства,

были прямыми и отдаленными послѣдствіями совокупнаго дѣйствія указанныхъ двухъ силъ. Первый и самый трудный вопросъ, представляющійся при изученіи этого періода, касается того, какъ и какими условіями создано было указанное сочетаніе, когда появилось на указанной полосѣ русское населеніе и чѣмъ вызваны были къ дѣйствію обѣ указанныя силы. Рѣшеніе этого вопроса приводитъ насъ къ изученію основныхъ историческихъ источниковъ, откуда мы почерпаемъ самыя раннія извѣстія о нашей землѣ. Однимъ изъ самыхъ обильныхъ источниковъ древней нашей исторіи являются *лѣтописи*; на нихъ я и остановлю предварительно ваше вниманіе, чтобы знать, какъ относиться къ ихъ извѣстіямъ.

Лѣтописаніе было любимымъ занятіемъ нашихъ древнихъ книжниковъ, и они достигли значительныхъ успѣховъ въ этомъ дѣлѣ, выработали особые пріемы, стиль, свое особое историческое міровоззрѣніе и своеобразную оцѣнку историческихъ событій. Въ различное время и въ разныхъ мѣстахъ частныя лица записывали для себя событія, происходившія на Руси. Такъ было, приблизительно, до половины XV вѣка; съ этого времени, съ образованіемъ Московскаго государства, къ частнымъ погоднымъ записямъ присоединились лѣтописи оффиціальныя, канцелярскія. Лѣтописи вели преимущественно духовныя лица—епископы, простые монахи, священники и др.; московская оффиціальная лѣтопись велась приказными дьяками. Съ теченіемъ времени подъ руками древне-русскихъ книжниковъ накопилось много такихъ частныхъ, мѣстныхъ записей. Грамотѣи, слѣдовавшіе за первоначальными лѣтописцами, собирали эти записи, сводили ихъ воедино и прибавляли къ нимъ съ своей стороны нѣсколько новыхъ дальнѣйшихъ лѣтъ. Такъ произошли лѣтописные своды, составленные вторичными лѣтописцами изъ записей древнихъ, первичныхъ. Процессъ составленія лѣтописнаго свода на-

глядно изображенъ въ замѣткѣ составителя компилятивнаго житія кн. Владиміра Святого, которое помѣщено въ Степенной книгѣ. Здѣсь мы читаемъ: «объ немъ ходитъ много разныхъ повѣстей, но онѣ разбросаны, не собраны воедино, однѣ въ житіи его, другія въ другихъ мѣстахъ, многое въ Похвальномъ словѣ. Все это я и хочу собрать, какъ цвѣты, въ одну словесную корзину». Если хотите видѣть образчикъ лѣтописнаго свода, гдѣ наглядно вскрывается процессъ его составленія, возьмите Тверскую лѣтопись (не точно такъ называемую), составленную въ 1534 году сельскимъ священникомъ Ростовскаго края (въ XV томѣ Полн. Собр. Лѣтоп.). При составленіи свода составитель сокращалъ или дополнялъ, иногда буквально переписывалъ подлинную запись. Эти первоначальныя, подлинныя записи, веденныя въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества разными лицами, почти всѣ погибли, но уцѣлѣли составленные изъ нихъ лѣтописные своды. Своды эти также появлялись въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ. Соединяя ихъ, вы найдете почти непрерывный погодный разсказъ о событіяхъ, совершавшихся въ нашемъ отечествѣ; разсказъ не вездѣ одинаково полный и подробный, но одного духа и направленія, съ одинаковыми пріемами и взглядами на историческія событія. Начинается этотъ разсказъ почти съ половины IX вѣка и идетъ непрерывною нитью на продолженіи столѣтій до того времени, когда составитель извѣстнаго свода работалъ надъ своимъ произведеніемъ. Въ древнѣйшихъ сводахъ разсказъ этотъ прерывается въ концѣ XIII или въ началѣ XIV вѣка, въ сводахъ позднѣйшихъ онъ теряется въ концѣ XVII вѣка.

Въ такомъ передѣланномъ изложеніи дошли до насъ и древнѣйшія извѣстія, повѣствующія о томъ, что случилось въ нашей землѣ въ IX, X, XI, XII вѣкахъ. Разсказъ объ этихъ вѣкахъ, сохранившійся въ извѣст-

ныхъ лѣтописныхъ сводахъ, и принято называть «Начальною лѣтописью», или лѣтописью Нестора. Не спрашивайте, однако, у библіотекаря «Начальной лѣтописи»; онъ вамъ не дастъ ее и не пойметъ васъ. Онъ спроситъ, какой списокъ лѣтописи вамъ угодно, чего вы въ свою очередь не поймете. До сихъ поръ не найдено ни одной рукописи, гдѣ Начальная лѣтопись была бы переписана отдѣльно въ томъ видѣ, какъ она вышла изъ подъ пера лѣтописца. Во всѣхъ извѣстныхъ сводахъ она сливается съ разсказомъ продолжателей, который въ позднѣйшихъ рукописяхъ доходитъ иногда до XVII столѣтія. Если вы хотите видѣть Начальную лѣтопись въ ея наиболѣе древнемъ видѣ, то спросите лѣтопись по списку Лаврентьевскому или Ипатьевскому. Это доселѣ извѣстные древнѣйшіе списки, гдѣ является Начальная лѣтопись. *Лаврентьевскій списокъ*—самый древній изъ извѣстныхъ. Онъ написанъ въ 1377 г. «худымъ, недостойнымъ и многогрѣшнымъ рабомъ Божіимъ мнихомъ Лаврентіемъ» для суздальскаго князя Димитрія Константиновича. Въ этомъ спискѣ за Начальною лѣтописью слѣдуютъ извѣстія о южной Кіевской и сѣверной Суздальской Руси, продолжающіяся изъ года въ годъ по 1305 годъ. *Ипатьевскій списокъ* писанъ въ концѣ XIV или въ началѣ XV вѣка и найденъ въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ, отъ котораго и получилъ свое названіе. Здѣсь за Начальной лѣтописью слѣдуетъ подробный и превосходный по простотѣ, живости и драматичности разсказъ о событіяхъ южной Кіевской Руси XII вѣка, иногда со вставками о Руси Сѣверной, а съ 1201 года по 1272 г. здѣсь идетъ столь-же превосходный и часто поэтическій разсказъ Волынской лѣтописи о событіяхъ смежныхъ Галицкаго и Волынскаго княжествъ.

Разсказъ съ половины IX вѣка и по 1110 годъ включительно по этимъ двумъ спискамъ и есть древнѣйшій видъ, въ которомъ дошла до насъ Начальная

лѣтопись. При первомъ взглядѣ на нее легко замѣтить, что она не есть подлинное сказаніе древняго кіевскаго монаха-лѣтописца; это можно замѣтить по двумъ признакамъ: 1) въ этой Начальной лѣтописи мы встрѣчаемъ отдѣльныя извѣстія, даже цѣлыя статьи, повѣсти, написанныя не кіевскимъ лѣтописцемъ и вставленныя позднѣе; 2) въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ мы находимъ извѣстія о древнихъ, чисто кіевскихъ, событіяхъ, очевидно заимствованныя изъ начальной Кіевской лѣтописи, но опущенныя въ извѣстныхъ намъ древнѣйшихъ ея спискахъ.

Слѣды лѣтописнаго дѣла, вообще, появляются у насъ съ XI вѣка. Мы встрѣчаемъ рядъ прямыхъ или косвенныхъ указаній на это. Въ Новгородѣ уже съ первой половины XI вѣка велась мѣстная лѣтопись; въ позднѣйшихъ новгородскихъ лѣтописныхъ сводахъ мы встрѣчаемъ извѣстіе о смерти перваго новгородскаго епископа Іоакима въ 1030 году, сопровождаемое замѣчаніемъ: «бяше ученикъ его (и преемникъ) Ефремъ, иже ны учаше». Вставки изъ этой начальной Новгородской лѣтописи мы находимъ уже въ Кіевской начальной лѣтописи, напримѣръ, разсказъ о походѣ Ярослава изъ Новгорода на Святополка подъ 1015 годомъ изложенъ, очевидно, по Новгородской лѣтописи, а разсказъ о боѣ между ними подъ 1016 г., очевидно, по лѣтописи Кіевской. Далѣе, разсказъ объ ослѣпленіи теребовльскаго князя Василька княземъ Давидомъ Игоревичемъ подъ 1097 г. написанъ нѣкіимъ священникомъ Василіемъ, который плохо зналъ кіевскій край, но бывалъ во Владимірѣ на Волыни; онъ является даже дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ событіи, будучи посредникомъ въ переговорахъ между обоими князьями. Былъ ли это лѣтописецъ волынскій или только авторъ отдѣльной повѣсти объ ослѣпленіи Василька, сказать трудно. Онъ писалъ еще до смерти Василька (1124 г.), потому что, говоря о

порѣзѣ лица, нанесенномъ Васильку при его ослѣпленіи, замѣчаетъ: «есть рана та на Василькѣ и нынѣ». Такъ встрѣчаемъ слѣды повѣствователей новгородскаго и волынскаго въ XI и началѣ XII вѣка. До половины XI вѣка въ читаемой нами Начальной лѣтописи нѣтъ указаній на ея составителя, но съ половины XI вѣка въ ней появляются такія указанія. Такъ, разсказывая подъ 1051 годомъ объ основаніи Печерскаго монастыря въ Кіевѣ, лѣтописецъ замѣчаетъ: «Ѳеодосьеви же живущю въ монастыри и правящю добродѣтельное житіе и чернечьское правило, и пріимающю всякого приходящаго къ нему, къ нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и пріятъ мя лѣтъ ми сущю 17 отъ рожденія моего». Итакъ, до 1074 года (когда умеръ Ѳеодосій) лѣтописецъ семнадцатилѣтнимъ юношей принятъ былъ въ Печерскій монастырь. Подъ 1064 г., разсказывая о ребенкѣ уродѣ, вытащенномъ рыбаками изъ рѣчки Сѣтомли, лѣтописецъ говоритъ: «его же позоровахомъ до вечера». Былъ ли онъ уже инокомъ Печерскаго монастыря или бѣгалъ мальчикомъ смотрѣть на диковину, сказать трудно. При открытіи мощей Ѳеодосія (1091 г.), лѣтописецъ изображаетъ себя главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Онъ живетъ еще въ Печерскомъ монастырѣ и въ 1096 году. Повѣствуя о нападеніи Половцевъ въ этомъ году на Печерскій монастырь, онъ замѣчаетъ: «и придоша въ монастырь Печерьскый, намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ». Лѣтописецъ былъ еще живъ въ 1106 г. Въ этомъ году скончался, пишетъ онъ, старецъ добрый Янъ, жившій 90 лѣтъ, въ старости маститой; жилъ онъ по закону Божію не хуже первыхъ праведниковъ, «отъ него же и азъ много словеса слышахъ, еще и вписахъ въ лѣтописаніи семъ».

Итакъ, съ половины XI столѣтія событія южной Кіевской Руси въ Начальной лѣтописи описываются

ихъ современникомъ. Это отражается и на самомъ характерѣ лѣтописнаго разсказа. Повѣствованіе становится все болѣе подробно, и подробности эти теряютъ легендарный характеръ, какой они носили въ разсказѣ о предыдущихъ событіяхъ. При нѣкоторыхъ событіяхъ отмѣчаются мѣсяцы и даже числа, когда они случались, чего не замѣчается прежде.

По отмѣткамъ, встрѣчающимся въ самой лѣтописи, мы видимъ, что составитель ея, т. е. начальный кіевскій лѣтописецъ, былъ жителемъ Кіевской земли, можетъ быть даже самаго города Кіева. Въ 1064 году онъ смотрѣлъ на урода, 17 лѣтъ постригся въ печерскіе монахи, въ 1091 г. онъ открылъ мощи Θеодосія и былъ живъ еще въ началѣ XII вѣка. Можно думать, что лѣтописецъ родился приблизительно въ самомъ концѣ первой половины XI столѣтія.

Таковы слѣды лѣтописца, который писалъ въ XI и началѣ XII столѣтія, слѣды, сохранившіеся въ Начальной лѣтописи. Лѣтопись эта есть сводъ, составившійся изъ древнѣйшихъ подлинныхъ лѣтописей Новгородской, Кіевской и, можетъ быть, Волынской.

Сверхъ того въ нее внесены и другія статьи, напр., подъ 1096 годомъ встрѣчается вставленное извѣстное поученіе Мономаха къ своимъ дѣтямъ и его же письмо къ князю Олегу Святославичу, написанное въ 1098 г. Такія вставки, не на мѣстѣ и не кстати, также служатъ косвеннымъ указаніемъ, что Начальная лѣтопись не есть подлинное произведеніе древняго кіевскаго лѣтописца.

Кто же былъ начальнымъ кіевскимъ лѣтописателемъ? Уже въ началѣ XIII-го вѣка въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ ходило преданіе, что этимъ лѣтописателемъ былъ монахъ того-же монастыря Несторъ. Объ этомъ Несторѣ «иже написа лѣтописецъ» упоминаетъ въ сво-

емъ посланіи монахъ того-же монастыря Поликарпъ, писавшій въ началѣ XIII-го столѣтія. Несторъ извѣстенъ въ нашей древней письменности какъ авторъ двухъ житій: преподобнаго Θеодосія и св. князей Бориса и Глѣба. Сличая эти памятники съ извѣстной намъ Начальной лѣтописью, нашли непримиримыя противорѣчія. Напр., въ лѣтописи авторъ ея говоритъ, что его принялъ въ монастырь преподобный Θеодосій, а въ житіи Θеодосія біографъ замѣчаетъ, что онъ былъ принятъ въ монастырь уже преемникомъ Θеодосія— игуменомъ Стефаномъ. Впрочемъ, всѣ противорѣчія между лѣтописью и названными памятниками находятся въ двухъ мѣстахъ лѣтописи, именно въ сказаніи объ основаніи Кіево-Печерскаго монастыря, подъ годомъ 1051, и въ сказаніи о преподобномъ Θеодосіи, подъ годомъ 1074. Можетъ быть, эти извѣстія суть особыя статьи, вставленныя въ лѣтопись составителемъ ея, но не принадлежащія Нестору, а заимствованныя у какого-либо другого писателя. Какъ бы то ни было, вслѣдствіе этихъ противорѣчій у насъ относятся съ большимъ сомнѣніемъ къ кіево-печерскому преданію о Несторѣ, какъ о лѣтописцѣ; тѣмъ болѣе, что въ Начальной лѣтописи, вслѣдъ за разсказомъ о послѣднихъ событіяхъ 1110 года, слѣдуетъ такая неожиданная приписка: «Игуменъ Селивестръ святаго Михаила (Выдубицкаго монастыря) написахъ книгы си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у святаго Михаила, въ лѣто 6624». Сомнѣваясь въ принадлежности древней Кіевской лѣтописи Нестору, нѣкоторые останавливаются на этой припискѣ, какъ доказательствѣ, что начальнымъ кіевскимъ лѣтописателемъ былъ игуменъ Выдубицкаго монастыря въ Кіевѣ Сильвестръ, прежде жившій ино-

комъ въ Печерскомъ монастырѣ. Но и это предположеніе сомнительно. Если Начальная лѣтопись оканчивается 1110-мъ годомъ, а Сильвестръ сдѣлалъ приписку въ 1116-мъ году, то почему онъ пропустилъ промежуточные годы, не записавши совершившихся въ нихъ событій; иначе говоря, почему онъ поставилъ свою приписку не послѣ 1116-го, а послѣ 1110 года? Съ другой стороны, въ XIV и XV-мъ вѣкѣ въ нашей письменности отличали начальнаго кіевскаго лѣтописателя отъ Сильвестра, какъ его продолжателя. Въ одномъ изъ позднихъ сводовъ, Никоновскомъ, послѣ разсказа о несчастномъ для русскихъ нашествіи Эдигея въ 1408 году, современникъ-лѣтописецъ дѣлаетъ такое замѣчаніе (я передаю его близкой парафразой): «я написалъ это не въ досаду кому-нибудь, а по примѣру начальнаго лѣтословца кіевскаго, который, не обинуясь, разсказываетъ «вся временна бытства земская», да и наши первые властодержцы безъ гнѣва позволяли описывать все доброе и недоброе, случившееся на Руси, какъ при Владимірѣ Мономахѣ, не украшая, описывалъ оный великій Селивестръ Выдубицкій». Итакъ Сильвестръ не считался въ началѣ XV-го вѣка начальнымъ лѣтословцемъ кіевскимъ.

Разбирая составъ Начальной лѣтописи, мы, кажется, можемъ угадать отношеніе къ ней этого Сильвестра. Лѣтопись—это есть сборникъ очень разнообразнаго историческаго матерьяла, нѣчто въ родѣ исторической хрестоматіи. Въ ней соединены и отдѣльныя краткія извѣстія, и пространныя повѣсти объ отдѣльныхъ событіяхъ, заимствованныя изъ разныхъ источниковъ, и историческіе документы, напр., договоры съ Греками и посланіе Мономаха къ Олегу Черниговскому и, наконецъ, особыя цѣльныя повѣствованія. Въ составъ лѣтописи вошли три такихъ повѣствованія.

Во-первыхъ (считая съ конца) въ основаніе свода легла начальная лѣтопись Кіевская. Ее писалъ съ конца XI-го вѣка монахъ Печерскаго монастыря, прервавшій свой разсказъ на 1110-мъ году. Но съ какого времени началъ онъ свой разсказъ? Повидимому, изложенію событій, которыхъ онъ былъ современникомъ, лѣтописецъ предпослалъ разсказъ о событіяхъ прежняго времени. Мы видимъ, что онъ былъ кіевлянинъ и родился около половины XI-го вѣка. Между тѣмъ ему принадлежитъ разсказъ о событіяхъ 1044 года. Говоря о Всеславѣ Полоцкомъ, лѣтописецъ упоминаетъ о повязкѣ, которой этотъ князь прикрывалъ язву на своей головѣ. Объ этой повязкѣ лѣтописецъ замѣчаетъ «еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ», а онъ умеръ въ 1101 году; значитъ, разсказъ начальной Кіевской лѣтописи начинается событіями, предшествовавшими тому времени, когда могъ начать свой трудъ лѣтописецъ.

Подвигаясь далѣе, мы встрѣчаемъ длинное сказаніе о крещеніи Руси при Владимірѣ. Оно разбито на три года: 986, 987, 988. Но это не лѣтописный разсказъ, онъ безъ лѣтописныхъ пріемовъ, съ полемической тенденціей, съ желаніемъ обличить всѣ вѣры, кромѣ православной. Эта повѣсть, очевидно, не принадлежитъ лѣтописцу, а вставлена въ сводъ его составителемъ. Въ ней уцѣлѣли слѣды времени, когда она была составлена. Когда къ Владиміру пришли Евреи съ предложеніемъ своей вѣры, князь спросилъ ихъ: «гдѣ земля ваша?» Миссіонеры отвѣчали: «въ Іерусалимѣ».—«Полно, тамъ-ли?» спросилъ ихъ князь; тогда миссіонеры сказали: «разгнѣвался Богъ на отцевъ нашихъ и расточилъ насъ по странамъ грѣховъ ради нашихъ, и предана была земля наша христіанамъ». Если бы авторъ разумѣлъ первыхъ, кто покорилъ землю Евреевъ, онъ долженъ былъ бы

назвать язычниковъ Римлянъ; если бы онъ разумѣлъ властителей Іерусалима, современныхъ Владиміру, то онъ долженъ былъ бы назвать магометанъ; если же онъ говоритъ о христіанахъ, ясно, что онъ писалъ послѣ завоеванія Іерусалима крестоносцами, т. е. въ началѣ XII-го столѣтія.

Наконецъ, читая первые листы лѣтописнаго свода, мы замѣчаемъ, что это тоже связная и цѣльная повѣсть, лишенная лѣтописныхъ пріемовъ. Эта повѣсть разсказываетъ о раздѣленіи земли послѣ потопа между сыновьями Ноя, о происхожденіи разныхъ народовъ отъ этихъ сыновей, о разселеніи этихъ народовъ послѣ столпотворенія, о появленіи Славянъ на Дунаѣ и разселеніи ихъ оттуда, о Славянахъ Восточныхъ, пришедшихъ на Днѣпръ и размѣстившихся по Руси, о нашествіи разныхъ народовъ на Славянъ, о нашествіи Хозаръ на Славянъ Восточныхъ, о дани, которую они платили Варягамъ и Хозарамъ, объ изгнаніи первыхъ, о призваніи Рюрика изъ-за моря и объ утвержденіи Олега въ Кіевѣ. Повѣсть составлена по образцу византійскихъ хронографовъ, обыкновенно начинающихъ свой разсказъ со времени послѣ потопа. Одинъ изъ этихъ хронографовъ Георгія Амартола (IX вѣка съ продолженіемъ до половины X) былъ давно извѣстенъ въ славянскомъ, болгарскомъ переводѣ. Его даже прямо называетъ повѣсть, какъ одинъ изъ своихъ источниковъ, но вмѣстѣ съ выдержками изъ Георгія она передаетъ рядъ преданій о Восточныхъ Славянахъ, преданій, въ которыхъ, несмотря на прозаическое изложеніе, уцѣлѣли еще черты исторической народной пѣсни, напр., преданіе о нашествіи Аваровъ на Славянъ—Дулѣбовъ.

Вначалѣ повѣсть представляетъ сплошной разсказъ безъ хронологическихъ помѣтокъ. Хронологическія указа-

нія являются только съ 852 года, но не потому, что повѣсть имѣетъ что-нибудь сказать о Славянахъ подъ этимъ годомъ: она не помнитъ ни одного событія, касавшагося Славянъ въ этомъ году; но этотъ годъ она считаетъ началомъ царствованія императора Михаила III-го, а при этомъ византійскомъ императорѣ впервые стало извѣстно имя Руси, ибо Русь нападала на Царьградъ, о чемъ авторъ повѣсти узналъ изъ греческой лѣтописи. Самое нашествіе Руси на Царьградъ случилось не въ 852 году, а отнесено имъ къ 866-му году. Далѣе, первое русское извѣстіе, помѣченное годомъ, таково, что не можетъ быть отнесено ни къ какому опредѣленному году; именно, подъ 859 годомъ повѣсть разсказываетъ о томъ, что Варяги брали дань съ сѣверныхъ племенъ, а Хозары съ южныхъ; происхожденія же или начала дани не помнитъ повѣсть. Подъ 862 годомъ идетъ рядъ извѣстій объ изгнаніи Варяговъ и о призваніи Рюрика съ братьями. Но этотъ годъ поставленъ не на мѣстѣ, неловко: здѣсь читаемъ мы о смерти братьевъ Рюрика, которые умерли два года спустя послѣ его прихода. Значитъ, этотъ годъ покрываетъ событія нѣсколькихъ лѣтъ. Слѣдуя далѣе, находимъ хронологическую помѣтку совершенно безсмысленную, разрывающую грамматическую связь рѣчи. Если вы возьмете книгу «Начальной лѣтописи» и станете слѣдить за изложеніемъ, то эта безсмысленность представится вамъ очевидной: подъ 862 годомъ мы читаемъ: «Рюрику же княжащу въ Новѣгородѣ, въ лѣто 6371, въ лѣто 6372, въ лѣто 6373, въ лѣто 6374 иде Асколдъ и Диръ на Греки»,—т. е. вставка года оторвала главное предложеніе отъ придаточнаго. Итакъ очевидно, что хронологическія помѣтки, встрѣчающіяся въ повѣсти при событіяхъ IX вѣка, принадлежатъ не автору разсказа, а внесены стороннею рукой.

Вчитываясь въ повѣсть, находимъ указаніе на время, когда она была составлена. Разсказывая о нашествіи Хозаръ на Славянъ-Полянъ, кіевскій лѣтописецъ замѣчаетъ въ концѣ: «володѣють Козары Русьскіе и до днѣшняго дне». Такъ не могъ сказать кіевскій лѣтописецъ XII вѣка: тогда землею Хозаръ владѣли Половцы. Въ 965 г. Святославъ разрушилъ Хозарское царство; скоро, впрочемъ, страною Хозаръ завладѣли Печенѣги. Въ 1036 году Ярославъ на голову разбилъ Печенѣговъ, такъ что остатки ихъ убѣжали и пропали безъ вѣсти. Въ 1061 г. Половцы одержали первую побѣду надъ Русью и съ тѣхъ поръ завладѣли страною Хозаръ. Итакъ, очень вѣроятно, что составитель разсказа о первыхъ событіяхъ на Руси писалъ уже послѣ 1036 года. Разсказывая о томъ, какъ Олегъ утвердился въ Кіевѣ и началъ устанавливать дань по всей землѣ, повѣсть прибавляетъ, что тогда и Новгороду было указано платить дань Варягамъ по 300 гривенъ въ годъ, «еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ». Такъ читаемъ по Лаврентьевскому списку; но въ одномъ позднѣйшемъ сводѣ, Никоновскомъ, мы встрѣчаемъ это извѣстіе въ другомъ изложеніи: Олегъ установилъ Новгороду давать дань Варягамъ, «еже и нынѣ дають». Можно думать, что это есть первоначальная, подлинная форма этого извѣстія; значитъ, разсказъ о первыхъ событіяхъ на Руси составленъ не позже смерти Ярослава (1054 г.). Въ томъ же разсказѣ есть указаніе на то, какимъ событіемъ онъ прерывается. Пересчитывая народы, нападавшіе на Славянъ, повѣствователь говоритъ, что послѣ страшныхъ Обровъ, такъ мучившихъ Дулѣбовъ, пришли Печенѣги, а потомъ уже прошли мимо Кіева при Олегѣ Угры въ 898 году. Итакъ Печенѣги предшествовали Венграмъ, но въ сводѣ мы читаемъ, что послѣ Венгровъ, прошедшихъ мимо Кіева въ 898 году, въ 915

году пришли Печенѣги впервые на Русскую землю. Итакъ, составитель свода имѣлъ нѣсколько иныя историческія представленія, чѣмъ авторъ Повѣсти о первыхъ событіяхъ на Руси; событія 915 г. и слѣдующихъ лѣтъ описалъ не повѣствователь о событіяхъ IX вѣка. Эта Повѣсть носитъ въ сводѣ такое заглавіе: «Се повѣсти времянныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Руская земля, кто въ Кыевѣ нача первѣе княжити и откуду Руская земля стала есть». Итакъ, авторъ обѣщаетъ разсказать, какъ началась Русская земля. Разсказывая объ утвержденіи Олега въ Кіевѣ въ 882 г., повѣствователь замѣчаетъ «бѣша у него Варязи и Словѣни, и прочи, прозвашася Русью». Вотъ и начало Руси — исполненіе обѣщанія, даннаго повѣствователемъ. Итакъ, «Повѣсть времянныхъ лѣтъ» есть заглавіе, относящееся не къ цѣлому своду, а къ разсказу, составляющему начало свода, оканчивающагося утвержденіемъ Олега въ Кіевѣ въ 882 году. Эта повѣсть составлена не позже смерти Ярослава.

Таковы три главныхъ составныхъ части лѣтописнаго свода, но между ними остается обширный хронологическій промежутокъ. Этотъ промежутокъ наполненъ въ сводѣ извѣстіями, заимствованными изъ разныхъ источниковъ; здѣсь встрѣчаются разсказы, взятые, очевидно, изъ византійскихъ хронографовъ, и рядомъ съ ними сказанія, источникомъ которыхъ были кіевскія преданія; напримѣръ, разсказъ о первомъ походѣ Игоря на Грековъ въ 941 году заимствованъ съ нѣкоторыми измѣненіями изъ хронографа Георгія Амартола, а разсказъ о второмъ походѣ 944 года, отличающійся поэтическими чертами, заимствованъ изъ кіевской народной саги. Эта народная сага, какъ источникъ лѣтописныхъ извѣстій, проходитъ въ лѣтописи по всему X-му вѣку, и слѣды ея замѣтны даже въ

началѣ XI-го вѣка въ разсказѣ о борьбѣ Владиміра съ Печенѣгами. Въ лѣтописномъ разсказѣ чувствуются остатки цѣлаго поэтическаго цикла, уже сложившагося въ Кіевской Руси къ половинѣ XI-го вѣка и повѣствующаго о борьбѣ Руси со степью. Кто наполнилъ эти промежутки, черпая то изъ византійскаго хронографа, то изъ народнаго кіевскаго эпоса? На этотъ вопросъ нельзя найти отвѣта; можетъ быть—событія десятаго вѣка описаны и начальнымъ кіевскимъ лѣтописателемъ, можетъ быть—они вставлены послѣ него составителемъ свода. Можно только замѣтить, что хронологическій распорядокъ событій X-го вѣка (можетъ быть до княженія Ярослава) въ сводѣ принадлежитъ не лѣтописателю, а составителю его. Весь сводъ построенъ на одномъ хронологическомъ планѣ. Этотъ планъ составленъ частью при помощи византійскаго хронографа. Сводъ ведетъ лѣтосчисленіе съ потопа, указывая, сколько лѣтъ прошло съ потопа до Авраама и т. д. Начало русской хронологіи, какъ мы видѣли, сводъ пріурочиваетъ къ первому году царствованія того императора, при которомъ стало Грекамъ извѣстно впервые имя Руси, т. е. Михаила. Сказавши, что при этомъ императорѣ впервые стало извѣстно имя Руси, сводъ продолжаетъ: «тѣмъ же отселѣ почнемъ и числа положимъ». Далѣе сводъ высчитываетъ различные хронологическіе періоды, доходитъ до Олега, когда онъ утвердился въ Кіевѣ, «отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Олгова, Рускаго князя, лѣтъ 29, а отъ перваго лѣта Олгова, понеже сѣде въ Кыевѣ, до перваго лѣта Игорева лѣтъ 31» и т. д. Предѣломъ этого счета служитъ смерть великаго князя Святополка (1113 г.): отъ смерти Ярослава до смерти Святополка — 60 лѣтъ. Значитъ, хронологическій расчетъ сдѣланъ рукою писавшаго въ княженіе Святополкова преемника Владиміра Мономаха, т. е. между

1113—1125 годомъ. На это именно время и падаетъ игуменство Сильвестра; его и считаю я составителемъ свода. Онъ, соединяя различные источники, нашелъ рядъ сказаній до X-го вѣка, но безъ хронологическихъ помѣтокъ и, при помощи византійскихъ хронографовъ, расположилъ эти событія по своему соображенію по годамъ. Точныя хронологическія помѣтки начинаются только съ того времени, когда начала писаться Начальная лѣтопись, т. е. въ XI-мъ вѣкѣ. Хронологическія помѣтки IX и X вѣка имѣютъ только приблизительную вѣрность; онѣ всѣ искусственны.

Повторяю теперь главные выводы, къ которымъ мы пришли, разбирая Начальную лѣтопись, точнѣе говоря, начальный лѣтописный сводъ. Онъ состоитъ изъ трехъ главныхъ и разновременныхъ частей: 1) изъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» или, какъ мы станемъ ее называть, изъ «Повѣсти о началѣ Русской земли», составленной въ первой половинѣ XI-го вѣка, не позже смерти Ярослава въ 1054 году; 2) изъ особаго сказанія о крещеніи Руси, составленнаго въ самомъ началѣ XII вѣка, и 3) изъ Кіевской лѣтописи, веденной съ конца X-го вѣка и до 1110-го года. Промежутки между этими главными частями заполнены неизвѣстною рукою при помощи, частью, византійскаго хронографа, а главнымъ образомъ, историческихъ преданій Руси XI-го вѣка. Теперь мы получаемъ нѣкоторую опору при оцѣнкѣ достовѣрности древнѣйшихъ извѣстій о нашей землѣ. При разборѣ ихъ мы не должны забывать, что основаніемъ служили имъ извѣстія, которыя записаны были безъ малаго 200 лѣтъ спустя послѣ того времени, къ которому относится появленіе Рюрика съ братьями въ Новгородѣ.

Для болѣе подробнаго изученія нашихъ древнихъ лѣтописей совѣтую ознакомиться съ изслѣдованіемъ Бестужева-Рюмина «О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV

вѣка», напечатаннымъ въ IV выпускѣ «Лѣтописи занятій Археографической Коммисіи» и отдѣльно. Тамъ вы найдете и сводъ мнѣній о происхожденіи и составѣ лѣтописи, хотя эти мнѣнія не во всемъ согласны съ изложенными мною.

Славяне на Карпатахъ.

Теперь обратимся къ изученію тѣхъ обстоятельствъ, которыми созданъ былъ складъ общества, установившійся въ первый періодъ нашей исторіи. Въ современной исторической литературѣ господствуютъ два главные взгляда на начало нашей исторіи. Одинъ изъ этихъ взглядовъ изложенъ въ сочиненіи знаменитаго академика прошлаго столѣтія, нѣмца Шлецера, о Несторѣ (Nestor, Russische Annalen), на нѣмецкомъ языкѣ, въ 5 томахъ, вышедшихъ въ 1805—1809 гг. Вотъ основныя черты этого взгляда. До прихода Варяговъ, на обширномъ пространствѣ нашей равнины, отъ Новгорода и до Кіева, направо и налѣво, все было дико и пусто. Въ эту пустыню, заселенную разбросанными, немногочисленными родами Славянъ, начатки гражданственности принесены были впервые около половины IX .вѣка заморскими Варягами изъ Скандинавіи. Значитъ, наша исторія начинается около половины IX вѣка устроеніемъ гражданственности, выходомъ изъ дикаго состоянія. Картина нравовъ Восточныхъ Славянъ, какъ ее нарисовала древняя «Повѣсть о началѣ Русской земли», повидимому, подтверждаетъ этотъ взглядъ: за исключеніемъ Полянъ, всѣ остальныя племена Восточныхъ Славянъ, по этому изображенію, жили «звѣринскимъ образомъ, скотски», въ лѣсахъ, какъ звѣри, убивали другъ друга, ѣли все нечистое, жили отдѣльными родами: «живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ». Значитъ,

мы должны начинать нашу исторію изображеніемъ самыхъ первичныхъ процессовъ, какими начиналось человѣческое общежитіе.

Другой взглядъ сталъ распространяться въ нашей литературѣ въ нынѣшнемъ столѣтіи. Онъ составляетъ полную противоположность изложенному. Наиболѣе полное выраженіе его вы можете найти въ различныхъ сочиненіяхъ покойнаго Бѣляева и у Забѣлина въ его «Исторіи русской жизни съ древнѣйшихъ временъ». Согласно этому взгляду, Восточные Славяне искони обитали тамъ, гдѣ застаетъ ихъ наша лѣтопись, и появились здѣсь, можетъ быть, еще задолго до Р. Х. Ученые этого направленія показываютъ, въ результатѣ какихъ долгихъ и сложныхъ процессовъ, неизвѣстно къ какимъ вѣкамъ относящихся, изъ первобытныхъ мелкихъ родовыхъ союзовъ Славянъ выросли цѣлыя племена; какъ среди этихъ племенъ возникли города, а изъ среды этихъ городовъ поднялись главные города, составившіе съ младшими, или пригородами, племенные политическіе союзы Полянъ, Сѣверянъ и проч., и, наконецъ, какъ главные города различныхъ племенъ уже начали соединяться въ одинъ общерусскій союзъ. Слѣдуя этому взгляду, мы должны начинать нашу исторію задолго до Р. Х., за много вѣковъ до призванія князей, ибо уже до ихъ прихода Восточные Славяне выработали сложныя общественныя отношенія, пріобрѣли развитыя политическія формы.

Войдемъ въ разборъ уцѣлѣвшихъ древнѣйшихъ извѣстій о нашихъ Славянахъ и тогда получимъ возможность оцѣнить оба изложенные взгляда.

Древній повѣствователь о началѣ Русской земли помнитъ, что Славяне разселились съ Дуная, гдѣ они поселились когда-то, послѣ столпотворенія. Изъ этой придунайской страны, которую составитель повѣсти зналъ подъ именемъ земли Угорской и Болгарской,

пришли и тѣ племена, которыя разселились по Днѣпру, его притокамъ и далѣе къ сѣверу. Повѣсть не помнитъ еще ясно, чтобы Восточные Славяне гдѣ-нибудь останавливались на пути съ Дуная. Но византійскіе писатели VI и начала VII вѣка разсказываютъ намъ о Славянахъ, имя которыхъ появляется въ ихъ извѣстіяхъ съ конца V вѣка. Эти писатели раздѣляютъ всѣхъ Славянъ на двѣ главныя вѣтви: на Антовъ, жившихъ по Черноморскому прибрежью, отъ нижняго Дуная до нижняго Днѣпра, и на Славянъ собственно, которые жили къ сѣверу отъ Дуная до верхней Вислы и къ востоку до Днѣстра. Такъ опредѣляетъ границы разселенія Славянъ писатель VI в., хорошо, повидимому, знакомый съ этими племенами, самъ варваръ, родомъ изъ Нижней Мизіи, Іорнандъ. Значитъ, Славяне занимали собственно Карпатскій край.

Карпаты, дѣйствительно, были общеславянскимъ гнѣздомъ, изъ котораго впослѣдствіи Славяне разошлись въ разныя стороны. Эти Прикарпатскіе Славяне въ продолженіе всего VI вѣка громили имперію, переходя за Дунай; слѣдствіемъ этихъ постоянныхъ вторженій и было постепенное заселеніе Балканскаго полуострова Славянами. Итакъ, прежде чѣмъ Славяне съ Дуная попали на Днѣпръ, они долго оставались на Карпатскихъ склонахъ. Здѣсь была промежуточная стоянка Восточныхъ Славянъ. Есть два указанія на эту стоянку, предшествовавшую заселенію Днѣпровья. Наша лѣтопись не помнитъ о Карпатахъ, но она разсказываетъ, что Славяне съ Дуная разселились въ разныя стороны и назвались по именамъ мѣстъ, гдѣ поселились. Одни поселились на рѣкѣ Моравѣ и назвались *Моравами*, другіе *Чехами*. Это Западные Славяне. Восточную вѣтвь составляли *Хорваты Бѣлые*, *Сербы*, *Хорутане*; эти племена и заселили Днѣпровье, по разсказу нашей

«Повѣсти». Когда Волхи (по изслѣдованію нѣкоторыхъ писателей,—Римляне) напали на Славянъ Дунайскихъ и начали ихъ угнетать, эти Восточные Славяне пришли на Днѣпръ и стали называться одни Полянами, а другіе прозвались Древлянами, потому что поселились въ лѣсахъ, и т. д. Итакъ, «Повѣсть» чуть помнитъ, что Днѣпровскіе Славяне пошли отъ Хорватовъ Бѣлыхъ и Сербовъ, а мѣстопребываніемъ этихъ племенъ, гдѣ ихъ знаютъ потомъ византійскіе писатели, были сѣверо-восточные склоны Карпатъ, т. е. нынѣшняя Галиція съ областью верхней Вислы. Хорватовъ знаетъ здѣсь и наша Начальная лѣтопись еще въ X вѣкѣ при Владимірѣ Святомъ. Не помня о карпатской стоянкѣ, «Повѣсть» однако помнитъ племена, отъ которыхъ пошли Восточные Славяне, поселившіеся на Днѣпрѣ и далѣе на сѣверъ.

Продолжительные вооруженные натиски Прикарпатскихъ Славянъ на имперію должны были вызвать среди нихъ какіе нибудь военные союзы. Мы находимъ любопытные слѣды такого союза, въ составъ котораго входили именно Восточные Славяне. «Повѣсть о началѣ Русской земли» составлена въ Кіевѣ; авторъ ея, слѣдовательно, долженъ былъ лучше всего знать про своихъ кіевскихъ Полянъ. Онъ передаетъ рядъ вражескихъ нашествій, испытаннныхъ Славянами, говоритъ о *Болгарахъ, Обрахъ, Települőграхъ, Хозарахъ.* Но онъ до Хозаръ не помнитъ о судьбѣ своихъ Полянъ. Народные потоки, часто дававшіе больно чувствовать себя Славянамъ, какъ будто ничѣмъ не задѣли восточное славянское племя, ближе всего къ нимъ стоявшее, Полянъ. Эта «Повѣсть» помнитъ только объ одномъ восточномъ славянскомъ племени, но такомъ, которое въ XI вѣкѣ не играло замѣтной роли въ нашей исторіи. «Си же Обрѣ воеваху на Словѣнѣхъ и примучиша Дулѣбы,

сущая Словѣны, и насилье творяху женамъ Дулѣбьскимъ: аще поѣхати будяше Обрину, не дадяше въпрячи коня ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ въ телѣгу и повезти Обърѣна; тако мучаху Дулѣбы. Быша бо Обрѣ тѣломъ велици и умомъ горди, и Богъ потреби я, помроша вси, и не остася ни единъ Объринъ; есть притъча въ Руси и до сего дне: погибоша аки Обрѣ, ихъ же нѣсть племени, ни наслѣдъка». Очевидно, благодаря этой пословицѣ, въ «Повѣсти» и уцѣлѣло преданіе объ Обрахъ. Но гдѣ были въ это время Поляне, и почему одни Дулѣбы страдали отъ Обровъ? Неожиданно съ другой стороны идетъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ 40-хъ годахъ X вѣка, лѣтъ за сто до составленія «Повѣсти о началѣ Русской земли», писалъ о Восточныхъ Славянахъ арабъ Масуди въ своемъ географическомъ сочиненіи «Золотые луга». Здѣсь онъ разсказываетъ, описывая восточныя славянскія племена, что нѣкогда одно изъ нихъ, коренное между ними, господствовало надъ прочими, имѣло верховную власть надъ ними; но потомъ пошли между ними раздоры, союзъ ихъ разрушился, они раздѣлились на отдѣльныя колѣна, и каждое племя выбрало себѣ отдѣльнаго царя. Это господствовавшее нѣкогда племя Масуди называетъ Walinana, Волыняне, а изъ лѣтописи мы знаемъ, что эти Волыняне—тѣ же Дулѣбы и что жили они по Западному Бугу.

Понятно, почему кіевское преданіе запомнило однихъ Дулѣбовъ во время аварскаго нашествія. Тогда Дулѣбы господствовали надъ всѣми Восточными Славянами и покрывали ихъ своимъ именемъ, какъ впослѣдствіи всѣ Восточные Славяне звались Русью—именемъ, которое принадлежало собственно Кіевскимъ Славянамъ. Во время аварскаго нашествія еще не было ни Полянъ, ни самаго Кіева, и масса Восточныхъ Сла-

вянъ сосредоточивалась западнѣе, на склонахъ Карпатъ, въ краѣ обширнаго водораздѣла, откуда идутъ въ разныя стороны Днѣстръ, оба Буга, притоки верхней Припети и верхней Вислы.

Итакъ, мы застаемъ у Восточныхъ Славянъ въ VI вѣкѣ большой военный союзъ подъ предводительствомъ князя Дулѣбовъ. Постоянная борьба съ Византіей завязала этотъ союзъ, стянула восточныя славянскія племена въ одно цѣлое. Вотъ фактъ, который можно поставить въ началѣ нашей исторіи.

Разселеніе Восточныхъ Славянъ съ Карпатскихъ склоновъ.

Съ сѣверо-восточныхъ склоновъ Карпатъ, Восточные Славяне постепенно разселились по нашей равнинѣ. Разселеніе — второй начальный фактъ нашей исторіи. Этотъ фактъ особенно для насъ важенъ. Онъ доказывается разными слѣдами. Византійскіе писатели, описывавшіе Славянъ VI и начала VII вѣковъ, застаютъ ихъ въ состояніи необычайнаго движенія. Императоръ Маврикій, долго боровшійся съ Карпатскими Славянами, пишетъ, что Славяне живутъ точно разбойники, всегда готовые подняться съ мѣста, поселками, разбросанными по лѣсамъ и по берегамъ многочисленныхъ рѣкъ ихъ стороны. А нѣсколько ранѣе писавшій Прокопій замѣчаетъ, что Славяне живутъ въ плохихъ, разбросанныхъ по одиночкѣ, хижинахъ и часто переселяются.

Узнаемъ далѣе и направленіе, въ которомъ шло это движеніе. Я указывалъ, что въ «Повѣсти» осталась смутная память о разселеніи Восточныхъ Славянъ изъ страны Бѣло-Хорватовъ и Сербовъ, т. е. съ сѣверо-восточныхъ склоновъ Карпатъ. Византійцы

говорятъ о Славянахъ до второй четверти VII вѣка, но съ 630-хъ годовъ одновременно прекращаются и вторженія Задунайскихъ Славянъ въ предѣлы имперіи, и византійскія извѣстія о Славянахъ. Славяне исчезли куда-то. Въ первый разъ снова являются Восточные Славяне въ византійскихъ сказаніяхъ уже въ IX вѣкѣ, когда они, подъ именемъ Руси, нападаютъ на Царьградъ. О судьбѣ Прикарпатскихъ Славянъ въ этотъ длинный промежутокъ времени ничего надежнаго не находимъ у Византійцевъ. Наша лѣтопись, съ другой стороны, забывая о приходѣ Славянъ изъ Карпатскаго края, запомнила одинъ изъ послѣднихъ моментовъ разселенія. Размѣщая свои племена по Днѣпру съ его притоками, эта лѣтопись разсказываетъ, что были въ Ляхахъ два брата, Радимъ и Вятко, которые пришли съ своими родами и сѣли—Радимъ на Сожѣ, а Вятко по Окѣ; отъ нихъ и пошли Радимичи и Вятичи. Размѣщеніе этихъ племенъ за Днѣпромъ показываетъ, что ихъ приходъ былъ однимъ изъ позднихъ приливовъ колонизаціи: новые пришельцы не нашли себѣ мѣста на правой сторонѣ Днѣпра и должны были продвинуться далѣе на востокъ, за Днѣпръ. Вятичи очутились самымъ крайнимъ восточнымъ племенемъ Русскихъ Славянъ. Но почему вожди этихъ племенъ названы въ «Повѣсти» Ляхами?—Потому что область указаннаго водораздѣла, древняя страна Хорватовъ, въ X и XI вѣкахъ была уже ляшской страной, предметомъ борьбы Руси съ Польшей.

Такъ «Повѣсть о началѣ Русской земли» даетъ намъ еще одно указаніе на направленіе славянской колонизаціи. Византійцы перестаютъ разсказывать о Карпатскихъ Славянахъ со второй четверти VII вѣка, потому что разселеніе Прикарпатскихъ Славянъ въ разныя стороны сопровождалось прекращеніемъ набѣ-

говъ ихъ на имперію. Тогда заселилась Польша, Балтійское побережье; тогда заселилось и Поднѣпровье.

Ступимъ еще шагъ впередъ, чтобы узнать, какъ шло это разселеніе. Оно совершалось въ VII и VIII вѣкахъ. Іорнандъ не знаетъ, кто жилъ къ востоку за Днѣпромъ; онъ знаетъ лишь, что пространство между этими рѣками было покрыто непроходимыми лѣсами и опасными болотами. На мѣстѣ древней Кіевской Руси до сихъ поръ остались слѣды старыхъ укрѣпленій, называемыхъ *городищами*. Это — пространства, очерченныя иногда чуть замѣтнымъ валомъ. Такія городища разсѣяны всюду на Днѣпровьѣ, на разстояніи 4—8 верстъ другъ отъ друга. Ихъ происхожденіе еще въ языческую пору свидѣтельствуется сосѣдствомъ кургановъ, древнихъ могилъ. Раскопки этихъ кургановъ показываютъ, что лежащихъ въ нихъ покойниковъ хоронили еще по-язычески. Не думайте, что эти городища — остатки настоящихъ городовъ. Пространство, заключенное въ кольцеобразномъ валу, едва достаточно, чтобы вмѣстить въ себѣ добрый крестьянскій дворъ. Что значатъ эти городища? Я думаю, что это остатки укрѣпленныхъ одинокихъ дворовъ, которыми разселились нѣкогда Славяне, и о которыхъ говоритъ Прокопій. Эти городища — древніе дворы или, точнѣе, однодворныя деревни. Такими, именно, однодворными деревнями впослѣдствіи колонизовалось верхнее Поволжье. Валы выводились для защиты двора, преимущественно же для защиты скота. «Повѣсть» помнитъ и объ основаніи Кіева, — знакъ того, что Кіевъ возникъ въ сравнительно близкое къ ней время. Но Кіевъ выросъ изъ точно такихъ же трехъ крестьянскихъ дворовъ, возникшихъ на трехъ сосѣднихъ горахъ. Таковъ фактъ, скрытый въ преданіи о Кіѣ съ братьями: это три мужика, построившіе свои дворы на берегахъ Днѣпра.

Природа края вызвала такое разселеніе: то былъ пустынный край, въ которомъ переселенцы занялись пашнями и звѣриной ловлей. Мѣста удобныя для того и другого не шли сплошными пространствами, но являлись удаленными другъ отъ друга островками; на такихъ островкахъ поселенцы ставили свои одинокіе дворы, окапывали ихъ и расчищали окрестность для пашни, для ловли звѣря и для лѣсного пчеловодства (бортничества).

Послѣдствія разселенія.

1. Послѣдствія юридическія.

Заселеніе Поднѣпровья Славянами въ указанномъ порядкѣ и въ указанное время сопровождалось важными послѣдствіями юридическими, экономическими и политическими. Эти послѣдствія и создали тотъ бытъ Восточныхъ Славянъ, который мы застаемъ по лѣтописному разсказу IX, X и XI вѣковъ. На Карпатахъ Славяне, повидимому, жили еще первобытными родовыми союзами (такъ описываютъ ихъ Греки). Славяне управлялись князьками и царьками, филархами; эти царьки сходились для совѣщаній объ общихъ дѣлахъ. Такъ описываетъ бытъ Восточныхъ Славянъ и наша «Повѣсть о началѣ Руси» въ словахъ «живяху кождо съ своимъ родомъ» и проч.

Военный союзъ, во главѣ котораго стояли Дулѣбы, былъ составленъ изъ этихъ мелкихъ родовъ, колѣнъ. Разрушеніе его снова разбило Восточныхъ Славянъ на первоначальные, общественные элементы, и наша «Повѣсть» смутно помнитъ, что когда-то у каждаго племени было свое «княженіе», управленіе, хотя она не запомнила ни одного князя, который правилъ какимъ либо племенемъ. Но понятно, что заселеніе Поднѣпровья должно

было разбивать кровные союзы или, по крайней мѣрѣ, колебать ихъ. Крѣпкій кровный союзъ нуждается для своего поддержанія въ совмѣстной жизни родичей; колонизація разбиваетъ родовыя общества, заставляетъ однихъ родичей удаляться отъ другихъ, ставить одинокіе дворы, селиться среди чужеродцевъ. Характеръ завязавшагося въ Поднѣпровьѣ лѣсного хозяйства помогалъ выработаться мысли объ отдѣльномъ имуществѣ; родичи помнили свое родство, можетъ быть, чтили своего общаго дѣда, хранили нѣкоторые родовые обычаи, но въ практическихъ, житейскихъ отношеніяхъ, въ области юридической, родство должно было разстроиться, замѣняясь сосѣдствомъ. Это разрушеніе большихъ родовыхъ союзовъ, распаденіе ихъ на мелкіе дворы или семьи, можетъ быть, оставило по себѣ слѣдъ въ одной чертѣ нашей миѳологіи. Родовой союзъ предполагаетъ родовой культъ. Средоточіемъ этого культа былъ у нашихъ Славянъ Чуръ или Дѣдъ; но потомъ охранителемъ семьи вмѣсто Чура сталъ Домовой, т. е. божество лишь отдѣльнаго двора. Такъ разселеніе, не колебля народныхъ вѣрованій, связанныхъ первобытнымъ родствомъ, должно было въ то же время разрушить юридическую связь рода, замѣняя родство сосѣдствомъ.

2. Послѣдствія экономическія.

Еще важнѣе рядъ послѣдствій экономическихъ. Славянство заселило новый край восточной равнины. Въ этомъ краѣ жизнь населенія направлялась однимъ могучимъ потокомъ—Днѣпромъ. Днѣпръ, это—столбовая, торговая дорога; ея подъѣздные пути—притоки, издалека идущіе справа и слѣва, приближаютъ Поднѣпровье, съ одной стороны, къ карпатскимъ бассейнамъ Днѣстра и Вислы, съ другой—къ Волгѣ и Дону, т. е. къ Каспійскому и Азовскому морямъ. Верховьями своими Днѣпръ

близко подходитъ къ Западной Двинѣ и бассейну Ильменскому, т. е. къ двумъ главнымъ дорогамъ въ Балтійское море, а устьемъ связываетъ центральную Алаунскую возвышенность съ сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря. Область Днѣпра такимъ образомъ охватываетъ всю западную половину русской равнины. Черноморскіе берега издавна были усѣяны греческими колоніями, главными изъ которыхъ были: Ольвія въ устьѣ Буга, Херсонесъ Таврическій на западномъ берегу Крыма, Ѳеодосія и Пантикапея на его южномъ и восточномъ берегахъ, Фанагорія на гой сторонѣ Керченскаго пролива, или древняго Босфора Киммерійскаго, и Танаисъ въ устьяхъ Дона. Благодаря дѣятельности этихъ греческихъ колоній, Днѣпръ еще до Рождества Христова сдѣлался большой торговой дорогой, и наша древняя «Повѣсть о началѣ Руси» знаетъ, что когда поселились Восточные Славяне по Днѣпру и другимъ рѣкамъ, уже шелъ путь «изъ Варягъ въ Греки, и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловати» и т. д. Этотъ Днѣпръ и сдѣлался для Восточныхъ Славянъ могучей питательной артеріей народнаго хозяйства. Своими притоками онъ потянулъ новыхъ поселенцевъ къ черноморскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Эта внѣшняя торговля вызвала усиленную промышленную разработку естественныхъ богатствъ занятой поселенцами страны. Если мы представимъ себѣ нашу равнину въ томъ видѣ, какой она имѣла десять или одиннадцать вѣковъ тому назадъ, то легко можемъ раздѣлить ее на двѣ полосы: на сѣверо-западную лѣсную и юго-восточную степную. Восточные Славяне заняли преимущественно первую; самый городъ Кіевъ возникъ на рубежѣ между обѣими полосами. Эта лѣсная полоса своимъ пушнымъ богатствомъ и лѣснымъ пчеловодствомъ доставляла обильный матеріалъ для

внѣшней торговли: мѣха, воскъ и медъ стали главными статьями русскаго вывоза. Съ тѣхъ поръ началась и усиленная эксплоатація лѣса, которая положила такой глубокій отпечатокъ на общественный складъ и національный характеръ древней Руси.

Одно внѣшнее обстоятельство помогло успѣху этой торговли. Какъ нарочно, разселеніе Славянъ по Днѣпровью совпало съ утвержденіемъ въ южно-русскихъ степяхъ новой азіатской орды—Хозаръ. Хозары стали утверждаться на пространствѣ между Волгой и Днѣпромъ именно съ конца VII-го вѣка. Но это была орда, непохожая на предшествовавшія и слѣдовавшія за нею азіатскія орды, господствовавшія въ Южной Руси. Хозары рано стали покидать кочевой бытъ и обращаться къ мирнымъ промысламъ. Въ VIII-мъ вѣкѣ среди нихъ водворились изъ Закавказья Евреи и Арабы. Еврейское вліяніе здѣсь было такъ сильно, что династія хозарскихъ кагановъ съ ихъ дворомъ приняла іудейство. Раскинувшись по берегамъ Волги и Дона, Хозары основали средоточіе своего государства на низовьяхъ Волги. Столица ихъ Итиль скоро стала громаднымъ разноязычнымъ торжищемъ, гдѣ рядомъ жили магометане, іудеи, христіане и, наконецъ, язычники. И наша кіевская сага сохранила впечатлѣніе, произведенное Хозарами на Поднѣпровье,—впечатлѣніе не воинственнаго, мягкаго народа. Хозары наложили дань на Поднѣпровье. «Найдоша», говорить наша лѣтопись, «Козарѣ сѣдящая (т. е. Полянъ) на горахъ сихъ въ лѣсѣхъ, и рѣша Козари: «платите намъ дань». Сѣдумавше Поляне и вдаша отъ дыма (съ каждой избы) мечь, и несоша Козари ко князю своему и къ старійшинамъ, и рѣша имъ: «се налѣзохомъ дань нову». Они же рѣша имъ: «откуду?»—Они же рѣша: «въ лѣсѣхъ на горахъ, надъ рѣкою Днѣпрьскою».

Они же рѣша: «что суть въдали»? Они же показаша мечь. Рѣша старци Козарьстіи: «недобра дань, княже! Мы ся доискахомъ оружьемъ одиною стороною, рекше саблями, а сихъ оружье обоюду остро, рекше мечь; си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ»... Тако и си владѣша, а послѣ же самѣми владѣють; якоже бысть володѣють Козары Русьскіе и до днешняго дне». Иронія, которая звучитъ въ этой легендѣ, показываетъ, что хозарское иго не было ни особенно тяжело, ни страшно для Поднѣпровья; напротивъ, оно принесло Восточнымъ Славянамъ несравненныя выгоды. Теперь для поднѣпровцевъ, послушныхъ данниковъ Хозаръ, были открыты степныя рѣчныя дороги, которыя вели къ черноморскимъ и каспійскимъ рынкамъ.

Подъ хозарскимъ покровительствомъ по этимъ рѣкамъ и пошла бойкая торговля изъ Поднѣпровья. Мы имѣемъ рядъ указаній на успѣхи этой торговли. Въ первой половинѣ X-го вѣка, арабскій писатель, хорошо знакомый съ восточнымъ угломъ нашей равнины, Масуди свидѣтельствуетъ, что на Черномъ морѣ, которое называется «Русскимъ», живетъ Русь, и эта Русь одна по немъ плаваетъ. Итакъ, въ началѣ X-го вѣка на сѣверномъ берегу Чернаго моря выведены уже были русскія колоніи. Еще раньше другой арабскій писатель, современникъ Рюрику и Аскольду, писавшій не позже семидесятыхъ годовъ IX вѣка, Хордадбе замѣчаетъ, что русскіе купцы возятъ товары изъ отдаленныхъ краевъ своей страны къ Черному морю, въ греческіе города, гдѣ византійскій императоръ беретъ съ нихъ десятину, что тѣ же купцы плаваютъ по Волгѣ, спускаются къ хозарской столицѣ, владѣтель которой беретъ съ нихъ также десятину, выходятъ въ Каспійское море, проникаютъ на юго-восточные берега его и даже провозятъ свои товары на верблюдахъ до Багдада. Сколько поко-

лѣній нужно было, чтобы проложить такія далекія и разностороннія торговыя дороги съ Днѣпра или съ береговъ Волхова! Восточная торговля Днѣпровья, какъ ее описываетъ Хордадбе, могла завязаться лишь лѣтъ за 100 до этого арабскаго географа. Есть, впрочемъ, прямое указаніе, точно отмѣчающее самое время, когда завязалась и развилась эта торговля. По Днѣпру и его притокамъ во множествѣ находятъ клады восточныхъ арабскихъ монетъ—серебряныхъ диргемъ. Въ этихъ драгоцѣнныхъ кладахъ наибольшее количество монетъ относится къ IX и X вѣкамъ, ко времени наибольшаго напряженія восточной торговли Руси; но есть клады, гдѣ самыя позднія монеты—не позже начала IX-го вѣка, а раннія восходятъ къ началу VIII-го; изрѣдка попадаются монеты VII-го вѣка, и то самыхъ послѣднихъ его лѣтъ. Значитъ, VIII вѣкъ былъ временемъ, когда завязалась и стала развиваться торговля Поднѣпровья съ арабскимъ и хозарскимъ востокомъ.

Слѣдствіемъ успѣховъ восточной торговли Славянъ было возникновеніе въ VIII вѣкѣ древнѣйшихъ торговыхъ городовъ на Руси. Эти города: Кіевъ, Черниговъ, Любечъ, Смоленскъ, Новгородъ являются уже значительными поселеніями, какъ только открывается разсказъ нашей древней «Повѣсти о началѣ Русской земли». Довольно бѣглаго взгляда на топографическое размѣщеніе этихъ городовъ, чтобы видѣть, что они созданы были восточной торговлей; они вытянулись длинною цѣпью по линіи Днѣпра—Волхова; только немногіе изъ нихъ, Переяславль, Черниговъ, Ростовъ, выдвинулись съ этого операціоннаго базиса русской торговли, какъ торговые форпосты. Ни одного значительнаго торговаго города не знаемъ мы до XI-го вѣка на западъ отъ Днѣпра. Появленіе этихъ большихъ торговыхъ городовъ было завершеніемъ сложнаго экономическаго процесса, вызваннаго восточной тор-

говлей среди днѣпровскихъ новосельцевъ. Мы видѣли, что Восточные Славяне разселялись уединенными укрѣпленными дворами. Промышленность должна была создавать среди этихъ дворовъ пункты торговаго сбора, промышленнаго обмѣна, мѣста, куда сходились для торговли, для «гостьбы», какъ говорили въ старину. Эти сборные пункты получили названіе «погостовъ». Впослѣдствіи на этихъ мѣстныхъ сельскихъ базарахъ прежде всего возникали церкви; отсюда «погостъ» въ значеніи приходской сельской церкви. При церквахъ хоронили покойниковъ; отсюда значеніе «погоста» какъ кладбища. Первоначально же это были торговыя «гостинныя» мѣста. Мелкіе базары стали тянуть потомъ къ болѣе крупнымъ рынкамъ, возникшимъ на болѣе бойкихъ торговыхъ дорогахъ. Изъ этихъ крупныхъ рынковъ, служившихъ посредниками между туземцами и иноземными рынками, и развились наши древніе торговые города по Днѣпру и его притокамъ. Такъ, вокругъ каждаго большого города образовался промышленный округъ, для котораго онъ служилъ торговымъ центромъ, складочнымъ пунктомъ. Вотъ рядъ важнѣйшихъ экономическихъ послѣдствій, которыми сопровождалось разселеніе Славянъ по Днѣпру при содѣйствіи внѣшнихъ обстоятельствъ.

3. Послѣдствія политическія.

Съ начала IX-го вѣка обнаруживается и рядъ послѣдствій политическихъ. Хозарское владычество, прочное, повидимому, въ VIII вѣкѣ, стало замѣтно колебаться съ начала IX-го. Причиной тому было появленіе въ тылу у нихъ новыхъ азіатскихъ ордъ—Печенѣговъ и шедшихъ по ихъ слѣдамъ Узовъ-Торковъ. Хозары съ трудомъ сдерживали этотъ напоръ. Около 835 года, по просьбѣ хозарскаго кагана, византійскіе мастера построили на Дону, на узкомъ переволѣ съ Волги, крѣ-

пость Саркелъ (Бѣлую Бѣжу нашей лѣтописи), именно для сдерживанія напиравшихъ изъ за Волги варваровъ. Но эта крѣпость не сдержала напора. Въ первой половинѣ IX вѣка, очевидно, варвары прорвались на западъ за Донъ и засорили дотолѣ чистыя дороги по Днѣпру. На это есть рядъ прямыхъ указаній, идущихъ съ разныхъ сторонъ. Послы отъ народа Руси, приходившіе для подтвержденія дружбы, т. е. для возобновленія торговаго договора съ Константинополемъ въ 839 году, по разсказу западной Бертинской лѣтописи, не хотѣли возвращаться домой прежней дорогой, по причинѣ жившихъ на ней варварскихъ жестокихъ народовъ. Одно изъ первыхъ извѣстій о Кіевѣ нашей «Повѣсти» разсказываетъ, что Аскольдъ и Диръ въ 867 году избили множество Печенѣговъ. Такимъ образомъ Печенѣги уже около половины IX вѣка придвинулись близко къ Кіеву, отрѣзывая Поднѣпровье отъ его черноморскихъ и каспійскихъ рынковъ. Очевидно, хозарская власть стала безсильна оберегать русскихъ купцовъ на востокѣ; защиту торговли должны были принять на себя торговые центры Поднѣпровья—большіе города. Съ той минуты они стали вооружаться, опоясываться стѣнами, вводить военную организацію, запасать ратныхъ людей. Такъ промышленные центры превратились въ укрѣпленные пункты. Одно внѣшнее обстоятельство помогло скопленію военнаго люда въ этихъ городахъ. Съ начала VIII вѣка, съ конца царствованія Карла Великаго, по берегамъ Западной Европы являются вооруженныя шайки пиратовъ изъ Скандинавіи. Такъ какъ эти шайки выходили преимущественно изъ Даніи, то пираты стали извѣстны на Западѣ подъ именемъ Дановъ. Одновременно съ тѣмъ и на нашихъ рѣчныхъ путяхъ стали появляться заморскіе пришельцы Варяги. Названіе ихъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, есть славяно-

русская форма скандинавскаго слова «Waeringar». Византійцы знаютъ этихъ Норманновъ, какъ знаменитыхъ тѣлохранителей—гвардейцевъ императора, подъ именемъ Βάραγγοι. Эти Варяги въ X и XI вѣкахъ постоянно плавали къ намъ изъ за моря, привлекаемые либо призывомъ князей, либо торговыми расчетами. Присутствіе Варяговъ на Руси становится замѣтно, однако, гораздо раньше X-го вѣка. Наша древняя «Повѣсть» знаетъ этихъ Варяговъ по городамъ около половины IX-го вѣка. Кіевское преданіе XI столѣтія готово было даже преувеличивать количество этихъ Варяговъ. По этому преданію, Варяги, обычные обыватели русскихъ торговыхъ городовъ, въ такомъ количествѣ наполняли эти города, что образовали цѣлый слой, закрывшій собою туземное населеніе. Новгородцы, по словамъ «Повѣсти», были прежде Славянами, а потомъ стали Варягами. Кіевъ, по сохранившемуся въ лѣтописи преданію, даже былъ впервые основанъ Варягами. Несомнѣнно, что Варяги являются на Руси въ первой половинѣ IX-го вѣка, задолго до того времени, къ которому наша древняя «Повѣсть» пріурочиваетъ появленіе Рюрика въ Новгородѣ. Упомянутые послы отъ народа Руси, не хотѣвшіе изъ Константинополя возвратиться домой прежней дорогой, посланы были съ византійскимъ посольствомъ къ германскому императору Людовику Благочестивому и тамъ, по разслѣдованіи дѣла, по удостовѣреніи личности, оказались Свеонами - Шведами. Эти Варяги по многимъ признакамъ были Скандинавы, а не славянскіе обитатели южно-балтійскаго побережья. Во первыхъ, въ началѣ XI-го вѣка нѣмцы, участвовавшіе въ походѣ польскаго короля Болеслава на Ярослава въ 1018 году, приглядѣвшись къ населенію Кіевской земли, разсказывали потомъ епископу Мерзебургскому Титмару, что въ Кіевской землѣ несмѣт-

ное множество народа, состоящаго преимущественно изъ бѣглыхъ рабовъ и проворныхъ Дановъ; а нѣмцы едва ли могли смѣшать Скандинавовъ съ Балтійскими Славянами. Во вторыхъ, въ Швеціи находятъ много древнихъ надписей на могильныхъ камняхъ, которыя свидѣтельствуютъ о походахъ изъ Швеціи на Русь. Скандинавскія саги, восходящія иногда къ очень древнему времени, разсказываютъ о такихъ походахъ въ страну Гардарикъ, какъ называли они нашу Русь, т. е. «царство городовъ». Самое это названіе, такъ мало идущее къ деревенской Руси, свидѣтельствуетъ, что пришельцы варяжскіе держались преимущественно въ большихъ торговыхъ городахъ. Въ третьихъ, имена первыхъ нашихъ князей и ихъ дружинниковъ всѣ варяжскаго происхожденія; тѣ же имена являются и въ скандинавскихъ сагахъ: Рюрикъ въ формѣ Hrörekr, Труворъ — Thorvardr, Олегъ (по древне-кіевскому выговору на о)—Helgi, женская форма—Ольга—Гельга—Helga, у Константина Багрянороднаго—Ἔλγα, Игорь — Ingvarr, Аскольдъ—Höskuldr и т. п. Наконецъ, имена днѣпровскихъ пороговъ, выписанныя у Константина Багрянороднаго, двоякія: славянскія и «русскія». Русскія названія объясняются всего легче изъ скандинавскаго языка. Итакъ, въ то время, когда большимъ русскимъ городамъ понадобились военные люди, начался приливъ на Русь заморскихъ Варяговъ. Они являются тутъ съ иной физіономіей, не съ той, какую носятъ на Западѣ; тамъ Данъ—пиратъ, береговой разбойникъ; у насъ Варягъ—вооруженный купецъ, идущій на Русь, чтобы пробраться далѣе въ богатую Византію, тамъ выгодно послужить императору, поторговать или пограбить, если представится случай. Вездѣ, гдѣ нашему Варягу нужно было скрыть свою личность, онъ прикидывался купцомъ, идущимъ изъ Руси или на Русь. Припомнимъ, чѣмъ Олегъ

вызвалъ изъ Кіева Аскольда и Дира. Онъ послалъ къ нимъ «глаголя яко гость есмь, идемъ въ Греки отъ Олга и отъ Игоря княжича, да придѣта къ намъ». Одна превосходная скандинавская сага, полная историческихъ чертъ, о святомъ Олафѣ, разсказываетъ, какъ этотъ герой, долго и съ пользой служившій русскому конунгу Вальдемару, возвращаясь съ дружиною на корабляхъ домой, былъ занесенъ бурею въ Померанію, во владѣніе вдовствующей княгини Гейры Буриславны, и выдалъ себя за купца гардскаго, т. е. русскаго. Итакъ Варяги, проникавшіе на Русь, встрѣтились здѣсь съ потребностью въ военныхъ людяхъ. Вооруженные купцы—они, за выгодный кормъ, стали входить въ составъ того вооруженнаго класса, который теперь прочищалъ и охранялъ русскіе торговые пути. Благодаря образованію этого класса измѣнилось положеніе русскихъ большихъ городовъ. Когда стало колебаться хозарское иго, города сдѣлались независимыми. Мы не знаемъ, какъ они управлялись при Хозарахъ, но, очевидно, взявши на себя защиту торговаго населенія, эти города скоро подчинили себѣ свои торговые округа. Подчиненіе этихъ торговыхъ районовъ промышленнымъ центрамъ, теперь вооруженнымъ, становится замѣтнымъ уже въ IX вѣкѣ. За большимъ городомъ идетъ его округъ—цѣлое племя. Олегъ взялъ Смоленскъ и посадилъ въ немъ посадника; въ силу этого Смоленскіе Кривичи стали признавать власть Олега. Олегъ занялъ Кіевъ, и Кіевскіе Поляне вслѣдствіе этого признавали его власть. Такъ цѣлые округа уже около половины IX-го вѣка являются въ зависимости отъ своего главнаго города. Трудно сказать, какъ создана была эта зависимость. Можетъ быть, округа подчинились городамъ, какъ убѣжищамъ въ минуту опасности; еще вѣроятнѣе, что при помощи вооруженнаго класса,

скопившагося въ городахъ, послѣдніе оружіемъ завладѣли своими торговыми округами. Какъ бы то ни было, *около половины XI-го вѣка обозначается первая политическая форма, являющаяся на Руси. Это—городовая область, управляемая державнымъ укрѣпленнымъ городомъ.*

Области древнихъ русскихъ городовъ Кіева, Чернигова, Смоленска и др. легли въ основаніе древняго областного дѣленія, существовавшаго при первыхъ князьяхъ. Намъ нужно доказать, что эти области были созданы промышленными городами. Можетъ показаться, что онѣ имѣли племенное происхожденіе. Наша древняя «Повѣсть о началѣ Руси» дѣлитъ Восточныхъ Славянъ на нѣсколько племенъ и довольно точно указываетъ ихъ размѣщеніе. Не были ли городовыя области такими племенными частями Руси? Разборъ этнографическаго состава древнихъ городовыхъ областей даетъ отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Если бы древнія городовыя области были племенными, каждое племя образовало бы особую область. Этого не было на дѣлѣ; не было ни одной области, которая бы состояла изъ одного только и цѣльнаго племени. Большею частью области состояли изъ частей различныхъ племенъ; въ иныхъ областяхъ къ цѣльному племени примкнули разорванныя части другихъ племенъ. Такъ, Новгородская область состояла изъ Славянъ Ильменскихъ съ вѣтвью Кривичей, центромъ которой былъ городокъ Изборскъ. Въ составъ Черниговской области вошла сѣверная половина Сѣверянъ съ частью Радимичей и съ цѣльнымъ племенемъ Вятичей. Кіевская область состояла изъ всѣхъ Полянъ, почти всѣхъ Древлянъ и южной части Дреговичей съ городомъ Туровымъ на Припети. Сѣверная часть Дреговичей съ городомъ Минскомъ оторвана была Полоцкою областью. Значитъ, не границы племени очертили предѣлы горо-

довыхъ областей. Легко замѣтить, какая сила стягивала эти области. Городовыя области созданы были племенами, жившими на самой рѣчной линіи Днѣпра, Волхова и Западной Двины. Напротивъ, племена, болѣе удаленныя отъ этой линіи, не составили особыхъ областей, но вошли въ составъ областей чужеплеменныхъ городовъ. Такъ, не видно особыхъ областей Дреговичей, Радимичей и Вятичей. Значитъ, силой, которая стягивала всѣ эти области, были города, возникшіе на этой рѣчной линіи, какихъ не было среди племенъ, отъ нея удаленныхъ. Если мы представимъ себѣ Восточныхъ Славянъ во второй половинѣ IX вѣка, то найдемъ на всемъ пространствѣ отъ Ладоги до Кіева восемь славянскихъ племенъ. Четыре изъ нихъ—Дреговичи, Радимичи, Вятичи и Древляне постепенно вошли въ составъ чужеплеменныхъ областей, а четыре, именно: Славяне Ильменскіе, Кривичи, Сѣверяне и Поляне образовали 6 или 7 самостоятельныхъ городовыхъ областей со смѣшаннымъ населеніемъ, состоявшимъ изъ одного господствующаго племени или части его, и изъ частей другихъ племенъ, не имѣвшихъ своихъ большихъ городовъ. Эти области были: Новгородская, Полоцкая, Смоленская, Черниговская, Переяславская, Кіевская и, можетъ быть, область города Любеча. Итакъ, большіе вооруженные города явились именно среди тѣхъ племенъ, которыя принимали наиболѣе дѣятельное участіе во внѣшней торговлѣ. Города эти расхитили ближайшія къ нимъ населенія чужихъ безгородныхъ племенъ.

Образованіе этой первой политической формы на Руси сопровождалось въ иныхъ мѣстахъ созданіемъ другой, вторичной, формы—варяжскаго княжества. Въ тѣхъ промышленныхъ пунктахъ, куда особенно приливали вооруженные пришельцы изъ-за моря, они теряли значеніе наемныхъ сторожей торговыхъ путей и полу-

чали характеръ властителей. Во главѣ этихъ заморскихъ пришельцевъ, составлявшихъ военныя компаніи, становились вожди, получившіе значеніе военныхъ начальниковъ охраняемыхъ городовъ. Такіе вожди въ скандинавскихъ сагахъ называются конунгами или викингами. Оба эти термина, перешедши въ нашъ языкъ, получили славяно-русскія формы—князя и витязя. Варяги скоро превращались изъ союзниковъ въ властителей. Извѣстенъ разсказъ Начальной лѣтописи о томъ, какъ Владиміръ утвердился въ Кіевѣ съ помощью призванныхъ изъ-за моря Варяговъ въ 980 году. Заморскіе его сотрудники, чувствуя свою силу во взятомъ городѣ, сказали своему нанимателю: «князь, а вѣдь городъ-то нашъ, мы его взяли, такъ мы хотимъ брать съ горожанъ окупъ по двѣ гривны съ человѣка». Владиміръ только обманомъ сбылъ съ рукъ этихъ назойливыхъ союзниковъ, выпроводивъ ихъ въ Царьградъ. Такъ вооруженные города съ областями превращались въ иныхъ случаяхъ во владѣнія варяжскихъ конунговъ. Такихъ варяжскихъ княжествъ мы встрѣчаемъ нѣсколько въ IX и X вѣкахъ. Такъ являются во второй половинѣ IX вѣка на сѣверѣ княжество Рюрика въ Новгородѣ, Синеуса на Бѣломъ Озерѣ и Трувора въ Изборскѣ, Аскольда въ Кіевѣ. Въ X вѣкѣ появляются два другихъ княжества: Рогволодово въ Полоцкѣ и Турово въ Туровѣ на Припети. Стороннему наблюдателю эти варяжскія княжества казались дѣломъ чистаго завоеванія, хотя Варяги эти приходили къ намъ не съ завоевательной цѣлью. Около половины X вѣка еврей Ибрагимъ, неоднократно бывавшій въ Германіи и знавшій дѣла Средней и Восточной Европы, замѣчаетъ, что племена сѣвера (т. е. Норманны) завладѣли нѣкоторыми изъ Славянъ и до сей поры живутъ среди нихъ, даже усвоили ихъ языкъ, смѣшавшись съ ними. Это наблюденіе, очевидно, взято

со славянскихъ княжествъ, возникавшихъ по берегамъ Балтійскаго моря и на Руси.

Появленіемъ этихъ варяжскихъ княжествъ вполнѣ объясняется и занесенное въ нашу «Повѣсть о началѣ Руси» *сказаніе о призваніи князей изъ-за моря*. По этому преданію еще до Рюрика Варяги водворились среди новгородцевъ и сосѣднихъ съ ними племенъ славянскихъ и финскихъ, Кривичей, Чуди, Мери, Веси, и наложили на нихъ дань. Потомъ данники отказались ее платить и прогнали Варяговъ опять за море. Оставшись безъ пришлыхъ властителей, туземцы перессорились между собою; не было между ними правды, одинъ родъ возсталъ на другой и пошли между ними усобицы. Утомленные этими усобицами, туземцы собрались и сказали: «поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ насъ по праву». Порѣшивъ такъ, они отправили пословъ за море къ знакомымъ Варягамъ, приглашая желающихъ изъ нихъ придти владѣть пространной и обильной, но лишенной порядка землей. Три родные брата откликнулись на зовъ и пришли «съ роды своими», т. е. съ дружинами земляковъ. Если снять нѣсколько идиллическій покровъ, которымъ подернуто это сказаніе, то передъ нами откроется очень простое явленіе, не разъ повторявшееся у насъ въ тѣ вѣка. Собравъ разсѣянныя по разнымъ редакціямъ начальнаго лѣтописнаго свода черты преданія, позволяющія возстановить дѣло въ его дѣйствительномъ видѣ, мы узнаемъ, что пришельцы призваны были не для одного внутренняго наряда, т. е. устройства управленія. Преданіе говоритъ, что князья-братья, какъ только усѣлись на своихъ мѣстахъ, начали «города рубить и воевать всюду». Значитъ, они призваны были оборонять туземцевъ отъ какихъ-то внѣшнихъ враговъ, какъ защитники населенія и охранители границъ. Далѣе,

князья-братья, повидимому, не совсѣмъ охотно приняли предложеніе славяно-финскихъ пословъ: «едва избрашась», какъ записано въ одномъ изъ лѣтописныхъ сводовъ, «боясь звѣринаго ихъ обычая и нрава». Съ этимъ согласно уцѣлѣвшее извѣстіе, что Рюрикъ не прямо сѣлъ въ Новгородѣ, но сперва предпочелъ остановиться вдали отъ него, при самомъ входѣ въ страну, въ городѣ Ладогѣ, чтобы быть ближе къ родинѣ, куда можно было бы укрыться въ случаѣ нужды. Водворившись въ Новгородѣ, Рюрикъ скоро возбудилъ противъ себя недовольство въ туземцахъ. Въ одномъ сводѣ записано, что черезъ два года по призваніи новгородцы оскорбились, говоря: «быть намъ рабами и много зла пострадать отъ Рюрика и земляковъ его». Составился даже какой-то заговоръ. Рюрикъ убилъ вождя этого заговора, «храбраго Вадима», и перебилъ много новгородцевъ, его соумышленниковъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ еще множество новгородскихъ мужей бѣжало отъ Рюрика въ Кіевъ къ Аскольду. Очевидно, заморскіе варяжскіе князья съ дружиной призваны были новгородцами и союзными съ ними племенами для защиты страны отъ какихъ-то внѣшнихъ враговъ и получали опредѣленный кормъ за свои сторожевыя услуги. Но наемные охранители, повидимому, желали кормиться слишкомъ сытно. Тогда поднялся ропотъ среди плательщиковъ корма, подавленный вооруженной рукой. Почувствовавъ свою силу, наемники превратились во властителей. Таковъ, повидимому, простой прозаическій фактъ, скрывающійся въ поэтической легендѣ о призваніи князей.

Изъ соединенія мѣстныхъ варяжскихъ княжествъ и сохранившихъ самостоятельность городовыхъ областей образовалось великое княжество Кіевское. Происхожденіе этого княжества легко объясняется указанными выше экономическими и политическими фактами. Варяжскіе ко-

нунги стремились къ самому выгодному пункту русскаго промышленнаго міра, составлявшему южный конецъ рѣчной торговой дороги къ Кіеву. Здѣсь вооруженные сторожа русской торговли могли поживиться всего болѣе. Кто владѣлъ Кіевомъ, у того въ рукахъ были главныя ворота русской торговли (внѣшней). Вотъ почему всѣ варяжскіе конунги стремились къ Кіеву, соперничая изъ-за него одинъ съ другимъ, истребляя другъ друга. Олегъ истребилъ Аскольда съ Диромъ, впослѣдствіи Владиміръ, новгородскій конунгъ, погубилъ за Кіевъ своего брата Ярополка. Съ другой стороны, всѣ торговые города на рѣчныхъ путяхъ зависѣли экономически отъ Кіева. Кіевъ держалъ въ своихъ рукахъ нити ихъ благосостоянія, могъ подорвать ихъ торговлю, не пропуская ихъ лодокъ внизъ по Днѣпру. Общимъ интересомъ этихъ городовъ было, поэтому, имѣть друзей въ Кіевѣ, чтобы изъ Кіева имѣть чистые торговые пути къ каспійскимъ и черноморскимъ рынкамъ. Этимъ объясняется разсказъ древней «Повѣсти» о князьяхъ, утверждавшихся въ Кіевѣ. Аскольдъ съ Диромъ, отдѣлившись отъ дружины Рюрика, безъ сопротивленія спустились до Кіева и безъ борьбы завладѣли имъ вмѣстѣ со всею землею Полянъ. Дальнѣйшая дѣятельность этихъ варяжскихъ князей въ Кіевѣ объясняетъ причины ихъ успѣха. «Повѣсть» замѣчаетъ, что послѣ Кія, основателя Кіева, Полянъ обижали Древляне и другія окольныя племена. Поэтому Аскольдъ и Диръ, какъ только утвердились въ Кіевѣ, вступили въ борьбу съ этими племенами, а потомъ, собравъ Варяговъ, предприняли походъ на Царьградъ. Современникъ и очевидецъ этого нападенія, константинопольскій патріархъ Фотій говоритъ въ одной произнесенной по этому случаю проповѣди, что Русь тихонько подкралась къ Константинополю, чтобы отмстить за избіеніе

*

своихъ земляковъ, вѣроятно, купцовъ; слѣдовательно, нападеніе вызвано было насильственнымъ перерывомъ торговыхъ сношеній Руси со стороны Византіи. Такой же рядъ явленій повторился и въ исторіи Олега, шедшаго по слѣдамъ Аскольда. Онъ также безпрепятственно спустился изъ Новгорода по Днѣпру, безъ труда захватилъ по дорогѣ Смоленскъ и Любечъ и безъ борьбы завладѣлъ Кіевомъ, погубивъ своихъ земляковъ. Утвердившись въ Кіевѣ, онъ началъ рубить вокругъ него новые города для защиты границъ страны отъ набѣговъ изъ степей, потомъ съ соединенными силами разныхъ племенъ предпринялъ новый походъ на Царьградъ, кончившійся заключеніемъ торговаго договора. Значитъ и этотъ походъ былъ предпринятъ для того, чтобы возстановить торговыя сношенія Руси съ Византіей. Обоихъ вождей, повидимому, дружно поддерживали въ ихъ походахъ всѣ прибрежныя племена по торговымъ линіямъ Днѣпра - Волхова и другихъ большихъ рѣкъ, т. е. обитатели торговыхъ городовъ Руси. По крайней мѣрѣ въ лѣтописномъ разсказѣ о походѣ Олега мы читаемъ, что кромѣ подвластныхъ Олегу племенъ участвовали въ этомъ походѣ и племена неподвластныя, отдаленные Дулѣбы и Хорваты, т. е. племена, жившія въ области верховьевъ Днѣстра и обоихъ Буговъ, по сѣверо-восточнымъ склонамъ и предгорьямъ Карпатъ. Охрана границъ отъ степныхъ варваровъ-кочевниковъ и далекіе походы на Царьградъ для поддержанія торговыхъ сношеній съ Греками, очевидно, вызывали общее и дружное содѣйствіе во всемъ промышленномъ мірѣ по торговымъ линіямъ Днѣпра-Волхова и другихъ рѣкъ равнины. Этотъ общій интересъ и соединилъ прибрежные торговые города подъ властью князя кіевскаго.

Таковы были условія образованія Кіевскаго княжества, т. е. соединенія подъ властью кіевскаго князя

всѣхъ городовыхъ областей и мѣстныхъ варяжскихъ княжествъ. Княжество это явилось какъ слѣдствіе давнихъ усилій вооруженныхъ русскихъ купцовъ взять въ свои руки исходный пунктъ русской торговли и поддержать шедшіе отсюда торговые пути. Есть одно доказательство такого промышленнаго происхожденія Кіевскаго княжества. Первыя племена, которыя примкнули къ Кіевскому княжеству и поддерживали его въ заморскихъ походахъ, были племена, жившія по главному рѣчному пути Днѣпра-Волхова и тяготѣвшія къ большимъ торговымъ городамъ. Эти племена легко подчинялись кіевскому князю: иногда лишь одинъ походъ рѣшалъ вопросъ о подчиненіи. Такъ, напримѣръ, были подчинены Олегомъ Сѣверяне. Напротивъ, племена, среди которыхъ не было большихъ городовъ, т. е. значительнаго вооруженнаго купечества, подчинялись кіевской власти только послѣ упорной, не разъ возобновлявшейся, борьбы. Такъ, напримѣръ, не разъ были завоеваны и бунтовали Древляне и Радимичи; такъ Вятичи покорены были лишь въ концѣ X вѣка, т. е. около 150 лѣтъ спустя послѣ основанія Кіевскаго княжества. *Эта третья политическая форма на Руси— Кіевское великое княжество—и стало исходной точкой дальнѣйшаго политическаго развитія нашей страны.*

Дѣятельность первыхъ кіевскихъ князей.

Главный интересъ, создавшій Кіевское великое княжество—былъ интересъ вооруженнаго купечества большихъ городовъ, внѣшняя торговля. Этотъ интересъ дѣйствовалъ какъ въ установленіи внутренняго порядка, такъ и во внѣшней дѣятельности первыхъ кіевскихъ князей. Читая начальную лѣтопись, мы встрѣчаемъ рядъ полуисторическихъ, полусказочныхъ преданій о князьяхъ

кіевскихъ IX и X вѣка, Олегѣ, Игорѣ, Святославѣ, Владимірѣ. Вслушиваясь въ эти преданія, можно уловить основныя побужденія, которыя направляли дѣятельность этихъ князей. Утвердившись въ Кіевѣ, князья начали устанавливать въ подвластной странѣ государственный порядокъ, прежде всего, разумѣется, администрацію сборовъ. Въ подчиненныхъ областяхъ они сажаютъ своихъ намѣстниковъ, посадниковъ, которыми являются либо ихъ дружинники, либо собственные сыновья. Посадники эти имѣли свои дружины и дѣйствовали довольно независимо, стояли въ слабой связи съ правительственнымъ центромъ, съ Кіевомъ, были такими-же варяжскими конунгами, какъ и князь кіевскій, который считался только старшимъ между ними и въ этомъ смыслѣ назывался великимъ княземъ русскимъ. Въ договорѣ Олега съ Греками они даже зовутся «свѣтлыми князьями, иже суть подъ рукою его». Олегъ, князь кіевскій, только старѣйшій изъ нихъ.

Цѣль княжеской администраціи—сборъ дани и разныхъ пошлинъ. Первый князь кіевскій Олегъ хлопочетъ уже объ установленіи дани съ подвластныхъ племенъ. Дань получалась двумя путями. Или сами племена доставляли ее въ Кіевъ, или князья ѣздили за ней по племенамъ. Отсюда *повозы* (доставка дани племенами) и *полюдья*. Въ томъ и другомъ случаѣ дань собиралась натурой, преимущественно мѣхами. Писатель половины X-го вѣка, византійскій императоръ Константинъ Багрянородный, въ одномъ изъ своихъ сочиненій «Объ управленіи имперіею» рисуетъ намъ чрезвычайно изобразительную картину княжескаго полюдья. По его словамъ, князь «со всею Русью», т. е. съ дружиной, въ началѣ ноября, значитъ, какъ только устанавливался зимній путь, выходилъ изъ Кіева и отправлялся εἰς τὰ πολίδια, «въ городки», какъ казалось Багряно-

родному, въ самомъ же дѣлѣ на полюдье, о которомъ говорили императору его славянорусскіе разсказчики, собирать дань съ племенъ Сѣверянъ, Древлянъ и другихъ данниковъ Руси, и въ этомъ объѣздѣ проводилъ всю зиму. Это, замѣчаетъ Багрянородный, — трудное путешествіе, и мы знаемъ, что Игорь былъ даже убитъ Древлянами въ одно изъ этихъ полюдій. Между тѣмъ, въ продолженіе зимы племена, платящія дань Руси, рубятъ деревья, изъ нихъ дѣлаютъ лодки и въ апрѣлѣ сплавляютъ ихъ къ Кіеву, вытаскиваютъ на берегъ и дожидаются возвращенія Руси. Русь въ апрѣлѣ, въ половодье, съ данью, собранной зимой, возвращается къ Кіеву, покупаетъ эти лодки, оснащиваетъ, грузитъ и сплавляетъ къ Константинополю, прихватывая къ своему каравану торговыя лодки русскихъ купцовъ изъ Смоленска, Новгорода и другихъ городовъ. Не трудно понять, какіе товары наполняли эти караваны лодокъ, сплавлявшихся лѣтомъ къ Константинополю. Это была дань натурой, собранная княземъ и его дружиной во время зимняго объѣзда. Русскіе купцы изъ Новгорода и другихъ городовъ также примыкали къ этому княжескому и боярскому каравану, чтобы достигнуть Царьграда подъ защитой княжеской дружины. Договоръ Игоря прямо гласитъ, что великій князь русскій и бояре его могутъ посылать къ великимъ царямъ греческимъ ежегодно столько кораблей, сколько захотятъ, съ *послами* и *съ гостями*, т. е. со своими собственными приказчиками и съ вольными русскими купцами.

Такимъ образомъ выясняется тѣсная связь между ежегоднымъ оборотомъ политической и экономической жизни Руси. Дань, шедшая кіевскому князю, какъ властителю, служила для него вмѣстѣ съ тѣмъ средствомъ и для внѣшней торговли. Тотъ же самый правительственный и торговый классъ, который называется у Константина

Русью, дѣйствуетъ какъ главный рычагъ въ томъ и другомъ оборотѣ, политическомъ и экономическомъ. Зимою онъ правитъ, т. е. побирается по людямъ, а лѣтомъ торгуетъ тѣмъ, что собралъ зимою.

Такъ устроялась внутренняя политическая жизнь въ Кіевскомъ княжествѣ IX-го и X-го в.в. На огражденіе главнаго интереса страны—торговли—обращена и внѣшняя дѣятельность первыхъ кіевскихъ князей. Эта дѣятельность была направлена къ двумъ цѣлямъ: во 1) къ пріобрѣтенію и поддержанію заморскихъ рынковъ и во 2) къ расчисткѣ и охранѣ торговыхъ путей, ведущихъ къ этимъ рынкамъ. Самымъ виднымъ фактомъ въ исторіи этихъ вѣковъ были *походы кіевскихъ князей на Царьградъ.* Ихъ извѣстно шесть до половины XI вѣка, не считая Владимірова похода на византійскую колонію Херсонесъ Таврическій. Достаточно видѣть причину перваго и послѣдняго изъ этихъ походовъ, чтобы замѣтить главное побужденіе, которымъ они вызывались. Аскольдъ съ Диромъ нападаютъ на Царьградъ (въ 865 г.), потому что въ Царьградѣ обидѣли русскихъ купцовъ. Князь Ярославъ въ 1043 г. послалъ на Грековъ своего сына за то, что въ Константинополѣ избили русскихъ купцовъ и одного изъ нихъ убили. Итакъ, всѣ эти походы предпринимались для возстановленія торговли съ Византіею. Вотъ почему они обыкновенно оканчивались торговыми трактатами. Извѣстные намъ договоры съ Греками X вѣка носятъ характеръ такихъ торговыхъ трактатовъ. Статьи ихъ показываютъ, какой интересъ руководилъ сношеніями Руси съ Византіею. Договоры болѣе всего устанавливаютъ порядокъ ежегодныхъ торговыхъ сношеній Руси съ Царьградомъ. Каждое лѣто русскіе купцы являлись въ Царьградъ на торговый сезонъ на шесть мѣсяцевъ, но не имѣли права зимовать въ Константинополѣ, Они пользовались отъ

византійскаго правительства даровой баней и даровымъ кормомъ—знакъ, что эти купцы разсматривались въ качествѣ представителей торговыхъ посольствъ отъ союзнаго кіевскаго правительства. Кормъ выдавался купцамъ въ порядкѣ городовъ, сначала кіевскимъ, потомъ черниговскимъ, переяславскимъ, смоленскимъ и т. д.; въ такомъ же порядкѣ слѣдовали эти города по своему политическому и торговому значенію на Руси. Русскіе купцы селились обыкновенно только въ одномъ кварталѣ—въ предмѣстьѣ—у святого Мамы. Въ городъ входили они въ сопровожденіи императорскаго пристава, человѣкъ по пятидесяти, непремѣнно безъ оружія, и тамъ покупали товары греческіе и продавали свои, не платя пошлины. По окончаніи торговаго сезона, византійское правительство снабжало ихъ съѣстными припасами и корабельными снастями на дорогу.

Поддержка торговыхъ путей была второй заботой кіевскаго князя. Разсказъ того же императора Константина ярко рисуетъ опасности, которыя долженъ былъ одолѣть торговый кіевскій флотъ на своемъ пути въ Византію. Приближаясь къ порогамъ, русскія лодки высаживали и выдвигали въ степь сторожевые отряды, которые не допускали бы Печенѣговъ до берега: съ высокаго днѣпровскаго берега легко было перестрѣлять всѣхъ участниковъ торговаго каравана. Выплывши благополучно въ устья Днѣпра, Русь приносила жертву богамъ. Далѣе купцы двигались вдоль берега, мимо устьевъ Дуная. Подходя къ Дунаю, караванъ снова высылалъ на берегъ сторожевой отрядъ, чтобы отбить поджидавшихъ здѣсь Печенѣговъ, и затѣмъ двигался далѣе къ Константинополю. Читая пространный разсказъ императора, живо чувствуешь, почему русской торговлѣ нужна была вооруженная охрана на пути къ Царьграду.

Но варвары, засаривавшіе торговые пути Руси, подвергали опасности и самыя границы Русской земли. *Отсюда третья забота кіевскихъ князей—оградить предѣлы Руси со стороны степи.* Эта забота съ теченіемъ времени становится господствующей, благодаря напору степныхъ кочевниковъ. Олегъ, какъ только усѣлся въ Кіевѣ, началъ строить города вокругъ него. Владиміръ, принявъ христіанство, сказалъ: «худо, что мало городовъ около Кіева», и началъ ставить города близъ Кіева по рѣкамъ Деснѣ, Трубежу, Стугнѣ, Сулѣ и другимъ. Эти укрѣпленные пункты заселялись боевыми людьми, которые вербовались изъ разныхъ племенъ славянскихъ и финскихъ, населявшихъ русскую равнину. Съ теченіемъ времени эти укрѣпленныя мѣста соединялись между собою валами и засѣками. Такъ по южнымъ и юго-восточнымъ границамъ тогдашней Руси, на правой и лѣвой сторонѣ Днѣпра, выведены были въ X и XI в.в. ряды земляныхъ окоповъ и сторожевыхъ заставъ, городковъ, чтобы сдерживать нападенія кочевниковъ. Все княженіе Владиміра прошло въ упорной борьбѣ съ Печенѣгами, которые раскинулись по обѣимъ сторонамъ нижняго Днѣпра восемью ордами, дѣлившимися каждая на пять колѣнъ. Передовыя кибитки Печенѣговъ въ половинѣ X-го вѣка, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, придвигались на разстояніе одного дня пути отъ города Кіева, т. е. верстъ на сорокъ отъ него. Въ началѣ XI вѣка мы встрѣчаемъ указанія на успѣхъ борьбы Руси со степью. Въ 1006—1007 годахъ проѣзжалъ черезъ Кіевъ нѣмецкій миссіонеръ Бруно, ѣдучи къ Печенѣгамъ для проповѣди Евангелія. Онъ остановился на нѣсколько времени въ гостяхъ у князя Владиміра, котораго въ письмѣ къ императору Генриху II называетъ сеньёромъ Руссовъ. Князь уговаривалъ миссіонера не ѣхать къ Печенѣгамъ, у которыхъ не най-

детъ душъ для спасенія, а только можетъ погибнуть позорной смертью. Князь не могъ уговорить миссіонера и вызвался проводить его до границъ Руси, «которыя онъ оградилъ крѣпкимъ частоколомъ на весьма большомъ протяженіи, по причинѣ скитающихся около нихъ непріятелей». Въ одномъ мѣстѣ князь съ дружиной провелъ нѣмцевъ воротами черезъ ограду и послалъ сказать имъ: «Я довелъ васъ до мѣста, гдѣ кончается моя земля и начинается непріятельская». Весь этотъ путь отъ Кіева до границы совершенъ былъ въ два дня, а въ половинѣ X вѣка печенѣжскія кибитки начинались въ разстояніи одного дня пути отъ Кіева. Въ полвѣка, стало быть, Русь упорной борьбой успѣла пробиться въ степь на одинъ день пути, т. е. еще верстъ на сорокъ; а великій князь Ярославъ ставилъ города еще южнѣе по рѣкѣ Роси, населяя ихъ плѣнными Ляхами.

Такъ сказался въ дѣятельности первыхъ кіевскихъ князей до половины XI-го вѣка господствующій интересъ Руси, создавшій выше указанныя экономическія и политическія явленія.

Русская земля въ половинѣ XI вѣка.

Своимъ мечемъ первые русскіе князья очертили довольно широкій кругъ земли, тянувшій политически къ Кіеву. Населеніе этой территоріи было разноплеменное: въ составъ его вошли не только всѣ восточныя славянскія племена, но и нѣкоторыя изъ финскихъ. Такъ уже при Ярославѣ возникъ русскій городъ среди прибалтійской Чуди—Юрьевъ (Дерптъ); еще раньше являются правительственныя русскія средоточія среди финскихъ племенъ на востокѣ—среди Муромы, Мери и Веси—города Муромъ, Ростовъ и Бѣлозерскъ. Ярославъ построилъ на берегу Волги еще городъ, названный его кня-

жескимъ именемъ—Ярославль. Русская территорія такимъ образомъ простиралась съ сѣвера на югъ отъ Ладожскаго озера до устьевъ рѣки Роси, праваго притока Днѣпра. Съ востока на западъ она шла отъ впаденія Клязьмы въ Оку до верхняго теченія Западнаго Буга. Страна древнихъ Хорватовъ—Галиція была въ X и XI в.в. спорнымъ краемъ, переходившимъ между Польшей и Русью изъ рукъ въ руки. Нижнее теченіе рѣки Оки, которая была восточной границей Руси, какъ и низовья южныхъ рѣкъ Днѣпра, Южнаго Буга и Днѣстра, находились, повидимому, внѣ власти кіевскихъ князей.

Разноплеменное населеніе, занимавшее всю эту территорію, разумѣется, не составляло еще единаго народа. Племена, здѣсь обитавшія, сцѣплены были связями механическими. Связь нравственная—христіанство—распространялось еще медленно и не успѣло еще захватить даже всѣхъ славянскихъ племенъ. Такъ, Вятичи не были христіанами еще въ началѣ XII-го вѣка. *Главною механическою связью, соединявшею части населенія, была княжеская администрація съ ея посадниками, данями и пошлинами.* Во главѣ этой администраціи стоялъ князь кіевскій. Намъ уже извѣстенъ характеръ его власти, какъ и ея происхожденіе. Это былъ первоначально наемный, военный стражъ русской торговли, ея путей и рынковъ. Онъ вышелъ изъ среды тѣхъ конунговъ, вождей военно-промышленныхъ компаній, которыя явились на Руси въ IX вѣкѣ. Столкновеніе съ чуждыми политическими формами клало заимствованныя черты на власть этихъ наемныхъ военныхъ сторожей: такъ, въ X вѣкѣ русскіе князья любили величаться «каганами». Митрополитъ Илларіонъ, писатель половины XI вѣка, въ Похвальномъ словѣ Владиміру Святому даетъ даже этому князю титулъ кагана. Вмѣстѣ съ христіанствомъ пришелъ на Русь слой новыхъ

политическихъ понятій. На кіевскаго князя духовенство стало переносить византійское понятіе о государѣ, поставленномъ отъ Бога для поддержки общественнаго порядка. Митрополитъ Илларіонъ говоритъ, что князь Владиміръ часто съ великимъ смиреніемъ совѣтовался съ епископомъ о томъ, какъ уставить законъ среди людей, недавно познавшихъ Господа. И разсказъ начальнаго лѣтописнаго свода выводитъ Владиміра въ совѣтѣ съ епископами, которые внушаютъ ему мысль о необходимости князю казнить разбойниковъ, потому что онъ поставленъ отъ Бога казнить злыхъ и миловать добрыхъ.

Эти князья правятъ Русскою землею съ помощью правительственнаго класса, вокругъ него собравшагося,— съ помощью своей дружины. Дружина эта распадалась на два слоя—высшую и низшую, рядовую дружину. Къ первой относятся *княжіе мужи*, впослѣдствіи *бояре*, ко второй—*дѣтскіе* или *отроки*. «Дѣтскіе» и «отроки» были русскія названія, но еще въ X в. и началѣ XI в. употреблялось иноземное названіе этого класса, указывающее на племя, изъ котораго выходило большинство этого общественнаго слоя: *гридь* (въ собират. смыслѣ) или *гриди*. Слово это произошло отъ скандинавскаго термина hird—вообще слуга, живущій на содержаніе своего господина; отсюда и русская собирательная форма *гридьба*, т. е. гриди вообще. Большинство этой дружины въ X в. жило во дворѣ князя; помѣщеніе, гдѣ она жила, и позднѣе сохранило названіе *гридницы*.

Княжеская дружина вмѣстѣ со своимъ княземъ, какъ мы знаемъ, выдѣлилась изъ состава вооруженнаго купечества большихъ торговыхъ городовъ. Между нею и послѣднимъ не проходитъ рѣзкой межи—ни политической, ни хозяйственной. Дружина княжеская—собственно военный классъ; но и большіе города были устроены по военному: они составляли каждый цѣльный

полкъ или тысячу, подраздѣленную на сотни и десятки, батальоны и роты, съ выборными тысяцкимъ, сотскими и десятскими. Эти городовые полки, точнѣе говоря, вооруженные города, постоянно участвовали въ походахъ князя наравнѣ съ его дружиной. Съ другой стороны, если князь, по замѣчанію лѣтописи, думалъ о ратяхъ и о земскомъ строѣ, то въ составѣ этой думы рядомъ съ епископами являются и выборныя военныя власти города: тысяцкіе и сотскіе, называемые въ лѣтописномъ разсказѣ «старцами городскими». Это не люди извѣстнаго возраста, а люди извѣстнаго административнаго положенія, — это старосты. Наконецъ княжеская дружина становится во главѣ торговаго класса Руси и вмѣстѣ съ купцами большихъ городовъ ведетъ дѣятельную заморскую торговлю. Иностранцамъ X-го вѣка оба класса—княжеская дружина и городское купечество—представлялись однимъ общественнымъ слоемъ, который носилъ названіе Руси, занимался исключительно торговлей, не имѣлъ ни деревень, ни пашенъ, т. е. не принялся еще за землевладѣніе. Землевладѣніе появляется позднѣе и проводитъ впервые замѣтную экономическую грань между княжеской дружиной и городовымъ купечествомъ.

Но если дружина не отдѣлялась замѣтно отъ городоваго купечества ни политически, ни экономически, то можно все таки замѣтить одно различіе между ними—различіе этнографическое. До XI-го вѣка, повидимому, въ составѣ княжеской дружины рѣшительно преобладалъ пришлый элементъ. Несомнѣнно, въ числѣ «княжихъ» мужей были и туземцы, преимущественно изъ городской военно-правительственной старшины. Но по спискамъ кіевскихъ пословъ, въ договорахъ съ Греками можно видѣть, что рѣшительное большинство въ составѣ дружины принадлежало заморскимъ Варягамъ.

Въ XI-омъ вѣкѣ русское населеніе привыкло отождествлять боярина съ Варягомъ. Есть рядъ любопытныхъ памятниковъ, относящихся къ первымъ временамъ христіанства на Руси. Это—слова на св. Четыредесятницу съ предшествующими ей недѣлями. Въ этомъ, несомнѣнно русскомъ, памятникѣ, въ словѣ «о смиреніи», мы читаемъ такую любопытную замѣтку проповѣдника. Ораторъ внушаетъ знати смиреніе, говоря: «не хвались родомъ, ты благородный, не говори: отецъ у меня бояринъ, а мученики Христовы братья мнѣ». Это намекъ на мучениковъ христіанскихъ—варяговъ (отца съ сыномъ), пострадавшихъ отъ кіевскихъ язычниковъ при князѣ Владимірѣ въ 983 году. Значитъ, бояринъ русскій XI-го вѣка представлялся непремѣнно родичемъ, землякомъ кіевскихъ мучениковъ варяговъ.

Этотъ правительственный классъ—княжеская дружина—служила орудіемъ администраціи въ рукахъ кіевскаго князя. Вмѣстѣ съ богатымъ купечествомъ большихъ городовъ она носила спеціальное названіе Руси. До сихъ поръ не объяснено ни историческое, ни этимологическое происхожденіе этого слова. По предположенію автора древней «Повѣсти о началѣ Русской земли» первоначальное значеніе его было *племенное:* такъ называлось то варяжское племя, изъ котораго вышли первые наши князья. Потомъ это слово получило *сословное* значеніе: Русью назывался высшій классъ русскаго общества, преимущественно княжеская дружина. Позднѣе это слово является съ *географическимъ* значеніемъ: такъ называлась Кіевская область, гдѣ преимущественно сосредоточивались пришлые Варяги. Наконецъ, въ XI и XII вв. слово это, не теряя своего географическаго значенія, получаетъ еще значеніе *политическое:* такъ стала называться вся территорія, подвластная русскимъ князьямъ. Отъ этого смѣшаннаго высшаго класса, военнаго и про-

мышленнаго, называвшагося Русью, въ X и XI в.в. отличалось низшее населеніе—славянское простонародье, платившее дань Руси.

Въ такомъ видѣ является передъ нами Русская земля въ моментъ смерти Ярослава. Это ея состояніе послужило основаніемъ, на которомъ создался политическій и общественный порядокъ Руси, наблюдаемый нами въ послѣдующее время до конца XII вѣка.

Порядокъ княжескаго владѣнія Русской землей въ потомствѣ Ярослава.

Довольно трудно отвѣтить на вопросъ, какой правительственный порядокъ дѣйствовалъ на Руси до смерти Ярослава. Мы видимъ, что иногда княжеская власть передавалась по старшинству. Преемникомъ Рюрика былъ не малолѣтній сынъ его Игорь, а родственникъ, по древнему русскому преданію, племянникъ Рюрика—Олегъ. Съ другой стороны, власть надъ всей Русской землей не разъ является въ рукахъ одного князя, но только потому, что въ эту минуту не было другихъ взрослыхъ князей. Слѣдовательно, единовластіе до половины XI-го вѣка было политической случайностью, но не политическимъ порядкомъ. Какъ скоро у князя являются взрослые сыновья, каждый изъ нихъ обыкновенно еще при жизни отца получаетъ извѣстную волость въ управленіе. Такъ было съ сыновьями Святослава, тоже повторилось и съ сыновьями Владиміра. При отцѣ сыновья правятъ областями въ качествѣ его посадниковъ—намѣстниковъ. Они платятъ дань отцу со своихъ областей. Такъ, лѣтопись разсказываетъ, что Ярославъ, сидя въ Новгородѣ, платилъ отцу ежегодно по 2,000 гривенъ, какъ платили всѣ посадники новгородскіе. Но когда умиралъ отецъ, тогда, повидимому, разрывалась политическая зависимость областныхъ кня-

зей отъ Кіева, отъ садившагося здѣсь великаго князя. Политической зависимости младшихъ братьевъ отъ старшаго брата—отъ князя кіевскаго — совершенно незамѣтно. Едва, впрочемъ, замѣтно мелькаетъ мысль о правѣ старшинства. Эту мысль высказалъ одинъ изъ сыновей Владиміра, князь Борисъ. Когда дружина, по смерти его отца, совѣтовала сыну занять кіевскій столъ помимо старшаго брата Святополка, Борисъ отвѣчалъ: «не буди мнѣ възняти руки на брата своего старѣйшаго; аще и отецъ ми умре, то сь ми буди въ отца мѣсто».

Со смерти Ярослава обнаруживается своеобразный порядокъ княжескаго владѣнія. Прежде всего посмотримъ, какъ раздѣлились Ярославичи. Ихъ было на лицо шестеро: пять сыновей и одинъ внукъ Ростиславъ отъ старшаго Ярославова сына, умершаго при жизни отца, Владиміра. Мы не считаемъ раньше выдѣлившихся князей Полоцкихъ—потомство старшаго Владимірова сына Изяслава отъ Рогнѣды. Старшій Ярославичъ—Изяславъ взялъ себѣ земли: Кіевскую и Новгородскую, слѣдовательно, оба конца рѣчного пути «изъ Варягъ въ Греки». Второй сынъ Святославъ получилъ область Десны — землю Черниговскую съ отдаленной Муромо-Рязанской окраиной и съ Азовской колоніей Руси — Тмутараканью, возникшей на мѣстѣ старой византійской колоніи Таматарха (Тамань) — античной Фанагоріи. Эта Тмутаракань соединена была съ Черниговской землей рѣчнымъ путемъ по Донцу и Дону. Третій Ярославичъ-Всеволодъ сѣлъ въ Переяславлѣ южномъ (нынѣ уѣздномъ городѣ Полтавской губерніи) и получилъ въ прибавокъ къ этой волости отдаленный край Суздальскій и Бѣлозерскій по верхнему Поволжью. Четвертый Вячеславъ сѣлъ въ Смоленскѣ, пятый Игорь на Волыни, гдѣ пра-

вительственнымъ центромъ сталъ построенный при Владимірѣ городъ Владиміръ на Западномъ Бугѣ. Сирота племянникъ получилъ отъ дядей отдаленный Ростовскій край среди владѣній Всеволода Переяславскаго и Святослава Черниговскаго. Легко замѣтить, чѣмъ руководились Ярославичи въ такомъ распредѣленіи Русской земли между собою. Они руководились двойнымъ соображеніемъ: старались распредѣлить части Русской земли между собою по старшинству и по доходности волостей. Чѣмъ старше князь, тѣмъ лучшую волость получалъ онъ. Главные города этихъ областей въ распредѣленіи, сдѣланномъ Ярославичами, слѣдуютъ одинъ за другимъ совершенно въ томъ же порядкѣ, въ какомъ перечислялись эти области въ договорахъ съ Греками— по своему торговому значенію. Кіевъ былъ въ то время средоточіемъ русской торговли и богатѣйшимъ городомъ Руси. Можно найти много прямыхъ указаній на это, своихъ и чужихъ. Иностранцы XI-го вѣка склонны были даже преувеличивать богатство и населенность Кіева. Писатель самаго начала XI-го вѣка Титмаръ Мерзебургскій считаетъ Кіевъ чрезвычайно большимъ и красивымъ городомъ, въ которомъ около 400 церквей и 8 рынковъ. Другой западный писатель того же вѣка Адамъ Бременскій называетъ Кіевъ соперникомъ Константинополя, «блестящимъ украшеніемъ Греціи», т. е. православнаго востока. Итакъ Ярославичи раздѣлили между собою землю своего отца и дѣда по степени старшинства и по доходности областей. Какъ они владѣли Русской землей при дальнѣйшихъ перемѣнахъ въ наличномъ составѣ князей? Черезъ два года послѣ смерти Ярослава умеръ Вячеславъ Смоленскій, оставивши сына. Старшіе братья перевели въ Смоленскъ съ Волыни Игоря, а на его мѣсто въ Волынь перевели изъ Ростова племянника Ростислава. Въ 1060 году умеръ

Игорь, оставивши сыновей. Старшіе братья не отдали Смоленска ни этимъ сыновьямъ, ни Ростиславу. Но Ростиславъ счелъ себя обиженнымъ и бѣжалъ въ Тмутаракань собирать силы, чтобы мстить дядямъ; слѣдовательно, онъ считалъ себя въ правѣ по очереди перемѣститься въ Смоленскъ. Въ 1093 г. умеръ послѣдній изъ Ярославовыхъ сыновей Всеволодъ. На сцену выступаетъ второе поколѣніе — внуковъ. На кіевскомъ столѣ сѣлъ старшій сынъ старшаго Ярославича—Святополкъ Изяславичъ, но кіевляне не хотѣли Святополка. Они больше любили сына третьяго Ярославича — Владиміра Мономаха. Мономахъ, однако, отказался, такъ объясняя свой отказъ: «аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ яко есть столъ преже отъ отца его былъ».

Итакъ, во владѣніи частями Русской земли князья Ярославичи держались извѣстной очереди; старшинство служило основаніемъ этой очереди. Понятіе о старшинствѣ, какъ объ основаніи порядка княжескаго владѣнія, высказывалось князьями въ продолженіе всего XII-го вѣка. По ихъ словамъ, правильный порядокъ владѣнія тотъ, который держится на очереди старшинства. Въ концѣ XII-го вѣка (въ 1195 году) великій князь кіевскій Рюрикъ съ братьями (Мономаховичи), признавъ старшинство во Владиміровой линіи за Всеволодомъ III Суздальскимъ, потребовалъ отъ черниговскихъ князей, чтобы они навсегда отказались отъ Кіева. Рюрикъ послалъ сказать старшему изъ черниговскихъ князей Ярославу: «цѣлуй намъ крестъ со всею своею братіею, что не искать вамъ Кіева и Смоленска подъ нами и подъ нашими дѣтьми и всѣмъ нашимъ Владиміровымъ племенемъ. Дѣдъ нашъ Ярославъ раздѣлилъ насъ Днѣпромъ, поэтому вамъ и не подобаетъ искать Кіева». Рюрикъ выдумалъ Ярославовъ раздѣлъ по Днѣпру, чего никогда не бывало. Въ отвѣтъ

на это требованіе Ярославъ Черниговскій обратился къ главѣ Мономаховичей, Всеволоду III-му, съ такими словами: «у насъ былъ договоръ не искать Кіева подъ тобою и подъ сватомъ твоимъ Рюрикомъ. Мы и стоимъ на этомъ уговорѣ; но если ты велишь намъ отказаться отъ Кіева навсегда, то, вѣдь, мы не Угры и не Ляхи, а единаго дѣда внуки. При вашемъ животѣ не ищемъ Кіева, а послѣ, кому Богъ дастъ». Итакъ, до конца XII-го столѣтія основаніемъ порядка княжескаго владѣнія считалась очередь старшинства, державшаяся на родствѣ князей, на единствѣ княжескаго рода.

Такой своеобразный порядокъ княжескаго владѣнія установился на Руси со смерти Ярослава. Изложимъ его въ возможно короткой схемѣ. Князья не раздѣлялись между собою разъ навсегда и не передавали дѣтямъ доставшихся имъ областей. Князья являлись подвижными владѣльцами, передвигавшимися изъ волости въ волость по очереди старшинства. Всѣ они по степени старшинства разстанавливались по разнымъ ступенямъ генеалогической лѣстницы. Точно также вся Русская земля представляла лѣстницу областей, стоявшихъ выше и ниже по своему значенію въ народномъ хозяйствѣ. Порядокъ княжескаго владѣнія состоялъ въ точномъ соотвѣтствіи ступеней обѣихъ лѣстницъ—генеалогической и географической: лѣстницы лицъ и лѣстницы областей. Во главѣ лѣстницы лицъ стоялъ князь кіевскій, старшій изъ наличныхъ князей. Старшинство давало ему, кромѣ обладанія лучшей волостью, извѣстныя права и надъ младшими родичами. Онъ носилъ званіе *великаго князя*, названнаго отца; онъ судилъ младшихъ родичей, которые «ходили въ его послушаніи», заботился объ ихъ осиротѣлыхъ семьяхъ; былъ высшій попечитель Русской земли, «думалъ—гадалъ о Русской землѣ», о чести своей и своихъ родичей. Такъ изображаютъ значеніе

великаго князя кіевскаго сами младшіе его родичи князья XII столѣтія. Но руководя Русью и родичами своими, великій князь въ болѣе важныхъ случаяхъ дѣйствовалъ не одинъ, а собирая князей на общій совѣтъ; вообще дѣйствовалъ какъ представитель и исполнитель воли всего державнаго княжескаго рода.

Происхожденіе очередного порядка княжескаго владѣнія въ Кіевской Руси.

Описанный порядокъ княжескаго владѣнія имѣлъ довольно сложное происхожденіе. Прежде всего въ основаніи его лежало родовое право старшинства. Родовое право со времени разселенія Восточныхъ Славянъ, поколебавшееся въ частномъ гражданскомъ общежитіи, теперь стало основаніемъ политическаго порядка. Но этимъ правомъ не все объясняется въ указанномъ подвижномъ порядкѣ владѣнія. И на Западѣ, особенно у Славянъ въ началѣ ихъ государственной жизни, дѣйствовало право старшинства при участіи всѣхъ родичей во владѣніи. И тамъ иногда государи дѣлили свои владѣнія между сыновьями, подчиняя младшихъ власти старшаго. Такъ было въ Чехіи при Брячиславѣ, въ Польшѣ при Болеславѣ Кривоустомъ, въ Моравіи при Святополкѣ. Но тамъ разъ подѣлившіеся совладѣльцы, не мѣняясь владѣніями, устанавливали скоро наслѣдованіе въ прямой нисходящей линіи. Тамъ изъ права старшинства, при участіи всего рода во владѣніи, не развивался такой подвижной порядокъ владѣнія, какой старались установить у насъ Ярославичи. Слѣдовательно, у насъ дѣйствовали на ряду съ родовымъ правомъ старшинства еще другія, такъ сказать, вспомогательныя условія. Эти именно условія и создали самую характеристическую особенность дѣйствовавшаго у насъ порядка владѣнія, его подвижность. Условія эти заключались въ своеобразномъ сочетаніи

политическихъ понятій и привычекъ нашихъ князей съ экономическимъ положеніемъ страны.

Постоянное владѣніе предполагаетъ уже готовое понятіе о владѣльцѣ, имѣющемъ постоянныя связи съ владѣемой территоріей. Такого понятія не замѣтно, или оно только что зарождалось среди русскихъ князей того времени (XI в.). Послѣдніе еще оставались тѣмъ же, чѣмъ были ихъ предки IX в., рѣчными викингами-витязями, которыхъ шедшія изъ степи опасности едва заставили пересѣсть съ рѣчной лодки на коня. Они видѣли въ себѣ не столько владѣтелей и правителей русской территоріи, сколько руководителей и охранителей русскаго торга и военныхъ сторожей русскихъ границъ. За эти оборонительныя услуги они получали съ земли вознагражденіе, кормъ, въ видѣ налоговъ, полюдій и пошлинъ судебныхъ и торговыхъ. Этотъ кормъ былъ ихъ политическимъ правомъ, эта оборона земли и торга—ихъ политическою обязанностью, служившею источникомъ этого права. Таковы два элемента, входившіе въ составъ понятія о русскомъ князѣ-владѣльцѣ XI в., составлявшіе его политическую физіономію. И Ярославичи, какъ ихъ предки IX в., вожди военно-промышленныхъ варяжскихъ компаній, соперничали другъ съ другомъ за богатые города и въ этомъ соперничествѣ переходили изъ города въ городъ; только теперь, составляя тѣсный родственный кругъ, а не толпу случайно встрѣтившихся искателей торговаго барыша и сытнаго корма, они старались замѣнить случайное и безпорядочное дѣйствіе личной удали или личной удачи обязательнымъ правомъ старшинства, какъ постояннымъ правиломъ.

Правда, при нормальномъ положеніи страны такія владѣльческія понятія и привычки князей, унаслѣдованныя отъ предковъ, не помѣшали бы имъ скоро превратиться изъ бродячихъ сторожей Русской земли въ осѣд-

лыхъ территоріальныхъ владѣльцевъ ея областей. Если бы благосостояніе каждой области зависѣло исключительно отъ ея внутреннихъ экономическихъ средствъ, Ярославичи, разъ раздѣлившись, занялись бы, каждый въ своей долѣ, эксплоатаціей этихъ средствъ, установили бы наиболѣе выгодную администрацію и систему обороны своихъ территорій и, работая уединенно въ своихъ территоріяхъ, привыкли бы считать ихъ своими постоянными, частными владѣніями и передавать ихъ своимъ дѣтямъ. Нѣсколько позднѣе, на другой почвѣ, мы встрѣтимся съ подобнымъ процессомъ въ нашей исторіи. Но въ Днѣпровской Руси XI и XII в.в. описанныя понятія и привычки князей встрѣтились съ такими условіями народнаго хозяйства, которыя помѣшали этому превращенію. Экономическая жизнь Руси была слишкомъ сосредоточена. Всѣ области этой Руси были богаты пушнымъ звѣремъ, медомъ и воскомъ; но цѣна этихъ богатствъ зависѣла отъ спроса на заграничныхъ рынкахъ, а спросъ былъ возможенъ, когда были чисты степные торговые пути, ведшіе къ этимъ рынкамъ отъ Чернигова, Переяславля, преимущественно отъ Кіева. Малѣйшее засореніе этихъ путей болѣзненно отзывалось въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ русскаго промышленнаго міра. Въ этомъ отношеніи Днѣпровская Русь была похожа на нервный организмъ, который былъ обращенъ головою—Кіевомъ—въ степь, на встрѣчу вражескимъ ударамъ, и былъ сцѣпленъ сѣтью артерій и нервовъ, шедшей отъ этой головы, въ видѣ Днѣпра съ его притоками. При такомъ состояніи народнаго хозяйства невозможна была уединенная правительственная дѣятельность князей въ своихъ областяхъ; они должны были защищать землю общими силами, направляя ихъ на болѣе угрожаемые пункты, на южныя границы. Князь, сидѣвшій въ Новгородѣ или Смоленскѣ,

постоянно смотрѣлъ въ ту же далекую степь, отъ которой не отводилъ глазъ его южной родичъ, князь переяславскій или курскій, потому что благосостояніе сѣверныхъ областей также въ значительной степени зависѣло отъ безопасности южныхъ границъ земли и пролегавшихъ по степи торговыхъ путей.

Необходимость защищать страну общими силами, вмѣстѣ съ живымъ чувствомъ родства, не позволяла первымъ Ярославичамъ раздѣлить между собою землю на постоянныя, наслѣдственныя части, поддерживала въ нихъ мысль о нераздѣльности владѣнія отцовскимъ и дѣдовскимъ достояніемъ. Но при тѣсной экономической связи областей не всѣ онѣ одинаково подвергались внѣшнимъ опасностямъ; въ этомъ отношеніи наиболѣе страдали южныя области. Случилось такъ, что наиболѣе угрожаемыя области были и болѣе богатыя, доходныя для князей. Экономическое благосостояніе каждой области опредѣлялось ея географическимъ положеніемъ, именно близкостью къ Кіеву, къ главнымъ рѣчнымъ путямъ страны и къ приморскимъ рынкамъ, т. е. близостью къ степи, которая грозила Руси наибольшими внѣшними опасностями. *Такое своеобразное сочетаніе стратегическаго и экономическаго значенія областей и указало князьямъ самый порядокъ общаго нераздѣльнаго владѣнія.*

Если бы оба эти значенія областей не были связаны одно съ другимъ, если бы наиболѣе богатыми были области наименѣе опасныя, а наиболѣе угрожаемыми наименѣе зажиточныя, то старшіе Ярославичи постарались бы по праву старшинства захватить наиболѣе богатыя области, предоставивъ младшимъ наиболѣе опасныя. Тогда установился бы рядъ постоянныхъ наслѣдственныхъ владѣній, между которыми, при господствѣ мысли о старшинствѣ владѣтелей, могли сохра-

ниться нѣкоторыя связи: они могли образовать федерацію, въ которой взаимныя отношенія союзныхъ владѣтелей въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ опредѣлились бы старшинствомъ ихъ родоначальниковъ, т. е. сыновей Ярослава; по числу послѣднихъ родъ княжескій распался бы на нѣсколько генеалогическихъ линій, и въ каждомъ поколѣніи старшимъ княземъ считался бы старшій представитель линіи старшаго Ярославича, Изяслава. Это было бы неподвижное старшинство, связанное съ одной линіей Ярославова рода. Но указанная встрѣча условій, опредѣлявшая стратегическое и экономическое положеніе областей, не позволила установиться такому порядку. Общій интересъ князей требовалъ, чтобы оборона и обладаніе наиболѣе угрожаемой областью доставались тому изъ нихъ, который имѣлъ наиболѣе права на ея богатства и болѣе средствъ оборонять ее. Эти права и средства связаны были со старшинствомъ личнымъ. Старшій изъ наличныхъ князей былъ наиболѣе способенъ оборонять наиболѣе опасную область. Чѣмъ старше былъ князь, тѣмъ большую наживалъ онъ дружину; со старшинствомъ личнымъ связанъ былъ правительственный и военный авторитетъ князя; старшаго князя больше слушались, больше боялись. Но старшинство личное переходчиво; со смертью каждаго старшаго оно должно было переходить съ князя одной линіи на князя другой, съ Изяславича на Святославича или Всеволодовича и обратно, смотря по случайностямъ рожденій и смертей. Вмѣстѣ съ этими переходами личнаго старшинства, и наличные князья по порядку его должны были переходить изъ одной, менѣе угрожаемой и богатой, волости въ другую, болѣе богатую и болѣе опасную.

Итакъ, тѣсная экономическая солидарность областей, при тѣсной родственной связи князей, поддерживала

нераздѣльность княжескаго владѣнія; господствовавшія между князьями политическія понятія положили въ основаніе ихъ владѣльческихъ отношеній мысль о родовомъ старшинствѣ; сочетаніе экономическаго значенія областей со стратегическимъ сообщило этому старшинству личный, подвижной характеръ, а такой характеръ старшинства, при содѣйствіи унаслѣдованныхъ Ярославичами владѣльческихъ привычекъ, ввелъ въ нераздѣльное владѣніе передвижку по измѣнчивой очереди личнаго старшинства. Изъ совокупности такихъ элементовъ и сложился очередной, или подвижной порядокъ княжескаго владѣнія въ XI и XII в.в. Таково значеніе высказаннаго выше положенія, что очередной порядокъ княжескаго владѣнія вышелъ изъ своеобразнаго сочетанія политическихъ понятій и привычекъ князя съ экономическимъ положеніемъ страны.

Условія, разрушавшія очередной порядокъ княжескаго владѣнія.

Что представлялъ собою этотъ порядокъ? Былъ ли онъ политическимъ идеаломъ, носившимся только въ умахъ князей, или политической дѣйствительностью? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надобно различать общія основанія этого порядка и его практическое развитіе, т. е. приложеніе къ отдѣльнымъ случаямъ въ исторіи княжескихъ отношеній.

Мы видѣли, что основаніями этого порядка были нераздѣльность Русской земли на постоянныя обособленныя княжескія владѣнія и распредѣленіе областей между князьями по измѣнчивой очереди старшинства. Порядокъ владѣнія, построенный на такихъ основаніяхъ, Ярославичи до конца XII в. считали единственно правильнымъ и возможнымъ. Но первымъ поколѣніямъ

Ярославичей представлялись ясными и безспорными только эти общія основанія порядка, которыми опредѣлялись простѣйшія отношенія, возможныя въ тѣсномъ кругу близкихъ родичей. По мѣрѣ того, какъ этотъ кругъ расширялся, а отношенія лицъ усложнялись и запутывались, возникали вопросы, рѣшеніе которыхъ не легко было извлечь изъ этихъ общихъ основаній. Тогда началась казуальная разработка этихъ послѣднихъ въ подробностяхъ. Но примѣненіе основаній къ отдѣльнымъ случаямъ вызывало споры между князьями. Главнымъ источникомъ этихъ споровъ былъ вопросъ о способѣ опредѣленія старшинства князей, на которомъ основывалась очередь владѣнія. По смерти Ярослава, когда началъ дѣйствовать очередной порядокъ, этотъ способъ не былъ еще достаточно уясненъ его дѣтьми. Отношенія старшинства представлялись имъ въ простѣйшей схемѣ, какую можно снять съ тѣснаго круга отца съ дѣтьми: отецъ долженъ итти впереди сыновей, старшій братъ впереди младшихъ. Но эту схему стало трудно прилагать къ дальнѣйшимъ поколѣніямъ Ярославова рода, когда онъ размножился и распался на нѣсколько параллельныхъ вѣтвей, и появилось много сверстниковъ, когда трудно было распознать, кто кого старше и насколько, кто кому какъ доводится. Во второй половинѣ XII в. трудно даже сосчитать по лѣтописи всѣхъ наличныхъ князей, и эти князья — не близкіе родственники, а большею частью троюродные, четвероюродные и, Богъ знаетъ, какіе братья или племянники. Отсюда при каждой перемѣнѣ въ наличномъ составѣ княжескаго рода и рождались споры о порядкѣ старшинства.

Укажемъ на одинъ спорный случай, наиболѣе часто возникавшій и ссорившій князей. Обыкновенно дядя бываетъ старше племянника, ближе къ общему предку;

потому дядя и считался названнымъ отцомъ для племянника. Но по тогдашней привычкѣ князей жениться рано и умирать поздно, иной племянникъ былъ старше своего дяди. У Мономаха было восемь сыновей; шестой изъ нихъ, Вячеславъ, разъ сказалъ седьмому Юрію Долгорукому: «я былъ уже бородатъ, когда ты родился». Старшій сынъ этого бородатаго брата могъ быть старше своего дяди, Юрія Долгорукаго. Отсюда возникалъ вопросъ: кто выше на лѣстницѣ старшинства, младшій ли лѣтами дядя, или старшій возрастомъ племянникъ. Большая часть княжескихъ усобицъ XI и XII в.в. выходила именно изъ столкновеній племянниковъ съ дядьями.

Итакъ, князья не умѣли выработать способа точнаго опредѣленія старшинства, который разрѣшилъ бы всѣ спорные случаи въ ихъ генеалогическихъ отношеніяхъ. Это неумѣніе вызвало рядъ условій, мѣшавшихъ мирному дѣйствію очереднаго порядка княжескаго владѣнія. Этими условіями были либо послѣдствія, вытекавшія изъ самаго этого порядка, либо препятствія, которыя приходили со стороны, но которыя не имѣли бы дѣйствія, если бы князья умѣли всегда мирно разрѣшать свои владѣльческія недоразумѣнія. Перечислимъ главныя изъ этихъ условій.

1. *Ряды и усобицы князей.* Возникавшіе между князьями споры о старшинствѣ и порядкѣ владѣнія разрѣшались или «рядами», договорами князей на съѣздахъ, или, если соглашеніе не состоялось, оружіемъ, т. е. усобицами. Усобица была точно такимъ же способомъ рѣшенія политическихъ споровъ между князьями, какими служили тогда судебные поединки въ уголовныхъ или гражданскихъ тяжбахъ между частными лицами; поэтому вооруженная борьба князей за старшинство и называлась «судомъ Божіимъ». Таково значеніе княжескихъ «рядовъ» и усобицъ въ исторіи очередного

порядка княжескаго владѣнія. Цѣлью ихъ было возстановить дѣйствіе этого порядка, а не поставить на его мѣсто какой-либо новый; но оба эти средства вносили въ него элементы, противные его основаніямъ: условность соглашенія и случайность перевѣса матеріальной силы. Извѣстный князь пріобрѣталъ старшинство не потому, что онъ былъ въ самомъ дѣлѣ старшимъ, а потому, что его соглашались признавать старшимъ, или потому, что онъ одолѣвалъ соперниковъ.

2. *Мысль объ отчинѣ.* Землею владѣлъ весь княжескій родъ, и порядокъ владѣнія основанъ былъ на томъ, что дальнѣйшія поколѣнія князей должны были повторять отношенія предковъ. Сыновья должны были подниматься по лѣстницѣ старшинства и чередоваться во владѣніи областями въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ шли другъ за другомъ ихъ отцы. Мѣсто въ этой вереницѣ родичей, унаслѣдованное дѣтьми отъ отца, и было ихъ отчиной. Такимъ образомъ *отчина имѣла первоначально генеалогическое значеніе: подъ этимъ словомъ разумѣлось мѣсто среди родичей на лѣстницѣ старшинства*, доставшееся отцу по его рожденію и имъ переданное своимъ дѣтямъ. Но съ каждымъ поколѣніемъ сыновьямъ становилось все труднѣе повторять порядокъ отцовъ. Этому прежде всего мѣшало уже одно то, что сыновей обыкновенно бывало больше, чѣмъ сколько было отцовъ. Благодаря этому затрудненію, *отчина постепенно получила другое значеніе—территоріальное,* которое облегчало распорядокъ владѣній между князьями: *отчиной для сыновей стали считать область, которою владѣлъ ихъ отецъ.*

Такое новое значеніе отчины постепенно развилось изъ прежняго и было утверждено постановленіемъ одного княжескаго съѣзда. По смерти Всеволода Ярославича, когда Русью стали править Ярославовы внуки, между

ними произошли споры о томъ, кому чѣмъ владѣть. На съѣздѣ въ Любечѣ (1097 г.) они рѣшили, что каждый изъ нихъ долженъ «держать отчину свою», т. е. сыновья каждаго Ярославича должны владѣть тѣмъ, чѣмъ владѣлъ ихъ отецъ по Ярославову раздѣлу: Святополкъ Изяславичъ Кіевомъ, Святославичи Черниговомъ, Мономахъ Всеволодовичъ Переяславлемъ и т. д. Съ тѣхъ поръ, по мѣрѣ распаденія Ярославова рода на вѣтви, каждая изъ нихъ все болѣе замыкалась въ одной изъ первоначальныхъ крупныхъ областей, на которыя раздѣлена была Русь по смерти Ярослава. Эти области и становились отчинами отдѣльныхъ линій. Легко замѣтить, что территоріальное значеніе отчины облегчало порядокъ владѣнія князьямъ, запутавшимся въ счетахъ о старшинствѣ; но очевидно также, что оно разрушало одно изъ основаній этого порядка—нераздѣльность родового владѣнія: благодаря ему, земля распадалась на нѣсколько генеалогическихъ территорій или областей, которыми князья владѣли уже по отчинному наслѣдству, а не по очереди старшинства.

3. *Выдѣленіе князей-изгоевъ.* По генеалогическому значенію отчины сынъ проходилъ въ очередномъ порядкѣ владѣнія путь, пройденный его отцемъ: чѣмъ выше поднимался отецъ на лѣстницѣ старшинства, тѣмъ выше могъ подняться на ней и его сынъ. Но на этотъ путь сынъ вступалъ только по смерти отца. Сынъ при жизни отца состоялъ при немъ, не имѣя самостоятельнаго положенія среди родичей. Если этотъ сынъ умиралъ раньше отца, то его собственныя дѣти, очевидно, оставались навсегда безъ всякаго мѣста и опредѣленнаго положенія среди родичей; у нихъ не было никакой отчины, потому что отецъ умеръ прежде, чѣмъ занялъ какое нибудь опредѣленное мѣсто среди родичей. Такіе князья, преждевременно сиротѣвшіе, т. е. лишавшіеся

отцовъ еще при жизни дѣдовъ, назывались *изгоями*. Они не могли участвовать въ очередномъ владѣніи, потому что у нихъ не было мѣста въ отчинной цѣпи князей. Старшіе родичи выдѣляли изъ своей среды такихъ преждевременныхъ сиротъ, давали имъ извѣстныя волости въ постоянное владѣніе и лишали ихъ участія въ общемъ родовомъ порядкѣ владѣнія, выкидывали изъ очереди. Эти князья-сироты становились отрѣзанными ломтями въ княжескомъ родѣ.

Уже въ XI в. являются владѣнія такихъ князей-изгоевъ. Въ такомъ положеніи являются дѣти старшаго Владимірова сына отъ Рогнѣды, князья Полоцкіе. Впослѣдствіи такими князьями-изгоями стали дѣти упомянутаго выше Ростислава, отнявшіе у Польши города Червонной Руси и основавшіе особое княжество Галицкое. Въ XII в. изъ общаго очередного порядка владѣнія выдѣляются княжества: Муромо-Рязанское, доставшееся одному изъ черниговскихъ князей, Ярославу Святославичу; княжество Турово-Пинское на Припети, отошедшее въ осиротѣлую линію старшаго Ярославова внука Святополка Изяславича; наконецъ, княжество Городенское (Гродненское), ставшее постояннымъ владѣніемъ потомства Игоря Ярославича, котораго мы видѣли сперва на Волыни, а потомъ въ Смоленскѣ.

Выдѣленіе князей-изгоевъ изъ владѣльческой очереди было естественнымъ слѣдствіемъ родового порядка владѣнія и служило средствомъ для поддержанія самой этой очереди, но, очевидно, оно суживало кругъ лицъ и волостей, которыя захватывалъ очередной порядокъ владѣнія. Обратите вниманіе на географическое положеніе этихъ выдѣлившихся княжествъ, постоянно стѣснявшихъ пространство дѣйствія очередного порядка княжескаго владѣнія. Всѣ эти княжества являются на окраинахъ. Очередной порядокъ княжескаго владѣнія,

подогрѣваемый родственнымъ чувствомъ князей, основанъ былъ на соотвѣтствіи двухъ указанныхъ лѣстницъ, генеалогической и географической. Теперь это соотвѣтствіе, на которомъ созидался очередной порядокъ, повторяется и въ его разрушеніи. Князья, задержанные преждевременнымъ сиротствомъ на самомъ низу родовой лѣстницы, всѣхъ дальше отъ названнаго отца, великаго князя кіевскаго, очутились владѣльцами окраинъ Русской земли, наиболѣе отдаленныхъ отъ «матери русскихъ городовъ», отъ Кіева: какъ будто теплое родственное чувство князей, еще бившееся съ нѣкоторою силою около сердца земли, Кіева, охладѣвало и застывало на ея оконечностяхъ, вдали отъ этого сердца.

Перечисленныя условія, разрушавшія очередной порядокъ владѣнія, вытекали изъ его же основаній и были средствами, къ которымъ прибѣгали князья для его поддержанія. Въ томъ и состояло внутреннее противорѣчіе очередного порядка, что слѣдствія, естественно вытекавшія изъ его же основаній и служившія средствами его поддержанія, вмѣстѣ съ тѣмъ разрушали самыя эти основанія. Это значитъ, что очередной порядокъ разрушалъ самъ себя, не выдерживалъ дѣйствія собственныхъ послѣдствій. Кромѣ того, эти разрушительныя условія, вытекавшія изъ самаго порядка, вызывали къ дѣйствію стороннія силы, также его разстраивавшія. Силы эти были слѣдующія.

4. *Личныя доблести,* которыми отличались нѣкоторые князья, создавали имъ большую популярность на Руси, благодаря которой эти князья сосредоточивали въ своихъ рукахъ области помимо родовой очереди. Въ XII в. большая часть Русской земли является во владѣніи одной княжеской линіи, Мономаховичей. Одинъ изъ этихъ Мономаховичей, знаменитый внукъ Мономаха Изяславъ Волынскій, во время усобицъ бралъ столы

съ бою, не по очереди старшинства, и смотрѣлъ на нихъ, какъ на личное пріобрѣтеніе, военную добычу. Этотъ князь первый и высказалъ взглядъ на порядокъ княжескаго владѣнія, шедшій совершенно въ разрѣзъ съ установившимся преданіемъ. Онъ сказалъ разъ: «не мѣсто идетъ къ головѣ, а голова къ мѣсту», т. е. личное значеніе князя онъ поставилъ выше правъ старшинства.

5. Наконецъ, еще одна сторонняя сила вмѣшивалась въ счеты князей и путала ихъ очередь во владѣніи. То были *главные города* областей. Княжескіе счеты и сопровождавшія ихъ усобицы сильно задѣвали интересы этихъ городовъ. Среди постоянныхъ княжескихъ споровъ у городовъ завязывались свои симпатіи, привязывавшія ихъ къ нѣкоторымъ князьямъ. Такъ, Мономаховичи пользовались популярностью даже въ городахъ, принадлежавшихъ черниговскимъ Святославичамъ. Защищая свои мѣстные интересы, эти города иногда шли наперекоръ княжескимъ счетамъ, призывая на свои столы любимыхъ князей помимо очереди.

Вскорѣ послѣ смерти Ярослава началось это вмѣшательство городовъ, путавшее княжескую очередь старшинства. Новгородъ особенно больно чувствовалъ послѣдствія княжескихъ счетовъ и споровъ. Новгородомъ обыкновенно правилъ старшій сынъ или другой ближайшій родственникъ великаго князя кіевскаго. При частыхъ смѣнахъ князей кіевскихъ, князья часто мѣнялись и въ Новгородѣ. Эти смѣны сопровождались большими административными неудобствами для города. Менѣе чѣмъ въ пятьдесятъ лѣтъ по смерти Ярослава въ Новгородѣ смѣнилось шесть князей, и Новгородъ началъ хлопотать о своемъ постоянномъ князѣ. Въ 1102 г. въ Новгородѣ сидѣлъ посаженный еще въ дѣтствѣ и вскормленный Новгородомъ сынъ Мономаха, Мстиславъ. Старшіе князья, Святополкъ и Мономахъ,

рѣшили вывести Мстислава изъ Новгорода и посадить на его мѣсто Святополкова сына, какъ слѣдовало по обычаю. Узнавши объ этомъ, новгородцы послали въ Кіевъ пословъ, которые на княжемъ дворѣ сказали великому князю Святополку: «послалъ насъ Новгородъ и вотъ что велѣлъ сказать тебѣ: не хотимъ Святополка, ни сына его. Если у твоего сына двѣ головы, пошли его въ Новгородъ». Новгородъ удержалъ Мстислава, вопреки обычаю и распоряженію старшихъ князей.

Всѣ изложенныя условія позволяютъ намъ отвѣтить на поставленный выше вопросъ о дѣйствіи очередного порядка владѣнія: былъ ли онъ политическою дѣйствительностью или только политическимъ идеаломъ князей и, если былъ дѣйствительностью, то какъ и долго ли онъ дѣйствовалъ? Онъ былъ и тѣмъ, и другимъ; въ продолженіе болѣе полутора вѣка со смерти Ярослава онъ дѣйствовалъ всегда и никогда: всегда—отчасти и никогда—вполнѣ. До конца этого періода онъ не терялъ своей силы, насколько его основанія были примѣнимы къ запутывавшимся княжескимъ отношеніямъ; но, съ другой стороны, онъ никогда не получалъ такого развитія, такой практической разработки, которая бы давала ему возможность распутать эти отношенія, устранить всякія столкновенія между князьями; а эти столкновенія, не разрѣшаемыя очереднымъ порядкомъ, вынуждали князей отступать отъ него и этимъ разрушали его. Итакъ, *исторія очередного порядка была исторіей борьбы его съ собственными послѣдствіями, его разстраивавшими.*

Политическое разъединеніе Русской земли въ XII в.

Таковы были условія, мѣшавшія правильному дѣйствію очередного порядка въ княжескомъ владѣніи,

такъ что въ XI и XII вв. княжескія смѣны по порядку старшинства шли рядомъ со смѣнами не въ очередь. Благодаря совмѣстному дѣйствію этого порядка и мѣшавшихъ ему условій, въ XII вѣкѣ мы замѣчаемъ двойной фактъ, которымъ характеризуется политическій складъ Руси въ этомъ вѣкѣ. Отсюда вышло двойное политическое раздробленіе Руси—княжеское и земское. Чѣмъ болѣе размножался родъ князей, тѣмъ болѣе расходились другъ съ другомъ его отдѣльныя вѣтви. Сначала племя Ярослава дѣлится на двѣ враждебныя вѣтви, Мономаховичей и Святославичей; потомъ каждая изъ этихъ вѣтвей въ свою очередь распадается на болѣе мелкія отрасли; напримѣръ, Мономаховичи—на Изяславичей волынскихъ, Ростиславичей смоленскихъ, Юрьевичей суздальскихъ; а линія Святославичей—на Давыдовичей черниговскихъ и Ольговичей новгородъ-сѣверскихъ. Каждая изъ этихъ вѣтвей враждуетъ одна съ другою, усаживаясь на постоянное владѣніе въ извѣстной области. Поэтому одновременно съ распаденіемъ княжескаго рода на мелкія линіи и Русская земля распадалась на независимыя другъ отъ друга городовыя области. Какъ мы знаемъ, первые князья установили политическую зависимость областей отъ Кіева, выражавшуюся въ управленіи посадниковъ и въ дани, которую области платили въ Кіевъ. По смерти Ярослава этой зависимости не замѣтно. Посадники князя кіевскаго въ главныхъ городахъ исчезаютъ, уступая мѣсто все размножавшимся князьямъ. Областные, или мѣстные князья перестаютъ платить дань Кіеву, несовмѣстную съ отношеніями младшихъ родичей, областныхъ князей, къ названному отцу, великому князю кіевскому. Вмѣсто обычной дани младшіе князья давали старшему время отъ времени добровольные дары. Постоянное передвиженіе князей со стола на столъ роняло земскій авторитетъ князя. Князь не прикрѣп-

лялся къ извѣстной землѣ ни личной, ни династической связью. Онъ приходилъ и скоро уходилъ; былъ политической случайностью для области, блуждающей кометой. Мѣстное населеніе поэтому искало постоянной мѣстной силы, около которой могло бы сосредоточиться, и которая постоянно оставалась бы на мѣстѣ, не приходила и не уходила. Такая сила давно была создана нашей исторіей. Это были главные города областей, нѣкогда, до прихода князей, одни ими правившіе. Въ IX вѣкѣ управленіе это сосредоточилось въ рукахъ военной старшины, военно-городскихъ начальниковъ, тысяцкихъ, сотскихъ, десятскихъ и т. д. Съ появленіемъ князей кіевскихъ эта городовая старшина стала постепенно переходить въ составъ княжеской дружины, въ классъ «княжихъ мужей». Городская старшина, прежде бывшая выборной и земской, теперь въ XII вѣкѣ стала уже служилой, назначавшейся княземъ. Когда, по мѣрѣ упадка авторитета князей вслѣдствіе усобицъ, стало подниматься значеніе главныхъ областныхъ городовъ, тогда и политической силой въ этихъ городахъ явилась вмѣсто исчезнувшей выборной старшины вся городская масса, собиравшаяся на *вѣчѣ*. Вѣче главныхъ областныхъ городовъ было преемникомъ древней городской старшины, т. е. торговой аристократіи. Эти вѣча главныхъ городовъ все громче начинаютъ шумѣть съ конца XI-го вѣка, вмѣшиваясь въ княжескія отношенія. Князья должны были считаться съ этой силой, входить съ ней въ сдѣлки, заключать *ряды* съ городами, политическіе договоры. Эти договоры опредѣляли порядокъ, котораго должны были держаться мѣстные князья въ своей правительственной дѣятельности. Такъ власть мѣстныхъ князей является ограниченной вѣчами главныхъ городовъ. Мы знаемъ случай такого договора въ самомъ Кіевѣ. Въ 1146 году, по смерти великаго

князя Всеволода, изъ линіи черниговскихъ князей, на великокняжескомъ столѣ по уговору съ кіевлянами долженъ былъ сѣсть его братъ Игорь. Но кіевляне, много терпѣвшіе при Всеволодѣ отъ княжескихъ городскихъ судей (тіуновъ), возстали и потребовали отъ Игоря, чтобы впредь онъ самъ судилъ горожанъ, не поручая суда своимъ приказчикамъ. Князь Игорь на вѣчѣ долженъ былъ дать обязательство въ томъ, что впредь городской судья будетъ назначаться по соглашенію съ городомъ, т. е. съ его вѣчемъ. Областные города, ограждая свое политическое значеніе договорами съ князьями, постепенно пріобрѣтали значеніе настоящей политической силы, которая соперничала съ князьями, а къ концу XII вѣка взяла надъ ними рѣшительный верхъ. Въ это время областное населеніе больше смотрѣло на сходки своихъ главныхъ городовъ, чѣмъ на мѣстныхъ князей, являвшихся въ нихъ на короткое время. Такъ стали другъ противъ друга двѣ соперничавшія власти каждой области, и по мѣрѣ того какъ городское вѣче брало верхъ надъ княземъ, городовыя области все болѣе обособлялись политически. Благодаря этому, Русская земля распалась на нѣсколько мѣстныхъ, плохо связанныхъ другъ съ другомъ, міровъ—большею частью тѣхъ же городовыхъ областей, которыя образовались уже въ IX вѣкѣ, до появленія кіевскихъ князей. Такой политическій порядокъ изображаетъ и лѣтописецъ второй половины XII вѣка. По одному случаю онъ говоритъ, что новгородцы, смольняне, кіевляне и всѣ «власти» (волостные главные города) на вѣче, какъ на думу, сходятся, и что старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ. Изображая политическую власть, руководившую каждой областью, публицистъ-лѣтописецъ отмѣтилъ вѣче старшаго города, но позабылъ упомянуть о князѣ. Такъ упалъ политическій авторитетъ князя передъ значеніемъ вѣча.

Таково одно послѣдствіе, вышедшее изъ совмѣстнаго дѣйствія очередного порядка княжескаго владѣнія и условій ему мѣшавшихъ — политическое раздробленіе Русской земли; но изъ того же источника вытекалъ и рядъ условій, содѣйствовавшихъ національному сближенію частей Русской земли.

Элементы земскаго единства Русской земли въ XI—XII в.в.

Очередной порядокъ княжескаго владѣнія съ условіями, ему мѣшавшими, привелъ къ двойному раздѣленію Руси: 1) къ распаденію княжескаго рода на особыя линіи и 2) къ распаденію земли на особыя политическія независимыя городовыя области. Но тотъ же порядокъ съ препятствовавшими ему условіями вызвалъ къ дѣятельности рядъ связей, сцѣплявшихъ части Русской земли въ одно, если не политическое, то земское цѣлое. Вотъ эти связи.

I. Первою изъ нихъ являются сами князья, главные виновники политическаго раздробленія Руси. Очередной порядокъ владѣнія распространялъ на всѣ части Русской земли извѣстныя одинаковыя отношенія, всюду вызывалъ одинаковые интересы и думы. Несмотря на упадокъ княжескаго авторитета, для каждой волости съ княземъ связаны были многіе существенные интересы. Городовыя земли тяготились княжескими спорами, были равнодушны къ княжескимъ счетамъ о старшинствѣ, но онѣ не могли быть равнодушны къ послѣдствіямъ этихъ споровъ, которыя иногда тяжело отзывались на населеніи волостей. Благодаря княжескому передвиженію изъ волости въ волость, всѣ части земли смыкались въ одну цѣпь, отдѣльныя звенья которой были тѣсно связаны другъ съ другомъ. Пере-

мѣна въ одной волости тотчасъ же чувствительно отзывалась на положеніи другихъ, даже отдаленныхъ. Сядетъ въ Кіевѣ великій князь Мономаховичъ,—онъ пошлетъ править Новгородомъ своего сына. Тотъ придетъ въ Новгородъ со своими боярами, своею дружиной, которая займетъ всѣ важныя правительственныя должности въ области. Съ этими боярами князь станетъ «суды судить, ряды рядить, всякія грамоты записывать», выражаясь языкомъ древне-русскихъ памятниковъ. Но сгонятъ его отца съ кіевскаго стола родичи изъ Чернигова или съ Волыни,—Мономаховичъ долженъ будетъ уходить изъ Новгорода со своею дружиной. На мѣсто ушедшаго явится новый князь, пожалуй, враждебный предшествовавшему—черниговскій. Для новгородцевъ возникаетъ важный вопросъ, знаетъ ли новый князь порядки новгородскіе, мѣстную старину—пошлину, даже захочетъ ли онъ знать ее. Пожалуй, изъ вражды къ предшественнику станетъ онъ суды судить и ряды рядить не по старому, старыя грамоты «пересуживать». Такимъ образомъ княжескій круговоротъ втягивалъ въ себя мѣстную жизнь, мѣстные интересы русскихъ областей. Области эти поневолѣ вовлекались въ общій водоворотъ жизни, какой производили князья. Онѣ далеко еще не были проникнуты однимъ духомъ, одной думой, но пріучались постепенно думать другъ о другѣ, внимательно слѣдить, что совершалось въ сосѣднихъ или даже отдаленныхъ областяхъ. Такъ, *благодаря очередному порядку владѣнія создавался кругъ общихъ дѣлъ и интересовъ, которые раздѣлялись всѣми частями Русской земли.*

II. Одинаковое съ князьями обще-земское значеніе имѣли и ихъ дружины. Чѣмъ больше размножался княжескій родъ, тѣмъ больше увеличивался численно дружинный классъ. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о

количествѣ дружины у отдѣльныхъ князей. Богатые князья имѣли многочисленные дворы. Святополкъ, великій князь кіевскій, хвасталъ, что у него до 800 однихъ отроковъ, т. е. низшей дружины. Въ Галичѣ, богатомъ княжествѣ XII вѣка, во время одной усобицы перебито было однихъ бояръ 500 душъ, и ни изъ чего не видно, чтобы это было поголовное истребленіе всего мѣстнаго боярства. Старшіе, богатые князья выводили въ поле по двѣ, по три тысячи дружины. О многочисленности этого класса можно судить по тому, что каждый взрослый князь имѣлъ особую дружину, а во второй половинѣ XII вѣка такихъ князей можно насчитать не менѣе сотни. Дружина попрежнему состояла изъ смѣшанныхъ элементовъ. Въ X — XI вѣкѣ, какъ мы знаемъ, въ ней преобладали еще пришлые Варяги. Въ XII вѣкѣ составъ ея становится еще разнообразнѣе. Рядомъ съ туземцами и обрусѣвшими потомками Варяговъ въ княжеской дружинѣ видимъ инородцевъ восточныхъ и западныхъ — *Торковъ*, *Берендеевъ*, *Половцевъ*, *Хозаръ*, даже *Евреевъ*, *Угровъ*, *Ляховъ*, *Литву* и *Чудь*.

Очередной порядокъ княжескаго владѣнія дѣлалъ столь же подвижною и княжескую дружину. Когда князь переходилъ съ худшаго стола на лучшій, его боярамъ выгодно было идти за нимъ, покидать прежнія волости. Въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, когда князь въ усобицѣ долженъ былъ покидать лучшій столъ для худшаго, дружинѣ его выгодно было покидать князя и оставаться въ прежней волости. Такъ очередной порядокъ княжескаго владѣнія пріучалъ дружину мѣнять волости, какъ ихъ мѣняли князья, и мѣнять князей, какъ ихъ мѣняли волости. Притомъ, благодаря этой подвижности старшіе дружинники, занимавшіе высшія правительственныя должности, не могли занимать ихъ долгое время и черезъ то пріобрѣсти прочное политическое значеніе въ

краѣ, тѣмъ менѣе могли превратить свои должности въ наслѣдственныя, какъ это было на феодальномъ Западѣ и въ сосѣдней Польшѣ. Сосчитали всѣхъ упомянутыхъ въ лѣтописи дружинниковъ по смерти Ярослава до 1228 года и насчитали до 150 именъ; изъ всего этого количества нашли не болѣе шести случаевъ, когда дружинники по смерти князя-отца оставались на службѣ у его сына, и не болѣе шести же случаевъ, когда дружинникъ при княжеской смѣнѣ оставался въ прежней волости. Только въ двухъ случаяхъ на важной должности тысяцкаго — военнаго начальника главнаго областного города —являлись преемственно члены одного и того же боярскаго рода.

Главнымъ образомъ вслѣдствіе этой подвижности, у бояръ долго не завязывалась самая крѣпкая привязь къ мѣсту — *землевладѣніе*. Въ X вѣкѣ на Руси еще не замѣтно частной земельной собственности. Въ XI вѣкѣ появляются признаки этой собственности, прежде всего княжеской и церковной. Въ XII вѣкѣ находимъ намеки на земли бояръ и младшихъ дружинниковъ. Но легко замѣтить, что землевладѣніе развивалось слабо, не составляло главнаго экономическаго интереса служилыхъ людей. Дружинники предпочитали другіе источники дохода, продолжали принимать дѣятельное участіе въ торговыхъ оборотахъ и получали отъ своихъ князей денежное жалованіе. Мы даже знаемъ наиболѣе обычный размѣръ этого жалованія. Лѣтописецъ XIII вѣка, вспоминая, какъ живали въ старину, замѣчаетъ, что прежде бояре не говорили князю: «мало мнѣ, князь, 200 гривенъ». Эти 200 гривенъ—кунъ—были въ XII вѣкѣ наиболѣе обычнымъ окладомъ боярскаго жалованія. Значитъ, бояре, не пріобрѣтая въ большей части областей постояннаго правительственнаго значенія, не имѣли и прочнаго экономическаго значенія.

Такъ, боярство не привязывалось крѣпко ни къ мѣсту, ни къ лицу князя. Единство княжескаго рода позволяло ему переходить отъ князя къ князю, не дѣлаясь измѣнникомъ. Не привязанный крѣпко ни къ какому князю, ни къ какому княжеству, бояринъ привыкалъ сознавать себя слугою всего княжескаго рода, «переднимъ мужемъ всей Русской земли», говоря языкомъ лѣтописи. У него не могли установиться ни мѣстныя симпатіи, ни прочныя династическія связи съ той или другой княжеской линіей. Вмѣстѣ съ другимъ высшимъ классомъ общества — духовенствомъ, и, можетъ быть, еще въ большей степени, чѣмъ послѣдній, *многочисленный дружинный классъ былъ подвижнымъ носителемъ мысли о Русской землѣ, о земскомъ единствѣ.*

III. Очередной порядокъ княжескаго владѣнія поддерживалъ и усиливалъ земское значеніе средоточія Руси — города *Кіева.* Въ Кіевѣ сосредоточивался княжескій круговоротъ, изъ него выходилъ и къ нему возвращался. Удобства жизни въ Кіевѣ, фамильныя преданія, церковное значеніе этого города дѣлали его завѣтной мечтой для каждаго князя. Молодой княжичъ, кружась по отдаленнымъ областямъ, не спускалъ съ него глазъ, спалъ и видѣлъ его. Превосходное поэтическое выраженіе этой тоски по Кіеву, снѣдавшей молодого князя, находимъ мы въ «Словѣ о полку Игоревѣ» (памятникѣ конца XII или начала XIII столѣтія). Въ 1068 году кіевляне возстали на великаго князя Изяслава и, прогнавъ его, возвели на великокняжескій столъ посаженнаго старшими князьями въ тюрьму Всеслава Полоцкаго. Только семь мѣсяцевъ посидѣлъ Всеславъ на кіевскомъ столѣ, лишь дотронулся копьемъ до него и долженъ былъ бѣжать въ Полоцкъ. Съ тѣхъ поръ онъ не могъ забыть Кіева. Бывало, рано утромъ

начнутъ звонить къ заутрени у полоцкой св. Софіи, а князю все еще мерещится звонъ у св. Софіи въ Кіевѣ. Доля этихъ княжескихъ чувствъ къ Кіеву сообщалась и населенію русскихъ областей, даже самыхъ отдаленныхъ. Оно все болѣе и чаще пріучалось думать о Кіевѣ, гдѣ сидѣлъ старшій князь Русской земли, откуда выходили всѣ эти добрые княжескіе походы въ степь на поганыхъ, гдѣ жилъ единый глава русской церкви и сосредоточивались лучшія святыни Русской земли. Слѣды этого народно-нравственнаго значенія Кіева остались въ произведеніяхъ народной духовной поэзіи. Извѣстный духовный стихъ о Голубиной книгѣ, отвѣчая на вопросъ, какой городъ всѣмъ городамъ мать, иногда забывая про Іерусалимъ, поетъ: «Кіевъ градъ всѣмъ градамъ мати».

IV. Усиливая земское значеніе главныхъ городовъ Русской земли, очередной порядокъ княжескаго владѣнія содѣйствовалъ развитію общественной жизни по самымъ отдаленнымъ волостямъ Руси. Чѣмъ больше становилось князей, тѣмъ мельче дробилась русская земля. Каждый взрослый князь обыкновенно получалъ отъ старшихъ родичей особую волость. Количество волостей должно было соотвѣтствовать наличному числу взрослыхъ князей. Благодаря этому, отдаленныя захолустья постепенно выдѣлялись въ особыя княжества; въ каждомъ являлся свой старшій «стольный» городъ, куда наѣзжалъ князь со своей дружиной, своими боярами. Городъ обстраивался, князья украшали его храмами, монастырями, большими дворами. Такимъ образомъ, въ разные углы Руси вносились обстановка и формы жизни, одинаковыя съ центральными областями. Средоточіемъ и руководителемъ этой жизни служилъ Кіевъ, источникъ права, богатства, знанія и искусства для тогдашней Руси. *Благодаря распространенію князей по Рус-*

ской земли совершилось извѣстное обобщеніе житейскихъ отношеній во всѣхъ частяхъ ея, — установились одинаковыя бытовыя формы и понятія. Перелетныя птицы земли Русской—князья съ дружиной—всюду разносили сѣмена жизни, какія росли и расцвѣтали въ средоточіи земли—Кіевѣ.

Политическій строй Русской земли въ XII в.

Таковы были связи, соединявшія части Русской земли въ одно цѣлое. Припоминая указанныя условія, въ одно время разъединявшія и соединявшія Русь въ одно цѣлое, мы можемъ сказать, что такое была Русь въ XII вѣкѣ. Это не было единое цѣльное государство, ибо въ ней не было политическаго единства, единой власти. Но это не была также и федерація государствъ—союзъ самостоятельныхъ независимыхъ областей или княжествъ, ибо не было союзныхъ учрежденій, имѣвшихъ обязательную силу на всемъ пространствѣ Руси. Правда, было два учрежденія, изъ которыхъ могла бы развиться обязательная для всѣхъ частей земли политическая власть. Это были: 1) великій князь кіевскій и 2) княжескіе съѣзды. Но политическія права князя кіевскаго не были точно опредѣлены и достаточно обезпечены, не имѣли достаточныхъ средствъ для своего выраженія и постепенно превратились въ почетное отличіе. Каждый областной князь считалъ себя въ правѣ противиться великому князю кіевскому, если находилъ его дѣйствія неправильными. Съ другой стороны, князья нерѣдко собирались для обсужденія общихъ дѣлъ. Этими общими дѣлами были обыкновенно вопросы законодательства, но чаще вопросы о взаимныхъ отношеніяхъ князей и о средствахъ защиты Русской земли отъ внѣшнихъ враговъ. Но княжескіе съѣзды никогда не соединяли всѣхъ наличныхъ

князей, и никогда не было точно опредѣлено значеніе ихъ постановленій. Князья, не присутствовавшіе на съѣздѣ, считали для себя необязательными рѣшенія съѣзда; даже князья, бывшіе на съѣздѣ, считали себя въ правѣ дѣйствовать вопреки его рѣшеніямъ, по личному усмотрѣнію. На съѣздѣ въ Витичевѣ въ 1100 году Святополкъ, Мономахъ, Давыдъ и Олегъ (Святославичи), приговоривши наказать Давыда Игоревича Волынскаго за ослѣпленіе Василька, постановили отнять у этого послѣдняго его Теребовльскую волость, какъ у неспособнаго править ею. Но Ростиславичи, Володарь и Василько, не признали этого рѣшенія. Старшіе князья хотѣли принудить ихъ къ тому силою; но самый видный изъ членовъ съѣзда, Мономахъ, отказался идти въ походъ, сославшись на особую, лично имъ данную, клятву галицкимъ князьямъ.

Итакъ, въ Русской землѣ не было достаточно сильной власти, которая простирала бы свое дѣйствіе на все ея пространство. Это была федерація, но не развитая, державшаяся связями, которыя не успѣли получить политическаго характера. Однако Русская земля и не была разбита на части, совершенно уединенныя другъ отъ друга. Эти части связывались между собою нитями, только не политическими, а племенными, экономическими, соціальными и церковно-нравственными. Не было единства государственнаго, но завязывалось единство народное. Нити, которыя его связывали, были не законы и учрежденія, а интересы, нравы и отношенія. Онѣ устанавливались не государственною властью, а житейскимъ порядкомъ. Перечислимъ коротко еще разъ эти связи: I) взаимное общеніе областей, вызывавшееся очереднымъ порядкомъ княжескаго владѣнія; II) обще-земскій характеръ, усвоенный высшими классами общества—духовенствомъ и княжеской

дружиной; III) обще-земское значеніе Кіева, какъ средоточія Руси не только торгово-промышленнаго, но и церковно-нравственнаго, и IV) одинаковыя формы и обстановка жизни, устанавливавшіяся во всѣхъ частяхъ Руси при помощи очередного порядка княжескаго владѣнія.

Такъ обозначается эпоха зарожденія русской народности. Она зародилась въ XI—XII столѣтіяхъ. Можетъ быть, въ этомъ и скрывается разгадка своеобразнаго отношенія къ старой Кіевской Руси со стороны нашего народа и нашей исторіографіи. И народъ, и историки до сихъ поръ относятся къ старой Кіевской Руси съ особеннымъ сочувствіемъ, непонятнымъ съ перваго взгляда. Въ современной русской жизни осталось очень мало слѣдовъ отъ старой Кіевской Руси, отъ ея быта. Повидимому, отъ нея не могло остаться такихъ слѣдовъ даже и въ народной памяти. Чѣмъ могла заслужить благодарное воспоминаніе въ народѣ Кіевская Русь со своими безпорядками, вѣчной враждой князей и нападеніями степныхъ «поганыхъ»? Между тѣмъ народъ доселѣ помнитъ и непритворно любитъ старый Кіевъ съ его князьями и богатырями, какъ никогда не любилъ онъ ни одной изъ столицъ, его смѣнившихъ, ни Москвы, ни Петербурга. Такое же отношеніе господствуетъ къ старой Кіевской Руси и въ нашей исторіографіи. Кіевская Русь не выработала прочнаго порядка, способнаго выдержать внѣшнія потрясенія; однако же изслѣдователи самыхъ различныхъ направленій вообще склонны рисовать жизнь Кіевской Руси свѣтлыми красками. Гдѣ причина этому? Въ старой кіевской жизни много неурядицъ, много безтолковой толкотни, но за то въ князьяхъ того времени такъ много родственнаго чувства, на верху общества такъ много движенія, а люди вообще неравнодушны къ временамъ, исполненнымъ

чувства и движенія. Такія времена отличаются творческой силой, въ нихъ зарождаются коренные факты народной жизни. Народъ запомнилъ въ поэтическихъ преданіяхъ, а историкъ читаетъ между строками русской лѣтописи XI и XII в.в. одинъ и тотъ же коренной фактъ русской исторіи, совершившійся въ тѣ вѣка: тогда Русская земля, механически сцѣпленная первыми князьями въ одно политическое цѣлое, впервые начала сознавать себя единымъ національнымъ цѣлымъ. Послѣдующія поколѣнія любили вспоминать о Кіевской Руси, какъ о колыбели русской народности.

Гражданскій порядокъ Русской земли въ XI и XII в.в.

Изобразивъ политическій и экономическій бытъ Кіевской Руси XI—XII вѣка, мы подошли, наконецъ, къ самой глубокой, наиболѣе сокрытой его сферѣ — къ частной жизни, ежедневнымъ отношеніямъ лица къ лицу. Изображеніемъ этихъ отношеній я и закончу изученіе 1-го періода нашей исторіи. Частная жизнь въ древней Руси наиболѣе полно и вѣрно отразилась въ древнемъ памятникѣ русскаго законодательства — въ *Русской Правдѣ*. Но прежде чѣмъ взглянуть на частныя отношенія людей въ древней Руси черезъ это зеркало, надо разсмотрѣть, насколько полно и точно оно отразило въ себѣ эти отношенія. Изложенію Русской Правды я предпошлю краткій разборъ ея происхожденія и состава.

Русская правда, ея происхожденіе и источники.

Въ нашей литературѣ по исторіи права господствуютъ два взгляда на происхожденіе этого памятника. Нѣкоторые видятъ въ Русской Правдѣ не оффиціальный документъ, не подлинный памятникъ законодательства,

какъ онъ вышелъ изъ рукъ законодателя, а частный юридическій сборникъ, составленный какимъ либо древне-русскимъ законовѣдомъ для своей частной надобности. Другіе изслѣдователи, напротивъ, видятъ въ немъ памятникъ оффиціальный, подлинное произведеніе русской законодательной власти, только испорченное потомъ переписчиками, вслѣдствіе чего явилось множество списковъ Правды, различающихся количествомъ, порядкомъ и даже текстомъ статей. Разберемъ Русскую Правду, чтобы оцѣнить и провѣрить оба эти взгляда.

Читая Русскую Правду, вы прежде всего узнаете по заглавію памятника въ древнѣйшихъ спискахъ, что это «Уставъ» или «Судъ Ярославль». Въ самомъ текстѣ Правды встрѣчаемъ примѣчаніе, что такъ «судилъ» или такъ «уставилъ» Ярославъ. Такъ, вы приходите къ заключенію, что это памятникъ законодательства, изданный Ярославомъ и служившій руководствомъ для княжескихъ судей XI вѣка. Въ древней русской письменности хранилась память объ этомъ князѣ, какъ установителѣ закона, правды: ему давалось иногда прозвище «Правосуда». Всматриваясь въ памятникъ ближе, вы наберете рядъ наблюденій, которыя разрушаютъ это первое заключеніе о происхожденіи Правды.

I. Вы встрѣчаете въ Правдѣ рядъ постановленій, принадлежащихъ преемникамъ Ярослава, его дѣтямъ и даже внуку Мономаху, при которомъ явился законъ, направленный противъ ростовщичества. Значитъ, Русская Правда есть памятникъ законодательной дѣятельности не одного Ярослава, но и его преемниковъ.

II. Текстъ нѣкоторыхъ статей показываетъ, что это не подлинный законъ, какъ онъ вышелъ изъ рукъ законодателя, а его парафраза, принадлежащая составителю кодекса, въ которомъ иногда читаемъ не самый

законъ, а только разсказъ о томъ, какъ этотъ законъ явился. Такой характеръ носитъ, напримѣръ, вторая статья Правды, въ пространной редакціи, объ отмѣнѣ родовой мести за убійство. «Послѣ Ярослава, читаемъ мы здѣсь, собрались сыновья его (слѣдуетъ перечень ихъ именъ съ бывшими на съѣздѣ ихъ боярами) и отмѣнили месть за убійство, но постановили выкупаться деньгами, а все прочее какъ судилъ Ярославъ, такъ уставили и его сыновья». Какъ вы видите, это не подлинный текстъ закона, а протоколъ княжескаго съѣзда или историческое изложеніе закона словами кодификатора.

III. Въ Русской Правдѣ не встрѣчается постановленій о цѣлыхъ разрядахъ преступныхъ дѣяній, которыя однако несомнѣнно встрѣчались въ тогдашней судебной практикѣ. Такъ, Русская Правда не знаетъ ни преступленій политическихъ, ни преступленій по оскорбленію женщинъ и дѣтей, ни обидъ словомъ и т. п. Объясненіе причины такихъ важныхъ пробѣловъ мы находимъ въ двухъ почти современныхъ Правдѣ памятникахъ, принадлежащихъ первымъ христіанскимъ князьямъ на Руси: это церковные уставы Владиміра и того же Ярослава. Несмотря на позднѣйшую порчу текста обоихъ памятниковъ, видно однако, что основа ихъ восходитъ къ первымъ временамъ христіанства на Руси. Въ этихъ памятникахъ довольно подробно опредѣляются и многія преступленія, о которыхъ молчитъ Правда; здѣсь, между прочимъ, встрѣчаемъ статьи объ оскорбленіи женщинъ, какъ и объ обидахъ словомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ судились исключительно церковнымъ судомъ на основаніи особыхъ законоположеній; вотъ почему молчитъ объ нихъ Правда.

IV. Другія изъ пропущенныхъ Правдою преступленій судились такъ называемымъ «смѣснымъ» судомъ, т. е. разбиралъ эти дѣла князь или его посадникъ, но въ

присутствіи церковнаго судьи, представителя церковной власти, съ которымъ князь или его судья дѣлились и получаемой съ преступника пеней. Къ числу такихъ преступленій, вызывавшихъ смѣсный судъ, принадлежало, напримѣръ, въ XII вѣкѣ похищеніе или «умычка» дѣвицъ. Русская Правда молчитъ и о преступленіяхъ, разбиравшихся смѣснымъ, княжеско-церковнымъ судомъ.

V. Въ Русской Правдѣ нѣтъ и слѣда одной очень важной особенности древне-русскаго судебнаго процесса, одного изъ судебныхъ доказательствъ — поединка или *поля*. Между тѣмъ мы знаемъ, что поле практиковалось какъ до Русской Правды, такъ и долго послѣ нея, чуть ли не до XVII-го столѣтія. Византійскій писатель X вѣка Левъ Діаконъ замѣчаетъ, что русскіе и въ его время имѣли обыкновеніе рѣшать взаимныя распри «кровью и убійствомъ». Подъ этимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ можетъ еще разумѣться родовая кровная месть; но арабскій писатель, писавшій нѣсколько раньше, Ибнъ Даста рисуетъ намъ превосходную картину судебнаго поединка на Руси въ первой половинѣ X вѣка. По его словамъ, если кто на Руси имѣетъ дѣло противъ другого, онъ зоветъ его на судъ къ князю, передъ которымъ и препираются обѣ стороны. Дѣло рѣшается приговоромъ, а окончательное рѣшеніе предоставляется оружію: чей мечъ острѣе, тотъ и беретъ верхъ. При борьбѣ присутствуютъ родичи обѣихъ сторонъ, вооруженные. Кто одолѣетъ въ бою, тотъ и выигрываетъ дѣло. Итакъ несомнѣнно, что еще до перемѣнъ, произведенныхъ въ русскомъ правѣ и судебномъ порядкѣ въ XI вѣкѣ, на Руси дѣйствовали судебные поединки. Съ другой стороны, указанія на нихъ въ памятникахъ права идутъ съ начала XIII вѣка. Почему Правда совсѣмъ не знаетъ этого важнаго судебнаго доказательства, къ которому такъ любили прибѣ-

гать въ древнихъ русскихъ судахъ? Она знаетъ его, но игнорируетъ, не хочетъ признавать. Находимъ и объясненіе этого непризнанія. Церковь немолчно проповѣдывала противъ судебныхъ поединковъ, какъ остатка язычества, обращалась даже къ церковнымъ наказаніямъ, чтобы вывести ихъ изъ русскихъ судовъ, но долго ея усилія оставались безуспѣшными. Итакъ, замѣчается нѣкоторая солидарность между Русской Правдой и юридическими понятіями древне-русскаго духовенства.

VI. Русская Правда по разнымъ спискамъ является въ двухъ основныхъ редакціяхъ: въ краткой и полной, пространной. Въ письменности раньше становится извѣстна послѣдняя. Пространную Правду мы встрѣчаемъ уже въ *Новгородской кормчей* конца XIII-го столѣтія. Эта пространная Правда является всегда въ одномъ, такъ сказать, окруженіи, въ одномъ юридическомъ обществѣ; тогда какъ краткая редакція Правды попадается въ памятникахъ чисто литературнаго свойства, не имѣвшихъ практическаго употребленія, въ лѣтописяхъ. Правду пространную встрѣчаемъ, большею частью, въ кормчихъ, иногда въ сборникахъ каноническаго содержанія, носившихъ названіе *Мѣрила праведнаго*. Полная редакція Правды, такимъ образомъ, жила и дѣйствовала въ церковномъ обществѣ, являясь въ памятникахъ церковнаго права, имѣвшихъ практическое значеніе. Это церковно-юридическое общество Правды состояло изъ такихъ членовъ. Вамъ извѣстно, что такое древняя русская *Кормчая*. Это сводъ церковныхъ правилъ и касающихся церкви законовъ греческихъ императоровъ, которымъ руководилась древне-русская церковь въ своемъ управленіи и особенно въ судѣ по духовнымъ дѣламъ. Наша Кормчая есть переводъ византійскаго *Номоканона*. Изслѣдователи церковнаго права доказали, что на Руси въ первые вѣка ея христіанской жизни извѣстенъ былъ

въ южно-славянскихъ переводахъ Номоканонъ двухъ составовъ или редакцій: константинопольскаго патріарха *Іоанна Схоластика* VI в. и константинопольскаго же патріарха *Фотія* IX вѣка. Номоканонъ, наша Кормчая, является въ нашей письменности съ цѣлымъ рядомъ дополнительныхъ статей. Главныя изъ нихъ таковы: 1) извлеченіе изъ законовъ Моисеевыхъ; 2) *Эклога*—сводъ, принадлежащій иконоборческимъ императорамъ первой половины VIII вѣка *Льву Исавру* и его сыну *Константину Копрониму;* эта Эклога содержитъ преимущественно постановленія семейнаго и гражданскаго права, но въ ней есть отдѣлъ и о наказаніяхъ за уголовныя преступленія; 3) *Законъ судный людемъ;* это славянская передѣлка той же самой Эклоги, преимущественно ея статей о наказаніяхъ; передѣлка эта является въ славянской письменности даже раньше перевода самой Эклоги и, кажется, сдѣлана для Болгаръ вскорѣ послѣ принятія ими христіанства, т. е. въ IX вѣкѣ; 4) *Прохиронъ*—законодательный сводъ императора *Василія Македонянина* IX-го вѣка; 5) цѣликомъ или въ отрывкахъ *Церковные Уставы* нашихъ первыхъ христіанскихъ князей Владиміра и Ярослава. Среди этихъ то дополнительныхъ статей Кормчей обыкновенно и встрѣчаемъ мы нашу пространную Правду. Въ памятникахъ литературныхъ, не имѣвшихъ практическаго значенія въ судахъ, эта редакція Правды не попадается. Значитъ, Правда обращалась среди памятниковъ византійскаго права, принесенныхъ къ намъ духовенствомъ, и служила лишь одной изъ дополнительныхъ статей къ своду церковныхъ законовъ—къ Кормчей.

VII. Далѣе, разбирая эти дополнительныя статьи, мы замѣчаемъ нѣкоторую внутреннюю связь между ними и нашей Правдой. Нѣкоторыя постановленія послѣдней какъ будто составлены при ихъ содѣйствіи.

Напримѣръ, въ извлеченіи изъ Моисеевыхъ законовъ мы читаемъ статью о ночномъ воровствѣ. Эта статья, заимствованная изъ книги Исходъ, въ нашей печатной Библіи читается такъ: «Аще въ подкопаніи обрящется тать и язвенъ умретъ, нѣсть ему убійство; аще же взыдетъ солнце надъ нимъ,—повиненъ есть, умретъ за него». Смыслъ этой статьи таковъ: если ночью захватятъ татя на мѣстѣ преступленія и убьютъ, не считать этого за убійство; если же его убьютъ по восходѣ солнца, то убійца виновенъ, долженъ самъ подвергнуться смертной казни. Въ нашей Русской Правдѣ читается такая статья о ночной татьбѣ: «кого застанутъ у клѣти или на какомъ воровствѣ, могутъ убить какъ собаку; если же продержатъ пойманнаго вора до разсвѣта, то должны вести его на княжій дворъ, въ судъ; если же убьютъ вора, а сторонніе люди уже видѣли его связаннымъ, то платятъ за убійство штрафъ 12 гривенъ». Вы чувствуете внутреннюю связь этой статьи съ приведеннымъ мѣстомъ Моисеева закона, но вы видите также, какъ Моисеево постановленіе обрусѣло въ Правдѣ, принаровлено къ мѣстному обществу и приняло своеобразныя мѣстныя формы выраженія. Еще примѣръ. Въ числѣ статей упомянутой Эклоги Льва и Константина мы встрѣчаемъ краткое постановленіе: «рабъ не послушествуетъ» (не допускается на судѣ, какъ свидѣтель). У насъ на Руси кромѣ рабовъ былъ еще классъ полузависимыхъ людей, называвшихся *закупами*. Въ Русской Правдѣ читаемъ такую статью о свидѣтельствѣ въ судѣ, о послушествѣ: «свидѣтелемъ холопъ быть не долженъ («А послушества на холопа не складываютъ»); если не будетъ свидѣтеля изъ свободныхъ людей, то по нуждѣ можно призвать въ свидѣтели боярскаго приказчика, но не другихъ (простыхъ) холоповъ; только въ маломъ искѣ по нуждѣ можно сослаться и на сви-

дѣтельство закупа». Опять мысль Эклоги развита въ Правдѣ примѣнительно къ состоянію русскаго общества, выразилась въ чисто русской формѣ. Третій примѣръ. Въ числѣ статей упомянутаго «Закона суднаго людемъ» мы встрѣчаемъ постановленіе о томъ, какъ наказывать человѣка, который безъ спроса сѣлъ на чужую лошадь: «Аще кто безъ повелѣнія на чужомъ конѣ ѣздитъ, да ся тепеть по три краты», т. е. наказывается тремя ударами. Въ нашей Правдѣ есть постановленіе на тотъ же случай, которое читается такъ: «кто сядетъ на чужаго коня безъ спросу, три гривны за это». Русь временъ Правды не любила тѣлесныхъ наказаній, и византійскіе удары плетью переведены на обычный у насъ денежный штрафъ, на гривны. Такъ, мы замѣчаемъ, что составитель Русской Правды, ничего не заимствуя дословно изъ памятниковъ византійскаго права, однако руководился этими памятниками. Они указывали ему случаи, требовавшіе опредѣленія, ставили законодательные вопросы, отвѣтовъ на которые онъ искалъ въ туземномъ правѣ.

VIII. Наконецъ, въ текстѣ Правды мы замѣчаемъ слѣды кодификатора, который знакомъ былъ если не съ языкомъ византійскаго подлинника, то съ терминологіей южно-славянскаго его перевода. Въ Русской Правдѣ встрѣчаются термины, чуждые нашему древнему юридическому языку. Приведемъ лишь одинъ примѣръ. Языкъ древней Руси долго не зналъ спеціальнаго термина для обозначенія дѣтей двухъ родныхъ братьевъ. Терминъ «двоюродный» является довольно поздно, не ранѣе XIV-го столѣтія, но древняя сербская Кормчая греческое понятіе ἐξάδελφοι (двоюродные братья) передаетъ, очевидно, искусственно сдѣланнымъ терминомъ «брату чада». Этотъ терминъ никогда не освоился въ языкѣ русскаго права, всегда оставался

ему чуждымъ, какъ терминъ искусственный, книжный и при томъ принесенный извнѣ. Этотъ терминъ знаетъ и Русская Правда; перечисляя степени родства, обязанныя кровной местью за убійство родственниковъ, она ставитъ рядомъ съ сыномъ и племянникомъ и «брату чадо», двоюроднаго брата.

Вотъ рядъ наблюденій, какія вы соберете, изучая пространный текстъ Русской Правды. Вы замѣтите, что Русская Правда еще составлялась и въ XII вѣкѣ, долго спустя послѣ смерти Ярослава; что она представляетъ не вездѣ подлинный текстъ закона, а часто его повѣствовательное изложеніе; что Русская Правда не знаетъ нѣсколькихъ разрядовъ преступленій, именно, тѣхъ, которыя разбирались или исключительно церковнымъ судомъ, на основаніи церковныхъ законовъ, или судомъ смѣснымъ, или которыхъ вовсе не вѣдалъ церковный судъ (преступленія политическія); что Русская Правда игнорируетъ судебные поединки, несомнѣнно практиковавшіеся въ русскихъ судахъ XI и XII вв., но противные Церкви; что Русская Правда является не особымъ самостоятельнымъ судебникомъ, а только какъ одна изъ дополнительныхъ статей къ Кормчей; что эта Правда составлялась не безъ вліянія памятниковъ византійскаго права, среди которыхъ она вращалась, и что на ней замѣтны слѣды руки русскаго грамотѣя, знакомаго съ терминологіей южно-славянскихъ переводовъ византійскихъ юридическихъ памятниковъ. Къ чему приводитъ совокупность этихъ наблюденій? Къ тому, что читаемый нами текстъ Русской Правды сложился въ сферѣ не княжескихъ, а церковныхъ судовъ, въ средѣ церковной юрисдикціи, и что составитель ея при своей работѣ имѣлъ въ виду потребности именно этой юрисдикціи. Для княжескаго суда XI-го вѣка не нужна была писанная Правда: во первыхъ, еще крѣпко было право обычное, которымъ

руководился князь или его судья; во вторыхъ, тогда господствовалъ процессъ состязательный, и если бы судья забылъ юридическій обычай, ему настойчиво напомнили бы о немъ тяжущіяся стороны, которыя собственно и вели дѣло, а судья присутствовалъ при тяжбѣ больше въ качествѣ пассивнаго зрителя, чѣмъ руководителя. Но если князь и его судьи могли обходиться безъ писанной Правды, то она была необходима въ церковныхъ судахъ. Съ начала христіанства Церкви предоставлена была двойная юрисдикція. Церковь, во-1-хъ, судила всѣхъ христіанъ, духовныхъ и мірянъ, по нѣкоторымъ дѣламъ церковно-нравственнаго характера; во-2-хъ, Церковь судила нѣкоторыхъ христіанъ, духовныхъ и мірянъ, по всѣмъ дѣламъ, церковнымъ и не церковнымъ, гражданскимъ и уголовнымъ. Эти міряне, подсудные Церкви во всѣхъ дѣлахъ, были люди, предоставленные всецѣло вѣдѣнію Церкви: всѣ убогіе, пользовавшіеся общественной благотворительностью; врачи; холопы, принадлежавшіе церковнымъ учрежденіямъ; крестьяне, жившіе на церковныхъ земляхъ и проч. Для суда надъ этими мірянами по дѣламъ не церковнаго характера церковнымъ судьямъ и былъ необходимъ, по двумъ причинамъ, писанный сводъ законовъ: во-1-хъ, онъ необходимъ былъ потому, что первые церковные судьи, Греки или Южные Славяне, незнакомы были съ русскими юридическими обычаями; во-2-хъ, этимъ судьямъ нуженъ былъ такой сводъ туземныхъ законовъ, въ которомъ были-бы устранены или измѣнены нѣкоторые юридическіе обычаи Руси, особенно претившіе юридическому и нравственному чувству христіанскихъ судей, воспитанныхъ на византійскомъ церковномъ и гражданскомъ правѣ. Эта двойная потребность и вызвала въ церковной средѣ попытку кодификаціи русскихъ не церковныхъ законовъ. Плодомъ этой попытки и была Русская Правда.

Итакъ, Русская Правда родилась въ сферѣ церковной юрисдикціи. Церковный судъ по духовнымъ дѣламъ надъ всѣми христіанами производился на основаніи Номоканона, принесеннаго изъ Византіи, и церковныхъ уставовъ, изданныхъ первыми христіанскими князьями Руси. Церковный судъ по не церковнымъ, гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, простиравшійся только на церковныхъ людей, вызвалъ потребность въ письменномъ сводѣ мѣстныхъ законовъ, какимъ и явилась Русская Правда. Начало его выработки относится ко времени Ярослава, почему Русская Правда и носитъ имя этого князя. Въ Новгородской лѣтописи есть неясный намекъ на какую то «Правду» или писанный «Уставъ», который далъ Ярославъ новгородцамъ, сказавъ имъ: «по сей грамотѣ ходите, якоже писахъ вамъ, такоже держите». Можетъ быть, это намекъ на первоначальную краткую редакцію правды, которую мы находимъ въ нѣкоторыхъ спискахъ. Завершеніе этой работы надъ сводомъ можно отодвигать не далѣе конца XII в. Итакъ, Русская Правда вырабатывалась около полутора столѣтія.

Изложенный разборъ Русской Правды даетъ намъ возможность отвѣтить на вопросъ, поставленный при самомъ началѣ ея изученія, именно, былъ ли это документъ оффиціальный, или частный юридическій сборникъ, не имѣвшій ни оффиціальнаго происхожденія, ни обязательнаго дѣйствія. Ни то, ни другое. Русская Правда не была произведеніемъ княжеской законодательной власти; но она не осталась и частнымъ юридическимъ сборникомъ; она получила обязательное дѣйствіе какъ законодательный сводъ, въ одной части русскаго общества, именно въ той, на которую простиралась церковная юрисдикція по не церковнымъ дѣламъ, и въ такомъ значеніи признаваема была самой княжеской властью.

Впрочемъ, можно думать, что дѣйствіе Русской Правды съ теченіемъ времени перешло за предѣлы церковной юрисдикціи. До половины XI в. еще крѣпкій древній обычай давалъ княжескимъ судамъ возможность обходиться безъ письменнаго свода законовъ. Но различныя обстоятельства, успѣхи гражданственности, особенно появленіе христіанской Церкви съ чуждымъ для Руси церковнымъ правомъ, съ новыми для нея юридическими понятіями,—все это должно было поколебать древніе юридическіе обычаи и помутить юридическую память судьи. Теперь судебная практика на каждомъ шагу задавала судьѣ вопросы, на которые онъ не находилъ отвѣта въ древнемъ юридическомъ обычаѣ, или отвѣтъ на которые можно было извлечь изъ этого обычая лишь путемъ его натянутаго толкованія. Это и вызвало потребность для княжескихъ судей въ письменномъ изложеніи законовъ, принаровленныхъ къ измѣнившемуся положенію дѣлъ. Русская Правда устраняла часть этихъ судебныхъ затрудненій, давала отвѣты на многіе изъ этихъ вопросовъ, старалась примѣниться къ новымъ понятіямъ и отношеніямъ. Я думаю, что съ теченіемъ времени Русская Правда, первоначально имѣвшая обязательное дѣйствіе только въ сферѣ церковной юрисдикціи, стала служить руководствомъ и для княжескихъ судовъ. Итакъ, *Русская Правда есть памятникъ собственно не древне-русскаго законодательства, а древне-русской кодификаціи.*

Разборъ Русской Правды позволяетъ намъ отвѣтить и на другой вопросъ, поставленный при началѣ ея изученія:—насколько полно и вѣрно отразился въ ней дѣйствовавшій на Руси юридическій порядокъ? Въ ней можно замѣтить слѣды несочувствія кодификатора нѣкоторымъ юридическимъ обычаямъ Руси, слишкомъ отзывавшимся языческой стариной. Но трудно уличить

его въ поправкахъ, прямыхъ отступленіяхъ отъ дѣйствовавшаго права. Повидимому, онъ старался не столько исправлять мѣстный юридическій обычай, сколько, съ одной стороны, обходить то, что считалъ необходимымъ исправить въ немъ, а съ другой—пополнять его, формулируя такія юридическія отношенія и случаи, на которые обычай не давалъ прямыхъ отвѣтовъ. Поэтому *Русскую Правду можно признать довольно вѣрнымъ, но не цѣльнымъ отраженіемъ юридическаго порядка ея времени*: она не вводила новаго права взамѣнъ дѣйствовавшаго, но въ ней воспроизведены не всѣ части дѣйствовавшаго права, а части, воспроизведенныя въ ней, можетъ быть, впервые изложены такъ стройно и отчетливо, какъ не сумѣлъ бы изложить ихъ тогдашній княжескій судья.

Источники Русской Правды.

Происхожденіемъ памятника частью опредѣлились и его юридическіе источники. Эти источники были таковы.

По договорамъ Руси съ Греками X в. нѣкоторыя преступленія, совершенныя русскими въ Царьградѣ, наказуются денежной пеней «по закону русскому». Этотъ законъ русскій, т. е. обычное право древней Руси, и легъ въ основаніе Русской Правды, былъ основнымъ ея источникомъ. Но рядомъ съ этимъ кодификаторъ черпалъ и изъ другихъ источниковъ, которые давали ему постановленія, измѣнявшія или развивавшія древній юридическій обычай. Этими источниками были: 1) законодательныя постановленія самихъ князей: такъ, во второй статьѣ пространной Правды изложенъ законъ Ярославовыхъ сыновей, замѣнявшій родовую месть за убійство денежной пеней; 2) судебные приговоры князей по частнымъ случаямъ: таковъ

приговоръ Изяслава Ярославича, присудившаго къ двойной вирѣ жителей Дорогобужа за убійство княжескаго «конюха стараго», т. е. конюшаго старосты или приказчика; приговоръ этотъ занесенъ въ Правду, какъ общій законъ, причислившій княжескаго старосту конюшаго, по размѣру пени за его убійство, къ составу старшей дружины князя; наконецъ 3) законодательные проекты духовенства, принятые князьями. Слѣды этой законодательной работы духовенства мы замѣчаемъ уже въ лѣтописномъ разсказѣ о князѣ Владимирѣ. Когда усилились разбои въ Русской землѣ, епископы предложили этому князю замѣнить денежную пеню за разбой болѣе тяжкой правительственной карой; въ Русской Правдѣ мы находимъ постановленіе, въ силу котораго разбойникъ наказуется не денежной пеней, а «потокомъ и разграбленіемъ», т. е. конфискаціей всего имущества преступника и продажей его самого въ рабство за границу со всѣмъ семействомъ. Таковы замѣтные источники Русской Правды.

Содержаніе Русской Правды.

Теперь разберемъ содержаніе Русской Правды, касаясь его лишь настолько, чтобы уловить въ немъ основные житейскіе мотивы и интересы, дѣйствовавшіе тогда въ русскомъ обществѣ. Главное содержаніе памятника составляетъ юридическое опредѣленіе дѣяній, коими одно лицо причиняетъ вредъ другому. За нѣкоторыя изъ этихъ дѣяній законъ полагаетъ лишь частное вознагражденіе въ пользу потерпѣвшаго, за другія сверхъ того и правительственную кару со стороны князя. Дѣянія перваго рода по Русской Правдѣ суть гражданскія правонарушенія, дѣянія второго рода—уголовныя преступленія. Взысканіе въ пользу князя состояло въ

извѣстной денежной пенѣ; только кара за наиболѣе тяжкія уголовныя преступленія была значительно осложнена: за разбой, поджогъ и конокрадство преступникъ подвергался не опредѣленной денежной пенѣ въ пользу князя, а потерѣ всего имущества съ лишеніемъ свободы. За всѣ остальныя преступныя дѣянія законъ наказывалъ опредѣленной денежной пеней въ пользу князя и денежнымъ вознагражденіемъ въ пользу потерпѣвшаго. Княжескія пени и частныя вознагражденія представляютъ въ Русской Правдѣ цѣлую систему; онѣ опредѣлялись извѣстной суммой *гривенъ кунъ*. *Гривна* значила фунтъ, гривна серебра—фунтъ серебра, *куны*—деньги. Наше слово *деньги* татарскаго происхожденія, означаетъ звонкую монету и вошло въ нашъ языкъ не раньше XIII в. Гривной кунъ, т. е. денежнымъ фунтомъ, назывался слитокъ серебра, обыкновенно продолговатый, служившій ходячимъ мѣновымъ знакомъ на древне-русскомъ рынкѣ до XIV вѣка. Въ разное время, сообразно измѣнявшейся цѣнности серебра, гривна кунъ имѣла неодинаковый вѣсъ: въ XI и началѣ XII вѣка это былъ кусокъ серебра въ $1/2$ фунта вѣсомъ; въ концѣ XII вѣка, когда завершилось составленіе Правды, вѣсъ этого мѣнового знака простирался лишь до $1/4$ фунта. Мы не можемъ опредѣлить тогдашнюю рыночную стоимость серебра, а можемъ лишь оцѣнить стоимость вѣсовую. Такъ какъ фунтъ серебра теперь стоитъ около 20 рублей, то гривна кунъ въ XI и началѣ XII в. по вѣсу металла стоила около 10 руб. сер., а въ концѣ XII в. около 5 руб.

За убійство взималась денежная пеня въ пользу князя, называвшаяся *вирой*, и вознагражденіе въ пользу родственниковъ убитаго, называвшееся *головничествомъ*.

Вира была троякая: двойная въ 80 гривенъ за убійство княжаго мужа или члена старшей княжеской

дружины, простая въ 40 гривенъ за убійство простого свободнаго человѣка, половинная или *полувирье* въ 20 гривенъ за убійство женщины и за тяжкое увѣчье: отсѣченіе руки, ноги, носа или порчу глаза.

Головничество было гораздо разнообразнѣе, смотря по общественному значенію убитаго. Напримѣръ, за убійство княжаго мужа оно равнялось двойной вирѣ, за убійство крестьянина 5 гривнамъ. За другія преступленія законъ наказывалъ *продажею* въ пользу князя и *урокомъ за обиду* въ пользу пострадавшаго. Такова система наказаній по Русской Правдѣ. Эта система вытекала изъ особаго взгляда закона на преступныя дѣянія. Законъ различалъ въ преступленіи вредъ, наносимый лицу, отъ ущерба, наносимаго его имуществу; но и самый личный вредъ, т. е. вредъ физическій, разсматривался закономъ преимущественно съ точки зрѣнія ущерба хозяйственнаго. Онъ строже наказывалъ за отсѣченіе руки, чѣмъ за отсѣченіе пальца, такъ какъ въ первомъ случаѣ человѣкъ становился менѣе способнымъ къ труду, т. е. къ пріобрѣтенію имущества. Такъ, смотря на преступныя дѣянія, какъ на хозяйственный вредъ, законъ и каралъ денежной пеней, соотвѣтствующей матеріальному ущербу, какой они причиняли. Когда господствовала родовая месть, тогда возмездіе за преступленіе держалось на правилѣ «жизнь за жизнь». Теперь возмездіе перенесено было на другое основаніе, которое можно выразить словами «рубль за рубль». Это начало было послѣдовательно проведено въ системѣ наказаній по Русской Правдѣ. Она почти не обращаетъ вниманія на мотивы преступленія и не заботится ни о предупрежденіи преступленій, ни объ исправленіи преступной воли. Она имѣетъ въ виду лишь непосредственныя матеріальныя послѣдствія преступленія и караетъ за нихъ преступника имуществен-

нымъ же убыткомъ. Законъ, какъ будто, говоритъ преступнику: бей, воруй, сколько хочешь, но за все плати исправно по таксѣ. Далѣе этого не простирался взглядъ закона.

Разберемъ самыя денежныя пени, взыскиваемыя княземъ, какъ и частныя вознагражденія въ пользу потерпѣвшаго. Сопоставленіе нѣкоторыхъ статей Правды объ этомъ приводитъ къ любопытному наблюденію. Одинаковая пеня въ пользу князя 12 гривенъ грозитъ и за выбитье зуба, за похищеніе бобра изъ логовища, за уничтоженіе полевой межи и за убійство чужого холопа. Одинаковая пеня въ пользу князя въ 3 гривны и одинаковый урокъ въ пользу потерпѣвшаго въ 1 гривну грозитъ за отсѣченіе пальца, за похищеніе охотничьяго пса съ мѣста лова, также и за самовольное истязаніе крестьянина безъ приговора судьи. За поджогъ и конокрадство наказаніе гораздо тяжелѣе, чѣмъ за увѣчье. Значитъ, *имущество человѣка въ Правдѣ цѣнится дороже самого человѣка, его здоровья, личной безопасности.* Произведеніе труда для закона важнѣе живого орудія труда—рабочей силы человѣка.

Еще замѣчательнѣе другая особенность Правды: имущественная безопасность, цѣлость капитала, неприкосновенность собственности обезпечиваются въ законѣ личностью человѣка. Должникъ купецъ, ставшій несостоятельнымъ по своей винѣ, могъ быть проданъ въ рабство кредиторами. Наемный сельскій рабочій, получившій при наймѣ отъ хозяина ссуду съ обязательствомъ за нее работать, терялъ личную свободу и превращался въ полнаго холопа за попытку убѣжать отъ хозяина, не расплатившись. Значитъ, *безопасность капитала законъ цѣнилъ дороже личной свободы человѣка.* Мало того, даже общественное значеніе лица опредѣлялось его имущественной состоятельностью и самостоятельностью. Это можно замѣтить, изучая по Русской

Правдѣ составъ общества. Въ Русской Правдѣ обозначается двоякое дѣленіе общества—политическое и экономическое. Политически, по отношенію къ князю, свѣтское общество дѣлится на два класса—на служилыхъ и неслужилыхъ, на *княжихъ мужей* и *людей*, т. е. простыхъ людей. Эти политическія сословія различаются правами. Къ этимъ двумъ сословіямъ можно причислить и третье низшее—холоповъ. По Русской Правдѣ холопы собственно не сословіе, не лица, а вещь, какъ и рабочій скотъ; поэтому за убійство холопа взималась не вира и головничество, а только продажа въ пользу князя и урокъ въ пользу хозяина. Но Церковь уже проводила иной взглядъ на холопа—взглядъ, какъ на человѣка, и за убійство его наказывала церковной карой. Княжеское законодательство начинало подчиняться этому взгляду. Въ самой Русской Правдѣ замѣтна попытка измѣнить прежнее отношеніе закона къ рабамъ. До смерти Ярослава холопъ, нанесшій ударъ свободному человѣку, могъ быть убитъ имъ. Дѣти Ярослава запретили это, предоставивъ потерпѣвшему либо побить холопа, либо взыскать пеню за обиду, разумѣется, съ хозяина.

Итакъ, политически-свѣтское общество въ XI и XII вв. дѣлилось на три сословія. Но рядомъ съ этимъ политическимъ дѣленіемъ видимъ и дѣленіе экономическое. Между политическими группами образуются переходные слои. Такъ, въ средѣ княжихъ мужей является классъ земельныхъ собственниковъ, называемыхъ въ Правдѣ *боярами*. Бояринъ Русской Правды не придворный чинъ, а именно привилегированный землевладѣлецъ. Точно также и среди «людей», т. е. свободнаго неслужилаго простонародья, выдѣляются два слоя. Одинъ составляютъ крестьяне, жившіе на княжеской, т. е. государственной землѣ, не составлявшей ничьей частной

собственности,—это *смерды.* Другой слой составляли городскіе или сельскіе рабочіе, нанимавшіеся на работу въ чужихъ домахъ или на земляхъ частныхъ собственниковъ со ссудой отъ хозяевъ. Этотъ классъ называется въ Правдѣ *наймитами* и *ролейными закупами.* Между этими двумя слоями сельскаго населенія мы замѣчаемъ хозяйственное различіе. Смердъ, государственный крестьянинъ, обрабатывалъ княжескую землю со своимъ инвентаремъ. Ролейный закупъ обрабатывалъ полученный отъ хозяина участокъ земли съ помощью его инвентаря: бралъ у землевладѣльца въ ссуду сѣмена, земледѣльческія орудія и рабочій скотъ. Таковы три экономическіе класса, обозначающіеся въ Русской Правдѣ и не совпадавшіе съ политическимъ дѣленіемъ общества. Однако разница между классами не была только экономической, а выражалась и въ юридическомъ различіи между ними. Классъ бояръ-землевладѣльцевъ пользовался той привилегіей, что движимое и недвижимое имущество за отсутствіемъ сыновей переходило къ дочерямъ. Смердъ, работавшій на княжеской землѣ со своимъ инвентаремъ, могъ передавать дочерямъ только движимое имущество; остальное, т. е. участокъ земли и дворъ, наслѣдовалъ князь. Но смерды, какъ и бояре,—свободныя лица; наймитъ, напротивъ, лицо полусвободное, приближающееся къ рабу. Это полусвободное состояніе обнаруживается въ нѣкоторыхъ статьяхъ Правды. Во-1-хъ, хозяинъ пользовался правомъ тѣлесно наказывать своего закупа; во-2-хъ, закупъ—неполноправное лицо на судѣ, онъ могъ быть свидѣтелемъ только въ незначительныхъ тяжбахъ и при отсутствіи свидѣтелей изъ свободныхъ лицъ; въ-3-хъ, закупъ самъ не отвѣчалъ за нѣкоторыя преступленія, напр., за кражу; за него платитъ пеню хозяинъ, который зато превращаетъ его въ полнаго своего холопа. Значитъ, экономическіе

классы различались между собою правами, какъ и политическія сословія. Политическія сословія создавались княземъ, княжеской властью; экономическіе классы творились капиталомъ, имущественнымъ неравенствомъ людей. Такимъ образомъ, *капиталъ является въ Правдѣ, на ряду съ княжеской властью, творческой соціальной силой, которая вводила въ политическій составъ общества свое особое общественное дѣленіе.*

То же самое значеніе капитала открывается въ другихъ постановленіяхъ Правды, относящихся къ области гражданскаго права,—въ ея статьяхъ объ имущественныхъ сдѣлкахъ и обязательствахъ. Въ Правдѣ незамѣтно мысли о нравственной несправедливости, нѣтъ постановленій о преступленіяхъ нравственнаго характера, но зато она вноситъ точныя опредѣленія въ имущественныя отношенія людей. Она различаетъ, напр., отдачу имущества на храненіе отъ передачи его въ заемъ, одолженіе по дружбѣ отъ отдачи денегъ въ ростъ изъ опредѣленаго условленнаго процента; а эту сдѣлку— отъ вклада въ торговое предпріятіе, въ товарищество на вѣрѣ изъ неопредѣленнаго барыша (дивиденда). Далѣе, въ Правдѣ находимъ точно опредѣленный порядокъ взысканія долговъ съ несостоятельнаго должника (конкурсъ).

Вотъ главныя черты Правды, въ которыхъ можно видѣть выраженіе господствовавшихъ житейскихъ интересовъ, основныхъ мотивовъ жизни стараго кіевскаго общества. *Русскую Правду можно назвать по преимуществу законодательствомъ о капиталѣ.* Капиталъ— главный предметъ вниманія для закона. Можно сказать, что это самая привилегированная особа въ Русской Правдѣ. Имъ указываются важнѣйшія юридическія отношенія, которыя формулируютъ законъ: послѣдній строже наказываетъ за дѣянія, направленныя противъ собственности, чѣмъ за нарушеніе личной безопасности.

Капиталъ служитъ и орудіемъ кары за тѣ или другія преступленія; на немъ основана самая система наказаній. Само лицо разсматривается въ Правдѣ не столько, какъ членъ общества, сколько какъ владѣтель или производитель капитала. Лицо, его не имѣющее или производить не могущее, теряетъ права свободнаго человѣка (женщина, закупъ). Капиталъ чрезвычайно дорогъ. До начала XII столѣтія при годовомъ займѣ законъ допускалъ ростъ въ половину капитала (50%). Лишь Владиміръ Мономахъ попытался нѣсколько смягчить строгія постановленія о ростѣ и уменьшить его размѣръ. При долгосрочномъ займѣ, впрочемъ, и онъ допустилъ ростъ въ 40%. Это значеніе капитала въ Русской Правдѣ сообщаетъ ей черствый, мѣщанскій характеръ. Легко замѣтить, какова была общественная среда, выработавшая право, которое легло въ основаніе Русской Правды. Это былъ большой торговый городъ. Село въ Русской Правдѣ является въ тѣни, на заднемъ планѣ. Впереди всего поставлены интересы и отношенія торговыхъ городскихъ классовъ, т. е. отношенія промышленно-торговой жизни. Такъ, изучая по Русской Правдѣ гражданскій порядокъ, частныя юридическія отношенія людей, мы и здѣсь встрѣчаемся съ той же силой, которая такъ могущественно дѣйствовала на установленіе политическаго порядка во все продолженіе перваго періода, именно — съ городомъ или съ тѣмъ, чѣмъ работалъ городъ—съ торгово-промышленнымъ капиталомъ.

Церковный судъ. Вліяніе Церкви на бытъ и нравы народа.

Русская Правда была вѣрнымъ отраженіемъ русской юридической дѣйствительности XI и XII в.в., но отраженіемъ далеко не полнымъ. Она воспроизводитъ

*

одинъ рядъ частныхъ юридическихъ отношеній, построенныхъ на матеріальномъ, экономическомъ интересѣ; но въ эти отношенія все глубже проникалъ съ конца X вѣка новый строй юридическихъ отношеній, который созидался на иномъ началѣ,—на чувствѣ нравственномъ. Эти отношенія проводила въ русскую жизнь Церковь. Памятники, въ которыхъ отразился этотъ новый порядокъ отношеній, освѣщаютъ русскую жизнь тѣхъ вѣковъ съ другой стороны, которую оставляетъ въ тѣни Русская Правда.

Начальная лѣтопись, разсказывая, какъ Владиміръ въ 996 году назначилъ на содержаніе построенной имъ въ Кіевѣ соборной Десятинной церкви десятую часть своихъ доходовъ, прибавляетъ: «и положи написавъ клятву въ церкви сей». Эту клятву мы и встрѣчаемъ въ сохранившемся *церковномъ уставѣ Владиміра*, гдѣ этотъ князь заклинаетъ своихъ преемниковъ блюсти нерушимо постановленія, составленныя имъ на основаніи правилъ вселенскихъ соборовъ и законовъ греческихъ царей, т.-е. на основаніи греческаго Номоканона. Древнѣйшій изъ многочисленныхъ списковъ этого устава мы находимъ въ той же самой новгородской Кормчей конца XIII вѣка, которая сберегла намъ и древнѣйшій извѣстный списокъ Русской Правды. Время сильно попортило этотъ памятникъ, покрывъ его первоначальный текстъ густымъ слоемъ позднѣйшихъ наростовъ— знакъ продолжительнаго практическаго дѣйствія устава. Въ спискахъ этого устава много поправокъ, передѣлокъ, вставокъ, варіантовъ. Однако, легко возстановить если не первоначальный текстъ памятника, то по крайней мѣрѣ основную мысль, проведенную въ немъ законодателемъ. Уставъ опредѣляетъ положеніе Церкви въ новомъ для нея государствѣ. Церковь на Руси вѣдала тогда не одно только дѣло спасенія душъ: на нее воз-

ложено было много чисто-земныхъ заботъ, близко подходящихъ къ задачамъ государства. Она является сотрудницей мірской государственной власти въ устроеніи общества и поддержаніи государственнаго порядка. Съ одной стороны, Церкви была предоставлена широкая юрисдикція надъ всѣми христіанами, въ составъ которой входили дѣла семейныя, дѣла по нарушенію неприкосновенности и святости христіанскихъ храмовъ и символовъ, дѣла о вѣроотступничествѣ, объ оскорбленіи нравственнаго чувства, о противоестественныхъ грѣхахъ, о покушеніяхъ на женскую честь, объ обидахъ словомъ. Такъ, Церкви предоставлено было устроять и блюсти порядокъ семейный, религіозный и нравственный. Съ другой стороны, подъ ея преимущественное попеченіе было поставлено особое общество, выдѣлившееся изъ христіанской паствы и получившее названіе *церковныхъ* или *богадѣльныхъ людей*. Общество это во всѣхъ дѣлахъ, церковныхъ и не церковныхъ, вѣдала и судила церковная власть. Оно состояло: 1) изъ духовенства бѣлаго и чернаго съ семействами перваго; 2) изъ мірянъ, служившихъ Церкви или удовлетворявшихъ разнымъ мірскимъ ея нуждамъ, каковы были, напримѣръ, врачи, повивальныя бабки, просвирни и т. п.; 3) изъ людей безпріютныхъ и убогихъ, призрѣваемыхъ Церковью, странниковъ, нищихъ, слѣпыхъ, вообще неспособныхъ къ работѣ. Разумѣется, въ вѣдомствѣ Церкви состояли и самыя учрежденія, въ которыхъ находили убѣжище церковные люди: монастыри, больницы, страннопріимные дома, богадѣльни. Все это вѣдомство Церкви опредѣлено въ уставѣ Владиміра общими чертами, часто одними намеками; церковныя дѣла и люди обозначены краткими и сухими перечнями. Практическое развитіе началъ церковной юрисдикціи, изложенныхъ въ уставѣ Владиміра, находимъ въ *церковномъ*

уставъ его сына Ярослава. Это уже довольно пространный и стройный церковный судебникъ. Онъ говоритъ почти о тѣхъ же подсудныхъ Церкви дѣлахъ и лицахъ, какія перечислены въ уставѣ Владиміра; но сухіе перечни этого послѣдняго здѣсь разработаны уже въ тщательно формулированныя статьи со сложной системой наказаній и, по мѣстамъ, съ обозначеніемъ самаго порядка судопроизводства.

Эта система и этотъ порядокъ построены на соотношеніи понятій грѣха и преступленія. Грѣхъ вѣдаетъ Церковь, преступленіе—государство. Всякое преступленіе Церковь считаетъ грѣхомъ; но не всякій грѣхъ государство считало преступленіемъ. На комбинаціи этихъ основныхъ понятій и построенъ порядокъ церковнаго суда въ уставѣ Ярослава. Всѣ дѣла, опредѣляемыя въ уставѣ, можно свести къ тремъ разрядамъ: 1) дѣла только грѣховныя, безъ элемента преступности, напр., нарушеніе поста, судились исключительно церковной властью безъ участія судьи княжескаго; 2) дѣла грѣховно-преступныя, воспрещенныя и церковными правилами, и гражданскими законами, напр., умычка дѣвицъ, разбирались княжескимъ судьей съ участіемъ судьи церковнаго; наконецъ, дѣла третьяго разряда были всякія преступленія, совершенныя церковными людьми какъ духовными, такъ и мірянами. По уставу Владиміра такихъ людей по всѣмъ дѣламъ вѣдала церковная власть; но и князь оставлялъ за собою нѣкоторое участіе въ судѣ надъ ними. Наиболѣе тяжкія преступленія, совершенныя церковными людьми: душегубство, татьбу съ поличнымъ, судилъ церковный судья, но съ участіемъ княжескаго, съ которымъ и дѣлился денежными пенями.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе Ярославова устава. Нетрудно замѣтить, какія новыя понятія вно-

силъ онъ въ русское право и юридическое сознаніе: онъ 1) осложнялъ понятіе о преступленіи, о матеріальномъ вредѣ, причиняемомъ другому, мыслію о грѣхѣ, о нравственной несправедливости или нравственномъ вредѣ, причиняемомъ преступникомъ не только другому лицу, но и самому себѣ; 2) подвергалъ юридическому вмѣненію грѣховныя дѣянія, которыхъ старый юридическій обычай не считалъ вмѣняемыми, какъ умычка, обида словомъ; наконецъ 3) согласно съ новымъ взглядомъ на преступленіе осложнялъ дѣйствовавшую систему наказаній, состоявшихъ въ денежныхъ пеняхъ, нравственно-исправительной карой, эпитиміей, и заключеніемъ въ церковномъ домѣ, соединеннымъ съ принудительной работой въ пользу Церкви.

По разсмотрѣннымъ церковнымъ уставамъ можно составить общее сужденіе о томъ, какое дѣйствіе оказала Церковь на бытъ и нравы русскаго общества въ первые вѣка его христіанской жизни. Церковь не измѣнила ни формъ, ни основаній политическаго порядка, какой она застала на Руси, хотя онъ и былъ ей несочувственъ: она только старалась устранить нѣкоторыя тяжелыя его слѣдствія, напримѣръ, княжескія усобицы, и внушить лучшія политическія понятія, разъясняя князьямъ истинныя задачи ихъ дѣятельности и указывая наиболѣе пригодныя и чистыя средства дѣйствія. Точно также, не касаясь прямо ни формъ, ни началъ русскаго юридическаго быта, она, такъ сказать, прививала къ нему новыя, лучшія юридическія понятія и отношенія и съ помощью ихъ измѣняла бытъ и нравы общества. Особенно глубоко было ея дѣйствіе на духъ и формы частнаго гражданскаго общежитія. Здѣсь, во-первыхъ, она разрывала старый языческій родовой союзъ, создавая новый—христіанскую семью. Христіанство еще застало на Руси живые остатки родового

союза. Построенный на языческихъ началахъ, онъ былъ противенъ Церкви, которая съ самой минуты своего появленія на Руси стала разбивать его и на его развалинахъ строить союзъ семейный, ею освящаемый. Средствомъ для этого было церковное законодательство о бракѣ. Церковными правилами были точно опредѣлены степени родства, въ которыхъ запрещались брачные союзы. Допуская браки между болѣе отдаленными родственниками, Церковь пріучала ихъ смотрѣть другъ на друга, какъ на чужихъ людей. Такъ, она укорачивала языческое родство, обрубая его отдаленныя вѣтви. Далѣе, точными и строгими предписаніями объ отношеніяхъ между мужемъ и женою, между родителями и дѣтьми она очищала нравы, вносила право и дисциплину туда, гдѣ прежде господствовали инстинктъ и произволъ.

Второй періодъ.

Изученіемъ гражданскаго порядка, частныхъ юридическихъ отношеній въ древней Кіевской Руси я заканчиваю изложеніе перваго періода нашей исторіи. Обращаюсь къ изученію второго періода, который мы назвали временемъ Верхне-Волжской удѣльной Руси и который продолжался съ конца XII до половины XV вѣка. Я отмѣчу сейчасъ главныя черты этого времени. Если въ первый періодъ масса русскаго населенія сосредоточивалась преимущественно въ области Днѣпра, то во второмъ—она является въ области верхней Волги. Если въ первомъ періодѣ устроителемъ и руководителемъ политическаго и общественнаго порядка былъ большой торговый городъ, то во второмъ періодѣ такимъ устроителемъ и руководителемъ былъ князь—наслѣдственный вотчинникъ своего удѣла. Эта двоякая перемѣна—территоріальная и политическая—перестраиваетъ политическій и экономическій бытъ Верхне-Волжской Руси. Сообразно съ этимъ, политически Верхне-Волжская Русь дѣлится не на городовыя области, а на княжескіе удѣлы; сообразно съ новой территоріей, съ новой внѣшней обстановкой, въ которой живетъ главная масса населенія, и двигателемъ народнаго хозяйства становится вмѣсто внѣшней торговли сельско-хозяйственная эксплоатація земли съ помощью вольнаго труда крестьянина-арендатора.

Припомнимъ, какъ излагаются явленія нашей исторіи XII и XIII вѣковъ въ учебномъ руководствѣ. При-

близительно до половины XII вѣка вниманіе сосредоточивается на Кіевской Руси, на событіяхъ въ ней происходившихъ, на ея князьяхъ. Съ половины, еще болѣе съ конца XII вѣка, вниманіе обращается въ другую сторону, сосредоточивается на событіяхъ, происходящихъ въ верхнемъ Поволжьѣ, на князьяхъ этого края. Эта перемѣна исторической сцены съ перваго взгляда представляется неожиданной. Мы не знаемъ ни того, куда дѣвалась старая Кіевская Русь, ни того, откуда выросла новая Русь, Верхне-Волжская.

Прежде всего нужно разсмотрѣть, когда и какимъ образомъ масса русскаго населенія передвинулась въ другой край. Это передвиженіе было слѣдствіемъ разрушенія общественнаго порядка, установившагося въ старой Кіевской Руси. Причины этого разрушенія довольно сложны и кроются какъ въ самомъ складѣ жизни Кіевской Руси, такъ и въ ея внѣшней обстановкѣ. Я укажу бѣгло главныя изъ этихъ причинъ.

Условія, разрушавшія общественный порядокъ и благосостояніе Кіевской Руси.

Уже въ половинѣ XII столѣтія становится замѣтно дѣйствіе условій, разрушавшихъ общественный порядокъ и экономическое благосостояніе Кіевской Руси. Жизнь этой Руси, какъ она отразилась въ бытѣ высшихъ классовъ русскаго общества, отличалась свѣтлымъ колоритомъ. Руководящая сила народнаго хозяйства—внѣшняя торговля—сообщала этой жизни много движенія, приносила на Русь большія богатства, содѣйствовала украшенію житейской обстановки. Присутствіе значительныхъ богатствъ въ большихъ городахъ Кіевской Руси XI и XII в.в. несомнѣнно; оно выразилось въ

успѣхахъ искусствъ, какъ и въ успѣхахъ книжнаго образованія. Но это лишь лицевая сторона жизни, у которой была своя изнанка; изнанку эту представляетъ бытъ общественнаго низа, низшихъ классовъ общества. Во-первыхъ, экономическое благосостояніе Кіевской Руси держалось на *рабовладѣніи*. Рабовладѣніе въ половинѣ XII вѣка достигло тамъ громадныхъ размѣровъ. Рабы, челядь, уже въ X, XI в.в. были главной статьей русскаго вывоза на черноморскіе и каспійскіе рынки. Русскій купецъ того времени всюду является неизмѣнно съ главнымъ своимъ товаромъ — съ челядью. Восточные писатели X вѣка рисуютъ намъ живую картину русскаго купца, торгующаго рабами на Волгѣ: выгрузившись, онъ разставлялъ на волжскихъ базарахъ свои скамьи-лавки, на которыхъ разсаживалъ свой живой товаръ; съ тѣмъ же товаромъ являлся русскій купецъ и въ Константинополь. Когда греку, обывателю Царьграда, нужно было купить раба, онъ ѣхалъ на рынокъ, гдѣ «русскіе купцы приходяще челядь продаютъ»; такъ читаемъ въ одномъ описаніи посмертнаго чуда Николая Чудотворца, относящемся къ половинѣ XI вѣка. Рабовладѣніе было однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ, на который обращено вниманіе древнѣйшаго русскаго законодательства, сколько можно судить о томъ по Русской Правдѣ. Статьи о рабовладѣніи составляютъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ и обработанныхъ отдѣловъ въ ея составѣ. Рабовладѣніе, кажется, было и первоначальнымъ юридическимъ и экономическимъ источникомъ русскаго землевладѣнія. Признаки частной земельной собственности на Руси появляются лишь съ конца XI в. Въ XII столѣтіи мы встрѣчаемъ нѣсколько указаній на частныхъ земельныхъ собственниковъ. Это: 1) князья и члены ихъ семействъ; 2) княжіе мужи, бояре; 3) церковныя учрежденія, монастыри и епископскія каѳедры.

Но во всѣхъ извѣстіяхъ о частномъ землевладѣніи XII вѣка земельная собственность является съ однимъ отличительнымъ признакомъ: она населялась и эксплоатировалась рабами; челядь была необходимою хозяйственною принадлежностью частнаго землевладѣнія какъ свѣтскаго, такъ и церковнаго, какъ крупнаго, такъ и мелкаго. Можно думать поэтому, что самая идея о правѣ собственности на землю, о возможности владѣть землей, какъ всякою другою вещью, вытекала изъ рабовладѣнія, была развитіемъ мысли о правѣ собственности на холопа. «*Эта земля моя, потому что мои люди, ее обрабатывающіе, къ ней привязанные*»: таковъ былъ, кажется, діалектическій процессъ, которымъ сложилась у насъ юридическая идея о правѣ земельной собственности. Холопъ-земледѣлецъ, «страдникъ», какъ онъ назывался на юридическомъ языкѣ древней Руси, служилъ проводникомъ этой идеи отъ хозяина на землю, юридической связью между первымъ и послѣдней, какъ онъ былъ для перваго орудіемъ хозяйственной эксплоатаціи послѣдней. Рабъ, благодаря тому, что въ XI и XII вв. его стали сажать на землю, поднялся въ цѣнѣ. До смерти Ярослава рабъ могъ быть убитъ за ударъ, нанесенный свободному человѣку. Дѣти Ярослава запретили это. Рабовладѣльческія понятія и привычки древнерусскихъ землевладѣльцевъ потомъ перенесены были и на отношенія послѣднихъ къ вольнымъ рабочимъ, къ крестьянамъ. Русская правда знаетъ классъ «*ролейныхъ* (земледѣльческихъ) *наймитовъ* или *закуповъ*». Закупъ близко стоялъ къ холопу, хотя законъ и отличалъ его отъ послѣдняго: это неполноправный, временнообязанный крестьянинъ, работавшій на чужой землѣ и въ иныхъ случаяхъ (за кражу и побѣгъ отъ хозяина) превращавшійся въ полнаго, *обельнаго* холопа. Въ этомъ угнетенномъ юридическомъ положеніи закупа и можно

видѣть дѣйствіе рабовладѣльческихъ привычекъ древнерусскихъ землевладѣльцевъ, переносившихъ на вольнонаемнаго крестьянина взглядъ, какимъ они привыкли смотрѣть на своего раба-земледѣльца. Строгость, съ какою преслѣдовался закономъ побѣгъ ролейнаго наймита отъ хозяина безъ расплаты, показываетъ, въ одно время, и нужду землевладѣльцевъ въ рабочихъ рукахъ, и стремленіе закуповъ выйти изъ своего тяжелаго полусвободнаго состоянія. *Такимъ образомъ, экономическое благосостояніе и успѣхи общежитія на верху кіевскаго общества куплены были цѣной порабощенія низшихъ классовъ.* Привольная жизнь общественныхъ вершинъ держалась на юридическомъ и экономическомъ приниженіи массъ простого народа. Эта приниженность обострялась еще рѣзче огромнымъ имущественнымъ неравенствомъ между классами русскаго общества по большимъ городамъ Руси XI и XII в.в. Начальная лѣтопись вскрываетъ передъ нами этотъ соціальный фактъ. Въ 1018 году новгородцы рѣшили на вѣчѣ сложиться, чтобы нанять Варяговъ за моремъ на помощь Ярославу въ борьбѣ его съ кіевскимъ братомъ Святополкомъ. По общественной раскладкѣ, съ простыхъ людей было взято по 4 куны, а съ бояръ по 18 гривенъ кунъ; такъ какъ въ гривнѣ считалось 25 кунъ, то, слѣдовательно, бояре обложены были въ 112½ разъ тяжелѣе простыхъ свободныхъ гражданъ. *Это приниженное юридическое и экономическое положеніе рабочихъ классовъ было однимъ изъ условій, подкапывавшихъ общественный порядокъ и благосостояніе Кіевской Руси.* Порядокъ этотъ не имѣлъ опоры въ низшихъ классахъ населенія, которымъ онъ давалъ себя чувствовать только своими невыгодными послѣдствіями.

Князья своими владѣльческими отношеніями сообщали усиленное дѣйствіе этому неблагопріятному усло-

вію. Очередной порядокъ княжескаго владѣнія былъ одной изъ самыхъ важныхъ причинъ, содѣйствовавшихъ развитію рабовладѣнія. Въ постоянныхъ усобицахъ другъ съ другомъ князья старались набрать въ областяхъ своихъ соперниковъ какъ можно болѣе плѣнныхъ. Плѣнники по тогдашнему русскому праву обращались въ рабство и селились на частныхъ земляхъ князя и его дружины, съ которой князь дѣлился своей добычей. Такъ, Ярославъ заселялъ плѣнными Ляхами Поросье (край по рѣкѣ Роси, западному притоку Днѣпра, ниже Кіева). Ослѣпленный князь Василько въ горѣ своемъ вспоминаетъ, что нѣкогда онъ имѣлъ намѣреніе напасть на Болгаръ Дунайскихъ и перевести ихъ всѣхъ въ свое Теребовльское княжество. Поговорка, ходившая о князѣ конца XII вѣка Романѣ Волынскомъ: «худымъ живеши, Литвой ореши»—показываетъ, что литовскіе плѣнники сажались на княжескую землю для ея обработки. Точно также обращались князья во время усобицъ и со своими русскими плѣнниками. Владиміръ Мономахъ былъ самый добрый изъ князей XI—XII вв., но и онъ не чуждъ былъ этого хищничества. Въ своемъ Поученіи дѣтямъ онъ разсказываетъ, какъ, напавши разъ врасплохъ на Минскъ, онъ не оставилъ тамъ «ни челядины, ни скотины», по собственному его выраженію. Въ другой разъ (1116 г.) сынъ Мономаха Ярополкъ захватилъ городъ Друцкъ и всѣхъ жителей перевелъ въ свою Переяславскую волость, построивши для нихъ новый городъ при впаденіи Сулы въ Днѣпръ. Итакъ, князья чувствовали малонаселенность своихъ земель и старались заселить ихъ искусственно. Самымъ удобнымъ средствомъ для этого былъ полонъ. Лѣтописецъ, разсказывая объ удачномъ вторженіи князя въ чужую волость, обыкновенно заканчиваетъ свой разсказъ замѣчаніемъ, что побѣдители воротились, «ополонившись челядью и скотомъ». *Превратившись въ хищ-*

ническую борьбу за рабочія руки, сопровождавшуюся разореніемъ селъ и городовъ и уменьшеніемъ свободнаго населенія, княжескія усобицы еще больше увеличивали тяжесть положенія низшихъ классовъ въ Кіевской Руси, и безъ того приниженныхъ аристократическимъ законодательствомъ XI—XII вв.

Внѣшнія отношенія Кіевской Руси прибавили новое разрушительное условіе, гибельно дѣйствовавшее на ея общественный порядокъ и благосостояніе. Изучая жизнь этой Руси, ни на минуту не слѣдуетъ забывать, что она основалась на европейской окраинѣ, на берегу Европы, за которымъ тянулось обширное море степей. *Эти степи со своимъ кочевымъ населеніемъ и были историческимъ бичемъ для древней Руси.* Послѣ пораженія, нанесеннаго Ярославомъ Печенѣгамъ, на нѣкоторое время степь очистилась; но вслѣдъ за смертью Ярослава начались непрерывныя нападенія новыхъ степныхъ сосѣдей Руси, Половцевъ. Кіевская Русь борется съ этими степняками въ XI и въ продолженіе всего XII вѣка. Частыя нападенія Половцевъ оставляли послѣ себя страшные слѣды. Въ лѣтописи найдемъ сколько угодно яркихъ красокъ для изображенія бѣдствій, какія испытывала Русь со степной стороны: нивы забрасывались, заростали травой и лѣсомъ; гдѣ паслись стада, тамъ водворялись звѣри; города, даже цѣлыя области пустѣли. Въ XI вѣкѣ Поросье было хорошо заселено. Здѣсь жило смѣшанное населеніе: рядомъ съ плѣнными Ляхами здѣсь селились русскіе выходцы и мирные кочевники, всѣ эти Торки, Берендеи, Печенѣги, спасшіеся отъ Половцевъ и примкнувшіе къ Руси для борьбы съ ними. Эти инородцы вели полукочевой образъ жизни, бродили лѣтомъ по сосѣдней степи со своими вежами (кибитками) и стадами, а зимой или на время опасности

укрывались въ укрѣпленныя становища и русскіе города. Русскіе въ отличіе отъ дикихъ Половцевъ звали ихъ «своими погаными». Въ XI столѣтіи Поросье—цѣлая епархія, средоточіемъ которой служилъ городъ Юрьевъ на Роси (построенный Ярославомъ, христіанское имя котораго было Георгій—Юрій); въ XII столѣтіи Поросье постепенно пустѣетъ и исчезаетъ, такъ что мы, наконецъ, перестаемъ знать о его судьбѣ. Такая же участь постигла и другую сосѣднюю со степью Переяславскую землю. До смерти Мономахова сына Мстислава (1132 г.) Русь еще съ успѣхомъ отбиваетъ Половцевъ отъ границъ своихъ; но со смерти этого дѣятельнаго князя, ей, очевидно, становится не подъ силу выдерживать половецкія нападенія изъ степи, и она начинаетъ отступать передъ ними. Отъ этихъ нападеній болѣе всего страдало, разумѣется, сельское пограничное населеніе, не прикрытое отъ враговъ городскими стѣнами. Владиміръ Мономахъ на съѣздѣ 1103 года живо изобразилъ великому князю Святополку тревожную жизнь крестьянъ въ пограничныхъ со степью областяхъ: «весною выѣдетъ смердъ въ поле пахать на лошади, и пріѣдетъ Половчинъ, ударитъ смерда стрѣлою, возьметъ его лошадь, потомъ пріѣдетъ въ село, захватитъ его жену, дѣтей и все имѣніе, да и гумно его сожжетъ».

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условій: юридическаго и экономическаго приниженія низшихъ классовъ, княжескихъ усобицъ и половецкихъ вторженій съ половины XII столѣтія мы замѣчаемъ признаки запустѣнія Кіевской Руси, Поднѣпровья. Рѣчная полоса по среднему Днѣпру и его притокамъ, издавна такъ хорошо заселенная, съ этого времени пустѣетъ, населеніе ея исчезаетъ куда-то. Самымъ рѣзкимъ указаніемъ на это служитъ одинъ эпизодъ изъ

исторіи княжескихъ усобицъ. Въ 1157 г. умеръ сидѣвшій въ Кіевѣ великій князь Юрій Долгорукій; мѣсто его на великокняжескомъ столѣ занялъ старшій изъ черниговскихъ князей Изяславъ Давидовичъ. Этотъ Изяславъ, по очереди старшинства, черниговскій столъ съ областью долженъ былъ уступить своему двоюродному брату Святославу Ольговичу, княжившему въ Новгородѣ-Сѣверскомъ. Но Изяславъ отдалъ Святославу не всю Черниговскую область, а только старшій городъ Черниговъ съ семью другими городами. Въ 1159 году Изяславъ собрался въ походъ на недруговъ своихъ, князей галицкаго и волынскаго, и звалъ Святослава къ себѣ на помощь; но Святославъ отказался. Тогда старшій братъ послалъ ему такую угрозу: «смотри, братъ, когда, Богъ дастъ, управлюсь въ Галичѣ, тогда ужъ не пеняй на меня, какъ поползешь изъ Чернигова къ Новгороду-Сѣверскому». На эту угрозу Святославъ отвѣтилъ такимъ достопамятнымъ свидѣтельствомъ: «Господи! ты видишь мое смиреніе, сколько я поступился своимъ, не хотя лить крови христіанской, губить своей отчины; взялъ я городъ Черниговъ съ семью другими городами, да и то пустыми: живутъ въ нихъ псари да Половцы». Значитъ, остались въ этихъ городахъ лишь княжескіе дворовые да перешедшіе на Русь мирные поганые. Къ нашему удивленію, въ числѣ этихъ семи запустѣлыхъ городовъ Черниговской земли мы встрѣчаемъ и одинъ изъ самыхъ старыхъ и богатыхъ городовъ Поднѣпровья—Любечъ. Одновременно съ признаками запустѣнія, отлива населенія встрѣчаемъ мы признаки упадка прежняго экономическаго благосостоянія въ Кіевской Руси. Русь пустѣя вмѣстѣ съ тѣмъ и бѣднѣетъ. Есть одно указаніе на это въ исторіи денежнаго обращенія въ XII в. До смерти Мономаха, можетъ быть, нѣсколько позже, обиліе приносимыхъ

внѣшней торговлей драгоцѣнныхъ металловъ на Руси выразилось, между прочимъ, въ постепенномъ увеличеніи вѣса гривны кунъ. При Ярославѣ и при Мономахѣ эта гривна кунъ содержала въ себѣ 1/2 фунта серебра. Съ половины XII столѣтія вѣсъ гривны кунъ быстро падаетъ,—знакъ, что стали изсякать источники, откуда приливало къ намъ серебро. Во второй половинѣ XII вѣка вѣсъ гривны кунъ упалъ уже до 24 золотниковъ. Въ началѣ XIII вѣка онъ падаетъ еще болѣе, такъ что въ Новгородѣ около 1230 года ходили такія гривны кунъ, которыхъ было 7 1/2 въ одномъ фунтѣ. Лѣтописецъ объясняетъ намъ и причину этого вздорожанія серебра. Внѣшніе торговые обороты Руси все болѣе стѣснялись кочевниками; прямое указаніе на это находимъ въ словахъ одного южнаго князя второй половины XII вѣка. Знаменитый соперникъ Андрея Боголюбскаго, Мстиславъ Изяславичъ въ 1170 году старался подвинуть братію въ походъ на степныхъ варваровъ. Онъ указывалъ на бѣдственное положеніе Руси: «пожалѣйте, говорилъ онъ, о Русской землѣ, о своей отчинѣ; каждое лѣто поганые уводятъ христіанъ въ свои вежи, а вотъ уже и торговые пути у насъ отнимаютъ». Въ продолженіе XII вѣка каждый годъ князья лѣтомъ спускались изъ Кіева съ вооруженными отрядами, чтобы встрѣтить и проводить «гречниковъ», русскихъ купцовъ, шедшихъ изъ Царьграда и другихъ греческихъ городовъ. Эта встрѣча и провожаніе русскихъ торговыхъ каравановъ были важной правительственной заботой князей. Очевидно, во второй половинѣ XII столѣтія князья со своими дружинами становятся уже безсильными въ борьбѣ со степнымъ напоромъ.

Вотъ рядъ явленій, указывающихъ, какія неустройства и бѣдствія скрывались внизу общества подъ

столь блестящей, повидимому, поверхностью кіевской жизни.

Теперь предстоитъ рѣшить вопросъ, куда дѣвалось населеніе пустѣвшей Кіевской Руси, въ какую сторону отливали низшіе рабочіе классы, уступавшіе въ Поднѣпровьѣ свое мѣсто княжескимъ псарямъ съ Половцами.

Отливъ населенія изъ Поднѣпровья на западъ и происхожденіе малорусскаго племени.

Отливъ населенія изъ Днѣпровской Руси съ половины XII столѣтія шелъ въ двухъ направленіяхъ, двумя противоположными струями. Одна текла изъ Поднѣпровья на западъ, на лѣсистые и болѣе безопасные склоны Карпатъ, на Западный Бугъ и даже далѣе, въ область верхней Вислы и вглубь Польши. Такимъ образомъ, русское населеніе съ Поднѣпровья возвращалось на давно забытыя мѣста, покинутыя ими еще въ VII вѣкѣ. Слѣды отлива въ эту сторону открываются намъ въ судьбѣ Волынскаго и Галицкаго княжествъ съ конца XII вѣка. Эти княжества уже при Романѣ Мстиславичѣ и его сынѣ Даніилѣ быстро растутъ; въ нихъ появляются новые города; князья ихъ богатѣютъ. Въ началѣ XIII столѣтія галицкій князь—самый вліятельный на юго-западѣ. Этимъ отливомъ объясняется одно любопытное явленіе въ нашей этнографіи, именно образованіе *малорусскаго племени.*

Запустѣніе Приднѣпровской Руси, начавшееся еще въ XII столѣтіи, было только завершено татарскимъ погромомъ. Съ той поры старинные, хорошо заселенные края Руси превратились въ пустыни на много вѣковъ. Вскорѣ послѣ погрома, въ 1246 году, черезъ Кіевъ проѣзжалъ изъ Польши папскій миссіонеръ

*

Плано Карпини. Въ своихъ запискахъ онъ замѣчаетъ, что на пути съ Волыни къ Кіеву онъ подвергался опасности отъ Литвы, которая часто дѣлаетъ нападеніе на эти края Руси, но что Руси здѣсь осталось очень мало: большая часть либо перебита, либо уведена въ плѣнъ Татарами. На всемъ пройденномъ имъ пространствѣ Русской земли, т. е. Южной Руси, Плано Карпини встрѣчалъ лишь безчисленное множество человѣческихъ костей и череповъ, разбросанныхъ по полямъ. Въ самомъ Кіевѣ, прежде столь обширномъ и многолюдномъ городѣ, едва насчитывали 200 домовъ. По опустѣвшимъ степнымъ границамъ Кіевской Руси бродили остатки ея старинныхъ сосѣдей: Печенѣговъ, Половцевъ, Черныхъ Клобуковъ. Въ такомъ запустѣніи оставались южныя области большею частію до конца XIV столѣтія. Послѣ того какъ Юго-Западная Русь въ XIV в. была завоевана Литвой, эти пустыни стали юго-восточной границей соединеннаго Польско-Литовскаго государства. Съ XV в. становится вновь замѣтно ихъ заселеніе, вызванное разными обстоятельствами: 1) юго-восточная окраина Руси стала безопаснѣе, вслѣдствіе распаденія Орды и усиленія Московской Руси; 2) въ предѣлахъ Польскаго государства прежнее оброчное крестьянское хозяйство въ XV вѣкѣ стало замѣняться барщиной, и крѣпостное право получало уже рѣзкое, тяжелое очертаніе, побуждая населеніе къ бѣгству въ степь. Совмѣстнымъ дѣйствіемъ этихъ двухъ обстоятельствъ вызванъ былъ усиленный отливъ крестьянскаго населенія изъ Галиціи, какъ и изъ внутреннихъ областей Польши, на юго-восточную русскую окраину Польскаго государства. Руководителями этой колонизаціи явились богатые польскіе вельможи, пріобрѣтавшіе себѣ обширныя вотчины на этой Украйнѣ. Благодаря этому быстро стали заселяться пустѣвшія дотолѣ степи. Конецполь-

скіе, Потоцкіе, Вишневецкіе на обширныхъ своихъ вотчинахъ въ непродолжительное время создали десятки и сотни городовъ съ тысячами селеній. Польскіе публицисты XVI вѣка жалуются, указывая на два одновременныя явленія: на невѣроятно быстрое заселеніе пустынныхъ земель по Днѣпру и Днѣстру и на запустѣніе многолюдныхъ прежде мѣстечекъ и селъ въ срединныхъ областяхъ Польши. Когда такимъ образомъ заселилась Днѣпровская Украйна, то оказалось, что масса явившагося здѣсь населенія чисто русская по своему происхожденію. Итакъ, она составилась изъ потомковъ прежнихъ жителей Приднѣпровской Руси, нѣкогда ушедшихъ на прикарпатскій и польскій западъ. Теперь эти потомки въ Поднѣпровьѣ смѣшались съ остатками бродившихъ здѣсь инородцевъ старой Кіевской Руси, — всѣми этими Торками, Берендѣями, Печенѣгами и другими. Изъ смѣшенія возвращавшихся на старыя днѣпровскія пепелища Русскихъ съ этими восточными инородцами и составилось малорусское племя.

Признаки отлива населенія на Суздальскій сѣверъ.

Другая струя колонизаціи направилась въ противоположный уголъ Русской земли, на сѣверо-востокъ за рѣку Угру, въ междурѣчье Оки и верхней Волги. Это движеніе, какъ и первое, слабо отмѣчено современными наблюдателями; оно совершалось тихо и постепенно въ низшихъ слояхъ общества, потому и не скоро было замѣчено людьми, стоявшими на общественной вершинѣ. Но сохранились признаки, указывающіе на это движеніе.

I. До XII столѣтія мы не замѣчаемъ прямого сообщенія Руси Кіевской съ отдаленнымъ Ростово-Суз-

дальскимъ краемъ. Въ краѣ этомъ преобладало еще въ то время инородческое финское населеніе, хотя русскія поселенія въ немъ стали появляться задолго до XII в. Русская колонизація этого края первоначально шла преимущественно съ сѣверо-запада, изъ Новгородской земли, къ которой принадлежалъ этотъ край при первыхъ русскихъ князьяхъ. Въ XI вѣкѣ здѣсь возникло уже нѣсколько русскихъ городовъ, и отъ времени до времени стали появляться русскіе князья въ Муромѣ и въ Ростовѣ. Но эти князья, ѣдучи отсюда на югъ, въ Кіевъ, должны были въ XI вѣкѣ дѣлать огромный объѣздъ въ сторону, вмѣсто того, чтобы ѣхать прямой дорогой. Въ 1015 году Глѣбъ Муромскій, узнавши о болѣзни отца въ Кіевѣ, поѣхалъ навѣстить его. Путь, которымъ онъ ѣхалъ, обозначается извѣстіемъ, что при устьѣ рѣки Тьмы конь князя споткнулся и сбросилъ всадника (рѣка Тьма лѣвый притокъ Волги, повыше Твери). Доѣхавъ до Смоленска, Глѣбъ хотѣлъ спуститься Днѣпромъ къ Кіеву, но его настигли здѣсь подосланные Святополкомъ убійцы. Любопытно, что и народная богатырская былина помнитъ время, когда не было прямой дороги изъ Мурома къ Кіеву. Илья Муромецъ, пріѣхавъ въ Кіевъ, разсказывалъ за столомъ Владиміровымъ богатырямъ, какимъ путемъ онъ ѣхалъ съ своей родины.

„А проѣхалъ я дорогой прямоѣзжею
Изъ стольнаго города, изъ Мурома,
Изъ того села Карачарова“.
Говорятъ тутъ могучіе богатыри:
„А ласково солнце, Владиміръ князь,
Въ очахъ дѣтина завирается,
А гдѣ ему проѣхать дорогу прямоѣзжую:
Залегла та дорога тридцать лѣтъ
Отъ того Соловья-разбойника“.

Съ начала XII столѣтія начинаетъ понемногу прокладываться «прямоѣзжая» дорога изъ Кіева въ отдаленный Суздальскій край. Владиміръ Мономахъ, неутомимый ѣздокъ, на своемъ вѣку изъѣздившій Русскую землю въ разныхъ направленіяхъ, говоритъ въ «Поученіи къ дѣтямъ» съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ похвальбы, что одинъ разъ изъ Кіева онъ проѣхалъ въ Ростовъ «сквозь Вятичей». Значитъ, нелегкое дѣло было проѣхать съ Днѣпра къ Ростову черезъ это племя. Край Вятичей былъ глухой, лѣсной страною; уйти въ лѣса къ Вятичамъ значило спрятаться такъ, чтобы никто не нашелъ. Князья черниговскіе, которымъ принадлежало это племя, часто здѣсь ищутъ убѣжища, побитые своею братіею. Все пространство между верхней Окой и Десной отъ города Карачарова до Козельска и далѣе къ сѣверу, т. е. значительная часть нынѣшней Орловской и Калужской губерній, была покрыта дремучимъ лѣсомъ. Здѣсь находились славные въ сказаніяхъ о разбойникахъ «Брынскіе лѣса» (Брынъ — старинная волость Мещевскаго уѣзда). Городъ Брянскъ въ самомъ своемъ имени сохранилъ память объ этомъ тогда лѣсистомъ и глухомъ краѣ (Брянскъ—собственно Дебрянскъ). Вотъ почему Суздальская земля называлась въ старину Залѣсской. Имя это дано ей Кіевской Русью, отъ которой она была отдѣлена дремучими лѣсами Вятичей. Эти дремучіе лѣса и стали прочищаться именно съ половины XII вѣка. Если Мономахъ еще съ трудомъ проѣхалъ здѣсь въ Ростовъ, то его сынъ Юрій Долгорукій, во время упорной борьбы со своимъ волынскимъ племянникомъ, водилъ уже прямой дорогой изъ Ростова къ Кіеву цѣлые полки. Повидимому, это появленіе прямой дороги со средняго Днѣпра на Клязьму указываетъ на какое то движеніе, расчищавшее путь въ этомъ направленіи.

2. Находимъ и другой признакъ, указывающій на то же. Въ то время, когда въ Южной Руси стали жаловаться на запустѣніе, въ отдаленномъ Суздальскомъ краѣ замѣчаемъ необычайную строительную дѣятельность. Одинъ за другимъ создаются здѣсь новые города Юріемъ Долгорукимъ и его сыномъ Андреемъ. Въ 1134 году Юрій строитъ городъ Кснятинъ при впаденіи Большой Нерли въ Волгу. Въ 1147 году становится извѣстенъ городокъ Москва. Въ 1152 году Юрій строитъ Юрьевъ въ «полѣ» или «Польскій» (теперешній уѣздный городокъ Владимірской губерніи) и переноситъ на новое мѣсто возникшій около этого же времени городъ Переяславль Залѣсскій. Въ 1154 году, во время объѣзда съ женой волости для сбора дани, Юрій основалъ городъ на Яхромѣ, названный Дмитровымъ въ честь родившагося здѣсь тогда сына его Димитрія-Всеволода. Въ 1158 году Андрей Боголюбскій основываетъ городъ Боголюбовъ (на Клязьмѣ, пониже Владиміра). Стройка городовъ сопровождалась созиданіемъ церквей. Юрій и Андрей были самыми усердными храмоздателями Суздальской земли. Но мы еще не перечитали всѣхъ новыхъ городовъ, возникшихъ тогда въ Суздальскомъ краѣ. Тверь становится извѣстна по лѣтописямъ не раньше XIII вѣка, но она уже является порядочнымъ городомъ въ сказаніи о чудесахъ Владимірской Божьей Матери, составленномъ при жизни Андрея, т. е. до 1174 года. Татищевъ въ своемъ лѣтописномъ сборникѣ свидѣтельствуетъ, что съ этого времени онъ уже началъ встрѣчать въ своихъ источникахъ цѣлый рядъ другихъ новыхъ городовъ на сѣверѣ, которыхъ онъ не встрѣчалъ раньше. Таковы, напримѣръ, Городецъ на Волгѣ, Кострома, Стародубъ на Клязьмѣ, Галичъ, Звенигородъ, Вышгородъ при впаденіи Протвы въ Оку и другіе. Самъ Андрей Боголюбскій хвастался своей

колонизаторской дѣятельностью. Задумавъ основать во Владимірѣ на Клязьмѣ особую русскую митрополію, независимую отъ кіевской, князь говорилъ своимъ боярамъ: «я всю Бѣлую (Суздальскую) Русь городами и селами великими населилъ и многолюдной учинилъ».

3. Встрѣчаемъ далѣе признакъ, который прямо указываетъ, откуда шло населеніе, наполнявшее эти новые суздальскіе города и великія села. Надобно обратить вниманіе на названія новыхъ суздальскихъ городовъ: Переяславль, Стародубъ, Звенигородъ, Вышгородъ, Галичъ,—все это южно-русскія названія; города съ этими именами часто являются на страницахъ старой Кіевской лѣтописи. Однихъ Звенигородовъ было нѣсколько въ землѣ Кіевской и Галицкой. Имена кіевскихъ рѣчекъ Лыбеди и Почайны встрѣчаются въ Рязани, во Владимірѣ на Клязьмѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ. Извѣстна рѣчка Ирпень въ Кіевской землѣ, имѣвшая печальную славу мѣста, гдѣ Гедиминъ разбилъ южно-русскихъ князей; Ирпенью называется и притокъ Клязьмы (во Владимірскомъ уѣздѣ). Имя самаго Кіева не было забыто въ Суздальской землѣ: село Кіево на Кіевскомъ оврагѣ знаютъ старинные акты XVI в. въ Московскомъ уѣздѣ. Но всего любопытнѣе географическая судьба Переяславля. Въ древней Руси извѣстны были три Переяславля: Переяславль *Южный* (нынѣ уѣздный городъ Полтавской губерніи), Переяславль *Рязанскій* (нынѣшняя Рязань) и Переяславль *Залѣсскій* (уѣздный городъ Владимірской губерніи). Всѣ эти три Переяславля стоятъ на рѣкахъ Трубежахъ. Это повтореніе южно-русской географической номенклатуры на отдаленномъ суздальскомъ сѣверѣ было дѣломъ переселенцевъ, приходившихъ сюда съ кіевскаго юга. Извѣстенъ обычай всѣхъ колонистовъ въ мірѣ уносить съ собой на новыя мѣста имена покинутыхъ жилищъ: по городамъ Соеди-

ненныхъ Штатовъ можно репетировать географію чуть не всего Стараго Свѣта.

Въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ уцѣлѣлъ блѣдный слѣдъ этого направленія колонизаціи въ Суздальскую землю. Татищевъ въ своемъ сводѣ разсказываетъ, что Юрій Долгорукій, начавъ строить новые города въ своей Суздальской волости, заселялъ ихъ, собирая людей отовсюду и давая имъ «не малую ссуду». Благодаря этому, въ города Руси приходили во множествѣ Болгары, Мордва и Венгры и «предѣлы яко многими тысячами людей наполняли». Какимъ образомъ среди нихъ могли очутиться даже Венгры? Противникомъ Юрія Долгорукаго въ его борьбѣ съ волынскимъ племянникомъ былъ союзникъ послѣдняго, венгерскій король. Очевидно, Юрій переводилъ на сѣверъ въ свои новые города плѣнныхъ Венгровъ, доставшихся ему въ бояхъ на югѣ.

4. Встрѣчаемъ и другое такое же указаніе, идущее притомъ изъ источниковъ, гдѣ никакъ не ожидаешь его встрѣтить, именно, изъ народной русской поэзіи. Какъ извѣстно, богатырскій циклъ былинъ о Владимірѣ и его могучихъ богатыряхъ сложился на югѣ; но теперь на югѣ не помнятъ этихъ былинъ, какъ и воспѣваемыхъ въ нихъ богатырей. Тамъ мѣсто этихъ былинъ заняли *казацкія думы*, отразившія въ себѣ совсѣмъ другую историческую пору жизни. Здѣсь дѣйствуютъ казаки, борющіеся съ Турками или съ Ляхами, а не со степными Половцами. Между тѣмъ, богатырскія былины съ удивительной свѣжестью сохранились на отдаленномъ сѣверѣ, въ Приуральѣ и въ Заонежьѣ, въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ. Про Владиміровыхъ богатырей помнятъ и въ центральной Великороссіи, но и здѣсь уже утратили былинный стихъ, не умѣютъ пѣть былинъ; здѣсь сказанія о богатыряхъ уже простыя прозаическія сказки, а не пѣсни.

Какъ могло случиться, что народный историческій эпосъ расцвѣлъ тамъ, гдѣ не былъ посѣянъ, и исчезъ тамъ, гдѣ выросъ? Очевидно, на отдаленный сѣверъ перешли эти поэтическія сказанія вмѣстѣ съ самимъ обществомъ, которое ихъ сложило. Это перенесеніе совершилось еще до XIV вѣка, т. е. до появленія на югѣ Россіи Литвы и Польши, потому что въ богатырскихъ былинахъ почти нѣтъ и помина объ этихъ позднѣйшихъ врагахъ Руси.

Таковъ рядъ указаній, которыя приводятъ къ догадкѣ, что на отдаленной сѣверо-восточной окраинѣ совершалось явленіе, похожее на то, какое мы замѣтили на окраинѣ юго-западной. Общій фактъ тотъ, что съ половины XII в. совершался отливъ населенія изъ центральной Днѣпровской Руси къ двумъ противоположнымъ окраинамъ Русской земли, и этимъ отливомъ обозначилось начало новаго періода нашей исторіи, какъ періодъ предыдущій начался приливомъ Славянъ на Приднѣпровье съ Карпатскихъ склоновъ.

Теперь, обозначивши этотъ фактъ, мы укажемъ его послѣдствія, сосредоточивая свое вниманіе только на одной сѣверо-восточной струѣ колонизаціи. Эта колонизація своими послѣдствіями вела къ созданію всего политическаго и общественнаго быта Руси, какой сложился въ продолженіе дальнѣйшихъ вѣковъ на верхневолжскомъ сѣверѣ. Послѣдствія эти были чрезвычайно разнообразны. Мы отмѣтимъ лишь два ихъ ряда: 1) послѣдствія этнографическія и 2) политическія.

Этнографическія послѣдствія колонизаціи.

1. Происхожденіе великорусскаго племени.

Главнѣйшимъ изъ этнографическихъ послѣдствій колонизаціи было образованіе новой вѣтви въ составѣ русской народности—*племени великорусскаго*. Въ процессѣ

образованія этого племени одновременно дѣйствовали двѣ силы: 1) условія этнографическія, вызванныя къ дѣйствію встрѣчею русскихъ переселенцевъ съ инородцами въ междурѣчьѣ Оки и верхней Волги, и 2) условія географическія, вызванныя природою края, гдѣ произошла эта встрѣча. Племена инородцевъ, съ которыми встрѣтились переселенцы, были *финскія*. Финны являются сосѣдями Восточныхъ Славянъ, какъ только послѣдніе стали занимать восточную равнину. Въ области Оки и верхней Волги въ XI—XII вв. жили три финскихъ племени: *Мурома*, *Меря* и *Весь*. Начальная Кіевская лѣтопись довольно точно обозначаетъ мѣста жительства этихъ трехъ племенъ: Мурому она знаетъ на нижней Окѣ, Мерю—по озерамъ Ростовскому и Переяславскому, Весь—въ области Бѣлоозера. Теперь на всемъ пространствѣ центральной Великороссіи нѣтъ уже живыхъ слѣдовъ инородцевъ, но они оставили по себѣ память въ ея географической номенклатурѣ. На всемъ пространствѣ отъ Оки до Бѣлаго моря встрѣчаются тысячи нерусскихъ названій городовъ, селеній, рѣкъ и урочищъ. Вслушиваясь въ эти названія легко замѣтить, что они даны однимъ племенемъ, нѣкогда заселявшимъ все это пространство, и что это племя родственно тому, которое теперь живетъ въ Финляндіи и восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи. Особенно финскій языкъ господствуетъ въ рѣчной номенклатурѣ Великороссіи. Такъ, мы встрѣчаемъ множество рѣкъ, имена которыхъ оканчиваются на «*ва*»: Протва, Сылва, Москва и т. д. «*Va*» по-фински значитъ вода. Самое названіе Оки финскаго происхожденія; это русская форма финскаго «*joki*», что значитъ «рѣка» вообще. Мало того, даже племенныя имена Мери и Веси остались на многихъ селахъ и рѣкахъ центральной Великороссіи. Села и рѣки, называющіяся *Мерями*, встрѣчаемъ въ

Московской и Костромской губерніяхъ, какъ въ другихъ мѣстахъ встрѣчаемъ поселенія, называющіяся *Весями*. Уѣздный городъ Тверской губерніи Весьегонскъ есть — Весь Егонская. Слѣдя за этой географической номенклатурой, находимъ, что Меря и Весь обитали нѣкогда отъ мѣста слянія Сухоны и Юга, отъ Онежскаго озера и рѣки Ояти до средней Оки, захватывая сѣверныя части губерній Калужской, Тульской и Рязанской. Значитъ, русскіе колонисты, направлявшіеся въ Суздальскій край, встрѣтились съ финскими туземцами въ самомъ центрѣ нынѣшней Великороссіи.

Теперь предстоитъ разрѣшить, какъ русскіе колонисты встрѣтились съ финскими туземцами и какъ обѣ стороны подѣйствовали другъ на друга. Вообще говоря, встрѣча эта была мирная. Въ народныхъ преданіяхъ Великороссовъ не сохранилось памяти объ упорной повсемѣстной борьбѣ пришельцевъ съ туземцами. Признаки вражды носятъ мѣстный характеръ; эта вражда вызывалась мѣстными, исключительными обстоятельствами. Самый характеръ финскаго племени помогалъ мирному сближенію обѣихъ сторонъ. Финны при первомъ своемъ появленіи въ европейской исторіографіи отмѣчены были одной характеристической чертой — миролюбіемъ, недостаткомъ воинственности. Еще Тацитъ замѣчалъ объ нихъ, что это удивительно дикое племя, у котораго нѣтъ ни домовъ, ни оружія. Іорнандъ говоритъ, что эти Финны — самое мирное племя изъ всѣхъ обитателей европейскаго сѣвера. Впечатлѣніе уступчиваго, забитаго племени Финны произвели и на русскихъ колонистовъ, которые, встрѣтившись съ ними, кажется, сразу почувствовали свое превосходство передъ ними. Всѣ финскія племена старая Русь объединила подъ однимъ именемъ Чуди. Не говоря объ этимологическомъ происхожденіи этого слова, замѣтимъ, что всѣ русскія

слова, произведенныя отъ этого корня, звучатъ ироніей (чудить, чудно, чудакъ и т. п.). Судьба Финновъ на европейской территоріи была оправданіемъ этого впечатлѣнія. Въ старину Финны распространены были далеко на югъ за линію рѣкъ Москвы и Оки; но народные потоки, проносившіеся по Южной Руси, отбрасывали это племя все далѣе къ сѣверу. Оно все болѣе отступало и отступая постепенно исчезало. Процессъ его исчезновенія продолжается до сихъ поръ.

Далѣе, сама географическая номенклатура Великороссіи даетъ новыя указанія на мирный характеръ сближенія Русскихъ съ Чудью. Русскія и финскія названія селъ и рѣкъ идутъ не сплошными полосами, а вперемежку, чередуясь другъ съ другомъ,—знакъ, что колонисты, являвшіеся среди Финновъ, шли не массами, а мелкими струями, занимая обширные промежутки, оставшіеся между разбросанными финскими поселеніями. Такой порядокъ размѣщенія пришельцевъ среди туземцевъ былъ бы невозможенъ при враждебномъ отношеніи ихъ другъ къ другу. Правда, есть въ преданіяхъ Великороссіи смутныя воспоминанія о борьбѣ, по мѣстамъ обнаруживавшейся на пространствѣ между Окой и верхней Волгой; но эти случаи были вызваны не встрѣчею двухъ племенъ, а попытками распространить христіанство среди Чуди; это была борьба религіозная, а не племенная. Слѣды этой религіозной борьбы встрѣчаются въ двухъ старинныхъ житіяхъ древнихъ ростовскихъ святыхъ, подвизавшихся во второй половинѣ XI вѣка, епископа Леонтія и архимандрита Авраамія. По житію перваго, ростовцы упорно сопротивлялись христіанству, прогнали двухъ первыхъ епископовъ, Ѳеодора и Иларіона, и умертвили третьяго, Леонтія; изъ житія Авраамія видно, что въ Ростовѣ былъ одинъ конецъ, называвшійся Чудскимъ,—знакъ, что большинство населенія этого города было

русское. Этотъ Чудскій конецъ и послѣ Леонтія оставался языческимъ, поклонялся идолу славянскаго бога Велеса. Значитъ, уже до введенія христіанства мѣстная Меря начала усвоять языческія вѣрованія русскихъ Славянъ. По житію Леонтія, всѣ ростовскіе язычники упорно боролись противъ христіанскихъ проповѣдниковъ, т. е. и Ростовская Русь, вмѣстѣ съ Чудью, принимала участіе въ этой борьбѣ. *При такомъ отношеніи русскихъ поселенцевъ къ финскимъ туземцамъ встрѣча ихъ сопровождалась поглощеніемъ послѣднихъ первыми. Но сливаясь съ Русью, Финны оказали на нее также извѣстное вліяніе.*

Вопросъ *о взаимодѣйствіи Руси и Чуди*, о томъ, что̀ каждое племя заимствовало у другого и дало другому, принадлежитъ къ числу любопытныхъ и трудныхъ вопросовъ въ нашей исторіи. Можно отмѣтить лишь нѣкоторыя черты этого взаимодѣйствія: 1) пришлая Русь, селясь среди Чуди, неизбѣжно должна была кое-что заимствовать у нея; 2) Чудь, постепенно русѣя, всей своей массой, со всѣми своими антропологическими и этнографическими особенностями, со своимъ языкомъ, обычаями и вѣрованіями входила въ составъ великорусскаго племени. Тѣмъ и другимъ путемъ въ великорусское племя внесено было много физическихъ и нравственныхъ особенностей Финновъ.

I. Я допускаю значительное участіе Финновъ *въ образованіи этнографическаго великорусскаго типа.* Наша великорусская физіономія не совсѣмъ похожа на общеславянскій типъ; другіе Славяне, признавая въ ней общеславянскія черты, однако отмѣчаютъ и нѣкоторую чуждую примѣсь. Такъ, напр., скуластость великорусскаго лица, его смуглый цвѣтъ и всѣмъ извѣстный великорусскій носъ луковицей, покоящійся на широкомъ основаніи, признаются чертами, пріобрѣтенными отъ финскихъ туземцевъ.

II. Вліяніе Финновъ, кажется, сказалось и въ самомъ *говорѣ Великороссовъ.* Говоръ древней Кіевской Руси отличался тремя главными особенностями: 1) преобладаніемъ звука *о*, 2) употребленіемъ звуковъ *ц* и *и* вмѣсто *ч* и *ѣ*, 3) строгимъ сочетаніемъ твердыхъ (гортанныхъ) согласныхъ съ твердыми гласными и мягкихъ (зубныхъ и шипящихъ) согласныхъ съ мягкими гласными. Слѣды этихъ особенностей можно замѣтить въ скудныхъ остаткахъ древней кіевской письменности. Въ иностранныхъ словахъ, при ихъ переходѣ въ русскій языкъ, звуки *а* и *е* замѣнялись звукомъ *о*: Торвардъ—Труворъ, Ингваръ—Игорь, Helgi—Олегъ. Далѣе, въ древнемъ кіевскомъ говорѣ твердый звукъ *к* обыкновенно сочетался съ твердымъ *ы*, а не *и*, какъ сочетаемъ мы; тогда говорили Кыевъ, а не Кіевъ, что противно славянской фонетикѣ, требующей смягченія *к* въ *ц* передъ мягкими гласными *и*, *я* и др. Великорусскій говоръ, напротивъ, не знаетъ сочетаній *ц* съ мягкими гласными, и только малороссъ умѣетъ выговорить, какъ слѣдуетъ, слово: хлопець, хлопця. Эти особенности почти вполнѣ уцѣлѣли доселѣ въ говорѣ новгородскомъ. Слѣды тѣхъ же самыхъ особенностей мы встрѣчаемъ и въ смоленскомъ договорѣ съ нѣмцами начала XIII вѣка; и здѣсь *ц* замѣняется *ч* («гость нѣмечкій»). Значитъ, встарину одинъ говоръ звучалъ на всемъ пространствѣ отъ Кіева до устья Волхова, до Ладоги. Если теперь провести діагональную черту черезъ Великороссію съ юго-востока на сѣверо-западъ, оставивъ Москву немного влѣво отъ этой черты, то вся Великороссія раздѣлится на двѣ полосы: сѣверо-восточную и юго-западную: въ первой господствуетъ въ говорѣ звукъ *о*, во второй звукъ *а*. Первый говоръ называется низкимъ, второй высокимъ. Владимірцы, ярославцы, костромичи, новгородцы о̂каютъ, строятъ губы кувшиномъ, говорятъ

изъ глубины гортани; москвичи, рязанцы, смольняне, напротивъ, а̀каютъ, держатъ ротъ всегда настежь, почему ихъ и зовутъ «полоротыми». Замѣчаемъ, однако, что и о̀кающее нарѣчіе распадается на два говора: новгородскій и владимірскій. Говоръ новгородскій ближе къ древне-русскому и чище сохранилъ его фонетику и даже его лексиконъ. Новгородцы о̀каютъ, какъ о̀кали древніе кіевляне, и употребляютъ много древне-русскихъ словъ, забытыхъ въ другихъ краяхъ Руси: граять, доспѣть, послухъ. Владимірскій говоръ грубѣе; сохранивъ господствующій звукъ *о*, онъ болѣе удалился отъ древнерусской фонетики, утратилъ правила сочетанія согласныхъ съ гласными, потерялъ старо-русское мягкое окончаніе глаголовъ въ 3-мъ лицѣ (ть). Московскій говоръ не только воспринялъ всѣ неблагозвучныя особенности говора владимірскаго, но и утратилъ господствующій въ немъ звукъ *о*. «Гаварить па масковски» значитъ еще болѣе удаляться отъ старо-кіевскаго говора, чѣмъ удаляется ярославецъ или владимірецъ. Въ этой постепенной порчѣ древне-русскаго говора надобно, кажется, признать участіе финскаго (и вообще инородческаго) вліянія. Русскій языкъ вообще портился въ фонетическомъ отношеніи, переполнялся твердыми гласными, неправильными сочетаніями гласныхъ съ согласными при встрѣчѣ съ инородцами, особенно съ Финнами, у которыхъ преобладаютъ твердыя гласныя и которые едва знакомы съ іотаціей (смягченіемъ гласныхъ). Древне-русскій говоръ въ наибольшей чистотѣ сохранился въ нарѣчіи новгородскомъ; въ говорѣ владимірскомъ мы видимъ первый моментъ порчи русскаго языка подъ финскимъ вліяніемъ, а говоръ московскій представляетъ дальнѣйшій моментъ этой порчи.

III. Новый свѣтъ на процессъ вліянія обоихъ племенныхъ элементовъ, встрѣтившихся въ междурѣчьѣ Оки

и Волги, могла бы пролить исторія великорусскихъ миѳологическихъ представленій. *Народные обычаи и повѣрія великороссовъ* доселѣ хранятъ несомнѣнные слѣды финскаго вліянія. Финскія племена, обитавшія и доселѣ обитающія въ средней и сѣверной полосѣ Европейской Россіи, оставались, кажется, до позднѣйшаго времени на первоначальной ступени миѳологическаго развитія. Ихъ миѳологія до принятія христіанства еще не дошла до антропоморфизма; въ ней господствуетъ простое поклоненіе силамъ и предметамъ внѣшней природы, иногда переходящее въ фетишизмъ. Мордвинъ или черемисъ боготворилъ непосредственно землю, камни, деревья, не олицетворяя ихъ. Особено развитъ у Финновъ культъ воды и лѣса. Мордвинъ, чувашъ, находясь въ чащѣ лѣса или на берегу глухой лѣсной рѣки, чувствовалъ себя въ родной религіозной сферѣ. Нѣкоторыя черты этого культа цѣликомъ перешли въ миѳологію Великороссовъ. У нихъ, какъ и у Финновъ, видной фигурой въ миѳологіи является лѣшій и является у тѣхъ и другихъ съ одинаковыми чертами: онъ стережетъ деревья, коренья и травы, имѣетъ дурную привычку хохотать и кричать по-дѣтски и тѣмъ пугать и обманывать путниковъ. Въ эпосѣ западныхъ, прибалтійскихъ, болѣе развитыхъ Финновъ (въ «Калевалѣ») встрѣчаемъ образъ бога воды Агто. Это сѣдой старикъ съ травяной бородой, въ одеждѣ изъ пѣны; онъ повелитель водъ и вѣтровъ, живетъ въ глубинѣ моря, любитъ поднимать бури и топить корабли; онъ большой охотникъ до музыки, и когда герой «Калевалы», Вейнемейненъ, уронилъ въ воду свою арфу (кантеле), водяной богъ подхватилъ ее, чтобы забавляться ею въ своемъ подводномъ царствѣ. Эти черты живо напоминаютъ образъ «водяника», или царя морского, въ извѣстной новгородской былинѣ о Садко, богатомъ гостѣ и

гуслярѣ, который со своими гуслями попалъ въ подводное царство водяника и тамъ развеселилъ его своею игрою до того, что водяникъ пустился плясать, позабывъ свое царское достоинство; самая физіономія водяника, какъ она описана въ нашей былинѣ, походитъ на физіономію Агто «Калевалы». Любопытно, что этотъ миѳъ о водяникѣ распространенъ исключительно въ Новгородской области и не встрѣчается въ другихъ мѣстахъ Руси. Можно думать, что новгородцы заимствовали его у сосѣднихъ балтійскихъ Финновъ. Наконецъ, въ великорусскихъ преданіяхъ, занесенныхъ въ древнія житія великорусскихъ святыхъ, можно встрѣтить и слѣды поклоненія камнямъ и деревьямъ, плохо прикрытые христіанскими формами и незамѣтные въ Южной и Западной Руси.

Процессъ этого сліянія финскихъ и русскихъ религіозныхъ вѣрованій особенно наглядно изображенъ въ двухъ разсказахъ нашего начальнаго лѣтописца, помѣщенныхъ въ сводѣ подъ 1071 годомъ. Передадимъ коротко содержаніе этихъ разсказовъ. Случился голодъ въ Ростовской землѣ, и вотъ два волхва изъ Ярославля пошли по Волгѣ, разглашая: «мы знаемъ, кто обилье держитъ» (урожай задерживаетъ). Придутъ въ погостъ, назовутъ лучшихъ женщинъ и скажутъ: «та держитъ жито, та медъ, а эта рыбу». И приводили къ нимъ кто сестру, кто мать, а кто жену свою. Волхвы дѣлали у нихъ прорѣзъ за плечами и вынимали жито, рыбу и медъ; самихъ женщинъ убивали, а имущество ихъ брали себѣ. Пришли они на Бѣлоозеро. Въ это же время явился сюда за данью Янъ, бояринъ великаго князя Святослава. Услышавъ, что волхвы избили уже много женщинъ по Шекснѣ и Волгѣ, Янъ потребовалъ, чтобы бѣлозерцы выдали ему волхвовъ: «а то не уйду отъ васъ все лѣто» (т. е. буду кормиться на вашъ счетъ), при-

грозилъ бояринъ. Бѣлоозерцы испугались и привели къ Яну волхвовъ. Тотъ спросилъ ихъ: «зачѣмъ это вы погубили столько людей?» Волхвы отвѣчали: «а они держатъ обилье; если истребимъ ихъ, не будетъ голода; хочешь, при тебѣ вынемъ жито-ли, рыбу, или что иное». Янъ возразилъ: «лжете вы; сотворилъ Богъ человѣка изъ земли, состоитъ онъ изъ костей, жилъ и крови, и ничего нѣтъ въ немъ другого, и никто кромѣ Бога не знаетъ, какъ созданъ человѣкъ». «А мы знаемъ, какъ сотворенъ человѣкъ», сказали волхвы. — «Какъ?» — «Мылся Богъ въ банѣ, вытерся ветошкой и бросилъ ее на землю; и заспорилъ сатана съ Богомъ, кому изъ нея сотворить человѣка. И сотворилъ дьяволъ тѣло человѣка, а Богъ душу въ него вложилъ; потому, когда человѣкъ умретъ, тѣло его идетъ въ землю, а душа къ Богу». Этотъ миѳъ до сихъ поръ сохранился среди нижегородской Мордвы, только въ болѣе цѣльномъ и понятномъ изложенiи, безъ пропусковъ, сдѣланныхъ нашей древней Кiевской лѣтописью. Миѳъ этотъ доселѣ связанъ у Мордвы съ обрядомъ, напоминающимъ разрѣзыванiе спины у женщинъ волхвами XI вѣка. На вопросъ Яна: «какому Богу вѣруютъ волхвы», они отвѣчали: «антихристу, что сидитъ въ безднѣ».

Вслѣдъ за этимъ лѣтописецъ передаетъ другой характерный разсказъ. Въ наши дни случилось новгородцу зайти въ Чудь. Пришелъ онъ къ кудеснику и просилъ его поворожить. Кудесникъ сталъ по своему обычаю вызывать бѣсовъ. Новгородецъ сидѣлъ на порогѣ, волхвъ лежалъ въ изступленiи среди избы, и ударилъ имъ бѣсъ. Кудесникъ всталъ и сказалъ новгородцу: «наши боги не смѣютъ придти сюда; на тебѣ есть нѣчто, чего они боятся». Новгородецъ вспомнилъ, что на немъ крестъ, снялъ его и вынесъ изъ избы; тогда кудесникъ началъ вызывать бѣсовъ, которые, потрепавъ его, по-

вѣдали, о чемъ спрашивалъ новгородецъ. Послѣдній потомъ спросилъ кудесника: «отчего ваши боги креста боятся?» Волхвъ отвѣчалъ: «то есть знаменіе небеснаго Бога, котораго наши боги боятся». Новгородецъ спросилъ: «а каковы ваши боги, и гдѣ они живутъ?».— «Живутъ они въ безднахъ. Они черные, съ крыльями и хвостами, летаютъ и подъ небомъ подслушиваютъ вашихъ боговъ. А ваши боги на небесахъ живутъ. Если кто изъ вашихъ людей умретъ, его относятъ на небо; а кто умретъ изъ нашихъ, того относятъ къ нашимъ богамъ въ бездну».

«Такъ оно и выходитъ, прибавляетъ лѣтописецъ отъ себя въ заключеніе,—вѣдь, грѣшники въ аду живутъ, ожидая вѣчныхъ мукъ, а праведники въ небесныхъ жилищахъ водворяются съ ангелами».

Изложенные мною разсказы наглядно воспроизводятъ процессъ взаимодѣйствія русскихъ пришельцевъ и финскихъ туземцевъ въ области религіозныхъ повѣрій. Сближеніе обѣихъ сторонъ въ этой области было столь же мирно, какъ и въ общежитіи; вражды, непримиримой противоположности своихъ вѣрованій не почувствовали встрѣтившіяся стороны. Оба племени нашли въ своемъ миѳологическомъ созерцаніи подобающее мѣсто тѣмъ и другимъ вѣрованіямъ, финскимъ и славянскимъ, языческимъ и христіанскимъ. Финскіе боги бездны возведены были въ христіанское званіе бѣсовъ и подъ покровомъ этого званія получили мѣсто въ русско-христіанскомъ культѣ, обрусѣли, потеряли въ глазахъ Руси свой иноплеменный финскій характеръ: съ ними произошло то же самое, что съ ихъ первоначальными поклонниками Финнами, охваченными Русью. Вотъ почему русскій лѣтописецъ XI и XII вв., говоря о волхвахъ, повѣріяхъ, обычаяхъ, очевидно финскихъ, не дѣлаетъ и намека на то, что ведетъ рѣчь о чужомъ племени, о Чуди: язы-

чество русское или финское для него совершенно одно и то же; его нисколько не занимаетъ племенное происхожденіе и различіе языческихъ вѣрованій. По мѣрѣ сближенія обоихъ племенъ это различіе, очевидно, все болѣе сглаживалось и въ сознаніи смѣшаннаго населенія, образовавшагося вслѣдствіе этого сближенія.

IV. Наконецъ, надо признать значительное вліяніе финскихъ туземцевъ на *составъ общества*, созданнаго колонизаціей Верхне-Волжской Руси. Финское туземное населеніе наполняло преимущественно суздальскія села; господствующимъ элементомъ въ населеніи суздальскихъ городовъ древняго времени являются Русскіе. Такъ, изъ упомянутаго житія преподобнаго Авраамія видно, что въ XI в. въ городѣ Ростовѣ только одинъ конецъ былъ населенъ Чудью, по крайней мѣрѣ, носилъ ея названіе. Русскія имена большинства старинныхъ городовъ Суздальской земли показываютъ, что они основаны были Русскими, и что Русскіе составляли господствующій элементъ въ составѣ ихъ населенія. Притомъ мы не замѣчаемъ въ туземномъ финскомъ населеніи признаковъ значительнаго соціальнаго расчлененія, слѣдовъ высшихъ классовъ; все это населеніе представляется сплошной, однообразной, сельской массой. Но мы видѣли, что и колонизація приносила въ междурѣчье Оки и Волги преимущественно сельскія массы. Благодаря этому, населеніе Суздальской Руси должно было стать гораздо болѣе сельскимъ по своему составу, чѣмъ какимъ оно было въ Южной Руси.

Такъ, мы отвѣтили на вопросъ, какъ встрѣтились и подѣйствовали другъ на друга русскіе пришельцы и финскіе туземцы въ области верхней Волги. Изъ этой встрѣчи не вышло упорной борьбы—ни соціальной, ни племенной, ни религіозной; она не повела къ развитію рѣзкаго антагонизма—ни политическаго, ни этнографи-

ческаго, ни нравственно-религіознаго. Изъ этой встрѣчи вышла тройная смѣсь: 1) смѣсь религіозная, которая легла въ основаніе миѳологическаго міросозерцанія Великороссовъ; 2) смѣсь племенная, которая легла въ основаніе этнографическаго типа Великороссовъ, и 3) смѣсь соціальная, которая въ составѣ верхне-волжскаго населенія дала рѣшительный перевѣсъ сельскимъ классамъ. Таковы были наиболѣе важныя особенности, внесенныя въ великорусскую народность финской примѣсью.

2. Вліяніе природы верхняго Поволжья на хозяйство и племенной характеръ Великороссовъ.

Теперь намъ предстоитъ изучить дѣйствіе природы Верхне-Волжскаго края на смѣшанное населеніе, здѣсь образовавшееся при помощи колонизаціи. Этотъ край, составляющій центральную область Великороссіи, и до сихъ поръ отличается замѣтными физическими особенностями отъ Руси Днѣпровской; шесть-семь вѣковъ назадъ онъ отличался отъ послѣдней еще болѣе. Главныя особенности этого края—обиліе лѣсовъ и болотъ, преобладаніе суглинка въ составѣ почвы и удивительная паутинная сѣть рѣкъ и рѣчекъ, текущихъ въ разныхъ направленіяхъ. Эти особенности и положили глубокій отпечатокъ на *хозяйственный бытъ Великороссіи.*

Въ старой Кіевской Руси главная пружина народнаго хозяйства — внѣшняя торговля — создала многочисленные города, служившіе крупными или мелкими средоточіями населенія. Въ Верхне-Волжской Руси, болѣе удаленной отъ приморскихъ рынковъ, внѣшняя торговля не могла стать главной движущей силой народнаго хозяйства. Вотъ почему здѣсь видимъ сравнительно незначительное количество городовъ; да и въ тѣхъ значительная часть населенія занималась хлѣбопашествомъ

Сельскія поселенія получили здѣсь рѣшительный перевѣсъ надъ городами. Притомъ и эти поселенія рѣзко отличались по своему характеру отъ селъ Южной Руси. Въ послѣдней постоянныя внѣшнія опасности и недостатокъ воды въ открытой степи заставляли населеніе размѣщаться крупными массами, скучиваться въ огромныя села, которыя до сихъ поръ составляютъ отличительную черту Южной Руси. Напротивъ, на сѣверѣ поселенецъ среди лѣсовъ и болотъ съ трудомъ отыскивалъ сухое мѣсто, на которомъ можно было бы съ нѣкоторой безопасностью и съ удобствомъ выстроить избу. Такія сухія мѣста, открытые пригорки являлись рѣдкими островками среди моря лѣсовъ и болотъ. На такомъ островкѣ можно было построить одинъ, много два крестьянскихъ двора. Вотъ почему деревня въ одинъ или два крестьянскихъ двора является господствующею формою разселенія въ Сѣверной Руси до самаго конца XVII в. Вокругъ такихъ мелкихъ разбросанныхъ деревень трудно было отыскать значительное сплошное пространство, которое удобно можно было бы распахать. Такія удобныя мѣста вокругъ деревень являлись незначительными участками. Эти участки расчищались обитателями деревень. Это была трудная работа: надо было, выбравъ удобное, сухое мѣсто для пашни, выжечь покрывавшій его лѣсъ, выкорчевать пни, поднять цѣлину. Удаленіе отъ крупныхъ иноземныхъ рынковъ, недостатокъ вывоза не давали хлѣбопашцамъ побужденія расширять свои пашни. Хлѣбопашество на верхне-волжскомъ суглинкѣ должно было удовлетворять лишь насущной потребности самихъ хлѣбопашцевъ. Мы ошиблись бы, подумавъ, что, при незначительности населенія сравнительно съ пространствомъ незанятой земли, крестьянинъ древней Великороссіи пахалъ много больше, чѣмъ потомъ, въ

XVIII и XIX вв. Подворные участки въ древней Великороссіи были вообще значительно меньше нынѣшнихъ. Притомъ тогдашніе пріемы обработки земли сообщили подвижной, неусидчивый, кочевой характеръ этому хлѣбопашеству. Выжигая лѣсъ на нови, крестьянинъ сообщалъ суглинку усиленное плодородіе и нѣсколько лѣтъ снималъ съ него отличные урожаи, потому что зола служитъ очень сильнымъ удобреніемъ. Но то было насильственное и скоропреходящее плодородіе: черезъ шесть—семь лѣтъ почва совершенно истощалась, и крестьянинъ долженъ былъ покидать ее на многолѣтній отдыхъ. Тогда онъ переносилъ свой дворъ на новое мѣсто, поднималъ другую новь, заводилъ «починокъ». Такъ, эксплоатируя землю, древне-русскій крестьянинъ передвигался съ мѣста на мѣсто, по направленію на сѣверо-востокъ, пока не дошелъ до естественныхъ границъ равнины, до Урала и Бѣлаго моря. Для восполненія скуднаго заработка отъ хлѣбопашества на верхневолжскомъ суглинкѣ крестьянинъ долженъ былъ обращаться къ промысламъ. Лѣса, рѣки и болота представляли ему множество угодій, разработка которыхъ могла служить подспорьемъ его скудному земледѣльческому хозяйству. Вотъ источникъ той особенности, которою издавна и до сихъ поръ отличается хозяйственный бытъ великорусскаго крестьянина; здѣсь кроется причина развитія мѣстныхъ сельскихъ, такъ называемыхъ кустарныхъ, промысловъ. Лыкодерство, мочальный промыселъ, звѣроловство, бортничество, рыболовство, солевареніе издавна служили основаніемъ хозяйственнаго быта для цѣлыхъ округовъ. *Таковы особенности великорусскаго хозяйства, создавшіяся подъ вліяніемъ природы страны: это во-1-хъ разбросанность населенія, господство мелкихъ поселковъ, деревень; во-2-хъ незначительность крестьянской запашки, мелкость подворныхъ па-*

хотныхъ участковъ; въ 3-хъ подвижной характеръ хлѣбопашества, кочевое земледѣліе, и въ 4-хъ развитіе сельскихъ промысловъ, усиленная разработка угодій лѣсныхъ, рѣчныхъ и другихъ.

Рядомъ съ вліяніемъ природы страны на народное хозяйство Великороссіи мы замѣчаемъ слѣды могущественнаго дѣйствія ея и на *племенной характеръ Великороссовъ.* Край, обильный лѣсами и болотами, на каждомъ шагу представлялъ поселенцамъ тысячи мелкихъ опасностей, непредвидѣнныхъ затрудненій, которыя надобно было во-время предупредить, среди которыхъ надобно было найтись, съ которыми приходилось бороться поминутно. Это пріучало великоросса зорко слѣдить за природой, развивало въ немъ изворотливость, находчивость въ мелкихъ опасностяхъ и затрудненіяхъ. Притомъ природа края, каждый уголъ его, каждая мѣстность задавали поселенцу трудную хозяйственную задачу: въ этой мѣстности нужно было высмотрѣть угодье, разработка котораго могла бы быть наиболѣе выгодна. Отсюда та удивительная наблюдательность великоросса, которая открывается въ народныхъ великорусскихъ примѣтахъ. Кромѣ того, сѣверная природа капризна; она даетъ очень мало удобнаго времени для земледѣльческаго труда; сѣверное короткое лѣто часто еще укорачивается неожиданнымъ и безвременнымъ ненастіемъ. Это заставляло великорусскаго крестьянина спѣшить, усиленно работать, чтобы сдѣлать все въ короткую рабочую пору, чрезвычайно напрягать свой трудъ, чтобы успѣть убраться во-время, а потомъ оставаться безъ дѣла всю осень и зиму. Это пріучило великоросса къ чрезмѣрному кратковременному напряженію своихъ силъ, заставляло его работать скоро и споро, а потомъ отдыхать во время вынужденнаго осенняго и зимняго бездѣйствія. Ни одинъ народъ въ Европѣ не способенъ

къ такому напряженію труда на короткое время, какъ великороссъ; но и нигдѣ въ Европѣ, кажется, не найдемъ такой непривычки къ постоянному равномѣрному труду, какъ въ Великороссіи.

Разселеніе разбросанными уединенными деревнями, естественно, не могло пріучить населеніе дѣйствовать большими союзами, дружными массами. Великороссъ работалъ не на открытомъ полѣ, какъ обитатель Южной Руси; онъ боролся съ природой въ одиночку, въ глуши лѣса, съ топоромъ въ рукѣ. Отсюда новый рядъ особенностей въ племенномъ характерѣ Великороссовъ. Великороссъ отлично работаетъ одинъ, когда на него никто не смотритъ, и съ трудомъ привыкаетъ къ дружному дѣйствію общими силами. Онъ работаетъ лучше самъ съ собой, чѣмъ на людяхъ, лучше въ началѣ труда, когда не увѣренъ въ себѣ и успѣхѣ, и хуже въ концѣ, когда уже добился нѣкотораго успѣха: неувѣренность возбуждаетъ его силы, а успѣхъ роняетъ ихъ. Онъ легче выноситъ огромный трудъ, чѣмъ собственное величіе. Словомъ, великороссъ лучше великорусскаго общества. Такъ сказалось дѣйствіе природы края на хозяйственный бытъ и племенной характеръ Великороссовъ.

Политическія послѣдствія колонизаціи Суздальской земли.

1. Андрей Боголюбскій и его отношенія къ Кіевской Руси.

Теперь обратимся къ изученію политическихъ послѣдствій колонизаціи. Они начали обнаруживаться уже при сынѣ того суздальскаго князя, въ княженіе котораго шелъ усиленный приливъ колонизаціи въ междурѣчье Оки и верхней Волги,—при Андреѣ Боголюбскомъ.

Самъ этотъ князь является крупной фигурой, на которой наглядно отразилось дѣйствіе колонизаціи. Онъ родился въ 1111 г. Это былъ настоящій сѣверный князь, истый суздалецъ-залѣшанинъ по своимъ привычкамъ и понятіямъ, по своему политическому воспитанію. Онъ, кажется, и родился на сѣверѣ и прожилъ тамъ большую половину своей жизни, совсѣмъ не видавши юга. Отецъ далъ ему въ управленіе Владиміръ на Клязьмѣ, маленькій, недавно возникшій пригородъ, и тамъ Андрей прокняжилъ далеко за тридцать лѣтъ своей жизни, не побывавъ въ Кіевѣ. Южная, какъ и сѣверная, лѣтопись молчитъ о немъ до начала шумной борьбы, которая завязалась между его отцомъ и двоюроднымъ братомъ, Изяславомъ Волынскимъ, съ 1146 г.

Андрей появляется на югѣ впервые не раньше 1148 года, когда Юрій, восторжествовавъ надъ племянникомъ, сѣлъ на кіевскомъ столѣ. Съ тѣхъ поръ и заговорила о немъ Южная Русь, и южная лѣтопись сообщаетъ нѣсколько разсказовъ, живо рисующихъ его физіономію. Андрей скоро выдѣлился изъ тогдашнихъ южныхъ князей своимъ своеобразнымъ характеромъ. Онъ въ бояхъ не отставалъ отъ своего знаменитаго соперника Изяслава, любилъ забываться въ разгарѣ сѣчи, залетать въ самую опасную свалку, не замѣчалъ, какъ съ него сбивали шлемъ. Все это было очень обычно на югѣ, гдѣ постоянныя внѣшнія опасности и усобицы развивали удальство въ князьяхъ; но совсѣмъ не было обычно умѣніе Андрея быстро отрезвляться отъ воинственнаго опьяненія. Тотчасъ послѣ боя онъ становился осторожнымъ, благоразумнымъ политикомъ, мирнымъ распорядителемъ. У Андрея все всегда въ порядкѣ; его нельзя было застать врасплохъ; онъ умѣлъ не терять головы во время переполоха. Несмотря на свою боевую удаль, онъ не любилъ войны: послѣ удачнаго боя

онъ первый подступалъ къ отцу съ просьбой мириться съ побитымъ врагомъ. Южно-русскій лѣтописецъ съ удивленіемъ отмѣтилъ въ немъ эту черту характера, говоря: «не величавъ былъ Андрей на ратный чинъ, но ждалъ похвалы лишь отъ Бога».

Точно также Андрей совсѣмъ не раздѣлялъ страсти своего отца къ Кіеву, былъ вполнѣ равнодушенъ къ матери городовъ русскихъ и ко всей Южной Руси. Когда въ 1151 г. Юрій былъ побѣжденъ Изяславомъ, онъ плакалъ горькими слезами, жалѣя, что ему приходится разстаться съ Кіевомъ. Дѣло было къ осени. Андрей сказалъ отцу: «намъ теперь, батюшка, здѣсь дѣлать нечего больше, уйдемъ-ка отсюда затепло». По смерти Изяслава (въ 1154 г.) Юрій прочно усѣлся на кіевскомъ столѣ и просидѣлъ до самой смерти (въ 1157 г.). Самаго надежнаго изъ своихъ сыновей, Андрея, онъ посадилъ у себя подъ рукою въ Вышгородѣ; но Андрею не жилось на югѣ. Не спросившись у отца, онъ тихонько ушелъ на сѣверъ, захвативъ изъ Вышгорода чудотворную икону Божіей Матери, которая стала потомъ главной святыней Суздальской земли подъ именемъ Владимірской. Одинъ позднѣйшій лѣтописный сводъ такъ объясняетъ этотъ поступокъ Андрея: «смущался князь Андрей, видя нестроеніе своей братіи, племянниковъ и всѣхъ сродниковъ своихъ: вѣчно они въ мятежѣ и въ волненіи, все добиваясь великаго княженія кіевскаго; ни у кого изъ нихъ ни съ кѣмъ мира нѣтъ, и оттого всѣ княженія запустѣли. Скорбѣлъ объ этомъ Андрей въ тайнѣ своего сердца и, не сказавшись отцу, рѣшился уйти къ себѣ, въ Ростовъ и Суздаль, говоря: «тамъ поспокойнѣе».

По смерти Юрія на кіевскомъ столѣ смѣнилось нѣсколько князей и, наконецъ, усѣлся сынъ Юрьева соперника, Андреевъ двоюродный племянникъ, Мстиславъ

Изяславичъ Волынскій. Андрей, считая себя старшимъ, выждалъ удобную минуту и послалъ на югъ съ сыномъ суздальское ополченіе, къ которому тамъ присоединились полки многихъ другихъ князей. Союзники взяли Кіевъ «копіемъ» и «на щитъ», т. е. приступомъ, и разграбили его (въ 1169 г.). Суздальцы, по разсказу лѣтописца, не пощадили ничего въ Кіевѣ: ни храмовъ, ни женъ, ни дѣтей,—«были тогда въ Кіевѣ на всѣхъ людяхъ стонъ и тоска, слезы непрестанныя и печаль неутѣшная». Но Андрей, взявъ Кіевъ своими полками, не поѣхалъ туда сѣсть на столъ отца и дѣда; Кіевъ былъ отданъ младшему Андрееву брату, Глѣбу. Сынъ Андрея, посадивши въ Кіевѣ дядю, съ полками своими ушелъ назадъ къ отцу на сѣверъ «съ честью и славой великой», замѣчаетъ сѣверный лѣтописецъ, «и съ проклятіемъ», добавляетъ лѣтописецъ южный.

Впослѣдствіи, по смерти Глѣба, Кіевская земля отдана была ближайшимъ родичамъ Андрея, Ростиславичамъ смоленскимъ. Старшій, Романъ, сѣлъ въ Кіевѣ; младшіе его братья, Давидъ и Мстиславъ, помѣстились въ ближайшихъ городахъ. Андрей носилъ званіе великаго князя, живя на своемъ суздальскомъ сѣверѣ. Но Ростиславичи разъ показали неповиновеніе Андрею, и тотъ послалъ къ нимъ посла съ грознымъ приказаніемъ: «не ходишь ты, Романъ, въ моей волѣ съ своей братіей, такъ пошелъ вонъ изъ Кіева; ты, Мстиславъ, вонъ изъ Бѣлгорода, а ты, Давидъ, вонъ изъ Вышгорода; ступайте всѣ въ Смоленскъ и дѣлитесь тамъ, какъ знаете». Въ первый разъ великій князь, названный отецъ для младшей братіи, обращался такъ со своими родичами. Эту перемѣну въ обращеніи съ особенной силой почувствовалъ младшій изъ Ростиславичей, Мстиславъ; онъ обрилъ бороду и голову Андрееву послу и отпустилъ его назадъ, велѣвъ ему сказать Андрею: «мы

до сихъ поръ признавали тебя отцомъ своимъ по любви; но если ты посылаешь къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ князьямъ, а какъ къ подручникамъ и простымъ людямъ, то дѣлай, что задумалъ, а насъ Богъ разсудитъ». Такъ, въ первый разъ произнесено было новое политическое слово *подручникъ*, т. е. впервые сдѣлана была попытка замѣнить неопредѣленныя отношенія родового старшинства отношеніями обязательнаго подчиненія, политическаго подданства младшихъ князей старшему наравнѣ съ простыми людьми.

Таковъ рядъ необычныхъ явленій, обнаружившихся въ отношеніяхъ Андрея Боголюбскаго къ Южной Руси и другимъ князьямъ. До сихъ поръ званіе старшаго князя нераздѣльно соединено было съ обладаніемъ старшимъ, кіевскимъ столомъ. Князь, признанный старшимъ среди родичей, обыкновенно садился въ Кіевѣ; князь, сидѣвшій въ Кіевѣ, обыкновенно признавался старшимъ среди родичей. Андрей впервые отдѣлилъ старшинство отъ мѣста: заставивъ признать себя великимъ княземъ всей Русской земли, онъ не покинулъ своей Суздальской области и не поѣхалъ въ Кіевъ сѣсть на столъ отца и дѣда. Такимъ образомъ *княжеское старшинство, оторвавшись отъ мѣста, получило личное значеніе.* Вмѣстѣ съ этимъ измѣнилось и положеніе Суздальской области среди другихъ областей Русской земли. До сихъ поръ князь, который достигалъ старшинства и садился на кіевскомъ столѣ, обыкновенно покидалъ свою прежнюю волость, передавая ее очередному владѣльцу. Каждая княжеская волость, какъ временное, очередное владѣніе извѣстнаго князя, имѣла родовое, а не личное значеніе. Андрей, ставъ великимъ княземъ, не покинулъ Суздальской земли, которая вслѣдствіе того утратила родовое значеніе и получила характеръ личнаго, неотъемлемаго достоянія своего князя. Она, такимъ обра-

зомъ, вышла изъ круга русскихъ областей, владѣемыхъ по очереди старшинства. Наконецъ, этотъ князь, отдѣливъ старшинство отъ кіевскаго стола, первый попытался замѣнить полюбовное родственное согласіе обязательнымъ подчиненіемъ младшихъ родичей, *подручничествомъ*. Таковъ рядъ новыхъ явленій, вскрывшихся въ дѣятельности Андрея по отношенію къ Южной Руси и другимъ князьямъ: эта дѣятельность была попыткой произвести переворотъ въ политическомъ строѣ Русской земли. Такъ обнаружились нравственныя понятія и привычки, воспитанныя въ Андреѣ новой средой, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ на сѣверѣ. Эта своеобразная среда, очевидно, была создана колонизаціей.

2. Паденіе старшихъ городовъ въ Суздальской землѣ.

Разсматривая событія, происшедшія въ Суздальской землѣ при Андреѣ и слѣдовавшія за его смертью, мы встрѣчаемъ признаки другого переворота, совершившагося во внутреннемъ строѣ самой Суздальской земли. Князь Андрей и дома, въ управленіи своей собственной волостью, дѣйствовалъ не по-старому. По заведенному обычаю, старшій князь извѣстной линіи дѣлилъ управленіе принадлежавшей этой линіи областью съ ближайшими младшими родичами, которыхъ сажалъ вокругъ себя по младшимъ городамъ этой области. Князь Андрей не хотѣлъ дѣлить доставшейся ему отъ отца области со своими младшими братьями и племянниками и прогналъ ихъ изъ Суздальской земли. Области старшихъ городовъ въ Русской землѣ управлялись, какъ мы знаемъ, двумя аристократіями: служилой и промышленной, которыя имѣли значеніе правительственныхъ орудій и совѣтниковъ князя. Служилая аристократія состояла изъ княжескихъ дружинниковъ, промышленная—изъ верхняго слоя неслужилаго населенія старшихъ городовъ,

который получилъ названіе «лучшихъ мужей» и руководилъ областными обществами. Обѣ эти аристократіи встрѣчаемъ мы и въ Суздальской землѣ уже при Андреевомъ отцѣ, Юріи; но Андрей не поладилъ съ обоими этими руководящими классами суздальскаго общества. По заведенному порядку, онъ долженъ былъ сидѣть и править въ старшемъ городѣ своей волости при содѣйствіи и по соглашенію съ его вѣчемъ. Такихъ старшихъ вѣчевыхъ городовъ въ Суздальской землѣ было два: Ростовъ и Суздаль. Андрей не любилъ ни того, ни другого и сталъ жить въ маленькомъ пригородѣ—Владимірѣ на Клязьмѣ, гдѣ не были въ обычаѣ вѣчевыя собранія, сосредоточилъ на немъ всѣ свои заботы, украшалъ его, выстроилъ въ немъ новый соборный храмъ, въ которомъ и поставилъ привезенную съ юга чудотворную икону Божіей Матери. Расширяя этотъ городъ, Андрей наполнилъ его, по замѣчанію лѣтописнаго свода, купцами хитрыми, ремесленниками всякими. Благодаря этому Владиміръ при Андреѣ опередилъ богатствомъ и населенностью своею старшіе города. Такое необычное перенесеніе княжескаго стола изъ старшихъ городовъ въ пригородъ сердило ростовцевъ и суздальцевъ, которые роптали на Андрея, говоря: «здѣсь старшіе города Ростовъ да Суздаль, а Владиміръ нашъ пригородъ». Точно также не любилъ Андрей и старшей дружины отца. Онъ даже не дѣлилъ съ боярами своихъ развлеченій, не бралъ ихъ съ собой на охоту, велѣлъ имъ, по выраженію лѣтописи, «особо утѣху творити», а самъ ѣздилъ на охоту лишь съ немногими «отроками», людьми младшей дружины. Наконецъ, не желая дѣлить власть съ младшими родичами, Андрей, по замѣчанію лѣтописи, погналъ изъ Суздальской земли какъ своихъ братьевъ и племянниковъ, такъ и «переднихъ мужей отца своего», т. е. старшую дружину, бояръ. Все это,

по замѣчанію лѣтописца, Андрей творилъ, желая быть «самовластцемъ» Суздальской земли. За эти новыя необычныя политическія стремленія Андрей и погибъ. Онъ палъ жертвой заговора, вызваннаго его строгостью. Андрей казнилъ брата своей первой жены, одного изъ знатныхъ слугъ своего двора, Кучковича. Братъ казненнаго съ другими придворными составилъ заговоръ, отъ котораго и погибъ Андрей въ 1174 г.

Отъ всей фигуры Андрея вѣетъ новымъ духомъ. Это былъ суровый хозяинъ, который во всемъ поступалъ по-своему, а не по старинѣ и обычаю. Его новыя политическія понятія и привычки были воспитаны новой общественной средой, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ. Этой средой былъ пригородъ Владиміръ, гдѣ князь Андрей провелъ бо̀льшую половину своей жизни. Суздальскіе пригороды составляли тогда особый міръ, созданный русской колонизаціей, съ отношеніями и понятіями, какихъ не знали въ старыхъ областяхъ Кіевской Руси. Событія, слѣдовавшія за смертью Андрея, живо освѣщаютъ этотъ міръ.

По смерти Андрея въ Суздальской землѣ разыгралась усобица, по происхожденію своему, очень похожая на княжескія усобицы въ старой Кіевской Руси. Случилось то, что часто бывало тамъ: дяди заспорили съ племянниками. Младшіе братья Андрея, Михаилъ и Всеволодъ, разссорились съ племянниками, дѣтьми ихъ старшаго брата, давно умершаго, Мстиславомъ и Ярополкомъ Ростиславичами. Такимъ образомъ мѣстному населенію открылась возможность выбора между князьями. Старшіе города позвали Андреевыхъ племянниковъ; но городъ Владиміръ, недавно ставшій великокняжескимъ стольнымъ городомъ, позвалъ къ себѣ братьевъ Андрея, Михаила и Всеволода; изъ этого и вышла усобица. Въ борьбѣ сначала одержали верхъ племянники и сѣли

по старшимъ городамъ Суздальской земли; но потомъ Владиміръ поднялся на старшіе города, опять призвалъ къ себѣ дядей, которые на этотъ разъ восторжествовали надъ племянниками и раздѣлили между собой Суздальскую землю. По смерти старшаго дяди усобица возобновилась между младшимъ, Всеволодомъ, и племянникомъ Мстиславомъ. Послѣдній проигралъ дѣло, разбитый въ двухъ битвахъ, подъ Юрьевымъ и на рѣкѣ Колокшѣ. Послѣ того Всеволодъ остался одинъ хозяиномъ въ Суздальской землѣ. Таковъ былъ ходъ Суздальской усобицы, длившейся два года (1174—1176).

Но по ходу своему эта сѣверная усобица не во всемъ была похожа на южныя: она осложнилась явленіями, какихъ не замѣтно въ княжескихъ усобицахъ на югѣ. Въ областяхъ Южной Руси мѣстное населеніе обыкновенно очень равнодушно относилось къ княжескимъ распрямъ; напротивъ, въ Суздальской землѣ мѣстное населеніе приняло дѣятельное участіе въ ссорѣ князей. Племянниковъ дружно поддерживали старшіе города земли, которые дѣйствовали энергичнѣе самихъ князей, обнаруживали чрезвычайное ожесточеніе въ отношеніи къ пригородамъ. Въ иныхъ областяхъ старшіе города присвояли себѣ право выбирать на вѣчѣ посадниковъ для своихъ пригородовъ. Ростовцы во время усобицы говорили про Владиміръ: «это нашъ пригородъ, сожжемъ его, либо пошлемъ туда своего посадника; тамъ живутъ наши холопы и каменщики». Ростовцы, очевидно, намекали на ремесленниковъ, которыми Андрей населилъ Владиміръ. Но и этотъ пригородъ Владиміръ дѣйствовалъ не одиноко въ борьбѣ: къ нему примкнули другіе пригороды Суздальской земли. «А съ переяславцы, замѣчаетъ лѣтописецъ, имяхуть володімерцы едино сердце». И третій новый городъ, Москва, тянулъ въ ту же сторону и только изъ страха передъ

князьями-племянниками не рѣшился принять дѣятельнаго участія въ борьбѣ.

Земская борьба не ограничивалась старшими городами и пригородами: она шла глубже, захватывала все общество съ верху до низу. На сторонѣ племянниковъ и старшихъ городовъ стала и вся старшая дружина Суздальской земли; даже дружина города Владиміра примкнула къ старшимъ городамъ и дѣйствовала противъ князей, которыхъ поддерживали владимірцы. Но если старшая дружина даже пригородовъ стояла на сторонѣ старшихъ городовъ, то низшее населеніе старшихъ городовъ стало на сторонѣ пригородовъ. Когда дяди въ первый разъ восторжествовали надъ племянниками, суздальцы явились къ Михаилу и сказали: «мы, князь, не воевали противъ тебя съ Мстиславомъ, а были съ нимъ одни наши бояре; такъ ты не сердись на насъ и ступай къ намъ». Это говорили, очевидно, депутаты отъ простонародья города Суздаля. Значитъ, все общество Суздальской земли раздѣлилось въ борьбѣ горизонтально, а не вертикально: на одной сторонѣ стали обѣ мѣстныя аристократіи, старшая дружина и верхній слой неслужилаго населенія старшихъ городовъ, на другой—ихъ низшее населеніе вмѣстѣ съ пригородами. На такое соціальное раздѣленіе указалъ одинъ изъ участниковъ борьбы, Всеволодъ. Наканунѣ битвы подъ Юрьевымъ Всеволодъ хотѣлъ уладить дѣло безъ кровопролитія и послалъ сказать племяннику Мстиславу: «если тебя, братъ, привела старшая дружина, то ступай въ Ростовъ, тамъ и помиримся; тебя ростовцы привели и бояре, а меня съ братомъ Богъ привелъ, да владимірцы съ переяславцами».

Такъ, въ описанной усобицѣ вскрылись различные элементы мѣстнаго общества съ ихъ взаимными враждебными отношеніями. Мы видимъ, что борются князья-

дядья съ князьями-племянниками, старшіе вѣчевые города съ пригородами, городами младшими, высшіе классы мѣстнаго общества, служилый и торговый, съ низшимъ населеніемъ «холопей-каменщиковъ», какъ зовутъ его ростовцы. Но въ глубинѣ этой тройной борьбы скрывается одна земская вражда. Чтобы понять происхожденіе этой вражды, надобно припомнить, что городская знать Ростова и Суздаля принадлежала къ старинному русскому населенію края, которое принесено было сюда ранней струей колонизаціи давно, еще до княженія Юрія, здѣсь усѣлось и привыкло руководить мѣстнымъ обществомъ. Вмѣстѣ съ Юріемъ Долгорукимъ, т. е. въ началѣ XII в., водворились въ Суздальской землѣ и бояре, старая дружина. Это былъ второй старый и руководящій классъ мѣстнаго общества; вмѣстѣ съ богатымъ купечествомъ Ростова и Суздаля онъ и вступилъ въ борьбу съ пригородами. Послѣдніе, напротивъ, населены были преимущественно недавними переселенцами, которые пришли изъ Южной Руси. Эти переселенцы выходили большею частью изъ низшихъ классовъ южнорусскаго населенія, городского и сельскаго. Явившись въ Суздальскую землю, пришельцы встрѣтились здѣсь съ туземнымъ финскимъ населеніемъ, которое также составляло низшій классъ мѣстнаго общества. Такимъ образомъ, колонизація дала рѣшительный численный перевѣсъ низшимъ классамъ, городскому и сельскому простонародію, въ составѣ суздальскаго общества. Этотъ перевѣсъ нарушилъ то равновѣсіе соціальныхъ стихій, на которомъ держался общественный порядокъ въ старыхъ областяхъ Кіевской Руси. Этотъ порядокъ, какъ мы знаемъ, носилъ аристократическій характеръ: высшіе классы тамъ политически преобладали и давили низшее населеніе. Это политическое преобладаніе высшихъ классовъ при численномъ перевѣсѣ низшихъ въ Суздаль-

ской землѣ должно было вызвать антагонизмъ и столкновеніе между низомъ и верхомъ общества. Этотъ антагонизмъ и былъ скрытой причиной описанной усобицы между братьями и племянниками Андрея въ Суздальской землѣ, а этотъ численный перевѣсъ сказался въ исходѣ этой борьбы. Низшіе классы мѣстнаго общества, только что начавшіе складываться путемъ сліянія русскихъ колонистовъ съ финскими туземцами, возстали противъ высшихъ—давнишнихъ и привычныхъ руководителей этого общества — и одержали надъ ними верхъ. Значитъ, *это была не простая княжеская распря, а соціальная борьба низа общества съ его вершинами.* Такимъ образомъ, и этотъ внутренній переворотъ въ Суздальской землѣ, подобно перемѣнѣ въ ея внѣшнемъ положеніи, имѣлъ своимъ источникомъ ту же колонизацію.

Такъ смотрѣли на ходъ и значеніе описанныхъ событій и современные наблюдатели, люди Суздальской земли. Описанная княжеская усобица разсказана современнымъ лѣтописцемъ, жителемъ города Владиміра, слѣдовательно, сторонникомъ дядей и пригородовъ. Онъ приписываетъ успѣхъ Владиміра въ борьбѣ чудодѣйственной помощи Божіей Матери, чудотворная икона которой стояла во Владимірскомъ соборѣ. Разсказъ о первомъ торжествѣ дядей надъ племянниками и о возвращеніи Михаила во Владиміръ этотъ лѣтописецъ-публицистъ сопровождаетъ такими любопытными размышленіями: «и была радость большая въ городѣ Владимірѣ, когда онъ увидѣлъ у себя великаго князя всей Ростовской земли. Подивимся чуду новому, великому и преславному Божіей Матери, какъ заступила она свой городъ отъ великихъ бѣдъ и какъ гражданъ своихъ укрѣпляетъ; не вложилъ имъ Богъ страха, не побоялись они двоихъ князей съ ихъ боярами, не посмо-

трѣли на ихъ угрозы, положивши всю надежду на Святую Богородицу и на свою правду. Новгородцы, смольяне, кіевляне, полочане и всѣ власти (волостные города) какъ на думу, на вѣча сходятся, и на чемъ старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ: а здѣсь старые города, Ростовъ и Суздаль, и всѣ бояре захотѣли свою правду поставить, а не хотѣли исполнить правды Божіей, говорили: «какъ намъ любо, такъ и сдѣлаемъ; Владиміръ нашъ пригородъ». Воспротивились они Богу и Святой Богородицѣ и правдѣ Божіей, послушались злыхъ людей ссорщиковъ, не хотѣвшихъ *намъ* добра, изъ зависти къ *сему* городу и къ живущимъ въ немъ. Не сумѣли ростовцы и суздальцы правды Божіей исправить, думали, что если они старшіе, такъ и могутъ дѣлать все по своему; но люди новые, «мизинные» (маленькіе, съ мизинецъ), владимірскіе уразумѣли, гдѣ правда, стали за нее крѣпко держаться и сказали себѣ: «либо Михалка князя себѣ добудемъ, либо головы свои положимъ за Св. Богородицу и за Михалка князя». И вотъ утѣшилъ ихъ Богъ и Св. Богородица: прославлены стали владимірцы по всей землѣ за ихъ правду, Богови имъ помогающу».

Значитъ, и современный наблюдатель видѣлъ въ описанной княжеской усобицѣ не столько княжескую распрю, сколько борьбу общественныхъ классовъ, возстаніе новыхъ, маленькихъ людей противъ старыхъ руководящихъ классовъ мѣстнаго общества, противъ аристократіи служилой и промышленной, городской. Итакъ, *однимъ изъ послѣдствій русской колонизаціи Суздальской земли было торжество низа мѣстнаго общества надъ его верхомъ*. Можно думать, что мѣстное общество вслѣдствіе такого исхода пережитой имъ соціальной борьбы будетъ развиваться въ болѣе демократическомъ направленіи сравнительно со строемъ областей старой Кіевской Руси.

3. Преобладаніе Верхне-Волжской Руси надъ Днѣпровской при Всеволодѣ III.

Восторжествовавъ надъ племянникомъ въ 1176 г., Всеволодъ III прокняжилъ въ Суздальской землѣ до 1212 года. Его княженіе во многомъ было продолженіемъ времени Андрея. Подобно старшему брату, Всеволодъ заставилъ признать себя великимъ княземъ всей Русской земли и, подобно ему же, не поѣхалъ княжить въ Кіевъ. Онъ правилъ Южной Русью съ береговъ далекой Клязьмы, сажалъ великихъ князей на кіевскій столъ изъ своихъ рукъ. Великій князь кіевскій чувствовалъ себя непрочно на этомъ столѣ, если не ходилъ въ волѣ Всеволода, не былъ его подручникомъ. Однимъ изъ этихъ князей, посаженныхъ въ Кіевѣ Всеволодомъ, былъ его смоленскій родичъ Рюрикъ Ростиславичъ. Рюрикъ разъ долженъ былъ сказать своему зятю Роману: «самъ ты знаешь, что нельзя было не сдѣлать по волѣ Всеволода; намъ безъ него быть нельзя: вся братія положила на немъ старшинство во Владиміровомъ племени».

Политическое давленіе Всеволода чувствовалось на самой отдаленной юго-западной окраинѣ Руси: галицкій князь Владиміръ Ярославичъ Осмомыслъ, воротившій столъ свой съ польской помощью, спѣшилъ стать подъ защиту своего отдаленнаго дяди, Всеволода III. Онъ послалъ сказать ему: «отецъ и господинъ, удержи Галичъ подо мною, а я Божій и твой со всѣмъ Галичемъ и въ волѣ твоей всегда». Сосѣди Всеволода, князья рязанскіе, также ходили въ его волѣ, посылали свои полки въ походы вмѣстѣ съ его полками. Въ 1207 г. Всеволодъ, вмѣшавшись въ усобицу рязанскихъ князей, потребовалъ у рязанцевъ выдачи ихъ всѣхъ съ княгинями, продержалъ ихъ у себя подъ присмотромъ, а въ

Рязани посадилъ своего сына съ суздальскими посадниками. Когда же буйные, непокорные рязанцы, какъ ихъ характеризуетъ суздальскій лѣтописецъ, вышли изъ повиновенія Всеволоду, тогда суздальскій князь велѣлъ перехватать всѣхъ горожанъ съ семействами и расточилъ ихъ по суздальскимъ городамъ, а Рязань сжегъ. И пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ», южно-русскій поэтъ и публицистъ конца XII в., знаетъ политическое могущество Всеволода. Изображая бѣдствія, постигшія Русскую землю послѣ пораженія въ степи его героя, этотъ пѣвецъ обращается къ Всеволоду съ такими словами: «великій князь Всеволодъ, чтобы тебѣ прилетѣть издалека, отчаго золотого стола постеречь: вѣдь, ты можешь Волгу разбрызгать веслами, Донъ шеломами вычерпать». Въ такихъ преувеличенныхъ размѣрахъ представлялись черниговскому поэту волжскій флотъ Всеволода III и его сухопутная рать. Итакъ, при Всеволодѣ III Суздальская область, еще въ началѣ XII-го вѣка бывшая незначительнымъ сѣверо-восточнымъ угломъ Русской земли, уже въ концѣ этого вѣка является княжествомъ, рѣшительно господствующимъ надъ всѣми остальными областями. Политическій центръ тяжести явственно перемѣщается со средняго Днѣпра на берега Клязьмы. Это перемѣщеніе было слѣдствіемъ отлива русскихъ силъ съ Приднѣпровья къ сѣверо-востоку.

Вмѣстѣ съ этимъ развивается въ суздальскомъ обществѣ и въ мѣстныхъ князьяхъ равнодушіе къ Кіеву и къ Кіевской Руси,—отношеніе, проникнутое пренебрежительнымъ состраданіемъ. Всеволодъ III, какъ было уже сказано, уступилъ Кіевскую землю смоленскому своему родичу Рюрику. Этотъ князь разъ позвалъ къ себѣ своего брата Давида потолковать о Русской землѣ, объ ея устроеніи и защитѣ и покончить свои дѣла. Братья

свидѣлись, потолковали, но не догадались посовѣтоваться со своимъ старшимъ родичемъ, суздальскимъ княземъ. Всеволодъ обидѣлся и послалъ Рюрику выговоръ, холодный, исполненный пренебреженія. «Вы признали меня старшимъ во Владиміровомъ племени; теперь ты сѣлъ въ Кіевѣ, а мнѣ не далъ части въ землѣ Русской, роздалъ другимъ, младшей братіи; ну, если нѣтъ мнѣ въ ней части, то какъ ты тамъ себѣ хочешь, кому далъ въ ней часть, съ тѣмъ и стереги; посмотрю, какъ ты ее удержишь съ ними, а мнѣ не надобно».

Это пренебреженіе къ Кіевской Руси раздѣляли и Всеволодовы дѣти. По смерти отца между ними произошла усобица, причиною которой было то, что отецъ, разсердившись на старшаго сына Константина, перенесъ старшинство на второго сына Юрія. Удалой торопецкій князь Мстиславъ всталъ за обиженнаго старшаго брата и съ полками новгородскими и смоленскими вторгнулся въ самую Суздальскую землю. Противъ него выступили младшіе Всеволодовичи, Юрій, Ярославъ и Святославъ. Въ 1216 г. усобица разрѣшилась битвой на Липицѣ, близъ Юрьева Польскаго. Наканунѣ битвы младшіе Всеволодовичи, подпивши, начали заранѣе дѣлить между собою Русскую землю, какъ вѣрную свою добычу. Юрій, по праву старшинства, бралъ себѣ лучшее княжество, землю Ростовскую и Владимірскую, второму брату своему Ярославу онъ отдавалъ землю Новгородскую, третьему Святославу—землю Смоленскую; а Кіевская земля—«ну, эта земля пускай пойдетъ кому-нибудь изъ черниговскихъ».

Рядомъ съ этимъ пренебреженіемъ въ суздальскомъ обществѣ замѣтны признаки мѣстнаго самомнѣнія, гордости, вызванной успѣхами суздальскихъ князей Андрея и Всеволода. На томъ же пиру передъ битвой одинъ

старый бояринъ сталъ уговаривать младшихъ братьевъ помириться со старшимъ, котораго поддерживаетъ такой храбрый союзникъ, какъ Мстиславъ Удалой. Другой бояринъ, выпивши, сталъ возражать на то, говоря князьямъ: «не бывало того ни при дѣдѣ, ни при отцѣ вашемъ, чтобы кто-нибудь вошелъ ратью въ сильную землю Суздальскую и вышелъ изъ нея цѣлъ, хотя бы тутъ собралась вся земля Русская: и Галицкая, и Кіевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская; никакъ имъ не устоять противъ нашей силы. А эти то полки,—да мы ихъ сѣдлами закидаемъ».

Итакъ, изучая исторію Суздальской земли съ половины XII в., мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ новые неожиданные факты. Эти факты, развиваясь двумя параллельными рядами, создали Суздальской области небывалое положеніе въ Русской землѣ: одни изъ нихъ измѣняли ея отношеніе къ прочимъ русскимъ областямъ, другіе— ея внутренній складъ. Перечислимъ еще разъ тѣ и другіе факты. Сначала князья стараются отдѣлить отъ великокняжескаго званія владѣніе Суздальской землей, выводя ее изъ круга земель, владѣемыхъ по очереди старшинства, и дѣлаютъ первую попытку замѣнить родственное полюбовное соглашеніе обязательнымъ подчиненіемъ младшихъ князей старшему, какъ подручниковъ своему государю. По смерти Андрея въ Суздальской землѣ падаетъ политическое значеніе руководящихъ классовъ мѣстнаго общества, княжеской дружины и высшаго городского купечества. Въ княженіе Всеволода эта область пріобрѣтаетъ рѣшительное преобладаніе надъ всей Русской землей. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ ея князьяхъ и обществѣ обнаруживается равнодушіе къ Кіеву, отчужденіе отъ Кіевской Руси. Это значитъ, что порвались внутреннія связи, которыми прежде со-

единялась сѣверо-восточная окраина Русской земли съ ея старымъ центромъ, съ Кіевомъ. Всѣ эти факты суть прямыя или косвенныя послѣдствія русской колонизаціи Суздальской земли.

Новый порядокъ княжескаго владѣнія въ потомствѣ Всеволода III.

Обращаясь къ явленіямъ, слѣдовавшимъ за смертью Всеволода, встрѣчаемъ новый фактъ, можетъ быть, болѣе важный, чѣмъ всѣ предыдущіе. Порядокъ княжескаго владѣнія въ старой Кіевской Руси держался на очереди старшинства. Распоряженіе Всеволода, снявшаго старшинство со старшаго сына и перенесшаго его на второго, показываетъ уже, что здѣсь старшинство, утративъ свой прежній характеръ, получило условное значеніе. Всматриваясь во владѣльческія отношенія потомковъ Всеволода, мы замѣчаемъ, что въ Суздальской землѣ утверждается новый порядокъ княжескаго владѣнія, не похожій на прежній. Изучая исторію возникновенія этого порядка, мы забудемъ на нѣкоторое время, что прежде чѣмъ сошло со сцены первое поколѣніе Всеволодовичей, Русь была завоевана Татарами (Сѣверная въ 1237—1238 г., Южная въ 1239—1240 г.) Явленія, которыя мы наблюдаемъ въ Суздальской землѣ послѣ этого разгрома, послѣдовательно, безъ перерыва развиваются изъ условій, начавшихъ дѣйствовать еще до разгрома, въ XII в. Кіевъ окончательно падаетъ послѣ татарскаго нашествія. Владиміръ на Клязьмѣ для потомковъ Всеволода заступаетъ мѣсто Кіева въ значеніи политическаго центра Руси, оставляя за Кіевомъ, и то лишь на нѣкоторое время, только значеніе центра церковно-административнаго. На владимірскомъ столѣ Все-

володовичи большею частью чередуются еще въ прежнемъ порядкѣ старшинства. Когда Мстиславъ Торопецкій возстановилъ отнятое Всеволодомъ старшинство его старшаго сына Константина, на владимірскомъ столѣ видимъ сначала Константина, потомъ Юрія, потомъ третьяго Всеволодовича, Ярослава, наконецъ четвертаго Святослава,—все по очереди старшинства. Эта очередь держится и въ поколѣніи Всеволодовыхъ внуковъ, сыновей Ярослава Всеволодовича. Сначала княжитъ во Владимірѣ Александръ Невскій, потомъ Ярославъ Тверской и, наконецъ, Василій Костромской (1276 г.). Значитъ, до послѣдней четверти XIII в. владимірскій столъ занимается по очереди старшинства; бывали отступленія отъ этого порядка, но ихъ не болѣе, чѣмъ сколько было въ старой Кіевской Руси.

Но рядомъ со старшей, Владимірской областью, переходящей изъ рукъ въ руки по очереди старшинства, въ Суздальской землѣ возникло нѣсколько младшихъ волостей, которыми владѣли младшіе Всеволодовичи. Во владѣніи этими младшими волостями и устанавливается новый порядокъ, какого мы не видѣли на югѣ. Здѣсь не дѣйствуетъ *очередь старшинства*, а младшія волости наслѣдуются *по завѣщанію* и переходятъ обыкновенно отъ отца къ сыну, отъ сына къ внуку и т. д. въ прямой нисходящей, а не въ ломаной боковой линіи (отъ старшаго брата къ младшему, отъ младшаго дяди къ старшему племяннику и т. д.). Этотъ новый порядокъ владѣнія устанавливается уже при первомъ поколѣніи Всеволодовичей. Такимъ образомъ *измѣняется юридическій характеръ младшихъ княжескихъ волостей*. Это уже не части Русской земли, составляющія общее достояніе всего княжескаго рода, а отдѣльная собственность, постоянное владѣніе, личное достояніе извѣстнаго князя, передаваемое имъ сыну или кому либо по

завѣщанію. Съ измѣненіемъ юридическаго характера волости, является для нея и новое названіе. Княжескія области Кіевской Руси назывались обыкновенно «волостями» или «землями» въ смыслѣ временнаго владѣнія; младшія княжества на сѣверѣ, переходящія по завѣщанію отъ отца къ сыну, съ XIII вѣка начинаютъ называться «удѣлами» или «вотчинами», въ смыслѣ владѣнія отдѣльнаго и наслѣдственнаго. Этотъ новый порядокъ княжескаго владѣнія, въ отличіе отъ прежняго очередного, мы и будемъ называть *удѣльнымъ*.

Развитіе этого удѣльнаго порядка владѣнія въ XIII и XIV вѣкахъ обозначилось цѣлымъ рядомъ новыхъ явленій. 1) Княжеское владѣніе перестаетъ быть подвижнымъ, князья становятся усидчивѣе въ своихъ удѣльныхъ городахъ, не покидая ихъ даже тогда, когда по очереди старшинства имъ достается великокняжескій владимірскій столъ. 2) Князь старой Кіевской Руси, временно владѣвшій той или другой волостью, не имѣлъ побужденія заботиться о расширеніи ея предѣловъ; князь сѣверный XIII вѣка, владѣвшій своимъ удѣломъ наслѣдственно, старался расширить его границы, передать его дѣтямъ въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ въ какихъ получилъ отъ отца; отсюда среди сѣверныхъ князей развилось стремленіе къ «промысламъ», земельнымъ пріобрѣтеніямъ, которыя тогда получали характеръ земельнаго хищничества. Каждый смѣлый князь XIII—XIV вѣковъ непремѣнно старается что нибудь захватить отъ сосѣдняго удѣла. 3) Князь старой Кіевской Руси не могъ передавать своей волости сыну, если она не слѣдовала ему по очереди старшинства; сѣверный князь XIII—XIV вѣковъ передаетъ свой удѣлъ наслѣдникамъ по завѣщанію и, за отсутствіемъ сыновей, могъ отказать его не только женѣ и дочери, но и сторон-

нему князю *). 4) Удѣльный порядокъ владѣнія обозначался постепеннымъ измельчаніемъ удѣловъ. Въ старой Кіевской Руси земля дѣлилась на части по числу наличныхъ взрослыхъ князей; въ каждомъ поколѣніи Русская земля передѣлялась между князьями. Теперь, съ изчезновеніемъ очередного порядка, прекратились и эти княжескіе передѣлы. Члены княжеской линіи, слишкомъ размножившіеся, не имѣли возможности занимать свободные столы въ другихъ княжествахъ и должны были все болѣе дробить свою вотчину. Благодаря этому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ княжескіе удѣлы распадались между наслѣдниками на микроскопическія части и удѣльные князья, по своей внѣшней обстановкѣ и размѣрамъ владѣній, приближались къ мелкимъ вотчинникамъ XVI—XVII вѣковъ.

Это удѣльное дробленіе, продолжавшееся на сѣверѣ до XVI вѣка, было въ свою очередь важнымъ обстоятельствомъ, помогшимъ политическому объединенію Руси. Я сдѣлаю краткій обзоръ этихъ удѣльныхъ дробленій, ограничиваясь лишь двумя первыми поколѣніями Всеволодовичей.

---

*) Въ XIII и XIV вѣкахъ найдемъ примѣры каждой изъ такихъ передачъ. Въ 1249 г. умеръ ярославскій князь Василій Всеволодовичъ, правнукъ Всеволода III. Послѣ него осталась одна дочь, княжна Марія. Въ это самое время смоленскіе князья при раздѣлѣ вотчины обидѣли младшаго брата, Θеодора Можайскаго. Князь Θеодоръ ушелъ въ Ярославль, женился здѣсь на сиротѣ и вмѣстѣ съ ея рукою получилъ Ярославское княжество, сдѣлавшись, такимъ образомъ, родоначальникомъ новой ярославской линіи. Переяславскій уѣздъ послѣ Ярослава Всеволодовича переходитъ преимущественно изъ рукъ отцовъ къ старшимъ сыновьямъ. Въ 1302 году умеръ бездѣтный переяславскій князь Іоаннъ Димитріевичъ; онъ завѣщалъ свой удѣлъ сосѣду своему, князю московскому Даніилу. Великій князь Симеонъ Гордый, умирая въ 1353 году, весь свой удѣлъ отказалъ женѣ.

Обзоръ удѣльнаго раздробленія Верхне-Волжской Руси.

По смерти Всеволода, его верхне-волжская вотчина распалась на пять частей. При старшемъ, Владимірскомъ, княжествѣ, составившемъ общее достояніе Всеволодова племени, явилось 4 удѣла: ростовскій, переяславскій, юрьевскій со стольнымъ городомъ Юрьевымъ въ Полѣ и стародубскій на Клязьмѣ. Когда внуки Всеволода стали на мѣсто отцовъ, Суздальская земля раздѣлилась на слѣдующія части. Владимірское княжество продолжало наслѣдоваться по очереди старшинства; но изъ него выдѣлились 3 новыхъ удѣла: суздальскій, костромской и московскій. Ростовское княжество также распалось на части; изъ него выдѣлились младшіе удѣлы: ярославскій и углицкій. Переяславскій удѣлъ также распался на части: рядомъ со старшимъ удѣломъ переяславскимъ возникли два новые, изъ него выдѣлившіеся — тверской и дмитрово-галицкій. Только княжества Юрьевское и Стародубское остались не раздѣленными, ибо первые ихъ князья оставили лишь по одному сыну. Итакъ, Суздальская земля, распавшаяся при дѣтяхъ Всеволода на пять частей, раздробилась при внукахъ его на 12 частей. Въ такой же прогрессіи шло удѣльное дробленіе и въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ Всеволодова племени. Для наглядности пересчитаемъ части, на которыя потомъ распались два удѣльныхъ княжества — Ростовское и Ярославское.

Изъ Ростовскаго княжества сначала, какъ мы сказали, выдѣлились удѣлы ярославскій и углицкій, но потомъ и остальное Ростовское княжество распалось еще на двѣ половины: ростовскую собственно и бѣлозерскую. Въ продолженіе XIV и XV вѣковъ бѣлозерская

половина, въ свою очередь, распадается на такіе удѣлы: кемскій, сугорскій, ухтомскій, шелешпанскій, андожскій, вадбольскій и др. Ярославское княжество въ продолженіе XIV и XV вѣковъ также подраздѣлилось на удѣлы, именно, на моложскій, сицкій, заозерскій на сѣверо-восточномъ берегу Кубенскаго озера и на кубенскій, рядомъ съ предыдущимъ, на курбскій, новлинскій, юхотско-бохтюжскій и др. Какъ можно видѣть по названіямъ этихъ удѣловъ, большая часть ихъ была небольшими округами заволжскихъ рѣчекъ: Кемы, Ухтомы, Андоги, Курбы и т. д.

Слѣдя за ходомъ этого удѣльнаго дробленія, повторившагося и въ сосѣднихъ княжествахъ: Рязанскомъ, Нижегородскомъ и Смоленскомъ, мы чувствуемъ, что присутствуемъ при глубокой перемѣнѣ жизни, что княжескія отношенія сходятъ со стараго основанія и становятся на новое. Въ старой Кіевской Руси владѣльческое положеніе князя зависѣло отъ его генеалогическаго положенія среди родственниковъ: чѣмъ выше стоялъ князь на лѣстницѣ старшинства, тѣмъ лучше была волость, которая ему доставалась. Княжескій родъ XII вѣка представлялъ подвижную лѣстницу старшинства, ступенями которой были живыя лица. На сѣверѣ, напротивъ, значеніе князя среди родичей опредѣлялось свойствомъ удѣла, ему доставшагося: чѣмъ богаче былъ удѣлъ, тѣмъ выше становился князь среди родственниковъ, независимо отъ степени старшинства. Княжескій родъ на сѣверѣ въ XIII — XIV вѣкахъ представлялъ не лѣстницу, на ступеняхъ которой князья разстанавливались по старшинству, а безпорядочную толпу князей, въ которой одинъ князь поднимался надъ другимъ перевѣсомъ силъ, матеріальнымъ преобладаніемъ. Такимъ образомъ, *центръ тяжести въ княжескихъ отношеніяхъ на сѣверѣ перемѣстился съ*

лица на землю; основаніемъ ихъ вмѣсто старшинства стала сила, пріобрѣтаемая величиной и богатствомъ княжества. Такова была перемѣна, произведенная удѣльнымъ порядкомъ владѣнія въ строѣ княжескихъ отношеній.

Происхожденіе удѣльнаго порядка владѣнія.

Теперь разберемъ историческое происхожденіе этого порядка. Удѣльное владѣніе слагалось изъ двухъ главныхъ княжескихъ правъ, изъ которыхъ второе было слѣдствіемъ перваго: 1) изъ права личной собственности князя на свой удѣлъ и 2) изъ права посмертнаго распоряженія удѣломъ по завѣщанію. Исторія порядка княжескаго владѣнія на Руси представляетъ одну видимую непослѣдовательность. Въ старой Кіевской Руси XII в. мысль объ общемъ, нераздѣльномъ владѣніи признается за основаніе княжескихъ отношеній даже между далекими другъ отъ друга по родству князьями. Троюродные, даже четвероюродные братья все еще живо сознаютъ себя членами одного рода, которые должны сообща, по очереди, владѣть Русской землей. На верхне-волжскомъ сѣверѣ XIII в. этой мысли о нераздѣльности владѣнія не замѣтно даже между близкими родственниками, братьями родными и двоюродными. Несмотря на близкое родство свое, Всеволодовичи спѣшатъ раздѣлить вотчину на отдѣльныя наслѣдственныя части. Какія условія вызвали такое владѣльческое обособленіе наперекоръ родственной близости князей-владѣльцевъ?

Старая Кіевская Русь была цѣльнымъ краемъ, части котораго тѣсно связывались между собою связями географическими, экономическими и нравственными. Она собственно состояла изъ бассейна одной рѣки Днѣпра, который служилъ какъ-бы становымъ хребтомъ Русской

земли, а идущіе справа и слѣва притоки его были географическими ребрами. На этомъ цѣльномъ рѣчномъ скелетѣ и держался организмъ древне-русскаго общества. Теперь представимъ себѣ Верхне-Волжскую Русь, какою она была въ XIII столѣтіи. Край этотъ покрытъ частой сѣтью рѣкъ и рѣчекъ, идущихъ въ разныхъ направленіяхъ. Этимъ обусловливалась разбросанность населенія. Поселки, такъ сказать, вышивались по рѣчной канвѣ. Увлекаемые рѣками, поселенцы разбивались въ разныя стороны; благодаря этому, центробѣжная сила брала рѣшительный перевѣсъ, не позволяла установиться въ Сѣверной Руси прочному центру, ни политическому, ни экономическому. Первые поселенцы, приходившіе въ пустынный край, прежде всего осаживались на высокихъ берегахъ рѣкъ; такъ, по рѣкамъ вытягивались длинныя полосы жилыхъ мѣстъ, представлявшіяся островами среди лѣсовъ и болотъ. Возникшіе такимъ путемъ рѣчные округа отдѣлялись отъ сосѣднихъ обширными лѣсными пустынями. Такимъ образомъ, колонизація разбивала населеніе Суздальской Руси на мелкіе рѣчные округа, разобщенные другъ отъ друга. Когда удѣльному князю нужно было раздѣлить свою вотчину между наслѣдниками, эти рѣчные округа служили и для него готовыми основаніями для удѣльныхъ дѣленій и подраздѣленій. Такъ возникли по рѣкамъ перечисленные выше мелкіе удѣлы Бѣлозерскаго и Ярославскаго княжествъ.

Съ другой стороны, на сѣверѣ существенно измѣнилось отношеніе князя къ управляемымъ обществамъ. Первые князья старой Кіевской Руси вошли въ готовый уже общественный порядокъ, какой они тамъ застали. Правя Русской землей, они защищали ее отъ внѣшнихъ враговъ, поддерживали въ ней общественный порядокъ, опредѣляли точнѣе подробности этого порядка; но, правя этой землей, они не могли сказать,

что они создали сами основаніе этого порядка, не могли назвать себя творцами управляемаго общества: въ Кіевской Руси общество было старше своихъ князей. Совсѣмъ иной взглядъ воспитывался въ князьяхъ Сѣверной Руси XIII и XIV в.в. Первый князь каждаго удѣла заставалъ свое владѣніе большею частью пустыней, которая только что стала заселяться. Край оживалъ на его глазахъ, глухія дебри расчищались, пришлые люди селились на «новяхъ», заводили новые промыслы; новые доходы приливали въ княжескую казну. Всѣмъ этимъ руководилъ князь, все это онъ считалъ дѣломъ рукъ своихъ, своимъ созданіемъ. Такъ, колонизація утверждала въ цѣломъ рядѣ княжескихъ поколѣній на сѣверѣ одну и ту же мысль, производила въ нихъ одно и то же впечатлѣніе. Юрій Долгорукій началъ строить Суздальскую землю, сынъ его Андрей продолжалъ работу отца. Недаромъ онъ хвастался, что населилъ Суздальскую землю городами и большими селами, сдѣлалъ ее многолюдной. Припоминая работу отца и свои собственныя усилія, онъ по праву могъ сказать, что это онъ съ отцомъ сдѣлали Суздальскую Русь, устроили въ ней общество. Мысль—это мое, потому что мною пріобрѣтено, мною сдѣлано—вотъ то впечатлѣніе, которое производила на первыхъ князей Верхне-Волжской Руси колонизація. Эта мысль и легла въ основаніе понятія объ удѣлѣ, какъ личной собственности князя.

Итакъ, удѣльный порядокъ владѣнія былъ созданъ совмѣстнымъ дѣйствіемъ природы страны и ея колонизаціи. 1) Благодаря физическимъ особенностямъ Верхне-Волжской Руси, колонизація выводила здѣсь мелкіе рѣчные округа, разобщенные между собою обширными лѣсными пустынями. Эти географическіе округа и служили готовымъ основаніемъ политическаго дѣленія,

т. е. удѣльнаго дробленія. Сѣверные удѣлы—это рѣчные бассейны. 2) Благодаря колонизаціи, первому князю каждаго удѣла доставалось не готовое общество, достаточно устроенное, а пустыня, которую онъ заселялъ и устраивалъ въ общество. Мысль о князѣ, наличномъ собственникѣ дѣла, была юридическимъ послѣдствіемъ значенія князя, заселителя и устроителя своего удѣла.

Послѣдствія удѣльнаго порядка.

Теперь обратимся къ послѣдствіямъ возникновенія удѣльнаго порядка. Эти послѣдствія обнаруживаются явственно уже съ XIV столѣтія. Первымъ изъ нихъ было обѣдненіе большей части измельчавшихъ удѣльныхъ княжествъ. По мѣрѣ размноженія нѣкоторыхъ княжескихъ линій, наслѣдники получали отъ отцовъ все болѣе мелкія части своихъ фамильныхъ вотчинъ. При тогдашнихъ тяжелыхъ условіяхъ княжескаго владѣнія, внѣшнихъ и внутреннихъ, при неустановившихся еще отношеніяхъ народнаго хозяйства, это постепенное удѣльное дробленіе дѣлало удѣльнаго князя все болѣе бѣднымъ землевладѣльцемъ. Въ памятникахъ XIV и XV в.в. иной удѣльный князь является передъ нами въ обстановкѣ не богаче той, которой окружены были обыкновенные средніе вотчинники XVII вѣка.

Къ числу ярославскихъ удѣловъ принадлежало и упомянутое выше Заозерское княжество на берегу Кубенскаго озера. Въ началѣ XV столѣтія этимъ княжествомъ владѣлъ князь Димитрій Васильевичъ. Одинъ изъ сыновей этого князя удалился на каменный островъ Кубенскаго озера въ здѣшній монастырь и сдѣлался инокомъ подъ именемъ Іосафа. Въ древнемъ житіи этого князя-инока мы встрѣчаемъ изобразительную картину, рисующую намъ столицу его отца, заозерскаго князя. Столица эта состояла изъ одинокаго княжескаго

двора, недалеко отъ впаденія рѣки Кубины въ озеро. Близъ этой княжеской усадьбы стояла церковь во имя Димитрія Солунскаго, очевидно, этимъ же княземъ и построенная въ честь своего ангела, а поодаль была «Весь Чиркова», которая служила приходомъ къ этой церкви. Вотъ и вся резиденція удѣльнаго державца начала XV вѣка.

Далѣе, удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія по самому характеру своему вносилъ взаимное отчужденіе въ среду князей. Счеты и споры о старшинствѣ, о порядкѣ владѣнія по очереди старшинства устанавливали тѣсную солидарность между князьями старой Кіевской Руси. Тамъ всѣ отношенія держались на томъ, кто изъ князей какъ доводился другому. Отсюда привычка прежнихъ князей дѣйствовать сообща; даже вражда изъ за чести старшинства больше соединяла, чѣмъ разобщала тогдашнихъ князей. Въ средѣ удѣльныхъ князей, напротивъ, никому не было дѣла до другого. При отдѣльности владѣнія между ними не существовало и общихъ интересовъ. Здѣсь каждый жилъ замкнуто въ своемъ удѣлѣ и вспоминалъ о другомъ лишь тогда, когда тотъ угрожалъ ему, или когда представлялся случай обобрать его. Это взаимное разобщеніе князей дѣлало ихъ неспособными къ прочнымъ политическимъ союзамъ; княжескіе съѣзды, столь частые въ XII в., стали рѣдки въ XIII и XIV в.в.

Наконецъ, удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія сопровождался одичаніемъ князей, упадкомъ въ нихъ земскаго сознанія и гражданскаго чувства, затемнѣніемъ мысли о единствѣ Русской земли, объ общемъ народномъ благѣ. Сѣверные князья менѣе воинственны сравнительно со своими южными предками, но они варвары не менѣе тѣхъ. Тяжелыя внѣшнія обстоятельства, вмѣстѣ съ чувствомъ удѣльнаго одиночества, съ наи-

большей силой развивали въ князьяхъ инстинктъ самосохраненія, и каждый князь дѣйствуетъ во имя этого инстинкта. Такой ихъ характеръ и образъ дѣйствій дѣлаетъ для насъ понятнымъ и тѣ увѣщанія, съ которыми къ нимъ обращались современные лѣтописцы, уговаривая ихъ не плѣняться суетной славой сего вѣка, не лукавить другъ съ другомъ, не отнимать чужого, не обижать меньшихъ родичей. Этотъ упадокъ гражданскаго чувства сопровождался охлажденіемъ мѣстныхъ удѣльныхъ обществъ къ своимъ князьямъ.

Всѣ эти послѣдствія имѣли важное значеніе для дальнѣйшей политической исторіи Сѣверной Руси: они постепенно подготовляли благопріятныя условія для ея политическаго объединенія. Когда изъ среды этихъ удѣльныхъ князей поднялся одинъ сильный владѣлецъ, князь московскій, онъ, во-первыхъ, не встрѣтилъ съ ихъ стороны дружнаго отпора своимъ объединительнымъ стремленіямъ, боролся съ ними одинъ на одинъ, пользуясь ихъ взаимнымъ отчужденіемъ, непривычкой дѣйствовать соединенными силами; съ другой стороны, онъ, князь, встрѣтилъ въ удѣльномъ населеніи полное равнодушіе къ своимъ обѣднѣвшимъ и одичавшимъ властителямъ и, убирая ихъ одного за другимъ, не вызвалъ этимъ въ мѣстныхъ обществахъ дружнаго возстанія за нихъ. Такимъ образомъ *удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія, облегчая борьбу съ удѣльными князьями, подготовилъ свое собственное разрушеніе и политическое объединеніе Сѣверной Руси однимъ изъ удѣльныхъ княжествъ—Московскимъ.*

Экономическія и политическія условія возвышенія Московскаго княжества.

Удѣльный порядокъ былъ переходной политической формой, черезъ которую Русь перешла отъ единства

народнаго, завязавшагося еще въ XII столѣтіи, къ единству государственному. Исторія этого перехода есть исторія превращенія удѣльнаго княжества Московскаго въ Россійское государство. Обратимся теперь къ изученію судьбы этого княжества.

Первыя извѣстія о Москвѣ ставятъ ее въ число новыхъ городовъ Суздальской земли, возникшихъ въ княженіе Юрія Долгорукаго. Замѣчательно, что этотъ городокъ впервые упоминается, какъ пограничный пунктъ между княжествами сѣвернымъ Суздальскимъ и южнымъ Черниговскимъ. Сюда въ 1147 году Юрій Долгорукій пригласилъ на свиданіе своего сосѣда по владѣнію и союзника, черниговскаго князя Святослава Ольговича. Такъ, Москва возникла на перепутьѣ между днѣпровскимъ югомъ и верхне-волжскимъ сѣверомъ. Такимъ пограничнымъ городкомъ Суздальскаго края Москва остается и въ дальнѣйшихъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ. Лѣтопись подробно разсказываетъ о шумной усобицѣ, возникшей по смерти Андрея Боголюбскаго между его младшими братьями и племянниками. Восторжествовавъ надъ послѣдними, князья-дяди, Михаилъ и Всеволодъ, въ 1176 году вызвали изъ Чернигова укрывавшихся тамъ своихъ женъ. Провожать княгинь поѣхалъ сынъ черниговскаго князя Олегъ; онъ довезъ княгинь до Кучкова, т. е. «до Москвы», какъ поясняетъ лѣтописецъ въ другомъ мѣстѣ, и воротился отсюда въ свою волость Лопасню. Лопасня—село верстахъ въ 70 отъ Москвы, къ югу по дорогѣ въ Серпуховъ. Такъ близко подходила къ Москвѣ тогдашняя граница Черниговскаго княжества. Москва еще въ XII столѣтіи, какъ видно изъ этого извѣстія, носила другое, болѣе раннее названіе *Кучкова*, данное ей мѣстнымъ вотчинникомъ, ростовскимъ тысяцкимъ временъ Юрія Долгорукаго, бояриномъ Степаномъ Кучкой. Около этого городка

раскинуты были села и деревни, принадлежавшія этому боярину.

Положеніе городка Москвы опредѣлило его дальнѣйшую судьбу. Какъ городъ новый и притомъ далекій отъ суздальскихъ центровъ, Ростова и Владиміра, Москва позже другихъ городовъ могла стать стольнымъ городомъ особаго княжества; притомъ, она должна была достаться младшему князю. Дѣйствительно, въ продолженіе большей части XIII в. въ Москвѣ не замѣтно постояннаго княженія: князья являются здѣсь лишь на короткое время, и все это были младшіе сыновья своихъ отцовъ. Сначала сидѣлъ здѣсь нѣкоторое время одинъ изъ младшихъ Всеволодовичей, Владиміръ; послѣ него встрѣчаемъ здѣсь другого Владиміра, одного изъ сыновей великаго князя Юрія Всеволодовича. Потомъ появился въ Москвѣ младшій сынъ Ярослава Всеволодовича, Михаилъ Хоробритъ. Наконецъ, не раньше послѣдней четверти XIII вѣка, Москва досталась младшему сыну Александра Невскаго, Даніилу. Съ тѣхъ поръ здѣсь велся свой княжескій домъ, родоначальникомъ котораго, основателемъ особаго московскаго удѣла, сталъ Даніилъ.

Таковы первыя извѣстія о Москвѣ. Судя по нимъ, трудно было угадать дальнѣйшую политическую судьбу этого города. Судьба его представлялась загадочной и неожиданной и позднѣйшимъ поколѣніямъ русскаго общества. Люди XVII вѣка, задавая себѣ вопросъ, какимъ образомъ Москва поднялась такъ быстро и сдѣлалась политическимъ средоточіемъ Сѣверной Руси, не могли отдать себѣ отчета въ этомъ явленіи; быстрый политическій ростъ Москвы представлялся для нихъ исторической загадкой. Это отразилось въ одномъ народномъ сказаніи, предметомъ котораго служитъ первоначальная судьба этого города. Одно изъ этихъ сказа-

ній, записанное уже въ XVII ст., начинается, приблизительно, такими словами: «Кто думалъ, гадалъ, что Москвѣ царствомъ быти, и кто же зналъ, что Москвѣ государствомъ слыти? Стояли на Москвѣ-рѣкѣ села красныя боярина хорошаго, Кучки Степана Ивановича». Вы видите, что записанное книжникомъ народное сказаніе еще сохранило остатки размѣренной рѣчи, былиннаго стиха. Причина этой загадочной исторіи Москвы лежитъ въ томъ, что историческіе памятники отмѣтили далеко не первые моменты его роста, а лишь крупные внѣшніе успѣхи, которыхъ она достигла только съ теченіемъ времени. Но уцѣлѣли косвенныя указанія, по которымъ вскрываются таинственныя силы, работавшія надъ подготовкой дальнѣйшихъ успѣховъ Московскаго княжества съ первыхъ минутъ его существованія. Вотъ главныя причины этихъ успѣховъ. Причины эти заключаются, прежде всего, въ географическомъ положеніи города и края. Это положеніе было источникомъ сравнительно болѣе ранней и густой населенности края. Москва возникла на рубежѣ между юго-западной Днѣпровской и сѣверо-восточной Верхне-Волжской Русью. Это былъ первый край, въ который попадали колонисты въ своемъ движеніи, переваливъ за рѣку Угру; первый привалъ ихъ, гдѣ осаживалась наибольшая масса пришельцевъ. Блѣдные слѣды усиленнаго прилива этой колонизаціи въ Московскій край находимъ мы и въ старыхъ родословныхъ преданіяхъ. Читая старинныя родословныя московскихъ бояръ, встрѣчаемъ во главѣ большей части ихъ однообразно повторяющееся сказаніе о томъ, какъ и откуда родоначальники этихъ фамилій пришли служить московскому князю. Соединяя эти отдѣльныя генеалогическія преданія, мы получаемъ важный историческій фактъ: съ конца XIII вѣка родоначальники боярскихъ фамилій, процвѣтав-

шихъ впослѣдствіи, собираются въ Москву со всѣхъ сторонъ, изъ Нижняго, изъ Ростова, Мурома, Чернигова, Смоленска, даже изъ Кіева и съ Волыни. Знатные слуги шли по теченію народной массы. Это генеалогическое сказаніе, повторяющееся въ родословныхъ разныхъ фамилій, можно считать, очевидно, лишь отголоскомъ движенія, происходившаго тогда не только въ высшихъ, но и въ низшихъ классахъ общества. Въ Москву, какъ въ центральный водоемъ, со всѣхъ сторонъ стекались народныя силы, благодаря географическому положенію края.

Москву обыкновенно считаютъ географическимъ центромъ Европейской Россіи. Если взять Европейскую Россію въ ея нынѣшнихъ предѣлахъ, это мнѣніе окажется не вполнѣ точнымъ: для того, чтобы быть дѣйствительнымъ центромъ Европейской Россіи, Москвѣ слѣдовало бы стоять нѣсколько восточнѣе и нѣсколько южнѣе. Но надо представить себѣ, какъ размѣщена была масса русскаго населенія въ центральной Руси въ XIII и XIV в.в. Колонизація сбивала это населеніе въ междурѣчье Оки и верхней Волги. Населеніе долго задерживалось здѣсь насильственно, не имѣя возможности выходить отсюда ни въ какую сторону. Распространенію поселенцевъ на сѣверъ за Волгу мѣшало усиленное поперечное движеніе новгородской колонизаціи, пугавшей мирныхъ поселенцевъ разбойничьими ватагами, которыя распространяли предѣлы Новгородской земли на востокъ отъ Новгорода. Лѣтописныя преданія XIII и XIV в.в. говорятъ объ удалыхъ шайкахъ новгородскихъ ушкуйниковъ, разбойничавшихъ по Волгѣ и ея верхнимъ сѣвернымъ притокамъ. На сѣверо-востокъ, востокъ и югъ колонизація изъ центральнаго междурѣчья долго не распространялась успѣшно, встрѣчая отпоръ со стороны Мордвы, Татаръ и разбойничавшихъ за Волгой

Вятчанъ; а на западѣ въ XIV в. стояла уже объединившаяся Литва, готовясь къ своимъ первымъ сильнымъ нападеніямъ на центральную Русь. Такъ, принесенное колонизаціей русское населеніе долго было сперто въ междурѣчьѣ Оки и верхней Волги. Москва и возникла въ срединѣ этого пространства, сравнительно густо заселеннаго, гдѣ населеніе долго скоплялось и насильственно задерживалось. Москву, слѣдовательно, можно считать если не географическимъ, то этнографическимъ центромъ Руси, какъ размѣщена была эта Русь въ XIII и XIV в.в.

Благодаря своему центральному положенію, Москва была со всѣхъ сторонъ прикрыта отъ внѣшнихъ враговъ; внѣшніе удары падали на сосѣдей Москвы, на княжества Рязанское, Нижегородское, Ростовское, Ярославское, Смоленское и рѣдко достигали Москвы. Съ конца XIII столѣтія и въ продолженіе части XIV Московское княжество было едва ли не единственнымъ краемъ на Руси, не испытавшимъ опустошительныхъ внѣшнихъ нашествій. *Это сравнительно болѣе безопасное положеніе края дѣлало его убѣжищемъ для окраиннаго населенія, всюду страдавшаго отъ внѣшнихъ нападеній; а это скопленіе населенія въ краѣ обогощало мѣстнаго князя, увеличивая количество его податныхъ плательщиковъ.* Таковы были причины сравнительно густой населенности края, увеличивавшія доходы мѣстнаго князя.

Географическое положеніе княжества заключало въ себѣ еще одно условіе, содѣйствовавшее его промышленнымъ успѣхамъ. Московскій край съ сѣверо-запада на юго-востокъ діагонально перерѣзывается рѣкою Москвою. Эта рѣка въ старое время была важной торговой дорогой, по которой ходили торговыя суда. Низовьями своими рѣка Москва связываетъ городъ и край

съ бассейномъ Оки, а верховьями своими близко подходитъ къ верхней Волгѣ, связывая, такимъ образомъ, новгородскій сѣверо-западъ съ волжскимъ юго-востокомъ. Остались слѣды, указывающіе на важное торговое значеніе рѣки Москвы въ старое время. На перевалѣ изъ верхней Волги въ рѣку Москву новгородцы очень рано построили небольшой городокъ, Волокъ на Ламѣ (городъ Волоколамскъ). Этотъ Волоколамскъ былъ отдаленной юго-восточной колоніей Новгорода, служившей ему складочнымъ мѣстомъ въ торговыхъ сношеніяхъ его съ бассейномъ Оки и съ областью средней Волги. *Это торговое транзитное движеніе по рѣкѣ Москвѣ и вовлекло край въ новые промышленные обороты, предоставивъ мѣстному князю обильныя матеріальныя средства въ видѣ торговыхъ пошлинъ.*

Таковы были благопріятныя экономическія условія, созданныя географическимъ положеніемъ города и края; но изъ того же положенія Москвы выходилъ и рядъ *важныхъ политическихъ послѣдствій.* Съ географическимъ положеніемъ города Москвы тѣсно было связано генеалогическое положеніе и его князя. Москва по своему положенію въ Суздальской землѣ, какъ городъ новый и окраинный, досталась одному изъ младшихъ князей Всеволодова племени. Младшій князь не могъ питать надежды дожить до старшинства и занять старшій, великокняжескій столъ. Онъ чувствовалъ себя въ положеніи безправнаго князя среди родичей и долженъ былъ обезпечивать свою судьбу иными средствами, независимо отъ преданій старины, отъ очереди старшинства. Московскіе князья съ первыхъ своихъ шаговъ начали дѣйствовать въ этомъ направленіи, начали пользоваться обстоятельствами, не обращая вниманія на счеты старшинства. Прежде всего, они являются зоркими наблюдателями того, что происходитъ вокругъ

нихъ, того, что лежитъ плохо, и прибираютъ это къ своимъ рукамъ. Первые московскіе князья выступаютъ смѣлыми хищниками. Недаромъ одинъ изъ этихъ князей, Михаилъ Ярославичъ, перешелъ въ потомство съ прозвищемъ Хоробрита, т. е. забіяки. Онъ въ 1248 году врасплохъ напалъ на своего дядю, великаго князя Святослава, и, вопреки всякому праву, согналъ его съ владимірскаго стола. Въ 1303 году сынъ Даніила, Юрій, неожиданно напалъ на своего сосѣда, можайскаго князя, взялъ его въ плѣнъ и отхватилъ отъ Смоленскаго княжества городъ Можайскъ. Еще раньше отецъ его сдѣлалъ такое же неожиданное нападеніе на другого сосѣда, рязанскаго князя Константина, «нѣкоею хитростью», т. е. обманомъ, взялъ его въ плѣнъ и привелъ въ Москву. Юрій убилъ этого плѣнника и оторвалъ отъ Рязанскаго княжества Коломну.

Московскіе князья — враги всякаго великаго князя, кто бы онъ ни былъ. Даніилъ всю свою жизнь боролся съ великими князьями, особенно съ Димитріемъ Александровичемъ Переяславскимъ, своимъ старшимъ братомъ. Но по смерти Димитрія онъ вошелъ въ тѣсную дружбу съ его добрымъ сыномъ, бездѣтнымъ Іоанномъ Димитріевичемъ, и послѣдній, умирая въ 1302 году, завѣщалъ свой удѣлъ московскому своему сосѣду, помимо старшихъ своихъ родичей. Такъ, повидимому, самая почва Москвы питала въ ея князьяхъ неуваженіе къ старшинству, презрѣніе къ роднымъ преданіямъ. Но враги старшинства, московскіе князья, были гибкими и сообразительными политиками. Какъ скоро измѣнялись обстоятельства, и они измѣняли свой образъ дѣйствій. Потрясеніе, произведенное на сѣверѣ татарскимъ погромомъ, въ продолженіе XIII вѣка вносило страшный хаосъ въ народное хозяйство на сѣверѣ; но съ XIV в. отношенія здѣсь начали устанавливаться,

народное хозяйство приходитъ въ нѣкоторый порядокъ. Съ тѣхъ поръ и московскіе князья превращаются въ мирныхъ хозяевъ-промышленниковъ. Они заботливо устраиваютъ свой удѣлъ, заводятъ въ немъ правильный хозяйственный порядокъ. Рядъ ихъ духовныхъ грамотъ, идущихъ отъ второго Даніилова сына, Іоанна Калиты, живо рисуетъ это хозяйственное домостроительство князей. Они перезываютъ людей со стороны, толпами покупаютъ русскихъ плѣнниковъ въ Ордѣ, сажаютъ ихъ на свои московскія пустыри, заводятъ поселки и слободы, даютъ щедрыя льготы поселенцамъ. Въ каждой слѣдующей духовной грамотѣ являются новыя села, деревни и слободы, о которыхъ еще не говоритъ предшествующая грамота. Сѣверное русское населеніе привыкло считать Московское княжество образцовымъ удѣломъ, московскаго князя — образцовымъ хозяиномъ. Слѣды этого взгляда сохранились въ одномъ памятникѣ половины XV в. Это сухой генеалогическій перечень князей, начиная отъ Рюрика. Здѣсь мы читаемъ, между прочимъ, что Всеволодъ Большое Гнѣздо родилъ Ярослава; Ярославъ родилъ Александра великаго, храбраго, Александръ—Даніила Московскаго, а Даніилъ—Іоанна Калиту, «иже исправи землю Русскую отъ татей». Слѣдовательно, Іоаннъ Калита перешелъ въ потомство со значеніемъ князя, который первый водворилъ въ своей землѣ общественную безопасность, вывелъ изъ нея воровъ.

Такъ, московскіе князья, благодаря своему генеалогическому положенію, какъ младшіе безправные князья, рано стали вырабатывать своеобразную политику, которая не держалась на преданіяхъ и привычкахъ старины, а приноравливалась къ обстоятельствамъ минуты и наличнымъ средствамъ. Помощью этой политики московскіе князья въ XIV и первой половинѣ XV вѣка достигаютъ важныхъ политическихъ результатовъ.

Политическіе и національные успѣхи московскихъ князей до половины XV вѣка.

Итакъ, условій роста удѣльнаго московскаго княжества въ XIV вѣкѣ было два: 1) географическое и этнографическое положеніе московскаго края; 2) генеалогическое положеніе его князей. Первое изъ этихъ условій сопровождалось послѣдствіями экономическими, которыя давали въ руки московскимъ князьямъ богатыя хозяйственныя средства для дѣйствія, а второе условіе указало имъ, какъ всего выгоднѣе пустить въ оборотъ эти средства, помогло выработать своеобразную политику, основанную не на преданіяхъ старины, не на родственныхъ или какихъ-нибудь иныхъ воспоминаніяхъ, а на расчетливомъ соображеніи обстоятельствъ минуты. Пользуясь этими средствами и держась такой политики, московскіе князья въ XIV и первой половинѣ XV в. достигли важныхъ политическихъ успѣховъ.

I. Благодаря своимъ средствамъ и своему образу дѣйствій, *московскіе князья постепенно выводили свое княжество изъ первоначальныхъ тѣсныхъ его предѣловъ.* Въ самомъ началѣ XIV в. на сѣверѣ не было болѣе миніатюрнаго удѣла, чѣмъ московскій: онъ не обнималъ даже нынѣшней Московской губерніи. Къ числу его первоначальныхъ владѣній не принадлежали: Дмитровъ, Клинъ, Волоколамскъ, Можайскъ, Коломна, Верея. Даже послѣ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ Юріемъ, московскій удѣлъ былъ еще очень незначителенъ. Въ первой своей духовной грамотѣ, составленной около 1327 г., Іоаннъ Калита перечисляетъ всѣ свои вотчинныя владѣнія; онъ называетъ лишь пять или шесть городовъ: Москву, Можайскъ, Коломну, Звенигородъ, Серпуховъ и Рузу (если только Руза была въ то время

городомъ) и 51 сельскую волость, среди которыхъ разбросаны были 42 дворцовыхъ княжескихъ села. Вотъ весь удѣлъ Іоанна Калиты около того времени, когда онъ сталъ великимъ княземъ.

Но у московскаго князя были свободныя деньги, а тяжелыя условія тогдашняго землевладѣнія приготовили ему множество земельныхъ продавцовъ (простыхъ землевладѣльцевъ, даже князей), старавшихся развязаться со своими владѣніями. Московскіе князья усердно скупали продававшіяся дешево земли у митрополита, у приходскихъ церквей и монастырей, у бояръ и другихъ частныхъ лицъ. Эти земли, села и деревни покупали московскіе князья не только въ своемъ, но и въ чужихъ удѣлахъ. Ихъ земельная стяжательность не ограничивалась покупкою селъ и деревень: уже Іоаннъ Калита купилъ три удѣльныхъ города съ округами (Бѣлозерскъ, Галичъ и Угличъ).

Преемники Іоанна Калиты продолжали это мозаическое собираніе Руси и также десятками пріобрѣтали села, даже города. Рядомъ съ полюбовными сдѣлками у нихъ идутъ уже и насильственные захваты. Московскій князь платилъ деньги хану за какое нибудь княжество, ему не принадлежащее, и потомъ, съ помощью Татаръ, выгонялъ владѣльца изъ его вотчины. Такъ, преемникъ Димитрія Донского, великій князь Василій, купилъ въ Ордѣ Тарусу, Муромъ и цѣлое Нижегородское княжество и съ помощью Татаръ выгналъ владѣльцевъ этихъ княжествъ изъ ихъ владѣній. Эти пріобрѣтенія въ продолженіе XIV—XV в.в. значительно расширили Московское княжество. При Іоаннѣ Калитѣ, судя по его духовной, московскій удѣлъ далеко не заключалъ въ себѣ и 500 кв. м. (Какъ извѣстно, вся Московская губернія содержитъ только 590 кв. м.). Расчитывая пространство московскихъ владѣній, пере-

численное въ духовной великаго князя Василія Темнаго (1462 г.), можно утвердительно сказать, что территорія Московскаго княжества простиралась тогда по меньшей мѣрѣ на 15.000 кв. м. Такъ, въ половинѣ XV в., прежде маленькій, московскій удѣлъ могъ уже поравняться съ самымъ обширнымъ изъ великихъ княжествъ, тогда существовавшихъ на Руси.

II. Пользуясь своими средствами и расчетливой фамильной политикой, *московскіе князья въ XIV в. постепенно выступаютъ изъ положенія безправныхъ удѣльныхъ князей.* Младшіе, но богатые, князья эти выступали на борьбу со старшими за великокняжескій столъ. Главными соперниками ихъ были князья тверскіе, старшіе ихъ родичи. Дѣйствуя во имя силы, а не права, московскіе князья долго не имѣли успѣха въ этой борьбѣ. Второй изъ нихъ, Юрій, погубилъ своего соперника Михаила Ярославича Тверского въ Ордѣ, но скоро самъ сложилъ тамъ свою голову. Однако окончательное торжество осталось за Москвою, потому что средства боровшихся сторонъ были не равны. На сторонѣ тверскихъ князей было право старшинства и таланты, средства историческія и нравственныя, на сторонѣ Москвы—деньги и умѣніе примѣняться къ обстоятельствамъ, т. е. средства матеріальныя и практическія, житейскія. Тверскіе князья въ XIV в. считали возможнымъ бороться съ Татарами и призывали русскихъ князей «другъ за друга и братъ за брата стоять, а Татарамъ не выдавать и всѣмъ вмѣстѣ оборонять Русскую землю и всѣхъ православныхъ христіанъ». Въ 1327 г. Тверской князь Александръ Михаиловичъ не выдержалъ и, поднявшись со всѣмъ городомъ противъ Татаръ, истребилъ находящихся въ Твери пословъ хана со всею ихъ свитою. Московскіе князья иначе смотрѣли на положеніе дѣлъ. Они вовсе

не думали о борьбѣ съ Татарами: они видѣли, что въ Ордѣ гораздо большаго можно добиться деньгами, чѣмъ оружіемъ, и усердно ухаживали за ханами, дѣлая ихъ орудіемъ своихъ замысловъ. Никто изъ князей чаще Калиты не ѣздилъ въ Орду, и онъ считался тамъ желаннымъ гостемъ, потому что пріѣзжалъ не съ пустыми руками. Татары привыкли уже думать, что когда пріѣдетъ московскій князь на Волгу, будутъ деньги и у великаго хана, и у его многочисленныхъ ханшъ, и у всѣхъ именитыхъ мурзъ Золотой Орды. Благодаря этому, московскій князь пріобрѣлъ великокняжеское достоинство помимо права старшинства. Наказать тверичей за возстаніе ханъ поручилъ Калитѣ и за точное исполненіе приказа наградилъ его великокняжескимъ столомъ, который съ тѣхъ поръ уже никогда не выходилъ изъ подъ московскихъ князей.

III. Ставъ великимъ княземъ, *московскій князь первый началъ выводить Сѣверную Русь изъ состоянія удѣльнаго раздробленія.* До тѣхъ поръ сѣверные князья оставались чуждыми другъ другу владѣльцами. Вокругъ Іоанна Калиты впервые образуется княжескій союзъ, дѣйствующій подъ его руководствомъ. Сначала этотъ союзъ былъ финансовый и принудительный. Ханъ поручилъ Калитѣ собирать ордынскую дань съ нѣсколькихъ удѣльныхъ князей и доставлять ее въ Орду. Такъ, московскіе князья становятся финансовыми приказчиками хана. Но при дѣтяхъ Калиты этотъ союзъ расширяется и получаетъ политическій характеръ. Великій князь московскій получаетъ отъ хана судебную власть надъ цѣлымъ рядомъ удѣльныхъ и даже нѣсколькихъ великихъ князей. Когда сыновья Калиты пріѣхали въ Орду послѣ смерти отца въ 1341 г., ханъ Узбекъ принялъ ихъ съ честью и любовью, потому что очень любилъ и чтилъ ихъ отца. Татаринъ поучалъ сыновей Калиты, какъ

имъ жить и исполнять его приказанія, обѣщалъ не слушать ничьихъ навѣтовъ на нихъ и никому мимо ихъ не отдавать великаго княженія. Старшему сыну, Симеону, отданы были «подъ руки» всѣ князья русскіе. По замѣчанію лѣтописца, этотъ князь «былъ у хана въ великомъ почтеніи, и всѣ князья: и рязанскіе и тверскіе, и ростовскіе, столь подручны были, что все по его слову творили». Преемникъ и братъ Симеона, великій князь Іоаннъ, получилъ отъ хана не только великокняжеское значеніе, но и поставленъ былъ главнымъ судьею надъ русскими князьями: ханъ велѣлъ всѣмъ князьямъ русскимъ слушаться великаго князя Іоанна и у него судиться, а въ обидахъ жаловаться на него хану.

Въ княженіе Димитрія Донского этотъ политическій союзъ, руководимый московскими князьями, получилъ національное значеніе. Когда возобновилась борьба Москвы съ Тверью, тверской князь Михаилъ Александровичъ искалъ себѣ опоры въ Литвѣ и даже въ Ордѣ, чѣмъ и погубилъ популярность, какою до той поры пользовались тверскіе князья въ населеніи Сѣверной Руси. Благодаря этому, новый рядъ князей сталъ добровольно подъ московскую руку. Въ 1375 г. въ походѣ на Тверь къ московскимъ полкамъ присоединились 19 князей, изъ которыхъ многіе сердились на тверского князя за то, что онъ неоднократно наводилъ на Русь Литву, столько зла надѣлавшую христіанамъ, и, наконецъ, соединился съ самимъ Мамаемъ. Любопытно, что въ числѣ этихъ союзниковъ Донского мы встрѣчаемъ не только его давнихъ подручниковъ (сѣверныхъ удѣльныхъ князей), но и дальнихъ князей южныхъ, напр., князей новосильскаго, брянскаго, оболенскаго и др. Наконецъ, почти вся Сѣверная Русь становится въ 1380 г. подъ руководительство Москвы на Куликовомъ полѣ и

здѣсь подъ московскими знаменами одерживаетъ первую народную побѣду надъ погаными. Это сообщило московскому князю значеніе *національнаго вождя* Сѣверной Руси въ ея борьбѣ съ внѣшними врагами.

IV. Національное значеніе, пріобрѣтенное московскими князьями, было еще завершено и скрѣплено церковнымъ благословеніемъ, присвоеніемъ Москвѣ значенія *церковной столицы* Руси. Дѣйствуя во главѣ все расширявшагося и укрѣплявшагося союза князей, московскій князь въ то же самое время опирался на содѣйствіе высшей церковной силы. Въ пріобрѣтеніи этого содѣйствія ему много помогло то же географическое положеніе Москвы, изъ котораго онъ извлекъ столько экономическихъ и политическихъ выгодъ. Послѣ татарскаго разгрома, вслѣдъ за отливавшимъ на сѣверъ населеніемъ, ушелъ изъ Кіева отъ Татаръ и глава Русской Церкви—митрополитъ. Лѣтопись разсказываетъ, что въ 1299 году митрополитъ Максимъ, не стерпѣвъ насилія татарскаго, собрался со всѣмъ своимъ клиросомъ и уѣхалъ во Владиміръ на Клязьму; тогда же и весь городъ Кіевъ, добавляетъ лѣтопись, разбѣжался. Такимъ образомъ, русская митрополія была перенесена на дальній сѣверо-востокъ. Но южно-русская паства въ то тяжелое время особенно нуждалась въ церковномъ пастырѣ; поэтому русскіе митрополиты по переселеніи на Клязьму часто путешествовали изъ Владиміра на югъ. Въ этихъ поѣздкахъ они останавливались на перепутьѣ въ городѣ Москвѣ. Такъ завязалась дружба между митрополитомъ Петромъ и мѣстнымъ вотчинникомъ Калитой. Можетъ быть у святителя не было рѣшительнаго намѣренія перенести свою каѳедру съ Клязьмы на берега Москвы, но онъ подолгу живалъ въ Москвѣ и при содѣйствіи князя заложилъ здѣсь новую соборную церковь (Успенія Пресвятой Богородицы) и здѣсь же скончался въ 1326 г.

Эта случайность повлекла за собой важную церковную административную перемѣну. Преемникъ Петра, грекъ Өеогностъ, счелъ это для себя завѣтомъ, уже не захотѣлъ жить на Клязьмѣ и окончательно поселился въ московскомъ подворьѣ митрополита Петра, при гробѣ чудотворца. Такъ, Москва сдѣлалась церковной столицей Россіи гораздо раньше, чѣмъ стала столицей политической. Нити церковной жизни, далеко расходившіяся по всей Русской землѣ, теперь сосредоточивались въ этомъ городѣ.

Сосредоточеніе церковной жизни въ Москвѣ должно было содѣйствовать ея обогащенію. Но еще важнѣе было для нея нравственное впечатлѣніе, которое произведено было на населеніе Сѣверной Руси совершившейся перемѣной. Слѣдъ этого впечатлѣнія отмѣтилъ лѣтописецъ въ разсказѣ о перемѣщеніи митрополичьей каѳедры на берега Москвы: «инымъ же княземъ многимъ немного сладостно бѣ, еже градъ Москва митрополита имяше въ себѣ живуща». Другой слѣдъ впечатлѣнія мы встрѣчаемъ въ одномъ памятникѣ конца XIV или начала XV в. Святитель Петръ умеръ страдальцемъ за Русскую землю; много разъ онъ странствовалъ въ Орду, ходатайствуя за свою паству, и много потерпѣлъ тамъ отъ Татаръ. Сѣверная Русь клялась его именемъ уже въ концѣ XIV вѣка. Жизнь этого святителя была описана его другомъ и современникомъ, ростовскимъ епископомъ Прохоромъ. Этотъ біографъ кратко и просто разсказываетъ, что святитель скончался въ Москвѣ въ отсутствіе московскаго князя Калиты. Одинъ изъ преемниковъ Петра, сербъ Кипріанъ, написалъ въ концѣ XIV или въ началѣ XV вѣка другую, болѣе витіеватую біографію святителя. Здѣсь читаемъ совсѣмъ другое описаніе кончины его. Петръ скончался въ присутствіи московскаго князя. Городъ Москва, замѣчаетъ біографъ, былъ тогда немногонароденъ и малъ, не такой, какимъ

мы видимъ его теперь. Передъ смертью святитель Петръ обратился къ московскому князю съ увѣщаніемъ достроить основанную соборную церковь (Успенскій храмъ) и при этомъ будто бы изрекъ такое пророчество: «если, сынъ, меня послушаешь и церковь святой Богородицы воздвигнешь и меня упокоишь въ своемъ городѣ, то и самъ прославишься болѣе другихъ князей, и сыновья, и внуки твои, и городъ этотъ славенъ будетъ среди всѣхъ городовъ русскихъ, и святители станутъ жить въ немъ, и взойдутъ руки на плечи враговъ его, да и кости мои въ немъ положены будутъ». Очевидно, эта легенда, неизвѣстная его современнику, заимствована была Кипріаномъ изъ мѣстнаго народнаго преданія, сложившагося въ продолженіе XIV вѣка.

Подъ вліяніемъ дружнаго содѣйствія высшей церковной власти, политическіе успѣхи московскихъ князей, пріобрѣтенные не всегда чистыми средствами, освящались въ народномъ представленіи благословеніемъ высшаго пастыря Русской Церкви. Церковное общество стало сочувственно смотрѣть на князя, жившаго въ такомъ ладу со святымъ владыкой. Это сочувствіе со стороны церковнаго общества, можетъ быть, всего болѣе содѣйствовало росту политическаго и національнаго значенія московскаго князя. Слѣды этого сочувствія мы находимъ и въ другомъ, нѣсколько позднѣйшемъ, памятникѣ. Около половины XV в. подвизался въ основанномъ имъ монастырѣ высокоуважаемый въ свое время Пафнутій Боровскій, одинъ изъ суровѣйшихъ характеровъ того вѣка. Онъ любилъ разсказывать ученикамъ, что видѣлъ и слышалъ на своемъ вѣку. Между прочимъ, онъ разсказывалъ, какъ въ 1427 г. былъ моръ великій на Руси, «мерли болячкой—прыщемъ». Обмирала, де, тогда одна инокиня и, очнувшись, разсказывала, кого видѣла въ раю и кого въ аду; и о комъ что раз-

сказывала, разсудивъ по ихъ жизни, нашли, что правда. Видѣла она въ раю великаго князя Іоанна Калиту; прозванъ онъ такъ, добавляетъ повѣствователь, потому, что былъ нищелюбивъ и всегда носилъ за поясомъ мѣшокъ съ деньгами (калиту), изъ котораго и подавалъ нищимъ, сколько вынется. Очевидно, ироническое прозваніе, данное современниками князю-скопидому, въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ получило уже нравственное значеніе. Подходитъ разъ къ князю нищій и получаетъ милостыню, подходитъ въ другой разъ и князь даетъ ему другую милостыню; нищій подходитъ въ третій разъ, князь не стерпѣлъ и, давая третью милостыню, сказалъ ему: «на, возьми, несытыя зенки!»—«Самъ ты несытыя зенки, возразилъ ему нищій: и здѣсь царствуешь, и на томъ свѣтѣ хочешь царствовать». Это тонкая хвала въ грубой формѣ. Нищій хотѣлъ сказать, что князь милостыней, нищелюбіемъ старается заработать себѣ царство небесное. «Изъ этого и стало ясно», продолжаетъ разсказчикъ, «что нищій посланъ былъ отъ Бога искусить князя и возвѣстить ему, что по Бозѣ бяше дѣло его, еже творитъ». Видѣла еще инокиня въ аду Витовта короля, въ образѣ великаго человѣка; ему черный страшный муринъ (бѣсъ) клалъ въ ротъ клещами раскаленные червонцы, приговаривая: «наѣдайся же, окаянный».

Добродушный юморъ, которымъ проникнуты эти разсказы, не позволяетъ сомнѣваться въ ихъ народномъ происхожденіи. Не смущайтесь хронологіей разсказа, не останавливайтесь на томъ, что въ 1427 г. инокиня не могла даже видѣть въ аду Витовта, который умеръ въ 1430 году. Но народное сказаніе, забывая хронологію, противопоставляетъ литовскаго короля, врага Руси и православія, Іоанну Даніиловичу Калитѣ, другу нищей, меньшей братіи, правнукъ котораго, Ва-

силій Димитріевичъ, сдержалъ напоръ этого грознаго короля на православную Русь. Церковный колоритъ, которымъ окрашены приведенные разсказы, указываетъ на участіе духовенства въ ихъ созданіи. Нигдѣ, ни въ какомъ другомъ литературномъ памятникѣ, не найти болѣе осязательнаго выраженія чувствъ народныхъ къ Москвѣ, очевидно, поддержанныхъ духовенствомъ.

Мы видѣли, какъ сѣверная легенда заставляетъ пророчествовать митрополита Петра его другу Калитѣ о будущей политической судьбѣ его дома и княжества. Народное воображеніе овладѣло этой дружбой, столько содѣйствовавшей популярности московскаго князя. Въ тѣхъ же повѣстяхъ о Пафнутіи находимъ маленькій, но выразительный разсказъ. Разъ Калита видѣлъ во снѣ гору высокую, покрытую снѣгомъ, который растаялъ на его глазахъ, и потомъ сама гора исчезла. Князь обратился къ Петру за разъясненіемъ сна и тотъ сказалъ ему: «гора—это ты, князь; а снѣгъ на вершинѣ—это я, старикъ, который умру раньше тебя». Такъ, къ политическимъ успѣхамъ московскаго княжества присоединилось еще и поддерживающее ихъ сочувствіе церковнаго общества.

V. Наконецъ, пріобрѣтеніе московскимъ княземъ великокняжескаго званія произвело сильное впечатлѣніе на Сѣверную Русь еще однимъ своимъ послѣдствіемъ. Мирный устроитель своего удѣла, пользовавшагося наибольшей тишиной и безопасностью сравнительно съ другими княжествами, московскій князь далъ почувствовать выгоду своей политики и другимъ частямъ Сѣверной Руси. Лѣтопись съ удареніемъ отмѣчаетъ, что *съ того времени, какъ московскій князь получилъ отъ хана великокняжескій столъ, Русь начала отдыхать отъ постоянныхъ погромовъ, какіе она терпѣла.* Разсказывая о возвращеніи Іоанна Даніиловича

изъ Орды съ пожалованіемъ отъ хана въ 1328 г., лѣтопись прибавляетъ: «бысть оттолѣ тишина велика по всей Русской землѣ на 40 лѣтъ и престаша Татарове воевати землю Русскую». Значитъ, время съ 1328 по 1369 г., когда въ первый разъ напалъ на Русь литовскій князь Ольгердъ, было для Сѣверной Руси порою отдыха, и за этотъ отдыхъ она благодарила Москву.

Соединяя всѣ изложенные факты, можно опредѣлить отношеніе, какое установилось въ сѣверномъ русскомъ населеніи къ великому князю московскому. Подъ вліяніемъ событій вѣка въ этомъ населеніи долженъ былъ утвердиться троякій взглядъ на Москву и ея князя. 1) Здѣсь привыкли смотрѣть на московскаго князя, какъ на образцоваго хозяина-правителя, установителя земской тишины и гражданскаго порядка, а на Московское княжество—какъ на исходный пунктъ новаго порядка земскихъ отношеній, первымъ плодомъ котораго и было установленіе бо̀льшей внутренней тишины и безопасности. 2) На московскаго князя привыкли смотрѣть, какъ на народнаго вождя Руси въ борьбѣ съ внѣшними врагами, а на Москву, какъ на виновницу первыхъ народныхъ успѣховъ надъ невѣрною Литвой и погаными «сыроядцами» агарянами. 3) Наконецъ, въ московскомъ князѣ Сѣверная Русь привыкла видѣть старшаго сына Церкви, ближайшаго друга и сотрудника главнаго русскаго іерарха, а на Москву привыкли смотрѣть, какъ на городъ, въ которомъ сосредоточились нити церковной русской жизни, къ которому привязаны были религіозные интересы народа, и на которомъ покоилось особенное благословеніе перваго святителя Русской земли, митрополита Петра.

Такое значеніе пріобрѣлъ къ половинѣ XV в. удѣльный князь, который полтораста лѣтъ назадъ былъ мелкимъ хищникомъ, подстерегавшимъ своихъ сосѣдей.

Внутреннія отношенія между московскими князьями.

Начавъ изучать исторію Московскаго княжества въ XIV и первой половинѣ XV в., мы прослѣдили территоріальныя пріобрѣтенія и національные успѣхи его; но это былъ лишь одинъ изъ процессовъ, создавшихъ могущество Москвы. Національный и территоріальный ростъ Московскаго княжества сопровождался еще политическимъ ростомъ его князя. Въ то время какъ Московское княжество вбирало въ себя разъединенныя части Русской земли, его князь въ своемъ лицѣ собиралъ раздробленные элементы верховной власти; и какъ первый процессъ превратилъ Московское княжество въ національное Русское государство, такъ результатомъ второго было превращеніе московскаго князя, одного изъ многихъ удѣльныхъ, въ единственнаго русскаго государя. Этотъ второй процессъ намъ и предстоитъ изучить. Чтобы лучше понять этотъ процессъ, надо еще разъ представить себѣ порядокъ княжескаго владѣнія, дѣйствовавшій въ Московскомъ, какъ и въ другихъ княжествахъ.

Слѣдя за успѣхами Москвы, мы видимъ дѣятельность московскаго великаго князя; но московскій великій князь былъ не единственнымъ, а только старшимъ изъ московскихъ князей. Вотчина московскихъ Даніиловичей не была цѣльной политической единицей; подобно вотчинамъ другихъ княжескихъ линій, она представляла группу независимыхъ удѣльныхъ княжествъ. Въ то время какъ начиналась объединительная роль Москвы, въ семьѣ ея князей еще вполнѣ дѣйствовали старыя удѣльныя отношенія. Но по мѣрѣ того, какъ расширялись владѣнія и внѣшнее значеніе Москвы,

измѣнялись и внутреннія отношенія между московскимъ великимъ княземъ и его младшими удѣльными родичами и измѣнялись въ пользу перваго. Чтобы изучить ходъ этого измѣненія, мы разсмотримъ сначала порядокъ наслѣдованія, дѣйствовавшій въ семьѣ московскихъ князей съ половины XIV в., а потомъ взаимныя отношенія князей—наслѣдниковъ по владѣнію.

I. Порядокъ наслѣдованія.

Порядокъ наслѣдованія, установившійся между московскими князьями XIV и XV вв., открывается изъ длиннаго ряда дошедшихъ до насъ ихъ духовныхъ грамотъ. Начиная съ Калиты и до Іоанна III, каждый московскій князь оставлялъ послѣ себя духовную грамоту, большая часть князей даже по двѣ, иные по три духовныя грамоты. Такимъ образомъ въ этихъ грамотахъ, которыхъ до Іоанна III насчитывается до 16, мы имѣемъ обильный матеріалъ для изученія порядка наслѣдованія. Самое появленіе этихъ грамотъ уже достаточно характеризуетъ московскій порядокъ наслѣдованія. Если наслѣдованіе каждый разъ опредѣлялось завѣщаніемъ князя-владѣльца, значитъ не существовало обязательныхъ правилъ, которыми устанавливался бы постоянный и однообразный порядокъ наслѣдованія, независимо отъ усмотрѣнія лицъ. Итакъ, *наслѣдованіе по завѣщанію—вотъ самая существенная черта, соотвѣтствующая юридической сущности этого владѣнія, основаніемъ котораго была мысль о княжествѣ, какъ личной собственности князя*. Наслѣдниками по этимъ духовнымъ грамотамъ являются прежде всего сыновья завѣщателя; за отсутствіемъ сыновей—его братья, наконецъ, жена, даже при сыновьяхъ и при братьяхъ. Великій князь Іоаннъ Калита раздѣлилъ свою вотчину на 4 части, изъ которыхъ 3 отдалъ своимъ сыновьямъ, а четвертую

второй своей женѣ съ дочерьми. Сынъ его, великій князь Симеонъ, умирая бездѣтнымъ, завѣщалъ весь удѣлъ женѣ, помимо братьевъ. Княжескія вдовы постоянно участвуютъ въ наслѣдствѣ; онѣ получаютъ отъ князей-завѣщателей, своихъ мужей, владѣнія двоякаго рода: 1) «опричнины», т. е. владѣнія, принадлежавшія имъ на правахъ полной собственности; 2) «прожитки», которыми онѣ пользовались лишь до своей смерти. Это *постоянное участіе княгинь-вдовъ въ наслѣдствѣ составляло вторую черту юридическаго характера княжескаго владѣнія, какъ частной собственности владѣльца.*

Еще яснѣе вскрывается этотъ юридическій характеръ удѣльнаго княжества въ порядкѣ раздѣла его частей между наслѣдниками. Вотчина завѣщателя не дѣлилась по завѣщанію на сплошныя пространства; въ раздѣлѣ господствовала чрезвычайная черезполосица. Причиной этого былъ самый способъ раздѣла. Московское княжество состояло изъ нѣсколькихъ пластовъ или разрядовъ владѣній, различавшихся между собою по своему хозяйственному значенію или историческому происхожденію. Эти разряды великій князь Димитрій Донской перечисляетъ въ своей духовной въ такомъ порядкѣ: городъ Москва, которая обыкновенно отдавалась въ совмѣстное владѣніе всѣмъ сыновьямъ-наслѣдникамъ, дворцовыя села подмосковныя, дворцовыя села въ чужихъ, не московскихъ удѣлахъ и въ великокняжеской области Владимірской, затѣмъ остальныя владѣнія, города и сельскія волости, притомъ, сначала владѣнія московскія старинныя и, наконецъ, позднѣйшія московскія пріобрѣтенія.

Каждый наслѣдникъ получалъ особую долю въ каждомъ изъ этихъ разрядовъ московскихъ владѣній, точно такъ же, какъ онъ получалъ особую долю въ каждомъ

разрядѣ движимаго имущества завѣщателя. Какъ всякому сыну отецъ-завѣщатель назначалъ изъ своей домашней рухляди особую шапку, шубу и кафтанъ съ кушакомъ, такъ каждый наслѣдникъ получалъ особый жребій въ городѣ Москвѣ и въ подмосковныхъ дворцовыхъ селахъ, особую долю въ старинныхъ московскихъ владѣніяхъ и въ новыхъ промыслахъ. Это безразличіе въ раздѣлѣ движимаго имущества, домашней рухляди и вотчинныхъ владѣній составляетъ третью отличительную черту въ юридическомъ характерѣ удѣльнаго московскаго владѣнія. *Князь-завѣщатель дѣлилъ такъ черезполосно свою вотчину, очевидно, по хозяйственнымъ, а не по политическимъ соображеніямъ. Онъ смотрѣлъ на свои владѣнія, какъ на различныя статьи своего хозяйства, а не какъ на общество, связанное одними интересами и цѣлями.*

Даже по своей формѣ духовныя грамоты московскихъ князей совершенно походили на завѣщанія частныхъ лицъ того времени. Раскроемъ, напримѣръ, первую духовную грамоту перваго московскаго великаго князя, Іоанна Калиты, составленную около 1328 г., когда онъ собирался ѣхать въ Орду. Грамота эта начинается такими словами: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, се азъ грѣшный, худый рабъ Божій Иванъ, пишу грамоту душевную, идя въ Орду, никѣмъ не нуженъ (никѣмъ не принуждаемъ), цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемъ здоровьѣ. Яже Богъ что разгадаетъ о моемъ животѣ, даю рядъ сыномъ своимъ и княгинѣ своей. Приказываю сыномъ своимъ отчину свою Москву, а се есмь имъ раздѣлъ учинилъ» (т. е. городъ Москву я отдаю всѣмъ сыновьямъ въ совмѣстное владѣніе, а вотъ что даю имъ каждому въ отдѣльности). Затѣмъ перечисляются города, села и волости, составлявшіе удѣлъ каждаго сына. Какъ завѣщанія частныхъ лицъ совершались при свидѣте-

ляхъ и скрѣплялись духовной властью, такъ и духовныя грамоты московскихъ великихъ князей писались при «послухахъ», которыми обыкновенно были ихъ бояре, и подписывались московскимъ митрополитомъ. Итакъ, основными чертами господствовавшаго среди московскихъ князей порядка наслѣдованія были: 1) личная воля завѣщателя, какъ единственное основаніе этого порядка; 2) участіе въ раздѣлѣ наслѣдства всѣхъ членовъ семьи князя-завѣщателя, и 3) полное юридическое безразличіе движимаго и недвижимаго имущества, домашней рухляди и территоріальныхъ владѣній.

2. Отношенія князей по владѣнію.

Теперь посмотримъ, какія отношенія устанавливались между князьями-сонаслѣдниками, когда закрывалъ глаза ихъ отецъ-завѣщатель, и они вступали во владѣніе доставшимися имъ жеребьями. Эти отношенія можно изучить по договорнымъ грамотамъ московскихъ князей, которыхъ до насъ дошло нѣсколько десятковъ отъ XIV и XV вв. По этимъ грамотамъ каждый удѣльный князь является полнымъ хозяиномъ доставшагося ему удѣла; онъ владѣетъ имъ вполнѣ независимо, какъ владѣлъ своей отчиной его отецъ. Формулой этой независимости можно признать слова великаго князя Димитрія Донского въ договорной грамотѣ его съ двоюроднымъ братомъ, удѣльнымъ княземъ Серпуховскимъ, Владиміромъ Андреевичемъ (1388 г.): «тобѣ знати своя отчина, а мнѣ знати своя отчина». На основаніи этой формулы и опредѣляются взаимныя отношенія князей-сонаслѣдниковъ по владѣнію. Каждый князь обязывался не вмѣшиваться въ удѣльныя дѣла другого, не могъ безъ разрѣшенія владѣльца пріобрѣтать земли въ чужомъ удѣлѣ, не могъ даже безъ позволенія мѣстнаго владѣльца проѣхать чрезъ его владѣнія «на свою утѣху», т. е. на охоту.

Но при изложенномъ выше порядкѣ раздѣла между наслѣдниками княжескихъ вотчинъ и при частныхъ способахъ пріобрѣтенія земель князьями, обыкновенно бывало такъ, что одинъ князь владѣлъ селами и деревнями въ удѣлѣ другого. Такимъ образомъ, извѣстное село имѣло двухъ владѣльцевъ, территоріальнаго и юридическаго. Положеніе такихъ селъ опредѣлялось условіемъ договорныхъ грамотъ, которое имѣло характеръ обычнаго правила: «судомъ и данью тянуть по землѣ и по водѣ», т. е. такія села были подсудны и платили дань, прямой поземельный налогъ, мѣстному территоріальному владѣльцу, въ удѣлѣ котораго они находились, а не тому князю, которому принадлежали на правѣ частной собственности. Впрочемъ, и это правило допускало исключеніе: иногда села князя, находившіяся въ чужомъ удѣлѣ, данью тянули къ мѣстному территоріальному владѣльцу, а по суду зависѣли отъ своего князя-собственника. Итакъ, *каждый удѣльный князь былъ независимымъ владѣльцемъ своего удѣла.*

Но легко понять, что удѣльные князья извѣстной княжеской линіи не могли стать вполнѣ чуждыми другъ другу. Это родство устанавливало между князьями извѣстныя связи. Обыкновенно это были родные или двоюродные братья или дяди съ племянниками. Обыкновенно въ договорныхъ грамотахъ они обязывались «быть всѣмъ за одинъ до живота»; младшіе удѣльные князья обязывались чтить старшаго вмѣсто отца; старшій обязывался держать младшихъ братьевъ въ братствѣ, безъ обиды и заботиться о дѣтяхъ ихъ, когда они осиротѣютъ. Но легко видѣть, что все это родственныя, а не владѣльческія отношенія; притомъ, это скорѣе нравственныя обѣщанія, чѣмъ политическія обязательства. Существовали ли какія либо обязательныя отношенія

по владѣнію, т. е. политическія связи? По договорнымъ грамотамъ мы видимъ, что старшій, великій князь не имѣлъ постояннаго обязательнаго политическаго авторитета для младшихъ своихъ родичей. Притомъ, тогда не было уже на Руси и единаго великаго князя; съ развитіемъ удѣльнаго порядка владѣнія раздѣлилось и великокняжеское достоинство. Князья-владѣтели тогдашней Сѣверной Руси принадлежали къ различнымъ княжескимъ линіямъ, большая часть которыхъ шла отъ Всеволода III Суздальскаго. Каждая обособившаяся княжеская линія имѣла своего великаго князя. Такъ, у князей тверскихъ былъ свой великій князь, также у ростовскихъ, ярославскихъ, рязанскихъ и другихъ линій. Правда, первымъ изъ этихъ великихъ князей можно было считать великаго князя московскаго, потому что съ Іоанна Калиты онъ владѣлъ и великокняжеской Владимірской областью, которая въ XIII в. была общимъ достояніемъ Всеволодова племени, и которою по очереди владѣли старшіе изъ Всеволодовичей. Но въ XIV в., подъ вліяніемъ началъ, на которыхъ былъ построенъ удѣльный порядокъ владѣнія, и Владимірское великое княжество утратило свой прежній характеръ общаго достоянія всѣхъ князей. Въ духовной своей 1389 г. великій князь Димитрій Донской включилъ Владимірскую область въ составъ своей наслѣдственной вотчины. Такъ исчезъ послѣдній остатокъ прежняго нераздѣльнаго княжескаго владѣнія.

Постоянныхъ владѣльческихъ связей между князьями старшимъ и младшими въ каждой линіи не существовало, судя по договорнымъ московскимъ грамотамъ; завязывались лишь связи временныя. Эти временныя связи вытекали либо изъ потребностей внѣшней обороны, либо изъ отношеній къ Ордѣ. Въ интересахъ внѣшней безопасности князья-родственники обыкновенно

составляли наступательный и оборонительный союзъ другъ съ другомъ. Въ договорныхъ грамотахъ младшіе удѣльные князья говорили своему старшему: «быти тебѣ съ нами, а намъ съ тобой». Великій князь обязывался не заключать договоровъ безъ вѣдома младшихъ и наоборотъ. Великій князь и младшіе его родичи обязывались имѣть общихъ друзей и общихъ враговъ. Старшій говорилъ въ грамотѣ младшимъ: «сяду я на коня (пойду въ походъ), и вамъ садиться на коней; когда я самъ не пойду, а васъ пошлю, вамъ итти безъ ослушанія». Но это были временныя условія, какія заключаются между вполнѣ независимыми владѣтелями по международному праву; притомъ, условія эти измѣнялись съ каждымъ поколѣніемъ князей, даже съ каждой перемѣной въ наличномъ составѣ ихъ. Благодаря этой измѣнчивости договорныхъ отношеній, до насъ и сохранилось отъ тѣхъ вѣковъ такое множество договорныхъ грамотъ. Великій князь Василій Темный только съ двоюродными братьями своими, удѣльными князьями можайскими, Іоанномъ и Михаиломъ Андреевичами, заключилъ въ продолженіе своего княженія 17 договоровъ; еще болѣе договоровъ пришлось заключить тому же великому князю со своимъ дядей, Юріемъ Галицкимъ, и его сыновьями, Василіемъ Косымъ и Димитріемъ Краснымъ (Шемякой).

Другой рядъ владѣльческихъ отношеній между князьями завязывался подъ вліяніемъ ихъ зависимости отъ Орды. Ханъ сначала собиралъ дань съ Русской земли посредствомъ своихъ агентовъ; потомъ нашелъ болѣе удобнымъ поручать сборъ этой дани великимъ князьямъ русскимъ. Каждый великій князь собиралъ татарскую дань, или *выходъ*, съ удѣльныхъ князей своей линіи и доставлялъ ее въ Орду. Этимъ преимуществомъ, которое давало великимъ князьямъ возможность держать въ зависи-

мости князей удѣльныхъ, первые очень дорожили, старались не допускать младшихъ родичей до непосредственныхъ сношеній съ Ордой. Это стремленіе выражалось въ договорныхъ княжескихъ грамотахъ словами великаго князя, обращенными къ удѣльнымъ: «мнѣ знати Орду, а тебѣ Орды не знать». Финансовая зависимость удѣльныхъ князей отъ великаго современемъ могла превратиться въ зависимость политическую; но князья очень хорошо помнили, что эта связь навязана извнѣ, и стояли на той мысли, что она должна исчезнуть съ исчезновеніемъ этой сторонней силы. Вотъ почему въ упомянутомъ договорѣ Димитрія Донского съ серпуховскимъ удѣльнымъ княземъ мы встрѣчаемъ условія: «оже ны Богъ избавитъ, ослободитъ отъ Орды, ино мнѣ два жеребья дани, а тобѣ треть», т. е. я, великій князь, буду удерживать свои двѣ трети ордынской дани въ своихъ рукахъ, а ты свою одну треть въ своихъ. Значитъ, московскіе князья предполагали, что какъ скоро спадетъ татарское иго, должна исчезнуть и финансовая зависимость удѣльныхъ князей отъ великаго. Такимъ образомъ, *разсматривая договорныя грамоты XIV и XV в.в., мы не находимъ никакой постоянной политической связи, которая бы подчиняла удѣльныхъ князей великому въ извѣстной линіи.* При такихъ отношеніяхъ какимъ же способомъ могла завязаться политическая зависимость удѣльныхъ князей отъ великаго? Вотъ вопросъ, разрѣшеніемъ котораго вскрывается процессъ образованія верховной государственной власти въ Московскомъ княжествѣ.

3. Значеніе старшаго наслѣдника.

Для изучающаго взаимныя отношенія московскихъ князей XIV и XV в.в. договорныя грамоты князей довольно коварный источникъ. Изложенныя мною условія этихъ

грамотъ уже не соотвѣтствовали современной имъ дѣйствительности. Съ этой стороны московскія договорныя грамоты представляютъ историческій анахронизмъ; онѣ воспроизводятъ княжескія отношенія, несомнѣнно дѣйствовавшія нѣкогда, именно, лишь въ первую пору удѣльнаго порядка, въ XIII и развѣ въ началѣ XIV в., не позднѣе. Съ тѣхъ поръ какъ Москва начала пріобрѣтать рѣшительный перевѣсъ надъ другими княжествами, эти устарѣлыя условія повторялись въ договорныхъ грамотахъ, какъ затверженныя формулы, по старой памяти, вслѣдствіе обычнаго консерватизма канцелярій, ихъ неумѣнья поспѣвать за жизнью. Вотъ опасность, которая грозитъ изслѣдователю договорныхъ грамотъ.

Дѣйствительныя отношенія московскихъ князей съ Димитрія Донского или даже его ближайшихъ предшественниковъ становились уже на другія основанія: младшіе князья все болѣе превращались въ подручниковъ великаго князя московскаго. Любопытно, что это преобладаніе старшаго, великаго князя, разрушившее потомъ удѣльный порядокъ, создавалось изъ условій этого же самаго порядка. Мы видѣли изъ московскихъ духовныхъ грамотъ, что порядокъ наслѣдованія въ средѣ московскихъ князей опредѣлялся исключительно личной волей завѣщателя. Но эти завѣщатели постепенно выработали и усвоили себѣ извѣстныя постоянныя правила, которыми они руководились въ раздѣлѣ своей вотчины между наслѣдниками. Такъ, уже съ первой московской духовной грамоты, написанной Іоанномъ Калитой, мы замѣчаемъ стремленіе московскихъ завѣщателей дѣлить вотчины на неравныя части. Размѣры каждой части соотвѣтствовали степени старшинства получавшаго ее наслѣдника: чѣмъ старше былъ наслѣдникъ, тѣмъ бóльшая доля наслѣдства доставалась ему. Въ этомъ неравенствѣ раздѣла, очевидно, сказывалась смутная мысль

о нѣкогда дѣйствовавшемъ между князьями порядкѣ владѣнія по очереди старшинства.

Благодаря этому обычаю, усвоенному московскими завѣщателями, старшій наслѣдникъ, обыкновенно старшій сынъ завѣщателя, получалъ изъ отцовскаго наслѣдства бо́льшую долю сравнительно съ младшими братьями-сонаслѣдниками. Этотъ излишекъ давался ему на *«старѣйшій путь»*, т. е. по праву старшинства. Сначала этотъ излишекъ очень мало замѣтенъ, состоитъ въ нѣсколькихъ лишнихъ селахъ, въ нѣсколькихъ лишнихъ доходахъ; но съ завѣщанія Димитрія Донского прибавка на «старѣйшій путь» становится болѣе значительною. Это видно изъ неодинаковой доходности удѣловъ, полученныхъ отъ отца дѣтьми Донского. По духовной Димитрія Донского владѣнія его были раздѣлены между пятью его сыновьями; въ духовной опредѣляется и доходность каждаго удѣла. Завѣщатель указываетъ, сколько долженъ вносить каждый изъ сонаслѣдниковъ въ составъ каждой тысячи рублей ордынской дани. Очевидно, доля каждаго наслѣдника соразмѣрялась съ доходностью его удѣла. Старшій сынъ, великій князь Василій, долженъ былъ вносить въ составъ каждой тысячи рублей ордынской дани не пятую часть, а 342 руб., т. е. больше одной трети всей суммы.

Послѣ Димитрія Донского съ каждымъ поколѣніемъ излишекъ старшаго наслѣдника на «старѣйшій путь» растетъ все болѣе. Возьмемъ духовную великаго князя Василія Темнаго, составленную въ 1462 г. Василій также раздѣлилъ свою вотчину между пятью сыновьями. Старшему, великому князю Іоанну, онъ далъ одному 16 городовъ съ уѣздами, притомъ самыхъ значительныхъ, а остальнымъ сыновьямъ всѣмъ вмѣстѣ столько же.

Чтобы еще яснѣе представить себѣ этотъ процессъ, мы перейдемъ за предѣлы изучаемаго періода и пере-

листуемъ духовную грамоту великаго князя Іоанна III, составленную около 1504 года. Здѣсь неравенство раздѣла въ пользу старшаго становится уже громаднымъ. Старшему изъ наслѣдниковъ, великому князю Василію, онъ отказалъ одному 90 городовъ съ уѣздами, а остальнымъ четыремъ вмѣстѣ 26. И этотъ великій князь опредѣляетъ долю каждаго наслѣдника въ составѣ каждой тысячи рублей на ордынскіе расходы. Великій князь, старшій наслѣдникъ, одинъ долженъ былъ вносить въ каждую тысячу 717 рублей, т. е. около 3/4 всей суммы, почти втрое больше, чѣмъ всѣ младшіе князья вмѣстѣ. Къ такому результату привелъ рано усвоенный московскими завѣщателями обычай нарушать равенство раздѣла вотчины между наслѣдниками въ пользу старшаго изъ нихъ.

Излишекъ на «старѣйшій путь», сначала столь мало замѣтный, къ началу XVI в. достигъ такихъ размѣровъ, которые давали старшему наслѣднику рѣшительное матеріальное преобладаніе надъ младшими. Князья-завѣщатели не давали, правда, еще старшимъ сыновьямъ никакихъ лишнихъ политическихъ правъ, не ставили младшихъ ихъ братьевъ въ прямую политическую отъ нихъ зависимость; но они постепенно сосредоточивали въ рукахъ старшаго наслѣдника такую массу владѣльческихъ средствъ, которая давала имъ возможность подчинить себѣ младшихъ удѣльныхъ родичей и безъ лишнихъ политическихъ правъ и средствъ. *Такимъ, чисто матеріальнымъ, имущественнымъ преобладаніемъ и создана была политическая власть московскаго великаго князя.* Посредствомъ такого вотчиннаго преобладанія, а не политическаго преимущества этотъ великій князь и превратился въ государя не только для простыхъ обывателей московскихъ удѣловъ, но и для самихъ удѣльныхъ князей. Значитъ, политическая власть великаго московскаго

князя, уничтожившая потомъ удѣльный порядокъ владѣнія, создалась изъ условій того же самаго порядка, при помощи права князей-завѣщателей располагать своими вотчинами по личному усмотрѣнію.

Но какъ скоро изъ среды младшихъ князей сталъ подниматься одинъ старшій великій князь, около него начали сосредоточиваться политическія стремленія и національные интересы всего сѣверно-русскаго населенія. Населеніе это съ духовенствомъ во главѣ старалось такъ высоко поднять старшаго московскаго князя надъ удѣльными, что онъ превратился въ государя съ національно-политическимъ значеніемъ. Извѣстна шумная усобица, завязавшаяся между московскими князьями по смерти великаго князя Василія Димитріевича. Эта усобица произошла вслѣдствіе притязанія Юрія Димитріевича Галицкаго, дяди великаго князя Василія Васильевича, занять великокняжескій столъ, помимо старшаго племянника. Этотъ дядя, дѣйствуя во имя своего старшинства, въ 1431 г. поѣхалъ въ Орду тягаться съ племянникомъ за великое княженіе. Эта усобица, продолженная по смерти Юрія его сыновьями, взволновала все русское общество, руководящіе классы котораго, духовенство, князья, бояре и другіе служилые люди рѣшительно стали за Василія. Когда сынъ Юрія Шемяка, по смерти отца наслѣдникъ его притязаній, нарушилъ свой договоръ съ Василіемъ, послѣдній отдалъ дѣло на судъ духовенства. Духовенство, именно пять епископовъ съ нѣсколькими архимандритами (тогда не было митрополита на Руси), въ 1447 г. обратилось къ нарушителю договора съ грознымъ посланіемъ, въ которомъ высказало свой взглядъ на политическій порядокъ, какой долженъ существовать на Руси. Здѣсь духовенство рѣшительно возстало противъ притязаній Шемякина отца на великокняжскій столъ, признавая исклю-

чительное право на него за племянникомъ, старшимъ сыномъ предшествовавшаго великаго князя. Притязаніе Юрія духовенство сравниваетъ съ грѣхомъ праотца Адама, возымѣвшаго желаніе «равнобожества», внушенное сатаной. «Сколько трудовъ понесъ отецъ твой—писали владыки—сколько истомы потерпѣло отъ него христіанство, но великокняжескаго стола онъ все-таки не получилъ, чего ему не дано Богомъ, ни *земскою изначала пошлиной*». Итакъ, духовенство считало единственно правильнымъ порядкомъ преемство великокняжескаго стола въ нисходящей линіи, а не по очереди старшинства, и даже наперекоръ исторіи признавало такой порядокъ исконной «земской пошлиной», т. е. стариннымъ обычаемъ Русской земли. Этотъ новый порядокъ долженъ былъ подготовить установленіе единовластія, усиливая одну прямую старшую линію московскаго княжескаго дома, устраняя и ослабляя боковыя младшія.

Такъ, мы изучили два процесса, которыми создано было политическое и національное значеніе Московскаго княжества и его старшаго князя. Одинъ процессъ расширилъ территорію и внѣшнее могущество этого княжества, другой собиралъ элементы верховной власти въ лицѣ старшаго изъ московскихъ князей. Оба процесса начались личными или фамильными стремленіями московскихъ князей, но тотчасъ были поддержаны всѣмъ населеніемъ Сѣверной Руси, слившимся уже къ этому времени въ одно національное цѣлое, въ народность Великорусскую. Сложившись среди внѣшнихъ опасностей, она чувствовала потребность въ сосредоточеніи своихъ силъ, въ твердомъ государственномъ порядкѣ. Эта потребность и была новой и могущественной причиной успѣховъ московскаго князя. Какъ скоро населеніе Сѣверной Руси почувствовало, что Москва способна стать политическимъ центромъ, около кото-

раго оно могло собрать свои силы для борьбы съ внѣшними врагами, удѣльный порядокъ долженъ былъ пасть передъ объединительными стремленіями великаго князя московскаго, пріобрѣвшаго значеніе національнаго государя Великороссіи. Такъ можно обозначить политическій процессъ роста Московскаго княжества.

Значеніе московскихъ князей въ исторіи Московскаго княжества.

Часто даютъ преобладающее значеніе въ ходѣ политическаго и національнаго возвышенія Москвы личнымъ качествамъ ея князей. Окончивъ обзоръ политическаго роста Москвы, мы можемъ оцѣнить и значеніе этихъ качествъ въ ея исторіи. Нѣтъ надобности преувеличивать это значеніе, считать политическое и національное могущество Московскаго княжества исключительно дѣломъ его князей, слѣдствіемъ ихъ личнаго творчества, ихъ талантовъ. Историческіе памятники XIV и XV вѣковъ не даютъ намъ возможности живо воспроизвести обликъ каждаго изъ этихъ князей. Московскіе великіе князья являются въ этихъ памятникахъ блѣдными фигурами, смѣнявшимися на великокняжескомъ столѣ подъ именами Іоанна, Симеона, другого Іоанна, Димитрія, Василія, другого Василія. Всматриваясь въ нихъ, легко замѣтить, что передъ нами проходятъ не своеобразныя личности, а однообразныя повторенія одного и того же фамильнаго типа. Всѣ московскіе князья до Іоанна III, какъ двѣ капли воды, похожи другъ на друга, такъ что наблюдатель иногда затрудняется рѣшить, кто изъ нихъ Іоаннъ, и кто Василій. Нѣкоторыя индивидуальныя особенности въ ихъ дѣятельности объясняются различіемъ возраста и исклю-

чительными внѣшними обстоятельствами, въ которыя попадали иные изъ этихъ князей; но эти особенности не идутъ далѣе того, насколько могла бы измѣниться дѣятельность одного и того же лица отъ такихъ условій. Наблюдая преемственную смѣну московскихъ князей, мы можемъ уловить въ ихъ обликахъ только фамильныя типическія черты. Изслѣдователю они представляются не живыми лицами, даже не портретами, а скорѣе манекенами; онъ разсматриваетъ въ каждомъ его позу, костюмъ, но лица ихъ мало что говорятъ наблюдателю.

Прежде всего, всѣ московскіе Даніиловичи отличаются посредственностью. Все племя Всеволода Большого-Гнѣзда, вообще, не блеститъ талантами, за исключеніемъ развѣ одного Александра Невскаго. Даніиловичи даже среди этого племени не идутъ въ первомъ ряду по личнымъ качествамъ. Это князья безъ всякаго блеска, на которыхъ не замѣтно ни героическаго, ни нравственнаго величія. Прежде всего, это очень мирные люди; они неохотно вступаютъ въ битвы, а вступая въ нихъ, обыкновенно проигрываютъ ихъ; они умѣютъ отсиживаться отъ непріятеля за дубовыми стѣнами московскаго кремля, но еще охотнѣе при нападеніи врага уѣзжаютъ въ Переяславль или куда-нибудь подальше собирать полки, оставляя въ Москвѣ для ея защиты владыку митрополита да жену съ дѣтьми.

Не отличаясь крупными талантами, эти князья не отличались также крупными недостатками и страстями. Это дѣлало ихъ во многихъ отношеніяхъ образцами умѣренности и аккуратности. Эти «средніе люди» древней Руси—болѣе хронологическіе знаки, чѣмъ историческія лица; даже ихъ наклонность выпить лишнее за обѣдомъ не возвышалась до столь извѣстной страсти древне-русскаго человѣка, высказанной устами Влади-

міра Святого. Лучшей ихъ характеристикой могутъ служить черты, какими характеризуетъ великаго князя Симеона Гордаго одинъ изъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ: «великій князь Симеонъ былъ прозванъ Гордымъ, потому что не любилъ неправды и крамолы и всѣхъ виновныхъ самъ наказывалъ; пилъ медъ и вино, не напивался до пьяна и терпѣть не могъ пьяныхъ, не любилъ войны, но войско держалъ наготовѣ». Въ самомъ видномъ изъ московскихъ князей XIV вѣка, Димитріи Донскомъ, біографъ-современникъ могъ отмѣтить лишь семейныя и полуиноческія добродѣтели. Вообще художнику высокаго стиля нечего дѣлать съ московскими князьями.

Но не блистая крупными талантами, эти князья совмѣщали въ себѣ много менѣе дорогихъ, но болѣе доходныхъ качествъ, отличались обиліемъ тѣхъ дарованій, которыми отличаются обыкновенно не даровитые люди. Прежде всего, эти князья дружно живутъ другъ съ другомъ; они крѣпко держатся завѣта отцовъ «жити за одинъ». Въ продолженіе четырехъ поколѣній, до смерти Василія Димитріевича, Московское княжество было единственнымъ въ Сѣверной Руси, не страдавшимъ отъ усобицъ собственныхъ князей. Потомъ, московскіе князья очень почтительные сыновья; они глубоко чтутъ память родителей. Поэтому среди нихъ рано складывается наслѣдственный кругъ понятій, привычекъ и пріемовъ княженія, образуется фамильный обычай, отцовское и дѣдовское преданіе, которое замѣняло имъ личный разумъ, какъ намъ школьная выучка замѣняетъ самодѣятельность мысли. Отсюда твердость поступи у московскихъ князей, ровность движенія, послѣдовательность дѣйствій; они дѣйствуютъ болѣе по памяти, по завѣту отцовъ, и потому дѣйствуютъ безъ перерывовъ и съ успѣхомъ, какъ неда-

ровитому ученику крѣпкая память позволяетъ лучше отвѣчать урокъ сравнительно съ бойкимъ мальчикомъ, привыкшимъ говорить «своими словами». Работа у московскихъ князей идетъ ровной и непрерывной нитью; сынъ цѣпко хватается за дѣло отца и по мѣрѣ силъ ведетъ его дальше. Уваженіе къ отцовскому завѣту въ ихъ холодныхъ духовныхъ грамотахъ порой согрѣвается до степени теплаго набожнаго чувства. «А пишу вамъ се слово», такъ Симеонъ Гордый заканчиваетъ свою духовную: «того для, чтобы не перестала память родителей нашихъ, и свѣча бы не погасла».

Въ чемъ же состояло это фамильное преданіе, эта наслѣдственная политика московскихъ князей? Они—скопидомы по мелочамъ, по-немногу. Недаромъ первый изъ нихъ, добившійся успѣха въ невзрачной съ нравственной стороны борьбѣ, перешелъ въ память потомства съ прозваніемъ Калиты—денежнаго кошеля. Готовясь предстать предъ престоломъ Всевышняго Судіи и диктуя дьяку духовную грамоту, какъ эти князья внимательны ко всѣмъ мелочамъ своего хозяйства, какъ хорошо помнятъ всякій вздоръ въ немъ, не забудутъ ни шубки, ни пояса золотого, ни коробки сердоликовой; все запишутъ, всему найдутъ мѣсто и наслѣдника. Сберечь отцовское стяжаніе и прибавить къ нему что нибудь новое, «новую шубку построить» новое сельцо прикупить—вотъ на что̀, повидимому, были обращены ихъ правительственные помыслы, какъ они обозначаются въ ихъ духовныхъ грамотахъ. Въ этомъ и заключается причина политическихъ успѣховъ московскихъ князей. У каждаго времени свои герои, а XIII и XIV вѣка были временемъ всеобщаго упадка на Руси, временемъ мелкихъ интересовъ и узкихъ чувствъ, мелкихъ ничтожныхъ характеровъ. Среди внѣшнихъ и внутреннихъ бѣдствій люди становились мало-

душны и робки, впадали въ уныніе, покидали высокіе помыслы и стремленія. Въ лѣтописи XIII—XIV вв. не услышимъ прежнихъ рѣчей о Русской землѣ, о необходимости оберегать ее отъ поганыхъ, о томъ, что́ не сходило съ языка южно-русскихъ князей. Люди замыкались въ кругу своихъ частныхъ интересовъ и выходили оттуда только для того, чтобы попользоваться на счетъ другихъ. Когда въ обществѣ падаютъ общіе интересы, то положеніемъ дѣлъ обыкновенно овладѣваютъ тѣ, которые энергичнѣе другихъ дѣйствуютъ во имя интересовъ личныхъ, а такими чаще всего бываютъ не наиболѣе даровитые, а наиболѣе угрожаемые—тѣ, кому наиболѣе грозитъ это паденіе. Московскіе князья были въ такомъ положеніи: по своему генеалогическому значенію это были наиболѣе безправные, приниженные князья, а условія ихъ экономическаго положенія давали имъ обильныя средства дѣйствовать во имя личной выгоды. Потому они лучше другихъ умѣли приноравиться къ условіямъ своего времени. Они дѣйствовали, какъ промышленники, въ которыхъ ремесло и обстоятельства развиваютъ смѣтливость и находчивость на счетъ другихъ высшихъ качествъ и стремленій. Купецъ, чѣмъ исключительнѣе входитъ въ свое дѣло, забывая другіе интересы, тѣмъ успѣшнѣе ведетъ его. Я хочу сказать, что *фамильный характеръ московскихъ князей съ ихъ своеобразной наслѣдственной политикой былъ не кореннымъ условіемъ успѣховъ Московскаго княжества, а только произведеніемъ тѣхъ же условій: этотъ характеръ и эта политика не создали политическаго и національнаго могущества Москвы, а сами были дѣломъ историческихъ силъ, создавшихъ это могущество.*

Новгородъ Великій.

Мы кончили изученіе удѣльнаго порядка владѣнія и вышедшаго изъ него процесса, которымъ одно изъ удѣльныхъ княжествъ поднялось надъ другими и потомъ поглотило всѣ другія. Мы останавливаемся на половинѣ XV в., на томъ моментѣ въ исторіи Московскаго княжества, когда оно готовилось довершить этотъ процессъ поглощеніемъ послѣднихъ княжествъ, оставшихся въ Сѣверной Руси. Московское княжество, нѣкогда одно изъ многихъ удѣльныхъ и потомъ вобравшее въ себя всѣ удѣлы, представляло въ XV в.: политическую форму, которой принадлежало будущее. Но эта форма не была единственной на Руси XV в.; рядомъ съ нею существовали двѣ другія, въ которыхъ общественныя стихіи находились въ совершенно другихъ сочетаніяхъ. Эти другія политическія формы были: 1) казачество, 2) вольныя городскія общины.

Но казачество въ XV в. еще только завязывалось; мы познакомимся съ нимъ, когда оно достигнетъ достаточнаго развитія. Другая политическая форма, вольная городская община, напротивъ, уже доживала свой вѣкъ въ XV в. Для полноты изученія русскаго общества въ удѣльные вѣка мы теперь бѣгло познакомимся съ этой отжившей политической формой.

Такихъ городскихъ обществъ въ Сѣверной Руси удѣльнаго времени было три: Новгородъ Великій, его «младшій братъ» Псковъ и его колонія Вятка. Мы познакомимся съ ними по исторіи перваго изъ нихъ: Новгородъ Великій былъ типическимъ представителемъ и родоначальникомъ остальныхъ двухъ городовъ.

Топографія Новгорода и его территорія.

Политическій строй Новгорода *Великаго*, т. е. старшаго города въ своей землѣ, былъ тѣсно связанъ съ топографіей города. Онъ расположенъ былъ по обоимъ берегамъ рѣки Волхова, недалеко отъ истока ея изъ озера Ильменя. Новгородъ составился изъ нѣсколькихъ слободъ или поселковъ, которые сначала были самостоятельными обществами, а потомъ соединились въ одну большую городскую общину. Слѣды этого самостоятельнаго существованія составныхъ частей Новгорода сохранялись и позднѣе въ распредѣленіи города на концы. Волховъ дѣлитъ Новгородъ на двѣ половины: на правую—по восточному берегу рѣки и лѣвую—по западному берегу; первая называлась *Торговой*, потому что въ ней находился главный городской рынокъ, торгъ; вторая носила названіе *Софійской* съ той поры, какъ Владиміръ, сынъ Ярослава, около половины XI вѣка построилъ здѣсь соборный храмъ св. Софіи. Обѣ стороны соединялись большимъ волховскимъ мостомъ, находившимся недалеко отъ торга. Къ торгу примыкала площадь, называвшаяся *Ярославовымъ дворомъ*, потому что здѣсь нѣкогда находилось подворье Ярослава, когда онъ княжилъ въ Новгородѣ при жизни отца. На этой площади возвышалась *степень*, помостъ, съ котораго новгородскіе сановники обращались съ рѣчами къ собиравшемуся на вѣче народу. Близъ степени находилась вѣчевая башня, на которой висѣлъ вѣчевой колоколъ, а внизу ея помѣщалась вѣчевая концелярія. Торговая сторона состояла изъ двухъ концовъ: *Плотницкаго*—сѣвернаго и *Славенскаго*—южнаго. Славенскій конецъ получилъ свое названіе отъ древнѣйшаго новгородскаго поселка, вошедшаго въ составъ Новгорода, *Славна*. Городской торгъ и Ярославовъ дворъ находились въ Славенскомъ концѣ.

На Софійской сторонѣ, тотчасъ по переходѣ чрезъ волховскій мостъ, находился *дѣтинецъ*, укрѣпленіе, которымъ окруженъ былъ соборный храмъ св. Софіи. Софійская сторона дѣлилась на три конца: *Неревскій* къ сѣверу, *Загородскій* къ западу и *Гончарскій* или *Людинъ* къ югу, ближе къ озеру. Названія концовъ Гончарскаго и Плотницкаго указываютъ на ремесленный характеръ древнихъ слободъ, изъ которыхъ образовались концы Новгорода. Припомнимъ, что еще въ началѣ XI в. кіевляне бранили новгородцевъ презрительной кличкой «плотниковъ».

Новгородъ со своими пятью концами былъ политическимъ центромъ обширной территоріи, къ нему тянувшей. Эта территорія состояла изъ частей двухъ разрядовъ: изъ *пятинъ* и *волостей* или *земель;* совокупность тѣхъ и другихъ составляла область или землю св. Софіи. Пятины были слѣдующія: къ сѣверо-западу отъ Новгорода, между рѣками Волховомъ и Лугой, шла по направленію къ Ладожскому озеру и Финскому заливу пятина *Вотьская*, получившая свое названіе отъ финскаго племени Води или Воти, здѣсь обитавшаго; къ сѣверовостоку, вправо отъ Волхова, тянулась далеко къ Бѣлому морю, по обѣ стороны Онежскаго озера, пятина *Обонежская*; къ юго-востоку, между рѣками Мстой и Ловатью, простиралась пятина *Деревская*; къ юго-западу, между рѣками Лугой и Ловатью, по обѣ стороны рѣки Шелони, шла пятина *Шелонская*; на отлетѣ къ юго-востоку, за пятиной Деревской и Обонежской простиралась пятина *Бѣжецкая*, получившая свое названіе отъ селенія Бѣжичей, одного изъ главныхъ ея административныхъ средоточій (въ нынѣшней Тверской губерніи *). Особенностью пятинъ было то, что

*) Эта пятина захватывала сѣверную часть нынѣшней Тверской губерніи, западную Ярославской и юго-восточной уголъ Новгородской.

всѣ онѣ, за исключеніемъ Бѣжецкой, начинались близъ самаго Новгорода и на подобіе расширяющихся радіусовъ бѣжали отъ него въ различныя стороны (можетъ быть, нѣкогда и Бѣжецкая пятина начиналась ближе къ Новгороду, чѣмъ потомъ). Такъ, напр., одинъ погостъ Обонежской пятины, Деревянинскій, находился въ двухъ верстахъ отъ Новгорода, а другой Спасскій, на Выго-озерѣ—въ 700 верстахъ. Такъ точно Вотьская пятина начиналась почти у самаго Новгорода, а ея дальніе погосты разсѣяны были по Невѣ и Финскому заливу. Точно также и Шелонская пятина начиналась близъ Новгорода и шла на югъ по сѣверо-западному берегу Ильменя. Только въ Бѣжецкой пятинѣ, по книгамъ XVI в., ближній погостъ находился въ 100 верстахъ отъ Новгорода.

Значитъ, въ составъ пятинъ первоначально входили древнѣйшія и ближайшія къ городу владѣнія Новгорода. Владѣнія позднѣйшія и болѣе отдаленныя не вошли въ пятинное дѣленіе и составили особыя волости или земли, имѣвшія нѣсколько отличное отъ пятинъ устройство. Такъ, города Волокъ-Ламскій и Торжокъ со своими округами не принадлежали ни къ какой пятинѣ. На востокъ за Обонежской и Бѣжецкой пятиной простиралось обширное *Заволочье*, или *Двинская земля*. Эта волость называлась Заволочьемъ потому, что находилась за *волокомъ*, за обширнымъ водораздѣломъ, отдѣляющимъ бассейнъ Сѣверной Двины и Онеги отъ бассейна Волги. За Двинской землей простиралась волость *Печора* по обѣимъ сторонамъ рѣки того же имени. Теченіемъ рѣки Вычегды съ ея притоками опредѣлялось положеніе *Пермской земли*. По сѣверному берегу Бѣлаго моря шла принадлежащая Новгороду волость *Тре* или *Терскій берегъ*. По ту сторону сѣвернаго Уральскаго хребта находилась волость *Югра*.

Вотъ главныя новгородскія волости, не вошедшія въ пятинное дѣленіе его территоріи. Эти отдѣльныя волости рано пріобрѣтены были городомъ; уже въ XI в. новгородцы хаживали за данью на Двину, на Печору, а въ XIII в. собирали дань на Терскомъ берегу. Новгородская территорія расширялась преимущественно путемъ военно-промышленной колонизаціи. Въ Новгородѣ составлялись компаніи вооруженныхъ промышленниковъ, которыя направлялись, преимущественно рѣками, въ разныя стороны отъ Новгорода, больше всего на финскій сѣверо - востокъ, основывали поселенія, облагали данью покоренныхъ туземцевъ и заводили лѣсные и другіе промыслы.

Условія и ходъ развитія новгородской вольности.

Новгородская земля въ первые вѣка нашей исторіи по устройству своему является совершенно похожей на области другихъ старшихъ городовъ Русской земли. Точно также и отношенія Новгорода къ князьямъ мало отличались отъ тѣхъ, въ какихъ стояли старшіе города остальныхъ русскихъ областей. Съ тѣхъ поръ какъ первые князья покинули Новгородъ для Кіева, Новгородъ обязанъ былъ платить кіевскому князю опредѣленную дань. Послѣ Ярослава Новгородская земля присоединена была къ великому княжеству Кіевскому, и великій князь обыкновенно посылалъ туда для управленія своего сына или ближайшаго родственника, назначая въ помощники ему посадника. Еще въ началѣ XII в., при Владимірѣ Мономахѣ, новгородцы вызывались въ Кіевъ на судъ тамошняго князя; въ Кіевѣ митрополитъ съ соборомъ епископовъ выбиралъ и рукополагалъ епископа на новгородскую каѳедру.

Словомъ, не замѣтно въ бытѣ Новгорода никакихъ политическихъ особенностей, которыя выдѣляли бы его изъ ряда другихъ городовыхъ областей Русской земли. Но со второй четверти XII в., со смерти Владиміра Мономаха, эти особенности, ставшія потомъ основаніемъ новгородской вольности, развиваются все успѣшнѣе. Въ успѣхахъ этого политическаго обособленія Новгородской земли принимали участіе разныя условія. Эти условія нигдѣ не встрѣчались въ такомъ сочетаніи, въ какомъ они дѣйствовали въ судьбѣ Новгорода Великаго. Одни изъ этихъ условій связаны были съ географическимъ положеніемъ края, другія выходили изъ той исторической обстановки, среди которой жилъ Новгородъ.

Географическія условія были таковы. Во 1-хъ) Новгородъ былъ земскимъ средоточіемъ края, занимавшаго отдаленный сѣверо-западный уголъ тогдашней Руси; это отдаленное положеніе выдѣлило Новгородъ изъ круга земель, гдѣ преимущественно сосредоточивались княжескія отношенія, изъ круга земель, которыя были главной сценой дѣятельности князей; это избавляло Новгородъ отъ непосредственнаго давленія со стороны князей и ихъ боевыхъ дружинъ, позволяло новгородскому быту развиваться свободнѣе на бо̀льшемъ просторѣ. Во 2-хъ) Новгородъ находился въ краѣ, наполненномъ лѣсами и болотами, гдѣ хлѣбопашество никогда не было основаніемъ народнаго хозяйства; это не позволяло установиться здѣсь тѣмъ простымъ общественнымъ отношеніямъ, основаніемъ которыхъ въ другихъ областяхъ Руси было господство земледѣльческаго хозяйства. Наконецъ, въ 3-хъ) Новгородъ лежалъ близко ко всѣмъ главнымъ рѣчнымъ бассейнамъ нашей равнины, къ Волгѣ, Днѣпру и Западной Двинѣ, а Волховъ соединялъ его воднымъ путемъ съ Финскимъ заливомъ и Балтійскимъ

моремъ. Находясь среди этихъ большихъ торговыхъ дорогъ, Новгородъ рано втянулся въ разносторонніе торговые обороты. Благодаря этому, основаніемъ его хозяйства стала торговля.

Историческія обстоятельства, которыя помогли развиться новгородской вольности, были таковы. Въ XII в. усобицы князей уронили княжескую власть. Благодаря этому, мѣстные земскіе міры получили возможность свободнѣе опредѣлять свои отношенія къ князьямъ. Этой выгодой всѣхъ шире воспользовался Новгородъ. Стоя на краю Руси, съ нѣсколькихъ сторонъ окруженный враждебными инородцами и притомъ занимаясь преимущественно внѣшней торговлей, Новгородъ всегда, конечно, нуждался въ князѣ и его боевой дружинѣ для обороны своихъ границъ и торговыхъ путей. Но именно въ XII вѣкѣ, когда запутавшіеся княжескіе счеты уронили авторитетъ князя, Новгородъ нуждался въ князѣ и его дружинѣ менѣе, чѣмъ нуждался прежде и чѣмъ сталъ нуждаться потомъ. Затѣмъ на границахъ Новгородской земли стали два опасные врага: Ливонскій орденъ и объединенная Литва. Въ XII в. еще не существовало ни того, ни другого врага: Ливонскій орденъ основался въ самомъ началѣ XIII в., а Литва стала объединяться съ конца этого вѣка. Совокупнымъ дѣйствіемъ этихъ условій и опредѣлились отношенія Новгорода къ князьямъ, устройство его управленія, общественный строй его, и, наконецъ, характеръ его политической жизни. Съ этихъ сторонъ мы и изучимъ его исторію.

Въ X в. князья еще мало дорожили Новгородской землей: ихъ интересы привязаны были къ Южной Руси. Когда Святославъ, собираясь во второй разъ въ Болгарію, сталъ дѣлить землю Русскую между своими сыновьями, новгородцы пришли просить князя. Свято-

славъ, по лѣтописи, сказалъ имъ: «да пойдетъ ли кто къ вамъ?» Послѣдующіе князья болѣе дорожили Новгородской землей, выгодами, какія доставляло управленіе этимъ богатымъ краемъ. Но новгородцы тотчасъ же послѣ смерти Мономаха, какъ только упала его тяжелая рука, начали добиваться важныхъ политическихъ льготъ. Княжескія усобицы сопровождались частыми смѣнами князей на новгородскомъ столѣ. Весь XII вѣкъ наполненъ былъ борьбою двухъ главныхъ линій Ярославова племени, Мономаховичей и Ольговичей. Эта борьба давала возможность новгородцамъ дѣлать выборъ между князьями-соперниками и налагать на выбраннаго князя извѣстныя обязательства, которыя стѣсняли его власть. Притомъ частыя смѣны князей въ Новгородѣ сопровождались и перемѣнами въ личномъ составѣ высшей новгородской администраціи. Князь правилъ Новгородомъ при содѣйствіи назначаемыхъ имъ или великимъ княземъ кіевскимъ помощниковъ, посадника и тысяцкаго. Когда князя выгоняли изъ Новгорода, съ нимъ вмѣстѣ обыкновенно долженъ былъ уходить и назначенный имъ посадникъ. Когда князь добровольно покидалъ Новгородъ, назначенный имъ посадникъ, оставаясь въ городѣ, терялъ свою должность, потому что новый князь, обыкновенно поддерживаемый другою партіей въ городѣ, назначалъ новаго посадника. Но въ промежуткахъ между двумя княженіями, когда городъ оставался безъ высшаго правительства, Новгородцы пріучались выбирать временнаго посадника и требовать отъ новаго князя утвержденія его въ должности.

Такъ самымъ ходомъ дѣла завелся въ Новгородѣ обычай *выбирать посадника*. Этотъ обычай начинаетъ дѣйствовать тотчасъ по смерти Мономаха, когда, по разсказу мѣстной лѣтописи, новгородцы «дали посадничество» одному изъ своихъ согражданъ (1126 г.).

Послѣ выборъ посадника превратился въ постоянное право города, которымъ очень дорожили новгородцы. Понятна перемѣна въ самомъ характерѣ этой правительственной должности, происшедшая вслѣдствіе того, что она давалась на вѣчѣ, а не на княжескомъ дворѣ: изъ представителя и блюстителя интересовъ князя предъ новгородцами выборный посадникъ долженъ былъ стать представителемъ интересовъ Новгорода передъ княземъ. Послѣ и другая важная должность—тысяцкаго—стала также выборной. Важное значеніе въ новгородскомъ управленіи имѣлъ и мѣстный епископъ. До половины XII в. его назначалъ и рукополагалъ русскій митрополитъ съ соборомъ епископовъ въ Кіевѣ, слѣдовательно, подъ вліяніемъ великаго князя. Но со второй половины XII вѣка новгородцы стали выбирать изъ мѣстнаго духовенства и своего владыку, собираясь «всѣмъ городомъ» на вѣче и посылая избраннаго въ Кіевъ къ митрополиту для рукоположенія. Первымъ такимъ выборнымъ епископомъ былъ игуменъ одного изъ мѣстныхъ монастырей Аркадій, избранный новгородцами въ 1156 г. Съ тѣхъ поръ за кіевскимъ митрополитомъ осталось лишь право рукополагать присланнаго изъ Новгорода кандидата. Такъ *высшая новгородская администрація во второй и третьей четверти XII вѣка стала выборной.*

Вмѣстѣ съ этимъ новгородцы стали точнѣе опредѣлять и свои отношенія къ князьямъ. Приглашая къ себѣ князя, городъ заключалъ съ нимъ «рядъ», договоръ; на договорномъ правѣ и основывалось участіе князя въ новгородскомъ управленіи. Слѣды этихъ рядовъ, скрѣплявшихся крестнымъ цѣлованіемъ со стороны князя, появляются уже въ первой половинѣ XII в. Мстиславъ Мономаховичъ, ставши великимъ княземъ, посадилъ въ Новгородѣ своего сына Всеволода. Этотъ Всеволодъ по

смерти отца вызванъ былъ въ 1132 году его преемникомъ и братомъ Ярополкомъ на югъ, чтобы занять кіевскій столъ послѣ дяди. Вскорѣ, потерпѣвши неудачу, онъ вернулся въ Новгородъ. Но новгородцы не приняли его, потому что уходомъ на югъ онъ нарушилъ свое крестоцѣлованіе къ Новгороду, поступилъ несогласно съ принятыми на себя обязательствами. Всеволодъ III Суздальскій, сдѣлавшись великимъ княземъ, распоряжался въ Новгородѣ самовольно, не уважалъ новгородской старины, вызывалъ новгородцевъ на судъ въ Суздальскую землю, посадивъ въ Новгородѣ своего посадника. Но въ 1203 г. новгородцы оказали ему услугу въ борьбѣ съ черниговскими и рязанскими князьями. Въ награду за это суздальскій князь сказалъ новгородцамъ: «любите, кто вамъ добръ, и казните злыхъ». Приэтомъ, добавляетъ лѣтописецъ, Всеволодъ далъ новгородцамъ «всю волю и уставы князей, чего хотѣли новгородцы». Итакъ, Всеволодъ уже возстановилъ какіе то старые уставы князей и предоставилъ городу судебную власть въ извѣстныхъ дѣлахъ. Въ 1218 г. изъ Новгорода ушелъ правившій тамъ знаменитый Мстиславъ Удалой. Мѣсто его занялъ его смоленскій родичъ Святославъ Мстиславичъ. Этотъ князь потребовалъ смѣны выборнаго новгородскаго посадника Твердислава. «А за что?—спросили новгородцы—какая его вина?»—«Такъ, безъ вины», отвѣтилъ князь. Тогда Твердиславъ сказалъ, обращаясь къ вѣчу: «радъ я, братья, что нѣтъ на мнѣ вины, а вы и въ посадникахъ, и въ князьяхъ вольны». Тогда вѣче сказало князю: «вотъ ты лишаешь мужа должности, а вѣдь ты намъ крестъ цѣловалъ безъ вины мужа должности не лишать». Итакъ, уже въ началѣ XIII в. князья крестнымъ цѣлованіемъ скрѣпляли извѣстныя права новгородцевъ. Условіе не лишать должности новгородскаго сановника безъ вины, т. е.

безъ суда, является однимъ изъ главныхъ обезпеченій новгородской вольности въ позднѣйшихъ договорахъ съ князьями.

Отношенія Новгорода къ князьямъ.

Политическія льготы, которыхъ добились новгородцы, излагались въ договорныхъ грамотахъ. Первыя такія грамоты, до насъ дошедшія, не раньше второй половины XIII в. Ихъ три; онѣ излагаютъ условія, на которыхъ правилъ Новгородской землей Ярославъ Тверской. Двѣ изъ нихъ написаны въ 1265 г. и одна въ 1270 г. Позднѣйшія договорныя грамоты повторяютъ лишь условія, изложенныя въ этихъ грамотахъ Ярослава. Изучая ихъ, видимъ основанія политическаго устройства Новгорода. Новгородцы обязывали князей цѣловать крестъ, на чемъ цѣловали ихъ отцы и дѣды. Главная общая обязанность, падавшая на князя, состояла въ томъ, чтобы онъ правилъ, «держалъ Новгородъ въ старинѣ по пошлинамъ», т. е. по старымъ обычаямъ. Значитъ, условія, изложенныя въ грамотахъ Ярослава, были не нововведеніемъ, а завѣтомъ старины. Договоры опредѣляли: 1) судебно-административныя отношенія князя къ городу; 2) финансовыя отношенія города къ князю; 3) отношенія князя къ новгородской торговлѣ.

Князь былъ въ Новгородѣ высшей судебной и правительственной властью. Но всѣ судебно-административныя дѣйствія онъ совершалъ не одинъ и не по личному усмотрѣнію, а въ присутствіи и съ согласія выборнаго новгородскаго посадника. На низшія должности, замѣщаемыя не по выбору, а по княжескому назначенію, князь избиралъ людей изъ новгородскаго общества, а не изъ своей дружины. Всѣ такія должности раздавалъ онъ съ согласія посадника. Князь не могъ отнять безъ суда должности у выборнаго или назначеннаго чинов-

ника. Притомъ всѣ судебно-правительственныя дѣйствія совершалъ онъ лично въ Новгородѣ и ничѣмъ не могъ распоряжаться, живя въ своемъ удѣлѣ: «А изъ Суздальской ти земли, читаемъ въ договорѣ, Новагорода не рядити, ни волостей (должностей) ти не раздавати». Точно также безъ посадника князь не могъ судить, никому не могъ выдавать грамотъ. Такъ, вся судебно-правительственная дѣятельность князя контролировалась представителемъ Новгорода.

Съ мелочной подозрительностью опредѣляли новгородцы свои финансовыя отношенія къ князю, его доходы. Князь получалъ «даръ» съ Новгородской земли, ѣдучи въ Новгородъ, и не могъ брать его, ѣдучи изъ Новгородской земли. Дань получалась княземъ только съ Заволочья, покореннаго края, не входившаго въ пятинное дѣленіе Новгородской области; да и эту дань князь обыкновенно отдавалъ на откупъ новгородцамъ же. Если онъ самъ собиралъ ее, то посылалъ въ Заволочье двухъ сборщиковъ, которые собранную дань не могли везти прямо въ удѣлъ князя, а завозили сначала въ Новгородъ, откуда она и передавалась князю. Со времени татарскаго нашествія и на Новгородъ наложенъ былъ ордынскій *выходъ*, дань. Татары потомъ поручили сборъ этого выхода, названнаго *чернымъ боромъ*, т. е. повальнымъ, поголовнымъ налогомъ, великому князю владимірскому. Новгородцы сами собирали черный боръ и передавали его своему князю, который доставлялъ его въ Орду. Кромѣ того, князь пользовался въ Новгородской землѣ извѣстными угодьями, рыбными ловлями, бортями, звѣриными гонами; но всѣми этими угодьями онъ пользовался по точно опредѣленнымъ правиламъ, въ урочное время и въ условныхъ размѣрахъ. Новгородцы всего больше старались помѣшать князю завязать какія-либо личныя хозяй

ственныя связи въ Новгородской землѣ, пустить здѣсь крѣпкіе корни. Въ договорныхъ грамотахъ князю вмѣстѣ съ княгиней и боярами запрещалось пріобрѣтать села въ собственность и принимать людей въ закладъ (личную кабальную зависимость).

Съ такою же точностью были опредѣлены отношенія князя и къ новгородской торговлѣ. Торговля, преимущественно внѣшняя, была жизненнымъ нервомъ города. Князь нуженъ былъ Новгороду не только для обороны границъ, но и для обезпеченія торговыхъ интересовъ; онъ долженъ былъ давать въ своемъ княжествѣ свободный и безопасный путь новгородскимъ купцамъ. Было точно опредѣлено, какія пошлины взимать князю съ каждой торговой новгородской ладьи или съ торговаго воза, являвшихся въ его княжествѣ. Въ Новгородѣ рано основались нѣмецкіе купцы. Въ XIV вѣкѣ было въ Новгородѣ два двора заморскихъ купцовъ: одинъ принадлежалъ ганзейскимъ городамъ, другой готскій—купцамъ съ острова Готланда. При этихъ дворахъ находились даже двѣ католическія церкви. Князь могъ участвовать въ торговлѣ города съ заморскими купцами только черезъ новгородскихъ посредниковъ; онъ не могъ затворять дворовъ иноземныхъ купцовъ, ставить къ нимъ своихъ приставовъ. Такъ была ограждена внѣшняя торговля Новгорода отъ произвола со стороны князя.

Связанный такими обязательствами, князь получалъ за свои боевыя и правительственныя услуги городу опредѣленный кормъ. Припомнимъ значеніе князя, вождя дружины, въ старинныхъ торговыхъ городахъ Руси IX в.: *это былъ наемный военный сторожъ города и его торговли. Точно такое же значеніе имѣлъ и новгородскій князь удѣльнаго времени.* Такое значеніе князя въ вольномъ городѣ выражено Псковской лѣтописью, которая

одного псковскаго князя XV вѣка называетъ «воеводой псковичей, княземъ кормленнымъ, о комъ было имъ стояти и боронитися». Значеніе князя, какъ наемника, Новгородъ старался поддерживать договорами до конца своей вольности. Такъ опредѣлены были отношенія Новгорода къ князьямъ по договорамъ.

Управленіе въ Новгородѣ.

I. *Вѣче.* Мы видѣли, что отношенія Новгорода къ князю съ большой точностью опредѣлялись договорами. Но мы знаемъ также, что договорами еще съ XII вѣка опредѣлялись нерѣдко отношенія князей и къ другимъ главнымъ городамъ областей. Итакъ, Новгородъ въ удѣльные вѣка лишь продолжалъ развивать тотъ порядокъ отношеній, какой сталъ завязываться гораздо раньше. Теперь посмотримъ, какъ было устроено новгородское управленіе. Договорами были разорваны всѣ органическія связи князя съ мѣстнымъ обществомъ. Онъ явился здѣсь наемнымъ, временнымъ сторожемъ, который со своей дружиной входитъ лишь механически въ составъ мѣстнаго общества. Благодаря этому, политическій центръ тяжести долженъ былъ перемѣститься въ Новгородѣ съ княжескаго двора на вѣчевую площадь, въ среду мѣстнаго общества. Вотъ почему, несмотря на присутствіе князя, Новгородъ въ удѣльные вѣка былъ собственно городской республикой.

Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ въ Новгородѣ то же военное устройство, какое было усвоено главными городами областей еще до князей. Городъ составлялъ *тысячу*, военный полкъ, подъ командой тысяцкаго. Тысяча эта подраздѣлялась на военныя части, городскія *сотни.* Каждая сотня съ своимъ выборнымъ сотскимъ представляла особое общество, пользовавшееся

извѣстной долей самоуправленія. Въ военное время это былъ рекрутскій округъ, въ мирное—округъ полицейскій. Но сотня не была самой мелкой административной частью города: она подраздѣлялась на *улицы.* Каждая улица съ своимъ выборнымъ «улицкимъ» старостой составляла также особый мѣстный міръ, пользовавшійся самоуправленіемъ. Съ другой стороны, сотни соединялись въ болѣе крупные союзы, называвшіеся *концами.* Каждый конецъ состоялъ изъ двухъ сотенъ и управлялся своимъ выборнымъ, «кончанскимъ» старостою. Послѣдній, впрочемъ, дѣйствовалъ не одинъ; рядомъ съ нимъ видимъ коллегію знатныхъ мѣстныхъ обывателей, которая составляла кончанскую управу. Это—исполнительное учрежденіе по текущимъ дѣламъ конца. Оно дѣйствовало подъ надзоромъ кончанскаго схода или вѣча, имѣвшаго распорядительную власть. Союзъ концовъ и составлялъ общину Великаго Новгорода. Такимъ образомъ, Новгородъ представлялъ многостепенное соединеніе мѣстныхъ міровъ, мелкихъ и крупныхъ, изъ которыхъ послѣдніе составлялись посредствомъ сложенія первыхъ. Совокупная воля этихъ союзныхъ міровъ выражалась въ общемъ *вѣчѣ* города.

Вѣче Новгорода Великаго по происхожденію своему было учрежденіемъ совершенно однороднымъ съ вѣчами другихъ главныхъ областныхъ городовъ; только въ удѣльные вѣка благопріятныя обстоятельства и большой политическій просторъ помогли новгородскому вѣчу облечься въ нѣсколько болѣе опредѣленныя формы. Впрочемъ, въ устройствѣ вѣча до конца новгородской вольности оставались важные пробѣлы. Вѣче созывалъ иногда князь, чаще главный городской сановникъ, посадникъ или тысяцкій; иногда вѣче созывалъ какой либо мѣстный агитаторъ, пользуясь тревожнымъ слухомъ. Оно не было постоянно дѣйствующимъ учрежденіемъ, а созы-

валось, когда являлась въ немъ надобность. Никогда не было установлено постояннаго срока для его созыва. Граждане собирались по звону висѣвшаго на вѣчевой башнѣ колокола. Звукъ этого колокола новгородское ухо хорошо отличало отъ звона церковныхъ колоколовъ. Обычнымъ мѣстомъ собраній вѣча былъ Ярославовъ дворъ. Вѣче по составу своему не было учрежденіемъ представительнымъ, не состояло изъ депутатовъ; на вѣчевую площадь бѣжалъ всякій, считавшій себя полноправнымъ гражданиномъ. Вѣче состояло изъ однихъ новгородцевъ; на такой составъ городскихъ вѣчъ указываетъ уже лѣтописецъ XII вѣка; онъ, замѣчая о сходкахъ главныхъ областныхъ городовъ, говоритъ: «на чемъ старшіе (т. е. граждане старшихъ городовъ) положатъ, на томъ и пригороды станутъ». Изрѣдка на новгородскомъ вѣчѣ появлялись и пригорожане, впрочемъ, только изъ двухъ пригородовъ, Ладоги и Пскова, но это участіе было чисто случайное: возникалъ вопросъ, касавшійся пригородовъ, и новгородцы звали случившихся у нихъ на ту пору пригорожанъ на вѣче. Вопросы, подлежавшіе обсужденію вѣча, предлагались ему со «степени», съ погоста, степеннымъ посадникомъ или тысяцкимъ.

Вопросы, подлежавшіе рѣшенію вѣча, были законодательные и учредительные. Вѣче постановляло новые законы, приглашало князя или изгоняло его, выбирало и судило высшихъ городскихъ сановниковъ, разбирало споры князя или его намѣстника съ представителями города, посадникомъ и тысяцкимъ, рѣшало вопросы о войнѣ и мирѣ и т. п. Разумѣется, на вѣчѣ по самому составу его не могло быть ни правильнаго обсужденія вопроса, ни правильнаго голосованія. Рѣшеніе составлялось на глазъ, лучше сказать, на слухъ, скорѣе по силѣ криковъ, чѣмъ по большинству голосовъ. Когда вѣче раздѣлялось на партіи, приговоръ вырабаты-

вался иногда насильственнымъ путемъ, помощью драки: осилившая сторона и признавалась большинствомъ (своеобразная форма *поля*, суда Божія). Иногда весь городъ раздѣлялся, и тогда созывалось два вѣча, одно на обычномъ мѣстѣ, на Торговой сторонѣ, другое на Софійской, близъ соборнаго храма. Такой споръ разрѣшался обыкновенно тѣмъ, что оба вѣча сходились на волховскомъ мосту и вступали въ драку, если духовенство не поспѣвало во-время разнять противниковъ. Это значеніе волховскаго моста выразилось въ поэтической формѣ въ легендѣ, которую записалъ одинъ иностранецъ XVI в., баронъ Герберштейнъ. Онъ говоритъ, что когда при Владимірѣ Святомъ новгородцы сбросили въ Волховъ идола Перуна, послѣдній, доплывъ до моста, выкинулъ на него палку со словами: «вотъ вамъ, новгородцы, отъ меня на память». Съ тѣхъ поръ въ урочное время сходятся новгородцы на волховскомъ мосту и начинаютъ драться, словно бѣшенные.

2. *Посадникъ и тысяцкій.* Исполнительными органами вѣча были два главныхъ выборныхъ городскихъ сановника, между которыми дѣлилось веденіе текущихъ дѣлъ управленія и суда. Это были посадникъ и тысяцкій (въ XV вѣкѣ въ Псковѣ — два посадника безъ тысяцкаго). Пока они занимали свои должности, они назывались «степенными», т. е. стоящими на степени, а по оставленіи должности вступали въ разрядъ посадниковъ и тысяцкихъ «старыхъ». Довольно трудно разграничить вѣдомство каждаго изъ нихъ. Посадникъ, кажется, былъ гражданскимъ управителемъ города, тысяцкій—управителемъ преимущественно военнымъ и полицейскимъ. Вотъ почему нѣмцы въ удѣльные вѣка называли посадника бургграфомъ, а тысяцкаго—герцогомъ. Каждый изъ нихъ за свой административный трудъ пользовался извѣстнымъ вознагражденіемъ.

Доходъ посадника назывался «поральемъ» — знакъ, что это былъ спеціальный налогъ, падавшій на сохи или рала, т. е. на извѣстные участки земли. Посадникъ и тысяцкій получали полномочіе отъ вѣча на неопредѣленное время: иные правили по одному году, другіе меньше; иные по нѣскольку лѣтъ; въ XIII вѣкѣ одинъ посадникъ занималъ свою должность 13 лѣтъ. Только въ XV в., повидимому, установленъ былъ опредѣленный срокъ для занятія этихъ должностей. По крайней мѣрѣ, одинъ французскій путешественникъ, Ланнуа, посѣтившій Новгородъ въ началѣ XV в., замѣчаетъ о посадникѣ и тысяцкомъ, что они смѣнялись ежегодно. Посадникъ и тысяцкій дѣйствовали съ помощью цѣлаго штата подчиненныхъ имъ низшихъ агентовъ.

3. *Совѣтъ господъ*. Вѣче имѣло учредительное и законодательное значеніе; выборное городское управленіе — значеніе судебное, административное. Легко замѣтить пробѣлъ, остававшійся между вѣчемъ и его исполнительными органами. Вѣче не могло правильно обсуждать предлагаемые ему вопросы. Вопросы эти должны были быть предварительно разработаны особымъ учрежденіемъ, которое могло предложить вѣчу готовый проектъ законовъ и рѣшеній. Такимъ подготовительнымъ и распорядительнымъ учрежденіемъ былъ новгородскій совѣтъ «господъ», или «господа», какъ называли въ Псковѣ. «Господа», вольнаго города развились изъ древней боярской думы князя съ участіемъ городскихъ старѣйшинъ. Такую думу мы встрѣчаемъ въ Кіевѣ при Владимірѣ Святомъ. Въ XII в., когда Новгородъ только что началъ завоевывать свою вольность, мѣстные князья о важныхъ вопросахъ совѣтывались съ своими боярами и новгородскими сотскими и старостами. По мѣрѣ того, какъ падалъ авторитетъ мѣстнаго князя, онъ съ своими боярами былъ вытѣсненъ изъ этого совѣта. Послѣдній остался подъ

руководствомъ мѣстнаго владыки-архіепископа, который сталъ постояннымъ предсѣдателемъ правительственнаго совѣта. Самый совѣтъ состоялъ изъ княжескаго намѣстника и главныхъ городскихъ властей, степенныхъ посадника и тысяцкаго, изъ кончанскихъ старостъ и сотскихъ съ нѣкоторыми «бирючами», т. е. приставами правительственнаго совѣта. Но въ составъ этого совѣта вошли не однѣ городскія власти—высшія должностныя лица: посадники «старые» также получали мѣста въ совѣтѣ рядомъ со степенными. Частыя смѣны высшихъ сановниковъ подъ вліяніемъ борьбы партій были причиною того, что въ совѣтѣ господъ всегда было много старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ. Въ XV в., наканунѣ паденія новгородской вольности, новгородскій совѣтъ господъ состоялъ болѣе, чѣмъ изъ 50 лицъ. Всѣ члены совѣта кромѣ предсѣдателя назывались боярами.

Совѣтъ господъ былъ учрежденіемъ, подготовлявшимъ вопросы ко внесенію на вѣче. Онъ составлялъ проектъ закона, вполнѣ готовый, на который вѣче могло сказать только «да» или «нѣтъ». Но такъ какъ новгородскій совѣтъ по характеру мѣстнаго строя состоялъ изъ людей высшаго класса, пользовавшихся огромнымъ экономическимъ вліяніемъ на весь городъ, то онъ, пользуясь этимъ вліяніемъ и своею распорядительною властью, часто и предрѣшалъ вопросы, проводя на вѣчѣ подготовленные имъ самимъ отвѣты. Въ исторіи новгородской политической жизни совѣтъ бояръ имѣлъ болѣе важное значеніе, чѣмъ вѣче, бывшее обыкновенно послушнымъ орудіемъ въ его рукахъ.

4. *Областное управленіе, пятины и пригороды.* Таково было устройство центральнаго новгородскаго управленія въ главномъ городѣ. Но къ этому городу тянула обширная территорія. Эта территорія дѣлилась, какъ мы видѣли, на пятины и волости. Областное управленіе вольныхъ

городовъ было связано съ ихъ дѣленіемъ на концы; каждая новгородская пятина зависѣла въ управленіи отъ городского конца, къ которому была приписана. Такую связь указываетъ въ неясномъ, впрочемъ, извѣстіи упомянутый мною Герберштейнъ. Смыслъ его свидѣтельства таковъ. Нѣкогда, во времена своей вольности, городъ имѣлъ обширную область, раздѣленную на пять частей; каждая изъ этихъ частей не только относилась во всѣхъ общественныхъ и частныхъ дѣлахъ къ начальству своей части, но и сдѣлки съ другими согражданами каждый могъ совершать только въ своей части города, и никому не позволялось обращаться съ чѣмъ либо къ другому начальству того же города. Герберштейнъ хотѣлъ сказать, или ему говорили, что каждая территоріальная часть, т. е. пятина новгородской земли во всѣхъ дѣлахъ обращалась къ управленію своей городской части. Точно такой же порядокъ управленія существовалъ и въ Псковѣ. Изъ мѣстной лѣтописи узнаемъ, что всѣ старые пригороды издавна были здѣсь распредѣлены по городскимъ концамъ. Въ 1468 году, когда накопилось много новыхъ пригородовъ, на вѣчѣ рѣшено было также раздѣлить ихъ по жребію между концами, по два пригорода на каждый конецъ.

Указаніе на такую административную связь пятинъ съ концами мы встрѣчаемъ и въ актахъ. Въ началѣ XV в. преподобный Савва основалъ монастырь на рѣкѣ Вишерѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Новгорода. Онъ обратился въ Новгородъ съ просьбой дать ему землю, на которой возникла обитель. Земля дана была новгородскимъ вѣчемъ, т. е. совѣтомъ бояръ, съ доклада вѣчу. Монастырь Саввы Вишерскаго возникъ въ Обонежской пятинѣ, которая была приписана къ Славенскому концу. По смерти основателя понадобилось подтвердить жалованный актъ и отмежевать землю мона-

стыря отъ земли сосѣдей. Съ просьбой объ этомъ монастырь обратился въ Славенскій конецъ, который и исполнилъ ходатайство обители въ двухъ актахъ. Одна грамота дана посадниками великаго конца, боярами, житыми людьми и всѣмъ «господиномъ великимъ концомъ Славенскимъ». Эта грамота подтвердила право монастыря на данную ему землю. Другой актъ былъ исполненіемъ перваго; здѣсь монастырская земля отмежевывалась отъ земли сосѣдей. Вторая эта грамота дана посадниками Славенскаго конца, которыхъ названо восемь. Итакъ, первый актъ былъ данъ на кончанскомъ вѣчѣ, составленномъ изъ всѣхъ обывателей конца, второй—кончанской управой, составленной изъ знатныхъ обывателей конца. Эти обыватели были старые посадники, которые, по мѣсту жительства, выбирались преимущественно въ члены кончанскихъ управъ.

Пятина, завися отъ городскихъ концовъ, не имѣла, впрочемъ, одного мѣстнаго административнаго средоточія, не была цѣльной административной единицей. Каждая пятина дѣлилась на особые округа, называвшіеся уѣздами. Такъ, Вотьская пятина дѣлилась на уѣзды Новгородскій, Ладожскій и Орѣховскій. Каждый уѣздъ имѣлъ административное средоточіе въ извѣстномъ пригородѣ, такъ что кончанское управленіе было единственной связью, соединявшей пятину въ одно административное цѣлое. Пригородъ съ своимъ уѣздомъ былъ такой же мѣстный самоуправляющійся міръ, какими были новгородскіе сотни и концы. Въ каждомъ пригородѣ собирались отъ времени до времени свои мѣстныя вѣча. Впрочемъ, этими вѣчами руководили пригородскіе посадники, присылаемые изъ старшаго города. Псковъ былъ новгородскимъ пригородомъ до половины XIV в. По договору съ Новгородомъ въ 1348 г. Псковъ разорвалъ свою политическую зависимость отъ старшаго

города, сталъ называться *младшимъ братомъ* его. Новгородъ отказался отъ права посылать въ Псковъ посадника и вызывать псковичей къ себѣ на судъ гражданскій или церковный. Значитъ, главный городъ назначалъ посадниковъ въ пригороды и въ немъ же сосредоточивался высшій судъ надъ пригорожанами. Однако, эта политическая зависимость пригородовъ, кажется, всегда была очень слаба: пригороды иногда отказывались принимать посадника, присланнаго изъ Новгорода. Естественно, что и вѣче пригородовъ оказывало свое давленіе на присылаемаго изъ Новгорода посадника. Другая форма, въ которой выражалась политическая зависимость пригорода отъ главнаго города, были поборы, какіе взималъ главный городъ съ пригородовъ. Мы, впрочемъ, знаемъ лишь, что пригороды что-то платили въ казну города, но не знаемъ ни вида этихъ налоговъ, ни даже того, были ли они постоянны.

Вообще, въ областномъ устройствѣ Новгородской земли можно замѣтить рѣшительный перевѣсъ центробѣжнаго стремленія, парализовавшаго дѣло политической централизаціи. Припоминая всѣ правительственные органы Новгородской земли, можно видѣть основной принципъ, на которомъ строилось новгородское управленіе. Этотъ принципъ былъ самостоятельность мѣстныхъ мелкихъ и крупныхъ міровъ, изъ которыхъ каждый пользовался значительной долей самоуправленія. Причиною этой слабой централизаціи былъ общественный строй Новгородской земли.

Классы новгородскаго общества.

Въ составѣ новгородскаго общества надо различать классы городскіе и сельскіе. Населеніе главнаго города состояло изъ *бояръ*, *житыхъ людей*, *купцовъ* и *черныхъ людей*.

Во главѣ новгородскаго общества стояло мѣстное *боярство*. Какъ мы знаемъ, боярство въ древнихъ областяхъ Русской земли имѣло своимъ источникомъ княжескую службу. Въ Новгородѣ князь и его дружина, какъ мы видѣли, были случайнымъ, пришлымъ элементомъ, органически не входившимъ въ составъ мѣстнаго общества. Какъ же могло возникнуть боярство въ Новгородѣ, когда здѣсь, повидимому, не было самаго источника, изъ котораго развивалось боярство въ другихъ областяхъ Русской земли? Отвѣчая на поставленный вопросъ, припомнимъ, что еще до князей главные города областей управлялись военно-промышленной старшиной, выходившей изъ руководящаго класса мѣстнаго общества. Новгородское боярство образовалось изъ такого же класса. По разнымъ обстоятельствамъ военная старшина, вытѣсненная въ другихъ городахъ изъ управленія княжеской дружиной, въ Новгородѣ сохранила за собой правительственное значеніе. Новгородскіе князья уже въ XI в. назначали на мѣстныя правительственныя должности людей изъ мѣстнаго общества. Изъ этихъ туземныхъ сановниковъ къ XII в. сложился въ Новгородѣ вліятельный классъ, или кругъ фамилій, имѣвшій двоякое руководящее значеніе въ мѣстномъ обществѣ: члены его занимали правительственныя должности по назначенію князя, а при столкновеніяхъ города съ послѣднимъ становились во главѣ согражданъ противъ князя. Занимая по назначенію князя должности, которыя въ другихъ областяхъ давались боярамъ, люди этого класса и въ Новгородѣ получили значеніе и званіе бояръ. Вотъ почему уже въ началѣ XII в. членовъ этого класса мѣстный лѣтописецъ зоветъ боярами. Въ церковномъ уставѣ Мономахова внука, Всеволода, сотскихъ города, приглашенныхъ на совѣтъ князя, послѣдній называетъ «своими мужами», т. е. приравни-

ваетъ къ своимъ боярамъ. Званіе бояръ мѣстная правительственная знать удержала и послѣ, когда она стала получать свои правительственныя полномочія отъ мѣстнаго вѣча, а не отъ князя.

Второй классъ, слѣдовавшій за боярами, назывался *житыми* или *житьими людьми*. Этотъ классъ выступаетъ не такъ ясно въ новгородскихъ памятникахъ. Онъ, повидимому, стоялъ ближе къ мѣстному боярству, чѣмъ къ низшему слою населенія; по крайней мѣрѣ, житьи люди являются въ управленіи часто рядомъ съ боярами. Значеніе ихъ объясняется въ связи съ экономическимъ значеніемъ боярства. Новгородское боярство, правившее городомъ, занимавшее высшія правительственныя должности по выбору вѣча, вмѣстѣ съ тѣмъ руководило народнымъ хозяйствомъ въ Новгородской землѣ; это былъ классъ крупныхъ капиталистовъ. Сами они не участвовали прямо въ торговыхъ оборотахъ, но ссужали своими капиталами мѣстныхъ торговцевъ. Въ новгородскихъ памятникахъ и преданіяхъ мѣстный бояринъ всегда является съ физіономіей капиталиста-ростовщика. Онъ кредитуетъ настоящихъ купцовъ или ведетъ торговые обороты помощью агентовъ изъ класса купцовъ. Житьи люди были, повидимому, капиталисты средней руки, не принадлежавшіе къ первостепенной правительственной знати.

Классомъ настоящихъ торговыхъ людей были *купцы*. Это—либо торговцы, которые вели дѣла съ помощью боярскихъ капиталовъ, либо ихъ торговые агенты, приказчики. Купцы уже стояли ближе къ городскому простонародію, слабо отдѣлялись отъ городской массы чернаго люда. *Черные люди*—это мелкіе ремесленники и рабочіе, которые брали работу или деньги для работы у высшихъ классовъ, бояръ и житьихъ людей. Таковъ составъ общества въ главномъ городѣ. Тѣ же самые

классы встрѣчаемъ и въ пригородахъ, по крайней мѣрѣ, въ важнѣйшихъ.

Въ глубинѣ сельскаго населенія, какъ и городского, видимъ *холоповъ.* Этотъ классъ былъ очень многочисленъ въ Новгородской землѣ, но не замѣтенъ въ Псковѣ. Новгородскіе бояре были крупные землевладѣльцы; впрочемъ, эти землевладѣльцы не были похожи на вотчинниковъ другихъ областей Руси. Новгородское землевладѣніе тѣсно связано было съ промышленнымъ бытомъ края: здѣсь основаніемъ землевладѣнія было не столько хлѣбопашество, сколько промышленная разработка угодій. Крупные капиталисты пріобрѣтали себѣ обширныя вотчины, въ которыхъ эксплоатировали богатство лѣса или воды. Эти боярскія вотчины и населены были преимущественно холопами. Масса свободныхъ крестьянъ разсѣяна была по частнымъ и государственнымъ землямъ. Новгородъ Великій владѣлъ обширными землями, не составлявшими частной собственности. Крестьяне, жившіе на этихъ государственныхъ земляхъ, носили старинное названіе *смердовъ.* Крестьяне, снимавшіе въ аренду земли частныхъ владѣльцевъ, назывались *половниками.* Названіе свое половники получили отъ обычнаго въ древней Руси условія поземельной аренды—обрабатывать землю *исполу*, изъ половины урожая. Впрочемъ, въ Новгородской землѣ удѣльнаго времени половники снимали земли у частныхъ владѣльцевъ и на болѣе льготныхъ условіяхъ, изъ третьяго или четвертаго снопа. Половники находились въ Новгородской землѣ въ болѣе приниженномъ состояніи сравнительно съ вольными крестьянами въ княжеской Руси, стояли въ положеніи близкомъ къ холопамъ. Эта приниженность выражалась въ двухъ условіяхъ, которыя новгородцы вносили въ договоры съ князьями: 1) холопа и половника безъ господина не судить и 2) новгородскихъ

холоповъ и половниковъ, бѣжавшихъ въ удѣлъ князя, выдавать обратно. Въ этомъ отношеніи Псковская земля рѣзко отличалась отъ Новгородской. Въ первой *изорники*, какъ называли тамъ крестьянъ, арендовавшихъ частныя земли обыкновенно со ссудой, *покрутой*, были вольными хлѣбопашцами, которые пользовались правомъ перехода отъ одного владѣльца къ другому. Тамъ даже долговое обязательство не прикрѣпляло изорника къ землевладѣльцу. По Русской Правдѣ закупъ, бѣжавшій отъ хозяина безъ расплаты, становился полнымъ его холопомъ. По *Псковской Правдѣ*, памятнику, получившему окончательный видъ во второй половинѣ XV вѣка, изорникъ, убѣжавшій отъ хозяина безъ расплаты, не наказывался лишеніемъ свободы, когда возвращался изъ бѣговъ; хозяинъ могъ только при участіи мѣстной власти продать покинутое бѣглецомъ имущество и такимъ образомъ вознаградить себя за невозвращенную ссуду. Если имущества бѣглеца не доставало на это, господинъ могъ искать доплаты на изорникѣ, когда онъ возвращался. Въ подобныхъ же отношеніяхъ къ господамъ находились крестьяне и въ княжеской Руси удѣльныхъ вѣковъ. Значитъ, въ вольной Новгородской землѣ сельское населеніе, работавшее на господскихъ земляхъ, было поставлено въ бо̀льшую зависимость отъ землевладѣльцевъ, чѣмъ гдѣ-либо въ тогдашней Руси.

Другою особенностью новгородскаго, равно какъ и псковскаго землевладѣнія былъ классъ крестьянъ-собственниковъ, котораго не встрѣчаемъ въ княжеской Руси, гдѣ всѣ крестьяне работали либо на государственныхъ, либо на частныхъ господскихъ земляхъ. Этотъ классъ назывался *земцами* или *своеземцами*. Классъ этотъ былъ довольно многочисленъ, сколько можно судить о томъ по дошедшимъ поземельнымъ новгородскимъ книгамъ. Къ сѣверу отъ Новгорода, въ

уѣздахъ Новгородскомъ, Ладожскомъ и въ части Орѣховскаго, по книгамъ 1500 г. насчитывается безъ малаго 400 своеземцевъ, на земляхъ которыхъ обозначено болѣе 600 дворовъ своеземскихъ и крестьянскихъ. Эти своеземцы и жившіе на ихъ земляхъ крестьяне засѣвали немного болѣе 4700 четвертей озимой ржи (книги не упоминаютъ о яровомъ посѣвѣ); на каждый дворъ приходилось круглымъ числомъ по 7,4 четвертей ржи (четверть ржи соотвѣтствуетъ половинѣ десятины), а на каждаго своеземца—около 12 четвертей, или 6 десятинъ озимаго ржаного посѣва съ соразмѣрнымъ количествомъ сѣнокоса. Вообще, это очень некрупные землевладѣльцы съ небольшими хозяйствами; у большей части изъ нихъ озимой пашни даже меньше указаннаго средняго размѣра. Но встрѣчаются и болѣе крупныя своеземскія хозяйства: въ одномъ имѣніи, принадлежавшемъ двумъ братьямъ съ племянникомъ, по описи 1500 года, было 22 крестьянскихъ двора и запахивалось подъ озимое до 120 десятинъ. Такому имѣнію позавидовалъ бы хорошій провинціальный дворянинъ въ Московскомъ государствѣ XVI в. Но землевладѣніе новгородскихъ своеземцевъ отличалось нѣкоторыми особенностями отъ служилаго дворянскаго землевладѣнія въ Московскомъ государствѣ. Прежде всего, своеземцы рѣдко владѣютъ землей въ одиночку; обыкновенно они сидятъ родственными кучками, по два, по три человѣка и болѣе въ одномъ имѣніи. Иногда это не родственники; повидимому, а чужіе другъ другу люди. Значитъ, это были землевладѣльческія товарищества, связанныя договоромъ, а часто еще, кромѣ договора, и родствомъ. Своеземцы сами пашутъ свои земли или сдаютъ ихъ крестьянамъ, половникамъ, или же часть пашутъ сами, а остальное сдаютъ крестьянамъ. По роду занятій и размѣрамъ хозяйства, бо́льшая часть своеземцевъ тѣ же

крестьяне, хотя они и отличались отъ крестьянъ по своему соціальному положенію, являясь юридическими собственниками обрабатываемой ими земли.

Столь же разнообразны и способы владѣнія у своеземцевъ-товарищей. Одни жили на одномъ дворѣ, пахали и владѣли нераздѣльно; другіе селились рядомъ, отдѣльными дворами, образуя одну деревню и обрабатывая отдѣльные участки; третьи, наконецъ, размѣщались поодаль другъ отъ друга, особыми однодворными деревнями. Эти, столь похожіе на крестьянъ, землевладѣльцы владѣли землей на правѣ полной собственности, даже болѣе свободной, сравнительно съ вотчинами московскихъ служилыхъ дворянъ. По книгамъ видно, что они продавали и закладывали свои земли, давали въ приданое за дочерьми, выкупали у своихъ родичей; даже женщины, вдовы и сестры, являются владѣлицами и совладѣлицами такихъ земель; но не видно, чтобы во времена новгородской вольности на своеземцахъ лежала какая-либо обязательная постоянная служба. Наконецъ, Псковская лѣтопись прямо называетъ землю своеземцевъ ихъ вотчинами. Она говоритъ, что на третій годъ послѣ взятія Пскова московскій государь взялъ съ собою въ походъ подъ Смоленскъ и псковскихъ земцевъ, которые «тогда еще не были сведены со своихъ вотчинъ». Какимъ образомъ возникъ въ Новгородской и Псковской землѣ этотъ своеобразный классъ земельныхъ собственниковъ? Мы знакомимся съ этимъ классомъ преимущественно по новгородскимъ переписнымъ книгамъ, составленнымъ московскими писцами уже послѣ паденія новгородской вольности, въ послѣдніе годы XV в.; однако и здѣсь замѣтны слѣды происхожденія этого класса. Въ городѣ Орѣшкѣ рядомъ съ горожанами обозначено и 29 дворовъ своеземцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые названы «лучшими людьми». Эти своеземцы

составляли особый классъ городского общества, отличавшійся даже отъ «лучшихъ людей городчанъ», хотя они вмѣстѣ съ другими горожанами тянули городское тягло. Почти у всѣхъ своеземцевъ города Орѣшка находимъ по книгамъ земли въ Орѣховскомъ и другихъ ближнихъ уѣздахъ. Иные изъ этихъ своеземцевъ жили въ городѣ, сдавая свои деревни въ аренду крестьянамъ, другіе числились въ городскомъ обществѣ, но жили въ своихъ деревняхъ, сдавая въ наймы городскіе дворы «дворникамъ» (постояльцамъ), которые за нихъ и тянули городское тягло вмѣстѣ съ горожанами. Любопытно то, что въ одномъ разрядѣ съ землями своеземцевъ переписныя книги перечисляютъ и земли «купецкія». Въ числѣ своеземцевъ являются изрѣдка и поповичи, отцы которыхъ служили при городскихъ церквахъ. Итакъ, своеземцы—городскіе обыватели по происхожденію. Право земельной собственности въ другихъ областяхъ Руси подъ вліяніемъ княжеской службы стало привилегіей служилыхъ людей. Въ Новгородѣ боярство, образовавшееся также путемъ княжеской службы, съ теченіемъ времени утратило свой служебный характеръ, сдѣлавшись руководящимъ классомъ мѣстнаго общества, и потому не могло сдѣлать вотчинное землевладѣніе своей сословной привилегіей; право земельной собственности было здѣсь усвоено и другими классами городского общества. Характеръ края содѣйствовалъ этому. Обиліе угодій, разработка которыхъ могла доставить матеріалъ для городской промышленности и торговли, обратило усиліе и капиталы мелкихъ городскихъ промышленниковъ на землю: они стали пріобрѣтать мелкіе участки въ собственность съ цѣлью не только земледѣльческой, но и промышленной ихъ эксплоатаціи, разводя ленъ, хмѣль, огороды и лѣсныя борти, ловя рыбу, птицу и звѣря. Изъ такихъ горожанъ, ставшихъ землевладѣль-

цами, и образовался классъ своеземцевъ. Этимъ объясняется и самое разселеніе своеземцевъ родственными обществами или землевладѣльческими товариществами: люди не богатые, они складывались для покупки извѣстнаго участка земли. До насъ дошелъ длинный рядъ купчихъ новгородскихъ на земли и воды, пріобрѣтенныя такими товариществами. Члены этихъ товариществъ, «компанейщики»-землевладѣльцы, носили въ Новгородской и Псковской землѣ спеціальное юридическое названіе «*сябровъ*». Въ древней Повѣсти о псковскомъ Печерскомъ монастырѣ разсказывается, какъ въ XV в. одна компанія «земцевъ городскихъ и сельскихъ» купила на вѣчѣ у всѣхъ псковичей участокъ государственной земли псковской съ лѣсомъ и потомъ этотъ участокъ раздѣлила между пайщиками на жеребьи; каждый жеребій принадлежалъ своему владѣльцу на правахъ полной собственности. Одинъ изъ этихъ владѣльцевъ пожертвовалъ свою долю участка въ Печерскій монастырь. Такъ, городской торговый капиталъ, главный рычагъ народнаго хозяйства въ Новгородской землѣ, создалъ здѣсь особый своеобразный классъ земельныхъ собственниковъ, не встрѣчающійся въ другихъ частяхъ Руси.

Таковы были классы новгородскаго общества, городскіе и сельскіе. Всматриваясь въ ихъ положеніе и взаимныя отношенія, легко замѣтить основаніе, на которомъ они создались. По характеру новгородскаго устройства здѣсь не было сословій, отличавшихся друга отъ друга политическими правами. Формы новгородскаго политическаго быта были демократическія: на вѣчѣ всѣ голоса были равны. Но общественный строй Новгородской земли созидался не на почвѣ демократическаго равенства. Здѣсь строителемъ общества былъ капиталъ, и дѣйствительное политическое значеніе лица или класса опредѣлялось отношеніемъ его къ этому

двигателю новгородскаго хозяйства. Поэтому классы новгородскаго общества по характеру своему были собственно промышленные разряды, торговыя гильдіи, и политическій вѣсъ каждаго класса опредѣляется его торговымъ вѣсомъ. На верху общества стоялъ слой капиталистовъ-дисконтеровъ, бояръ, которые руководили торговыми оборотами, не принимая въ нихъ непосредственнаго торговаго участія, снабжая своими капиталами настоящихъ торговцевъ. Къ боярамъ примыкали и житьи люди, капиталисты средней руки. Ниже тѣхъ и другихъ стояли купцы, торговцы, которые вели свои дѣла съ помощью боярскихъ капиталовъ, либо служили лишь агентами боярскихъ торговыхъ фирмъ. Низъ городского общества составляли черные люди, ремесленники и рабочіе, зависѣвшіе экономически отъ высшихъ классовъ, у нихъ бравшіе работу и деньги для работы. Еще менѣе послѣднихъ имѣли значеніе въ политической жизни вольнаго города сельскіе классы, дальше городскихъ стоявшіе отъ главнаго источника богатствъ и политическаго вліянія, отъ торговли, кромѣ развѣ земцевъ, которые по своему происхожденію принадлежали къ городскому обществу. Мы видѣли, что половники въ Новгородской землѣ являются уже съ признаками полусвободныхъ крестьянъ, приближавшихся къ холопамъ.

Таково было основаніе, на которомъ строилось новгородское общество. Политическое значеніе каждаго класса опредѣлялось его значеніемъ экономическимъ.

Характеръ политической жизни Новгорода.

Мы видѣли, какъ своеобразное сочетаніе географическихъ и историческихъ условій, въ которыхъ жилъ Новгородъ, отразилось и на его политическомъ строѣ,

и на его экономическомъ бытѣ. Но то же самое сочетаніе сообщило своеобразный характеръ и политической жизни Новгорода, какъ оно же подготовило и паденіе его вольности.

Разсматривая политическое и общественное устройство Новгорода, мы видѣли, что оно держалось на двухъ основаніяхъ: 1) на политической самостоятельности мелкихъ и крупныхъ мѣстныхъ міровъ, изъ которыхъ состояла Новгородская земля; 2) на тѣсной связи политическаго значенія общественныхъ классовъ съ ихъ значеніемъ экономическимъ. Легко замѣтить, что между этими основаніями существовало нѣкоторое противорѣчіе. По своему политическому устройству Новгородъ былъ мозаическимъ соединеніемъ многочисленныхъ мелкихъ и крупныхъ автономныхъ обществъ, и на общественныхъ собраніяхъ люди разныхъ классовъ должны были становиться рядомъ, съ одинаковымъ голосомъ, какъ равноправные граждане. Это сообщало демократическую наружность новгородскому устройству. Но съ другой стороны, тѣсная связь политическаго вѣса общественныхъ классовъ съ ихъ значеніемъ въ мѣстномъ народномъ хозяйствѣ давала одному изъ этихъ классовъ рѣшительное господство надъ всѣми остальными. Этотъ классъ былъ тотъ, который всего ближе стоялъ къ источнику народнаго богатства, владѣлъ торговымъ городскимъ капиталомъ. Отсюда подъ демократическими формами устройства въ Новгородѣ развился чрезвычайно аристократическій характеръ управленія. Встрѣча столь различныхъ основаній, на которыхъ созидался политическій бытъ Новгорода, и вызывала необыкновенный шумъ и движеніе въ политической жизни города. Съ самыхъ раннихъ поръ въ Новгородѣ идетъ оживленная борьба политическихъ партій. Но съ теченіемъ времени характеръ этихъ партій измѣ-

няется. Сообразно съ этимъ измѣненіемъ можно раздѣлить и внутреннюю политическую жизнь города на два періода.

До XIV в. въ Новгородѣ часто смѣняются князья, и князья эти соперничаютъ другъ съ другомъ, принадлежа къ враждебнымъ княжескимъ линіямъ. Подъ вліяніемъ этой частой смѣны князей образуются въ Новгородѣ мѣстные политическіе кружки, которые стоятъ за разныхъ князей, и которыми руководятъ представители богатѣйшихъ боярскихъ фамилій Новгорода. Такимъ образомъ, первый періодъ въ исторіи новгородской вольности ознаменованъ борьбой княжескихъ партій. Но не князья сами по себѣ были причиной этой борьбы: ими прикрывались важные мѣстные интересы, для которыхъ князья служили только орудіемъ. Князь нуженъ былъ Новгороду не только для внѣшней обороны, но и для усиленія и обезпеченія торговыхъ оборотовъ. Князь открывалъ новгородскимъ купцамъ свободный путь въ свое княжество. Это и раздѣляло новгородскихъ капиталистовъ, бояръ и купцовъ, на враждебныя партіи: торговые дома, имѣвшіе дѣла преимущественно со Смоленскимъ или Суздальскимъ краемъ, стояли за смоленскаго или суздальскаго Мономаховича, а черниговскій Ольговичъ нуженъ былъ домамъ, которые вели дѣла съ Черниговскимъ краемъ или съ Кіевской землей, когда на кіевскомъ столѣ сидѣлъ князь изъ черниговской линіи. Значитъ, *въ борьбѣ княжескихъ партій, наполнившей смутами новгородскую исторію до XIV в., надо видѣть собственно борьбу новгородскихъ торговыхъ домовъ*.

Съ XIV в. прекращаются частыя смѣны князей на новгородскомъ столѣ; вмѣстѣ съ этимъ измѣняется и характеръ политической жизни въ Новгородѣ. Одно наблюденіе подтверждаетъ это. Мѣстная лѣтопись опи-

сываетъ до двѣнадцати смутъ въ Новгородѣ со смерти Ярослава I до нашествія Татаръ; изъ этихъ смутъ только двѣ не были связаны съ княжескими смѣнами, не были вызваны борьбой новгородскихъ политическихъ круговъ за того или другого князя. Съ татарскаго нашествія и до вступленія Іоанна III на великокняжескій столъ въ мѣстной лѣтописи описано болѣе 20 смутъ. Изъ нихъ всего 4 вышли изъ-за борьбы новгородскихъ партій за князей; всѣ остальныя имѣли совсѣмъ другой источникъ. Этимъ новымъ источникомъ новгородскихъ смутъ, всего яснѣе обозначающимся съ XIV в., была соціальная рознь, борьба низшихъ бѣдныхъ классовъ новгородскаго общества съ высшими богатыми. Новгородское общество дѣлится съ тѣхъ поръ на два враждебные лагеря, изъ которыхъ въ одномъ стоятъ *лучшіе* или *вячшіе* люди, какъ называютъ ихъ лѣтописи, а въ другомъ *меньшіе* или *молодшіе* люди, т. е. чернь. Итакъ, *съ XIV в. борьба торговыхъ фирмъ превращается въ борьбу общественныхъ классовъ.* Эта борьба вышла также изъ политическаго и хозяйственнаго строя города. Рѣзкое имущественное неравенство между гражданами—очень обычное явленіе въ большихъ торговыхъ городахъ съ республиканскими формами устройства. Въ Новгородѣ, при демократическихъ формахъ устройства, при политическомъ равноправіи, это имущественное неравенство получало особенно острый характеръ, производило раздражающее дѣйствіе на низшіе классы. Равноправные съ боярами граждане на вѣчѣ, «меньшіе» новгородцы тѣмъ съ большею горечью чувствовали свою экономическую зависимость отъ немногихъ богатыхъ боярскихъ фамилій. Отсюда и развилась ожесточенная борьба новгородскихъ черныхъ людей съ высшими классами мѣстнаго общества. Въ этой борьбѣ вождями обѣихъ сторонъ являются бояре: «молодшіе»

люди также дѣйствуютъ подъ знаменемъ нѣсколькихъ боярскихъ фамилій, которыя держатъ сторону новгородскаго простонародья въ борьбѣ со своею боярскою братіей.

Такъ богатое новгородское боярство остается руководителемъ мѣстной политической жизни во все продолженіе исторіи вольнаго города. Благодаря этому, все мѣстное управленіе съ теченіемъ времени попало въ руки немногихъ знатныхъ домовъ. Изъ нихъ новгородское вѣче выбирало посадниковъ и тысяцкихъ; ихъ члены наполняли новгородскій правительственный совѣтъ, который собственно и давалъ направленіе новгородской политической жизни. Легко замѣтить это господство боярской аристократіи въ Новгородѣ, читая сухую мѣстную лѣтопись. Здѣсь новгородское боярство является даже съ признаками замкнутой правительственной олигархіи. Въ продолженіе XIII в. 15 бояръ преемственно смѣнились на должности посадника, и этихъ смѣнъ было 23, такъ какъ нѣкоторые по нѣсколько разъ избирались на эту должность. Десятеро изъ нихъ вышли изъ двухъ боярскихъ фамилій, изъ которыхъ одна имѣла родоначальникомъ новгородскаго боярина Михалку Степанича, а другая шла отъ другого новгородскаго боярина, Мирошки Нездинича; тотъ и другой были посадниками въ Новгородѣ въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка. Обѣ эти фамиліи были враждебны другъ другу, стояли во главѣ боровшихся между собою партій: Михалчичи были вождями Софійской стороны, гдѣ преимущественно сосредоточивалось новгородское боярство; Нездиничи, напротивъ, были вождями демократической Торговой стороны, гдѣ обыкновенно поднимались возстанія новгородскихъ младшихъ людей противъ боярства. Изъ фамилій Михалчичей, представителей новгородской аристократіи, въ

продолженіе двухъ вѣковъ, съ конца XII и до конца XIV, вышло 12 однихъ посадниковъ, не говоря о другихъ должностяхъ, на которыя избирались члены той же фамиліи.

Такъ встрѣча двухъ противоположныхъ оснований, на которыхъ держался политическій строй Новгорода, повела къ тому, что этотъ вольный городъ при демократическихъ формахъ своего устройства сталъ аристократической республикой, и новгородское общество, вѣчно неспокойное и недовѣрчивое къ знати, все время своей исторіи оставалось въ рукахъ немногихъ знатныхъ фамилій богатыхъ капиталистовъ.

Причины паденія новгородской вольности.

Въ связи съ этимъ противорѣчіемъ формъ и характера политической жизни Новгорода, изъ того же сочетанія внѣшнихъ и внутреннихъ условій, которымъ создана была политическая вольность Новгорода, вышли и причины, подготовившія легкое паденіе этой вольности во второй половинѣ XV в. Отмѣтимъ четыре главныхъ причины.

Первою изъ нихъ былъ *недостатокъ внутренняго общественнаго единенія въ Новгородѣ.* Экономическій бытъ и политическій строй торговаго города создали въ немъ господство боярской олигархіи капиталистовъ и развили рѣзкій антагонизмъ между имущими и неимущими классами. Въ глубинѣ борьбы новгородскихъ партій, наполнявшей смутами исторію вольнаго города въ продолженіе вѣковъ, легко замѣтить сильную соціальную рознь, непримиримую антипатію низшаго, чернаго населенія къ богатымъ фамиліямъ, которыя, захвативъ въ свои руки управленіе городомъ и страной, однѣ пользовались всѣми благами вольности, давая

чувствовать низшимъ классамъ только ея тяжесть и неудобство. Этимъ новгородское боярство пріучило управляемую имъ массу не дорожить вольностью города и съ сочувствіемъ и надеждою обращаться къ князю, у него искать суда и управы противъ своекорыстной и самовластной своей знати.

Второю причиною былъ *недостатокъ земскаго единства и правительственной централизаціи Новгородской области*. Мы видѣли, что составныя части Новгородской земли, мелкіе и крупные міры, очень слабо были связаны съ центромъ. Съ чрезвычайной точностью опредѣливъ свои внѣшнія отношенія къ князьямъ, Новгородъ не внесъ такой же опредѣленности въ свою внутреннюю политическую жизнь. Во внутреннихъ земскихъ отношеніяхъ его господствовали путаница и рознь; части Новгородской земли, подобно классамъ новгородскаго общества, были разъединены взаимнымъ антагонизмомъ или равнодушіемъ, и Новгородъ не обнаруживалъ ни усилій, ни умѣнія связать ихъ съ центромъ и другъ съ другомъ ни крѣпкими правительственными нитями, ни прочными общими интересами. Крупныя области Новгородской земли издавна стремились отколоться отъ центра: псковичи уже въ XIV в. пріобрѣли себѣ полную независимость отъ Новгорода; его отдаленная колонія Вятка съ первыхъ шаговъ своей жизни стала въ независимое отношеніе къ метрополіи; Двинская земля также пыталась оторваться отъ Новгорода. Въ минуту послѣдней рѣшительной борьбы Новгорода за свою вольность не только Псковъ и Вятка, но и Двинская земля не оказали метрополіи никакой поддержки и даже послали свои полки противъ нея на помощь Москвѣ.

Третья слабая сторона въ положеніи Новгорода была его *экономическая зависимость отъ низовой кня-*

жеской Руси, т. е. отъ центральной Великороссіи. Ставъ политическимъ центромъ обширнаго лѣсистаго и болотистаго края, богатѣя помощью внѣшней торговли, Новгородъ всегда нуждался въ привозномъ хлѣбѣ съ низа. Это ставило его въ необходимость поддерживать постоянно дружескія отношенія съ низовой, княжеской Русью. Суздальскіе князья, враждуя съ Новгородомъ, легко вынуждали у него покорность, останавливая въ Торжкѣ обозы съ хлѣбомъ, направлявшіеся въ Новгородъ. Новгородцы не могли быть долго во враждѣ съ князьями: по замѣчанію лѣтописца, тогда «ни жито къ нимъ не идяше ни отколѣ же»; въ Новгородѣ начиналась дороговизна, голодъ; простонародье въ городѣ поднималось и заставляло своихъ бояръ итти на мировую съ княземъ. Но нуждаясь въ дружбѣ съ низовыми князьями, Новгородъ не могъ пріобрѣсти себѣ искреннихъ друзей ни среди ихъ, ни въ самомъ низовомъ населеніи. Никто изъ князей не считалъ Новгородъ своей вотчиной; всѣ они относились къ нему, какъ къ чужому и притомъ богатому городу, на счетъ котораго можно поживиться. Новгородъ богатѣя всегда манилъ князей къ себѣ, какъ лакомый кусокъ, возбуждавшій ихъ аппетитъ, а новгородское устройство было для нихъ досаднымъ препятствіемъ, мѣшавшимъ воспользоваться этимъ кускомъ. Съ другой стороны, разнообразныя причины рано развили въ населеніи княжеской Руси очень враждебныя отношенія къ Новгороду. Эти причины были: своеобразный бытъ Новгорода, его тѣсныя торговыя и культурныя связи съ нѣмецкимъ Западомъ, наконецъ, частые разбойничьи походы на низовые города новгородскихъ молодцовъ, «ушкуйниковъ», которые большими шайками плавали по Волгѣ, разоряя встрѣчные города. Вотъ чѣмъ объясняется радость, съ которой низовая Русь встрѣтила

разгромъ Новгорода при Іоаннѣ III. На новгородцевъ здѣсь привыкли смотрѣть, какъ на крамольниковъ и вѣроотступниковъ, вознесшихся гордостью. Для низоваго лѣтописца новгородцы хуже невѣрныхъ. «Невѣрные, по его словамъ, искони не знаютъ Бога; а эти новгородцы долго были христіанами, а подъ конецъ стали отступать къ латинству; великій князь Іоаннъ пошелъ на нихъ, не какъ на христіанъ, а какъ на идолопоклонниковъ и вѣроотступниковъ». Во время Іоаннова похода въ низовыхъ областяхъ народъ добровольно собирался большими толпами и ходилъ на Новгородскую землю за добычей, вслѣдствіе чего край былъ опустошенъ, по замѣчанію лѣтописца, «до самаго моря».

Наконецъ, четвертымъ важнымъ недостаткомъ въ устройствѣ Новгорода была *слабая военная организація* его. Всѣ свои усилія въ продолженіе вѣковъ городъ обращалъ на развитіе и обезпеченіе торговыхъ интересовъ. Но при своихъ широкихъ промышленныхъ сношеніяхъ городъ, стоя въ сѣверо-западномъ углу Руси, вблизи внѣшнихъ враговъ, всегда нуждался въ князѣ и его боевой дружинѣ. Пока было много соперничавшихъ другъ съ другомъ князей, онъ легко находилъ среди нихъ защитниковъ. Но съ XIV вѣка этихъ князей становится все меньше, а между тѣмъ Новгородъ не воспользовался продолжительнымъ досугомъ, какой ему доставляли княжескія усобицы, для развитія собственной военной силы, достаточной для внѣшней обороны края. Въ XV вѣкѣ уже ни одинъ изъ русскихъ князей не могъ оказать Новгороду помощи при столкновеніи съ великимъ княземъ московскимъ. Оставалось искать помощи у сосѣда, великаго князя литовскаго; но союзъ съ нимъ казался измѣной родной землѣ не только въ глазахъ остальной Руси, но и въ глазахъ низшихъ классовъ новгородскаго общества.

Лѣтописецъ, разсказывая о походѣ Іоанна на Новгородъ, вскрываетъ этотъ важный недостатокъ новгородскаго быта. Въ 1471 г., когда Іоаннъ пошелъ на вольный городъ, послѣдній наскоро двинулъ противъ него 40 тысячъ всякаго сброда, гончаровъ, плотниковъ и другихъ ремесленниковъ, которые даже не умѣли хорошенько сидѣть на коняхъ и вызвали дружный смѣхъ въ московскихъ полкахъ при первой встрѣчѣ съ ними. Четырехъ тысячъ съ небольшимъ московской рати достаточно было, чтобы разбить на голову этотъ сбродъ и положить на мѣстѣ тысячъ двѣнадцать.

Но во всѣхъ этихъ недостаткахъ надобно видѣть только условія легкости, съ какою палъ Новгородъ, а не причины самаго его паденія. Новгородъ палъ бы, если бы даже былъ свободенъ отъ этихъ недостатковъ. Судьба его вольности была рѣшена не той или другой слабой стороной его строя, а болѣе общей причиной, болѣе широкимъ и гнетущимъ историческимъ процессомъ. Къ половинѣ XV в. образованіе великорусской народности уже завершилось; ей недоставало только политическаго единства. Эта народность должна была бороться за свое существованіе на востокѣ, на югѣ и на западѣ. Она искала политическаго центра, около котораго могла бы собрать свои силы для тяжелой борьбы. Такимъ центромъ сдѣлалась Москва. Встрѣча удѣльныхъ династическихъ стремленій московскихъ князей съ политическими потребностями всего великорусскаго населенія и рѣшила участь не только Новгорода Великаго, но и другихъ самостоятельныхъ политическихъ міровъ, какіе еще оставались на Руси къ половинѣ XV в. Уничтоженіе обособленности земскихъ частей было жертвой, которой требовало общее благо всей земли, и московскій государь явился исполнителемъ этого требованія. Новгородъ при лучшемъ поли-

тическомъ устройствѣ могъ вести болѣе упорную борьбу съ Москвой, но результатъ этой борьбы былъ бы тотъ же: Новгородъ неминуемо палъ бы подъ ударами Москвы.

Третій періодъ.

Обратимся къ изученію третьяго періода нашей исторіи. Этотъ періодъ начинается съ половины XV в., точнѣе говоря, со вступленія Іоанна III на великокняжескій столъ въ 1462 г., и продолжается до начала XVII в. (1613 г.), когда на московскомъ престолѣ появляется новая династія. Мы назвали этотъ періодъ временемъ Московской Руси или Великорусскаго государства. Обозначимъ напередъ главныя явленія этого періода.

Сѣверная Русь, дотолѣ разбитая на самостоятельные мѣстные міры, объединяется подъ одною государственною властью. Этой политически-объединенной Русью правитъ московскій государь, но онъ правитъ при содѣйствіи новаго класса, вокругъ него образовавшагося, бояръ. Основой народнаго хозяйства въ этомъ государствѣ остается попрежнему земледѣльческій трудъ вольнаго крестьянина, работающаго на государственной или частной землѣ; но государственная земля все болѣе переходитъ въ руки новаго военнаго класса, создаваемаго государствомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе стѣсняется свобода крестьянскаго труда, замѣняясь личной зависимостью крестьянина отъ служилаго землевладѣльца. Таковы главныя явленія, которыя въ этомъ періодѣ намъ предстоитъ изучить.

Основной фактъ московскаго періода русской исторіи.

Прежде всего попытаемся вывести основной фактъ, послужившій исходной точкой явленій, наполняющихъ этотъ періодъ нашей исторіи. Что̀ даетъ намъ право положить на половинѣ XV вѣка грань новаго періода? Въ событіяхъ этого времени дѣйствуетъ, какъ вождь московскаго общества, московскій государь, правящій московскимъ государствомъ. Мы часто представляемъ себѣ эти явленія, московскаго государя съ государствомъ, фактами какъ будто уже готовыми въ самомъ началѣ періода, которые выросли какъ-то незамѣтно, сами собою. Но эти явленія съ многоразличными отношеніями и понятіями, которыя съ ними связаны, не были еще готовы въ половинѣ XV в., а явились результатомъ медленнаго и сложнаго процесса.

При вступленіи на великокняжескій столъ Іоанна III, во главѣ Сѣверной Руси не стоялъ еще московскій государь и не было Московскаго государства въ настоящемъ политическомъ значеніи этого слова. Среди многихъ удѣльныхъ и великихъ князей былъ великій князь московскій, но пока—лишь хозяинъ богатѣйшей вотчины, который возвышался надъ остальными князьями не качествомъ, а количествомъ матеріальныхъ вотчинныхъ средствъ. Въ памятникахъ, являющихся, правда, съ половины XV вѣка, мы встрѣчаемъ всѣ прежнія удѣльныя явленія, знакомыя намъ формы удѣльныхъ княжескихъ отношеній. Въ договорахъ великаго князя съ удѣльными, младшими его родичами, послѣдніе обязываются держать великаго князя своимъ старшимъ братомъ «въ отца мѣсто», а великій князь обязывается держать младшихъ «въ братствѣ, безъ обиды». Въ договорныхъ и духовныхъ грамотахъ московскихъ князей

встрѣчаются не только прежнія опредѣленія, но и прежній удѣльный языкъ. Точно также и въ исторіи Сѣверной Руси продолжаются прежніе процессы. Мы видѣли, что въ Московскомъ княжествѣ удѣльныхъ вѣковъ параллельно развиваются два факта: постепенное собираніе Руси Москвою и постоянное вотчинное усиленіе старшаго изъ московскихъ князей. Ни тотъ, ни другой процессъ далеко не былъ еще доведенъ до конца, когда Іоаннъ III занялъ мѣсто своего отца. Московское собираніе Руси еще далеко не уничтожило всѣхъ самостоятельныхъ русскихъ міровъ, вольныхъ городовъ и княжествъ. Московскій великій князь еще не достигъ такого перевѣса силъ надъ князьями удѣльными, который бы превращалъ послѣднихъ въ подручниковъ перваго, его подданныхъ. Итакъ, на поверхности жизни продолжаются пока еще прежнія явленія.

Замѣтны, впрочемъ, въ дальнѣйшемъ процессѣ собиранія Руси нѣкоторыя новыя черты. До Іоанна III земельныя пріобрѣтенія московскихъ князей носили характеръ либо захватовъ, либо денежныхъ сдѣлокъ. Теперь въ дѣло этого собиранія вмѣшиваются новыя, незамѣтныя прежде условія, которыя могущественно содѣйствуютъ его успѣху, сообщаютъ ему ускоренный ходъ и новый характеръ. Теперь мѣстныя общества сами начинаютъ по различнымъ побужденіямъ все болѣе тяготѣть къ Москвѣ. Въ вольныхъ городахъ низшіе классы становятся на сторону Москвы въ борьбѣ съ мѣстною аристократіей. Это сочувствіе новгородскаго простонародья Москвѣ много помогло Іоанну III въ борьбѣ съ Новгородомъ. Совсѣмъ другое явленіе мы замѣчаемъ въ другихъ великихъ княжествахъ Сѣверной Руси, оставшихся еще независимыми въ началѣ Іоаннова княженія. Здѣсь, напротивъ, верхніе слои общества, бояре и служилые люди, тяготѣютъ къ Москвѣ, соблазняясь

выгодами московской службы. Такъ, изъ Твери, еще задолго до послѣдняго удара, нанесеннаго ей Москвой, мѣстные бояре и дѣти боярскія стали толпами переходить на московскую службу. Когда Іоаннъ только еще собирался въ походъ на Тверь въ 1485 г., многіе тверскіе бояре и дѣти боярскія покинули своего князя и ушли служить въ Москву. Когда Іоаннъ осадилъ Тверь, новая толпа тверскихъ бояръ и удѣльныхъ князей явилась въ московскій лагерь на службу къ Іоанну. Мѣстный тверской лѣтописецъ называетъ этихъ перелетовъ крамольниками и считаетъ ихъ главными виновниками паденія Твери. То же самое явленіе встрѣчаемъ и въ другомъ великомъ княжествѣ—Рязанскомъ. Это княжество было присоединено къ Москвѣ уже при Іоанновѣ сынѣ въ 1517 г. Но задолго до этого московскій князь имѣлъ тамъ опору въ главномъ рязанскомъ бояринѣ, Коровьинѣ, который и подготовилъ низложеніе своего великаго князя. Наконецъ, любопытное движеніе, выгодное для Москвы, обнаруживается въ мелкихъ русскихъ княжествахъ, зависѣвшихъ отъ великаго князя литовскаго. Во второй половинѣ XV в. здѣсь русское общество возстаетъ противъ католической пропаганды, которая начала дѣйствовать подъ покровительствомъ польско-литовскаго короля Казиміра. Вслѣдъ за русскимъ православнымъ обществомъ идутъ и мелкіе князья: подъ давленіемъ религіозныхъ интересовъ они одинъ за другимъ переходятъ со своими вотчинами на службу къ московскому государю, добровольно отказываясь отъ самостоятельности, какой пользовались подъ рукою польско-литовскаго короля. Такимъ образомъ, *разные классы общества въ вольныхъ городахъ и княжествахъ вмѣстѣ съ самими князьями начинаютъ тяготѣть къ Москвѣ.* До сихъ поръ земельныя пріобрѣтенія Москвы имѣли характеръ захватовъ или выгодныхъ финансо-

выхъ сдѣлокъ съ другими князьями; теперь, когда сами мѣстныя общества стали тяготѣть къ Москвѣ, какъ къ своему религіозно-политическому центру, *собираніе Руси Москвой теряетъ характеръ мелкихъ вотчинныхъ промысловъ и становится движеніемъ національно-религіознымъ.* Вмѣшательство этого новаго условія въ московское собираніе Руси сообщаетъ ему ускоренный ходъ.

Когда Іоаннъ III садился на отцовскій столъ, на Руси существовало еще очень много самостоятельныхъ или полу-независимыхъ политическихъ тѣлъ. Ихъ можно раздѣлить на два разряда по характеру ихъ политическаго устройства: то были или вольные города, или княжества. Эти княжества принадлежали князьямъ двухъ линій: Всеволода III и стараго Святослава Черниговскаго. Къ племени Всеволода принадлежали великіе и удѣльные князья тверскіе, ярославскіе и ростовскіе; потомству Святослава Черниговскаго принадлежало великое княжество Рязанское и многія другія мелкія удѣльныя княжества (Одоевское, Воротынское, Новосильское, Бѣлевское и др.). Съ половины XV в. и вольные города съ ихъ областями и эти великія и удѣльныя княжества входятъ въ составъ московской территоріи. Довольно сухого перечня этихъ новыхъ крупныхъ пріобрѣтеній Москвы, чтобы видѣть, какимъ ускореннымъ ходомъ пошло собираніе Руси въ это время. Въ 1463 г. всѣ князья ярославскіе, великій и удѣльные, били Іоанну челомъ о принятіи ихъ на московскую службу и добровольно отказались отъ своей самостоятельности. Въ 1470-хъ годахъ покоренъ былъ Новгородъ со своей обширной областью на сѣверѣ Руси. Въ 1474 г. князья ростовскіе продали Іоанну принадлежавшую имъ половину Ростовскаго княжества; другая его половина еще раньше, до Іоанна, была куплена Москвой. Эта продажа сопровождалась вступленіемъ ростовскихъ князей въ

число московскихъ бояръ. Въ 1472 г. покорена была Пермь, въ 1485 г.—Тверь, въ 1489 г.—Вятка, и московскіе полки впервые перешли за Уралъ въ Сибирь. Въ 1490—1492 гг. князья вяземскіе и цѣлый рядъ мелкихъ князей черниговской линіи покинули льготную литовскую зависимость и перешли на московскую службу. При Іоанновѣ преемникѣ къ московскимъ владѣніямъ присоединены были: въ 1510 г. вольный Псковъ со своею областью, въ 1514 г. Смоленское княжество, еще при Витовтѣ завоеванное Литвою, въ 1517 г. княжество Рязанское, въ 1517—1523 г.г. княжества: Новгородъ-Сѣверское и Стародубское. Остановимся на этомъ, чтобы видѣть, какъ расширялась территорія Московскаго княжества въ эти два княженія (мы не будемъ говорить объ обширныхъ завоеваніяхъ, сдѣланныхъ на югѣ и на востокѣ Іоанномъ IV). При вступленіи Іоанна III на столъ отца вся московская территорія заключала въ себѣ не болѣе 15.000 кв. миль. Пріобрѣтенія, сдѣланныя Іоанномъ III и его сыномъ, увеличили эту территорію, по меньшей мѣрѣ, тысячъ на 40 кв. миль.

Такова перемѣна, происшедшая въ положеніи Московскаго княжества. Территоріальное расширеніе оказало могущественное дѣйствіе на политическое положеніе этого княжества и его князя. Представивъ себѣ новыя границы Московскаго княжества, созданныя перечисленными территоріальными пріобрѣтеніями, легко видѣть, что это княжество теперь вобрало въ себя цѣлую народность. Въ удѣльные вѣка путемъ колонизаціи въ Центральной и Сѣверной Руси сложилось новое племя въ составѣ русскаго населенія, образовалась народность великорусская. Но до половины XV в. эта народность оставалась лишь фактомъ этнографическимъ, а не политическимъ: она была разбита на нѣсколько самостоятельныхъ политическихъ частей; единство націо-

нальное не выражалось въ единствѣ государственномъ. Теперь вся эта народность соединилась подъ одной государственной властью. Это сообщило новый характеръ Московскому княжеству. До сихъ поръ оно было однимъ изъ нѣсколькихъ княжествъ Сѣверной Руси; теперь оно осталось здѣсь единственнымъ и потому стало національнымъ: его границы совпали съ предѣлами великорусской народности. Вотъ тотъ основной фактъ, отъ котораго пошли всѣ другія явленія нашей исторіи XV и XVI вѣковъ. Можно такъ выразить этотъ фактъ: *завершеніе территоріальнаго собиранія Сѣверо-Восточной Руси Москвой превратило Московское княжество въ національное великорусское государство и такимъ образомъ сообщило великому князю московскому значеніе національнаго великорусскаго государя.* Изъ этого факта и вышелъ рядъ важныхъ политическихъ послѣдствій.

Послѣдствія политическаго объединенія Московской Руси.

Московское великое княжество теперь становится государствомъ великорусскимъ. Вслѣдствіе этого, во-первыхъ, *измѣняется внѣшняя политика Московскаго государства.* До сихъ поръ оно почти со всѣхъ сторонъ было прикрыто отъ внѣшнихъ враговъ другими русскими княжествами, великими и удѣльными: на сѣверо-востокѣ и востокѣ—Ярославскимъ, и до конца XIV в. Нижегородскимъ, на югѣ—Рязанскимъ и цѣлымъ рядомъ черниговскихъ княжествъ, на западѣ—Смоленскимъ (до завоеванія его Литвою). Теперь всѣ эти прикрытія исчезаютъ, и Московское княжество становится глазъ на глазъ съ государствами, которыя не принадлежатъ къ семьѣ русскихъ княжествъ. Благодаря этой перемѣнѣ во внѣшнемъ положеніи княжества, измѣняется

политика московскихъ князей. Они усваиваютъ себѣ новыя задачи, непохожія на тѣ, которыя стояли передъ московскими князьями удѣльнаго періода. Тогда внѣшнія отношенія московскихъ князей почти ограничивались тѣснымъ кругомъ своей же братіи, другихъ русскихъ великихъ и удѣльныхъ князей. Теперь внѣшняя политика московскаго правительства выходитъ на болѣе широкую дорогу: завязываются сложныя дипломатическія сношенія съ иноземными государствами, Шведами и Литвой—на западѣ, съ Татарами—на югѣ и востокѣ.

Въ удѣльные вѣка подъ вліяніемъ политическаго раздробленія Руси въ русскихъ умахъ померкла, было, мысль о національномъ и политическомъ единствѣ Русской земли. Теперь, когда Великороссія объединяется подъ одной государственной властью, это *забытое понятіе о земскомъ единствѣ возрождается.* Замѣчательно, что мысль о единствѣ Русской земли вырабатывается прежде всего въ правительственной средѣ путемъ внѣшнихъ сношеній и столкновеній, и уже изъ правительственной среды проникаетъ въ общество. Первой провозвѣстницей этой мысли является московская дипломатія Іоаннова времени; прежде всего эту мысль встрѣчаемъ въ московскихъ дипломатическихъ бумагахъ. Приведемъ изъ нихъ нѣсколько, можетъ быть, не самыхъ выразительныхъ чертъ. Вслѣдствіе возобновившагося перехода русскихъ князей изъ литовскаго подданства на московскую службу, Іоаннъ III вступилъ вторично въ борьбу со своимъ зятемъ, литовскимъ княземъ Александромъ. Тогда (1501 г.) явился посредникомъ между враждующими сторонами посолъ отъ папы и венгерскаго короля Владислава (брата Александра). Этотъ посолъ упрекалъ московское правительство за то, что оно захватываетъ у сосѣдей чужія вотчины, земли, на которыя не имѣетъ никакого права. На это московское правитель-

ство возразило ему: «короли Владиславъ и Александръ объявляютъ, что хотятъ стоять противъ насъ за свою вотчину; но что̀ они называютъ вотчиной? Не тѣ ли города и волости, съ которыми русскіе князья пришли къ намъ служить, или которые наши люди у Литвы побрали? Папѣ, надѣемся, хорошо извѣстно, что короли Владиславъ и Александръ вотчичи Польскаго королевства да Литовской земли отъ своихъ предковъ, а Русская земля отъ нашихъ предковъ изъ старины наша отчина; вся Русская земля Божіею волею наша отчина. Папа положилъ бы себѣ то на разумъ, гораздо ли короли поступаютъ, что не за свою вотчину съ нами воевать хотятъ». Итакъ, вся Русская земля, а не одна великорусская ея половина только, объявлена была вотчиной московскаго государя. То же самое заявленіе встрѣчаемъ по заключеніи перемирія съ Александромъ въ 1503 г. Литовскій государь жаловался Іоанну, что тотъ не отдаетъ ему захваченныхъ у Литвы земель, что ему, Александру, жаль своей вотчины. «А мнѣ—возражалъ Іоаннъ—развѣ не жаль своей вотчины, Русской земли, которая за Литвой, Кіева, Смоленска и другихъ городовъ»? Эта мысль о единствѣ Русской земли изъ историческаго воспоминанія теперь превращается въ политическое притязаніе, которое московское правительство и спѣшило заявить во всѣ стороны, какъ свое неотъемлемое право. Послѣ заключенія перемирія съ Литвою посланъ былъ въ Крымъ посолъ разъяснить значеніе этого событія усердному московскому союзнику, хану Менгли-Гирею. Московскій посолъ долженъ былъ говорить Татарамъ: «у государя московскаго съ литовскимъ прочнаго мира нѣтъ: литовскій хочетъ у московскаго городовъ и земель, которые у него взяты, а московскій хочетъ у литовскаго своей вотчины, всей Русской земли; перемиріе теперь заключено только для того,

чтобы люди поотдохнули, да взятые города за собою укрѣпить».

Таковы были ближайшія послѣдствія, вышедшія изъ территоріальнаго расширенія Московскаго княжества съ половины XV в. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ внѣшняго положенія княжества измѣнилось и значеніе его князя и программа его внѣшней политики. Московское княжество получило значеніе національнаго государства; владѣтели Великорусской земли, правители этого государства, поставили на очередь вопросъ о политическомъ объединеніи всей Русской земли, и изъ этого вопроса, поставленнаго необыкновенно ясно и твердо, произошла вѣковая борьба двухъ сосѣднихъ славянскихъ государствъ, составляющая главное содержаніе московской внѣшней политики съ половины XV вѣка.

Внутренніе успѣхи власти московскаго князя.

Быстрое расширеніе территоріи Московскаго княжества не было только перемѣною въ политической географіи; оно сопровождалось цѣлымъ рядомъ послѣдствій, отразившихся какъ во внѣшнемъ положеніи Московскаго государства, такъ и въ его внутреннемъ складѣ. Прежде всего, этотъ географическій фактъ придалъ національное значеніе удѣльному Московскому княжеству; новыя границы послѣдняго совпадали съ предѣлами великорусской народности. Московскій князь, прежде лишь одинъ изъ удѣльныхъ, теперь получилъ значеніе государя національнаго, великорусскаго. Далѣе, совпаденіе это измѣнило внѣшнее положеніе Московскаго княжества, сдѣлавъ его непосредственнымъ сосѣдомъ съ внѣшними врагами: Шведами, Поляками, Татарами, отъ которыхъ оно дотолѣ было прикрыто другими, также русскими княжествами: Тверскимъ, Нижегородскимъ,

Рязанскимъ, Смоленскимъ, Новгородской и Псковской землей. Политическое объединеніе Великой Руси пробудило въ московскомъ правительствѣ мысль о политическомъ соединеніи всей Русской земли, сообщило новую, болѣе широкую программу внѣшней московской политикѣ.

Таковы были первыя послѣдствія изучаемаго факта, о которомъ я уже говорилъ. Теперь я перечислю рядъ другихъ и прежде всего укажу на то дѣйствіе, какое этотъ фактъ оказалъ на политическое сознаніе московскаго государя. Нигдѣ въ памятникахъ того времени мы не встрѣчаемъ прямого и яснаго выраженія новыхъ политическихъ понятій, какія тогда слагались въ правительственныхъ умахъ. Тогдашніе государственные дѣльцы не любили ни начинать съ отвлеченныхъ понятій, ни быстро переходить отъ новыхъ фактовъ къ новымъ идеямъ. Но, почувствовавъ себя въ новомъ положеніи, верховная власть тогда ощупью искала себѣ дома и на чужой сторонѣ формъ, которыя бы отвѣчали этому положенію, и уже посредствомъ этихъ формъ старалась уяснить себѣ свое новое положеніе. Съ этой стороны получили нѣкоторое значеніе придворный церемоніалъ и дипломатическія подробности, появившіеся въ княженіе Іоанна III.

Іоаннъ III былъ женатъ въ первый разъ на дочери своего сосѣда, князя тверского. Овдовѣвъ онъ сталъ искать себѣ новую жену. Въ Римѣ жила тогда бѣглая племянница послѣдняго византійскаго императора— Софія Палеологъ. Несмотря на то, что со времени Флорентинской уніи Греки сильно уронили себя въ глазахъ православныхъ, что Софія жила такъ близко къ ненавистному папѣ, московскій государь выписалъ себѣ византійскую царевну и женился на ней (1472 г.). Эта царевна получила важное значеніе при московскомъ дворѣ. Бояре XVI в. приписывали ей всѣ

непріятныя имъ нововведенія, какія съ того времени завелись при московскомъ дворѣ. Австрійскій посолъ Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ при преемникѣ Іоанна III, пишетъ, что эта великая княгиня сдѣлала многое. Разсказываютъ даже, что по ея внушенію Іоаннъ III рѣшился сбросить татарское иго. Царевна цѣнилась въ Москвѣ, и сама себя цѣнила не столько какъ великая княгиня, сколько какъ византійская принцесса. Въ Троице-Сергіевскомъ монастырѣ хранится шитая шелковая пелена собственнаго рукодѣлія Софіи; она была вышита въ 1498 г. Въ 26 лѣтъ замужества Софіи, кажется, пора было забыть про свое дѣвичество; однако въ подписи на пеленѣ она все еще величаетъ себя царевной цареградской, а не великою княгинею московской. Почувствовавъ себя въ новомъ положеніи, да еще съ такой важной женой, Іоаннъ III нашелъ некрасивой и тѣсной прежнюю кремлевскую обстановку, въ какой жили его предки. Вслѣдъ за Софіей выписаны были изъ Италіи мастера, построившіе новый каменный дворецъ на мѣстѣ прежнихъ деревянныхъ хоромъ и новый Успенскій соборъ. Съ того времени сталъ заводиться при дворѣ тотъ сложный и строгій церемоніалъ, который сообщалъ такую натянутость придворнымъ московскимъ отношеніямъ.

Точно такъ же какъ дома, въ Кремлѣ, такъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ Іоаннъ сталъ выступать болѣе торжественнымъ шагомъ. Въ дипломатической перепискѣ его времени мы встрѣчаемъ новую, болѣе пышную терминологію. Теперь въ сношеніяхъ съ литовско-польскимъ правительствомъ великій князь московскій впервые отважился показать европейскому политическому міру притязательный титулъ *государя всея Руси*, который прежде служилъ лишь только для домашняго обихода, употребляясь въ актахъ внутренняго управленія. Почув-

ствовавъ себя и по женѣ, и по православному христіанству преемникомъ византійскихъ императоровъ, Іоаннъ нашелъ неприличнымъ именоваться просто по-русски «Иваномъ, государемъ, великимъ княземъ»; теперь онъ пишется: «Іоаннъ, и *Божіею милостію государь и великій князь всея Руси*», и къ этому титулу привѣшивается длинный рядъ эпитетовъ: «князь Владимірскій, Московскій, Псковскій, Тверской, Пермскій, Югорскій, Болгарскій и иныхъ». Въ сношеніяхъ съ неважными иностранными дворами впервые появляется и титулъ «*царь всея Руси*»; этотъ терминъ, какъ извѣстно, есть русская сокращенная форма «цесаря» (имъ звались прежде у насъ лишь ханъ Золотой Орды, да императоръ византійскій). Съ титуломъ «царь» въ актахъ внутренняго управленія появляется и сходный съ нимъ по значенію титулъ *самодержецъ* (книжный переводъ извѣстнаго византійскаго термина αὐτοκράτωρ). Этотъ терминъ выражалъ понятіе не о государѣ съ неограниченной властью, а о государѣ независимомъ, никому не платящемъ дани. Самодержецъ на политическомъ языкѣ того времени противополагался тому, кого мы называемъ вассаломъ. Новая жена пробудила также мысль о связи русскихъ государей съ павшимъ византійскимъ дворомъ. Какъ наглядное выраженіе преемственной связи обѣихъ династій, принятъ былъ въ Москвѣ и *византійскій гербъ*, двуглавый орелъ. Гербъ этотъ появился впервые въ одномъ договорѣ Іоанна III съ сыновьями удѣльнаго брата Бориса Волоцкаго (1497 г.), т. е. 25 лѣтъ спустя послѣ женитьбы на Софіи.

Такъ медленно и осторожно сказывалась во внѣшнихъ формахъ мысль о новомъ значеніи монархической власти. Въ оффиціальной литературѣ находимъ слѣды той же усиленной работы политической мысли, того

*

же стремленія верховной власти уяснить себѣ новое свое значеніе помощью формъ, заимствованныхъ со стороны. Тогда же въ нашихъ лѣтописяхъ появляется сказаніе о происхожденіи перваго князя Рюрика отъ перваго римскаго цезаря Августа, и даже высчитанъ былъ рядъ колѣнъ, отдѣлявшій русскаго потомка отъ этого предка. Всѣ эти подробности любопытны, какъ признаки успѣховъ политическаго самосознанія государственной власти, развивавшагося подъ дѣйствіемъ новаго положенія государства.

Работа политической мысли, нагромождая вокругъ государя и даже вокругъ его титула такое количество новыхъ украшеній, углублялась даже въ самое существо верховной власти. Почувствовавъ себя въ новомъ положеніи, московскій государь считалъ уже недостаточнымъ прежній источникъ своей власти. Этимъ источникомъ была вотчина и дѣдина, преемство отъ отца и дѣда. Теперь стараются поставить власть на болѣе возвышенное основаніе, дать ей божественное происхожденіе. Въ 1486 г. нѣмецкій рыцарь Поппель, странствуя по малоизвѣстнымъ, отдаленнымъ странамъ, попалъ какимъ то образомъ въ Москву. Онъ, повидимому, и не подозрѣвалъ прежде существованія ни этой столицы, ни страны, для которой она служила политическимъ центромъ. На Западѣ знали преимущественно Русь Польско-Литовскую, и многіе не подозрѣвали существованія Руси Московской. Видъ этой новой Руси былъ для рыцаря вполнѣ открытіемъ политическимъ и этнографическимъ. Воротясь домой, онъ разсказывалъ, что за Польской Русью есть еще другая Русь, Московская, независимая отъ Татаръ, отъ Польши, государь которой будетъ, пожалуй, побогаче и посильнѣе самого короля польскаго. Германскій императоръ рѣшился завести сношенія съ этой новооткрытой страной и послалъ

Поппеля въ Москву просить у Іоанна руки одной изъ его дочерей для своего племянника и въ вознагражденіе за это предложилъ титулъ короля. Въ Москвѣ благодарили за любезное предложеніе, но въ отвѣтъ великій князь велѣлъ сказать послу: «а что ты намъ говоришь о королевствѣ, то мы, Божіей милостью, государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, а поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы. Просимъ Бога, чтобы намъ и дѣтямъ нашимъ всегда далъ быть такъ, какъ мы теперь государи на своей землѣ; а поставленія, какъ и прежде ни отъ кого не хотѣли, такъ не хотимъ и теперь».

Мысль о власти самобытной и самостоятельной заставляла думать и о назначеніи этой власти, и о ея задачахъ. Увидавъ себя государемъ цѣлаго православнаго народа, московскій государь сталъ смутно угадывать и тѣ новыя политическія обязанности, какія ложились на него, какъ охранителя народныхъ интересовъ. Неясное выраженіе этой мысли встрѣчается въ одномъ дошедшемъ до насъ въ позднѣйшей редакціи разсказѣ изъ временъ Іоанна III. Въ 1491 г., согласно съ договоромъ, Іоаннъ велѣлъ своимъ удѣльнымъ братьямъ послать ихъ полки на помощь союзнику своему крымскому хану. Князь углицкій, Андрей Большой, не послушался. Въ Москвѣ на первое время смолчали и дождались пріѣзда удѣльнаго князя въ столицу. Андрея ласково приняли во дворцѣ, но потомъ неожиданно схватили и посадили въ тюрьму. Митрополитъ ходатайствовалъ передъ великимъ княземъ за арестованнаго, но Іоаннъ отказался освободить его, говоря, что ужъ и прежде нѣсколько разъ этотъ князь злоумышлялъ противъ него. «Да это было бы еще ничего, прибавилъ Іоаннъ, но, когда я умру, онъ будетъ искать

великаго княженія подъ внукомъ моимъ, и если даже не будетъ самъ, то смутитъ дѣтей моихъ; и станутъ они воевать другъ съ другомъ, а Татары будутъ Русскую землю бить, жечь и плѣнять и дань опять наложатъ, и кровь христіанская польется попрежнему, и всѣ мои труды останутся напрасными: вы попрежнему будете рабами Татаръ». Можетъ быть, Іоаннъ и не выражалъ своихъ мыслей въ такой торжественной формѣ, но присутствіе въ немъ подобныхъ мыслей очень вѣроятно.

Стремленіе создать себѣ поступь, соотвѣтствующую новому взгляду на себя, вызвало и новый государственный обрядъ, въ которомъ всего нагляднѣе выразились успѣхи политическаго сознанія, достигнутые московскимъ государемъ. Предшественники Іоанна, великіе князья московскіе, просто садились на великокняжескій столъ отцовъ и дѣдовъ. Іоаннъ III нашелъ этотъ обычай простымъ, не соотвѣтствующимъ новому значенію московскаго государя. Онъ завелъ обычай вѣнчать преемника на великое княженіе торжественнымъ церковнымъ обрядомъ. Еще при жизни своей Іоаннъ III объявилъ наслѣдникомъ старшаго сына Іоанна, но послѣдній умеръ еще при жизни отца; послѣ него остался его сынъ Димитрій. Этого внука, помимо своего второго сына, Василія, Іоаннъ въ 1498 г. вѣнчалъ на царство. Въ Успенскомъ соборѣ великій князь-дѣдъ возложилъ на великаго князя-внука шапку и бармы Мономаха. Подлинность этихъ украшеній остается на совѣсти тогдашней московской археологіи. Во время вѣнчанія митрополитъ, обращаясь къ дѣду, назвалъ его «Преславнымъ Царемъ Самодержцемъ». Торжественный случай вызвалъ въ потомкѣ Калиты потребность оглянуться назадъ и призвать исторію въ свидѣтели новаго порядка престолонаслѣдія (въ прямой нисходящей ли-

нiи), какой устанавливалъ Iоаннъ вопреки исторiи. Обратясь къ митрополиту, Iоаннъ сказалъ: «отецъ митрополитъ, Божiимъ изволенiемъ отъ нашихъ прародителей—великихъ князей—старина оттолѣ и до сихъ мѣстъ: отцы наши, великiе князья, сыновьямъ своимъ старшимъ давали княженiе великое; и я, было, своего перваго сына Iоанна при себѣ благословилъ великимъ княженiемъ, но Божiею волею сынъ мой Iоаннъ умеръ; у него остался сынъ первый Димитрiй, и я его теперь благословляю при себѣ и послѣ себя великимъ княженiемъ владимiрскимъ, московскимъ и новгородскимъ, и ты бы его, отецъ, на великое княженiе благословилъ». Впослѣдствiи дѣдъ разжаловалъ внука и назначилъ преемникомъ своего сына Василiя, который по смерти отца повторилъ надъ собой торжественный обрядъ вѣнчанiя. Вотъ почему Василiй первый назывался «Помазанникомъ Божiимъ».

Таковъ рядъ новыхъ явленiй, которыя мы встрѣчаемъ уже при Iоаннѣ III въ придворной жизни, въ дипломатiи и въ государственномъ церемонiалѣ. Такими внѣшними украшенiями носители верховной власти старались уяснить себѣ и другимъ новый взглядъ на свои права и обязанности. Въ духовной Iоанна III находимъ рядъ новыхъ явленiй болѣе важнаго характера: изъ нея мы видимъ, что успѣхи политическаго сознанiя верховной власти не ограничивались церемонiаломъ, обрядомъ, но дѣйствовали и на государственное право. Давно уже московскiе князья въ распредѣленiи своихъ владѣнiй между наслѣдниками оказывали рѣшительное предпочтенiе старшему сыну. Такое предпочтенiе оказалъ и Iоаннъ III въ своемъ завѣщанiи старшему сыну Василiю. Мы уже замѣтили, въ какой степени Василiй превышалъ остальныхъ князей, своихъ братьевъ, количествомъ владѣнiй. Отецъ завѣщалъ

ему одному 90 городовъ съ областями, тогда какъ четыре его брата, всѣ вмѣстѣ, получили не болѣе 26. Доходъ Василія съ его владѣній болѣе, чѣмъ въ два съ половиной раза превышалъ доходъ всѣхъ его удѣльныхъ младшихъ братьевъ, насколько можно судить по долѣ, какую вносилъ великій князь въ составъ каждой 1.000 р. на ордынскіе расходы (717 р.).

Но духовная Іоанна III не ограничивалась только матеріальнымъ, хозяйственнымъ преобладаніемъ старшаго наслѣдника. Она даетъ ему важныя политическія преимущества надъ младшими братьями. Въ этомъ отношеніи духовная Іоанна есть первый актъ въ исторіи нашего государственнаго права. Названныя преимущества были слѣдующія. 1) Прежде братья-сонаслѣдники совмѣстно по участкамъ владѣли городомъ Москвой; по духовной Іоанна столицей владѣетъ и правитъ и всѣ пошлины собираетъ съ нея одинъ великій князь, только изъ собранныхъ доходовъ онъ выдѣляетъ князьямъ удѣльнымъ по 100 р. въ годъ. 2) Прежде подмосковные станы вмѣстѣ съ самой столицей дѣлились на участки между наслѣдниками, и каждый изъ наслѣдниковъ творилъ судъ и расправу въ доставшихся ему части столицы и подмосковныхъ станахъ; здѣсь господствовала чрезполосная юрисдикція; по духовной Іоанна III судъ по важнымъ уголовнымъ дѣламъ въ Москвѣ и въ подмосковныхъ станахъ, доставшихся въ удѣлъ братьямъ, принадлежалъ исключительно одному великому князю. 3) Прежде каждый князь, великій или удѣльный, билъ свою монету, и въ нашихъ нумизматическихъ кабинетахъ осталось множество образцовъ этой удѣльной монеты XIV и XV вѣковъ; по духовной Іоанна III право бить монету предоставлено было исключительно великому князю московскому. 4) Прежде удѣльные князья пользовались полной свободой располагать судьбою

своей вотчины по смерти, путемъ завѣщанія; великій князь Димитрій Донской впервые стѣснилъ это право въ одномъ частномъ случаѣ: удѣльные князья, умирая безсыновными, не имѣли права никому завѣщать свой удѣлъ, который по смерти ихъ дѣлился между оставшимися братьями; Іоаннъ III направилъ это ограниченіе въ пользу великаго князя: выморочный удѣлъ переходилъ безъ раздѣленія къ послѣднему, доля удѣла, отданная княгинѣ-вдовѣ на прожитокъ, оставалась въ ея пользованіи только до смерти, «до живота», а потомъ также отходила къ великому князю. Наконецъ, 5) Іоаннъ III договорами съ своими братьями присвоилъ одному себѣ право вести сношенія съ иноземными государями; удѣльный князь могъ сноситься съ иностранными государями только съ вѣдома и согласія великаго князя. Такимъ образомъ великій князь московскій поднялся надъ удѣльными не однимъ количествомъ своихъ владѣній, не перевѣсомъ только силъ, но и превосходствомъ политическихъ правъ. Старшій сынъ Іоанна III могъ впервые назвать себя государемъ въ политическомъ, а не въ прежнемъ вотчинномъ только значеніи этого слова.

Таковы были политическіе успѣхи, достигнутые московскимъ государемъ, когда власть его начала дѣйствовать въ новыхъ національныхъ предѣлахъ его государства. Въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ политическое преобладаніе великаго князя повело къ уничтоженію самыхъ удѣловъ. Іоаннъ IV въ духовной 1572 г. отказалъ все царство русское своему старшему сыну Іоанну, но выдѣлилъ удѣлъ для младшаго сына Ѳеодора. Однако, удѣлъ этотъ не становился особымъ, самостоятельнымъ владѣніемъ; удѣльный князь—зависимый государь: онъ во всемъ подчиненъ царю—великому князю; да и самый удѣлъ его оставался подъ верхов-

нюю властью старшаго брата, какъ единственнаго государя: «а удѣлъ сына моего Ѳеодора, читаемъ въ духовной, ему же (Іоанну) къ его великому государству»; т. е. удѣлъ этотъ составлялъ нераздѣльную часть единаго Русскаго царства. Здѣсь рѣшительно было выражено впервые въ исторіи нашего государственнаго права понятіе объ удѣльномъ князѣ, какъ о простомъ слугѣ князя великаго.

Перемѣна въ отношеніи общества къ государю.

Территоріальные успѣхи Московскаго государства, внесшіе столько новаго въ политическое сознаніе государя, измѣнили глубоко и политическое настроеніе московскаго общества, перемѣнили его отношеніе къ верховной власти. До конца XV в. господствовали еще старыя простыя отношенія общества къ государю: въ этихъ отношеніяхъ мы не встрѣчаемъ еще слѣдовъ того культа, благоговѣнія, съ которымъ впослѣдствіи московское общество обращалось къ своему государю; подданные обращались къ великому князю еще запросто. Въ 1480 г. Іоаннъ, постоявъ противъ хана на Угрѣ, уѣхалъ въ Москву. Столица была въ смятеніи, опасаясь татарскаго нашествія; горожане сносили пожитки въ Кремль, ожидая осады. Увидавъ возвращающагося великаго князя, они подступили къ нему съ упреками и говорили ему, по словамъ лѣтописи: «когда, государь, княжишь надъ нами въ мирное время, тогда насъ много безъ толку обременяешь поборами, а теперь, самъ, разсердивъ хана, не заплативъ выхода, насъ же выдаешь Татарамъ». Престарѣлый ростовскій архіепископъ Вассіанъ встрѣтилъ великаго князя съ еще болѣе сильными упреками, началъ зло говорить ему, называя его «бѣгуномъ», «трусомъ» и грозя, что на

немъ взыщется кровь христіанская, которая прольется. Приведемъ еще эпизодъ изъ княженія Іоаннова преемника. Здѣсь встрѣчаемъ тѣ же простыя отношенія подданныхъ къ государю. Въ Москвѣ заподозрили по доносу въ зломъ умыслѣ удѣльнаго дмитровскаго князя Юрія и задумали арестовать его, когда онъ явится въ столицу. Услышавъ про это, Юрій обратился къ игумену Волоколамскаго монастыря, преподобному Іосифу, жалуясь, что въ Москвѣ слушаютъ клеветниковъ, и прося игумена походатайствовать за него предъ великимъ княземъ. Іосифъ уговаривалъ не противиться великому князю: «преклони главу твою предъ помазанникомъ Божіимъ и покорись ему». Юрій отвѣчалъ на это: «будь мнѣ вмѣсто отца родного; я по твоему наставленію не буду противъ государя, готовъ все терпѣть отъ него, даже самую смерть, только съѣзди къ нему». Іосифъ послалъ къ великому князю двухъ старцевъ своего монастыря. Василій грозно встрѣтилъ посланныхъ и строго спросилъ ихъ: «зачѣмъ пришли, какое вамъ до меня дѣло?». Тогда одинъ изъ старцевъ началъ говорить великому князю, что государю не подобаетъ такъ спрашивать, не разузнавъ въ чемъ дѣло, а подобаетъ разспросить ихъ прежде съ кротостью и смиреніемъ. Великій князь смутился, всталъ и улыбаясь сказалъ: «простите, старцы, я пошутилъ». Затѣмъ, снявъ шапку, поклонился и спросилъ о здоровьѣ игумена. Тогда уже пошла рѣчь о дѣлѣ, и великій князь уважилъ ходатайство Іосифа. Такъ, еще въ началѣ XVI в. мы не встрѣчаемъ тѣхъ отношеній къ верховной власти, которыя потомъ установились въ московскомъ обществѣ. Но ходъ дѣла быстро измѣнилъ эти отношенія.

Уже въ первой половинѣ XVI в. московскаго государя начали окружать ореоломъ, рѣзко отдѣлявшимъ

его отъ всего остального общества. Наблюдательные иностранцы отмѣтили эту черту. Австрійскій посолъ Герберштейнъ, бывшій тогда въ Москвѣ, замѣчаетъ, что великій князь Василій докончилъ то, что началъ его отецъ, а своею властью надъ подданными превосходилъ всѣхъ монарховъ на свѣтѣ. Онъ добавляетъ, что въ Москвѣ говорятъ про великаго князя: «воля государева—Божья воля, государь—исполнитель воли Божіей». Когда москвичи спрашиваютъ о какомъ-нибудь неизвѣстномъ дѣлѣ, то они повторяютъ съ дѣтства затверженное выраженіе: «мы того не знаемъ, знаетъ то Богъ, да государь знаетъ все» и т. д. Они даже величаютъ своего государя «Божьимъ ключникомъ и постельничьимъ», прилагая къ политической теологіи языкъ московскаго двора. Такъ, уже ко времени царствованія Грознаго является готовымъ тотъ кодексъ политическихъ понятій, которымъ такъ долго жила потомъ Московская Русь.

Перемѣна въ составѣ и политическомъ настроеніи московскаго боярства.

До сихъ поръ мы разсматривали послѣдствія основного факта третьяго періода, обнаруживавшіяся въ области политическихъ идей и стремленій. Но этотъ фактъ подѣйствовалъ и на политическій складъ общества въ Московскомъ государствѣ, вызвалъ рядъ новыхъ политическихъ отношеній. Территоріальное расширеніе Московскаго государства сопровождалось глубокими перемѣнами въ устройствѣ и взаимныхъ отношеніяхъ классовъ московскаго общества; оно прежде всего измѣнило составъ и настроеніе верхняго слоя правительственнаго класса, боярства, а перемѣна въ составѣ и настроеніи послѣдняго измѣнила и его отношеніе къ великому князю.

Чтобы понять эту перемѣну, надо припомнить положеніе московскаго боярства въ удѣльные вѣка. Уже въ удѣльное время Москва притянула къ себѣ многочисленное и блестящее боярство, какого не было ни при какомъ другомъ княжескомъ дворѣ Сѣверной Руси. Съ конца XIII в. на берега Москвы идутъ со всѣхъ сторонъ знатные слуги: и изъ сѣверныхъ сосѣднихъ княжествъ, и съ далекаго русскаго юга, изъ Чернигова, Кіева, даже съ Волыни, наконецъ, изъ-за границы — изъ нѣмецкихъ странъ, изъ Крыма и изъ самой Золотой Орды. Этотъ приливъ боярства въ Москву былъ лишь отраженіемъ того движенія, какое влекло русское населеніе со всѣхъ сторонъ къ центральному междурѣчью, въ область Оки и верхней Волги. Благодаря этому приливу, уже въ половинѣ XV вѣка московскій великій князь былъ окруженъ плотной стѣной знатныхъ боярскихъ фамилій. По старымъ московскимъ родословнымъ ихъ можно уже насчитать до 40. Важнѣйшими изъ этихъ фамилій были: Кошкины, Ховрины, Головины, Бутурлины, Вельяминовы, Сабуровы (съ младшей вѣтвью Годуновыхъ), Челяднины, Морозовы, Воронцовы и другіе. Боярство это въ отношеніяхъ своихъ къ великому князю сохраняло тотъ же характеръ случайныхъ, вольныхъ совѣтниковъ и старшихъ слугъ князя по договору, какими были бояре при князьяхъ XII вѣка.

Съ половины XV в. составъ московскаго боярства глубоко измѣняется. Старинныя московскія родословныя указываютъ на эту перемѣну. Въ концѣ XVI вѣка, по этимъ родословнымъ, находилось на московской службѣ до 200 фамилій. Исключивъ изъ этихъ фамилій тѣ, которыя служили еще до Іоанна III, найдемъ, что болѣе 150 новыхъ фамилій вошло въ составъ московскаго боярства только съ половины XV вѣка. Рѣ-

шительное большинство среди нихъ принадлежало фамиліямъ титулованнымъ, княжескимъ. Съ Іоанна III одинъ за другимъ вступаютъ на службу московскую самостоятельные прежде князья, покидая великіе либо удѣльные княжескіе столы. Вотъ почему теперь всюду въ московскомъ управленіи, въ Думѣ, въ Приказахъ, въ полкахъ воеводами и въ городахъ намѣстниками являются все князья и князья. Княжье, если не давило, то совсѣмъ закрывало собою старый слой московскаго нетитулованнаго боярства. Въ походъ на Ведрошу противъ Литвы (1500 г.) было послано 16 воеводъ, изъ нихъ 11 князей.

Какія отношенія установились между столь пестрыми и сбродными элементами, изъ какихъ слагалось московское общество? Составили ли они цѣльную, единообразную массу, или раздѣлились на іерархическіе разряды? Замѣчаемъ, что пришельцы размѣщались на московской службѣ по своему достоинству. Это служебное достоинство опредѣлялось различными условіями. 1) Въ Москвѣ восторжествовала мысль, что служилый князь, потому что онъ князь, долженъ стать выше нетитулованнаго боярина, хотя бы первый былъ вчерашнимъ слугою московскаго князя, а второй имѣлъ бы цѣлый рядъ предковъ, служившихъ этому государю; само правительство Іоанна III признавало это преимущество служилыхъ князей передъ боярами не княжескаго происхожденія. Такъ, въ пользу генеалогической знатности въ Москвѣ стали жертвовать давностью службы. 2) Не всѣ князья стали на одной линіи, вступивъ на московскую службу. Выше стали потомки великихъ князей, ниже потомки князей удѣльныхъ. Князья Пенковы—ярославскіе всегда стояли выше родичей, князей Курбскихъ и Прозоровскихъ, потому что Пенковы шли отъ великихъ князей ярославскихъ, а

Курбскіе съ Прозоровскими отъ ярославскихъ князей удѣльныхъ. Значитъ, положеніе новаго слуги въ Москвѣ опредѣлялось его положеніемъ въ минуту перехода на московскую службу. Послѣдовательное примѣненіе этого второго правила приводило къ одному исключенію изъ перваго, т. е. ставило иныхъ князей ниже простыхъ бояръ. Многіе удѣльные князья потеряли свои удѣлы ранѣе перехода на московскую службу. Они переходили въ Москву уже со службы при какомъ либо другомъ дворѣ, великокняжескомъ или удѣльномъ. Поэтому, какъ бояре младшихъ или удѣльныхъ князей, они въ Москвѣ должны были стать ниже старыхъ московскихъ бояръ, служившихъ старшему изъ великихъ князей.

Благодаря такому распорядку, московское боярство въ его новомъ составѣ образовало длинную іерархическую лѣстницу, стало дѣлиться на нѣсколько іерархическихъ ступеней. Первый его слой образовали бояре, предки которыхъ были великими князьями, либо пришли изъ Литвы и были потомками великаго князя литовскаго Гедимина. На верху боярства мы встрѣчаемъ князей Пенковыхъ — ярославскихъ, князей Шуйскихъ — суздальскихъ, князей Ростовскихъ, князей Патрикѣевыхъ—Гедиминовичей, отъ которыхъ потомъ пошли фамиліи Голицыныхъ и Куракиныхъ; въ этомъ первомъ ряду московской знати почти не осталось никого изъ старыхъ нетитулованныхъ бояръ, за исключеніемъ Захарьиныхъ, вѣтви стараго московскаго боярскаго рода Кошкиныхъ. Второй слой образовали знатнѣйшія фамиліи стариннаго московскаго боярства: Бутурлины, Челяднины, Вельяминовы, Воронцовы и др. Къ нимъ примкнули и потомки значительнѣйшихъ удѣльныхъ князей: князья Курбскіе, Оболенскіе, Воротынскіе, Одоевскіе, Пронскіе. Но оба эти

верхніе слоя, какъ и другіе, лежащіе подъ ними, не раздѣлялись другъ отъ друга рѣзкими чертами. Такому раздѣленію мѣшалъ особенный порядокъ отношеній, установившійся между боярскими фамиліями и извѣстный подъ названіемъ «*мѣстничества*».

Прежде чѣмъ объяснить происхожденіе и значеніе мѣстничества, укажемъ на политическое настроеніе, какимъ стало проникаться московское боярство при своемъ новомъ составѣ. Первостепенная знать, ставшая на верху этого боярства, шла большею частью отъ прежнихъ великихъ и удѣльныхъ князей. Не думайте, что съ успѣхомъ политическаго объединенія Руси, съ исчезновеніемъ прежнихъ великихъ и удѣльныхъ княжествъ, тотчасъ исчезъ безъ слѣда весь удѣльный порядокъ, существовавшій въ Сѣверной Руси. Этотъ порядокъ долго еще сохранялъ свою силу и подъ властью московскаго государя. Политическое объединеніе Московской Руси долго выражалось лишь въ единствѣ верховной власти, но не сопровождалось перестройкой мѣстнаго управленія, въ которомъ долго хранились остатки удѣльнаго порядка. Бывшіе удѣльные князья, переставая быть самостоятельными владѣльцами, оставались большею частью простыми вотчинниками-землевладѣльцами въ своихъ бывшихъ удѣлахъ, иногда очень крупными, и даже продолжали пользоваться здѣсь долей своей прежней правительственной власти. Такъ князья Тарусскіе стали слугами московскими еще со времени великаго князя Василія Димитріевича, слѣдовательно съ конца XIV в. Однако, еще въ концѣ XV в. мы встрѣчаемъ намѣстника княгини Тарусской; значитъ, эта княгиня, 100 лѣтъ спустя послѣ упраздненія самостоятельнаго Тарусскаго княжества, продолжала пользоваться долей прежней правительственной власти въ вотчинѣ своего мужа. Благодаря этому, переходъ служилаго князя съ удѣльнаго стола на москов-

скую службу не былъ для него крутымъ переворотомъ, потерей всего, что имѣлъ онъ прежде. При дворѣ московскаго государя этотъ служилый князь видѣлъ себя въ новой обстановкѣ, къ какой не привыкли его предки, но дома, на своемъ подворьѣ, въ кругу своего вотчиннаго хозяйства, этотъ князь оставался среди прежнихъ отношеній, поддерживалъ прежнія понятія и привычки. Благодаря этому, московское боярство въ новомъ своемъ составѣ должно было усвоить взглядъ на себя, какого не имѣли старые нетитулованные бояре. Оно теперь заняло всѣ высшія правительственныя должности въ московскомъ правленіи, командовало московскими полками, правило областями Московскаго государства. Очень часто бывшій удѣльный князь продолжалъ править своимъ удѣломъ въ качествѣ московскаго намѣстника, даже законодательствовалъ въ своемъ прежнемъ удѣлѣ. Теперь, руководя всѣмъ въ объединенной Московской Руси, потомки бывшихъ великихъ и удѣльныхъ князей стали смотрѣть на себя, какъ на властителей Русской земли; только ихъ предки правили Русской землей по частямъ и въ одиночку, а теперь потомки, собравшись въ Москвѣ, стали править всею землею и всѣ вмѣстѣ. Въ XVI в. среди бояръ, особенно титулованныхъ, развивается взглядъ на свое правительственное значеніе не какъ на пожалованіе московскаго государя, а какъ на политическое право, унаслѣдованное отъ предковъ независимо отъ этого государя. Самъ московскій великій князь поддерживалъ въ титулованныхъ боярахъ этотъ взглядъ, часто прямо признавая удѣльныя преданія. Почувствовавъ себя въ сборѣ вокругъ московскаго кремля, новое титулованное боярство взглянуло на себя, какъ на собраніе наслѣдственныхъ привычныхъ властителей Русской земли, а на Москву, какъ на сборный пунктъ, изъ котораго оно

будетъ попрежнему править Русской землей, только не въ одиночку, а вмѣстѣ. Значитъ, преданіе власти въ этомъ боярствѣ, шедшее изъ удѣльныхъ вѣковъ, не прервалось, а только преобразилось. Эта власть изъ одиночной, личной и мѣстной теперь, когда бывшее удѣльное княжье сосредоточивалось въ Москвѣ, превратилась въ собирательную, сословную и всеземскую. Этимъ настроеніемъ, замѣтно обнаруживающимся съ начала XVI вѣка, объясняются тѣ отношенія, въ какія старалось стать московское боярство при Іоаннѣ III и его преемникахъ.

Такъ, при новомъ своемъ составѣ московская боярская знать присвоила себѣ и новое политическое значеніе, какого не имѣло боярство удѣльныхъ вѣковъ. Это политическое значеніе боярства было закрѣплено своеобразнымъ порядкомъ служебныхъ отношеній между самими боярами, установившимся въ половинѣ XVI вѣка,—*мѣстничествомъ*.

Мѣстничество.

Правительственный складъ московскаго боярства при его новомъ составѣ облекся въ особую систему отношеній, которыя назывались мѣстничествомъ. Этотъ терминъ обозначаетъ сложившійся въ XV и XVI вв. порядокъ служебныхъ отношеній между боярскими и вообще служилыми фамиліями и отдѣльными лицами. Порядокъ этотъ основанъ былъ на извѣстномъ служебномъ старшинствѣ, но не личномъ, а фамильномъ, на такъ называемомъ «отечествѣ». «Отечество»—это унаслѣдованное отъ предковъ фамильное отношеніе одного служилаго лица по службѣ къ другимъ, своимъ родичамъ или чужеродцамъ. «Отечество» каждаго «усчитывалось», т. е. опредѣлялось посредствомъ счета мѣстъ. Отсюда и

названіе мѣстничества. *Мѣста* были двоякія: *служебныя* и *генеалогическія*, говоря проще, это были *должности* и *лица*. Первоначально понятіе о мѣстѣ, какъ о должности, сложилось за княжескимъ столомъ, гдѣ садились бояре въ извѣстномъ порядкѣ, но потомъ это понятіе мѣста перенесено было на всѣ правительственныя должности. Каждая сфера правительственныхъ отношеній, должности полковыя, какъ и административныя, распредѣлены были въ извѣстномъ порядкѣ старшинства, составляли лѣствицу.

Представимъ для примѣра порядокъ, въ какомъ слѣдовали одна за другой должности полковыхъ воеводъ. Московская армія, большая или малая, всегда дѣлилась на 5 полковъ, или корпусовъ; это были: большой полкъ, правая рука, сторожевой и передній полки, т. е. авангардъ и аріергардъ, и лѣвая рука. Во главѣ каждаго полка, или корпуса, стояли одинъ или нѣсколько воеводъ, смотря по величинѣ полковъ. Это были: воевода первый, воевода второй и т. д. Должности этихъ воеводъ по старшинству слѣдовали въ такомъ порядкѣ: первое мѣсто принадлежало первому воеводѣ большого полка, который и былъ главнокомандующимъ; второе принадлежало первому воеводѣ правой руки; третье — первымъ воеводамъ сторожевого и передового полковъ, которые были такимъ образомъ равны между собою; четвертое принадлежало воеводѣ лѣвой руки; пятое— второму воеводѣ большого полка; шестое—второму воеводѣ правой руки и т. д.

Другую лѣстницу мѣстъ составляли лица: члены каждой фамиліи размѣщались на службѣ, какъ и за обѣденнымъ столомъ, въ такомъ порядкѣ: отецъ—первое мѣсто; второе и третье принадлежали его двумъ младшимъ братьямъ; четвертое — его старшему сыну; слѣдовательно, если былъ у отца еще третій братъ, то онъ стоялъ наравнѣ съ старшимъ племянникомъ.

Вотъ простая схема фамильной лѣстницы лицъ. Счетъ мѣстъ былъ двоякій: простой и двойной, считали и по «родословцу» и по «разрядамъ». «Родословецъ»—это поколѣнная роспись фамилій, начиная отъ ея родоначальника. «Разряды»—это погодныя приказныя книги, въ которыхъ изъ года въ годъ записывались служебныя назначенія, какія давались высшимъ служилымъ лицамъ. Мѣста высчитывались помощью особой мѣстнической ариѳметики. Вотъ ея главныя правила: счетъ простой употребляется между членами одной или нѣсколькихъ родственныхъ фамилій при ихъ встрѣчѣ на службѣ. Этотъ счетъ былъ такой: согласно со схемой фамильной лѣстницы между отцомъ и сыномъ должны быть два пустыхъ мѣста, оставленныхъ для старшихъ дядей; поэтому, старшій сынъ занималъ отъ своего отца четвертое мѣсто. Каждый слѣдующій братъ—однимъ мѣстомъ ниже предшествующаго старшаго; значитъ братья сидѣли рядомъ. Дѣти же не садились рядомъ съ отцомъ. Такъ какъ старшій сынъ занималъ четвертое мѣсто, то на одномъ съ нимъ мѣстѣ могъ явиться третій дядя, если онъ былъ. Отсюда старшій племянникъ четвертому дядѣ (считая тутъ же и отца) «въ версту» (т. е. считался ему сверстникомъ). Отсюда же пятый изъ братьевъ моложе старшаго племянника, сына старшаго изъ нихъ. Теперь легко разрѣшить такой частный вопросъ: что значитъ, что князь Андрей Сицкій ниже отца своего «семью мѣсты»; это значитъ, что у отца своего онъ пятый сынъ. Теперь представимъ, что встрѣтились на службѣ старшій братъ съ племянникомъ отъ третьяго брата. Старшій братъ назначенъ первымъ воеводой большого полка; отношеніе по родословцу высчитывалось такъ: находили общаго родоначальника; въ нашемъ случаѣ—это былъ отецъ старшаго брата; старшій сынъ отъ отца своего—четвертое мѣсто,

второй — пятое, третій — шестое; старшій сынъ этого третьяго отъ своего отца—четвертое; слѣдовательно, между ними два пустыхъ; слѣдовательно, отъ общаго родоначальника девятое мѣсто, а отъ старшаго дяди главнокомандующаго шестое. Если старшій братъ назначенъ главнокомандующимъ, то его племянникъ отъ другого, второго, младшаго брата, долженъ стать ниже его на пять мѣстъ, занять шестое. Шестое мѣсто въ полковой администраціи принадлежало второму воеводѣ правой руки. Итакъ, наши родственники, встрѣчаясь на службѣ, могли служить на разстояніи указаннаго количества мѣстъ. Дядя обидится, если его племянника назначатъ выше второго воеводы правой руки. Такое назначеніе было бы «не по отечеству» и «служить дядѣ такъ не вмѣстно», въ такомъ случаѣ онъ потерпитъ «поруху» въ своемъ отечествѣ.

Гораздо сложнѣе былъ счетъ между членами чужихъ другъ другу фамилій. Для объясненія его возьмемъ такой примѣръ. Положимъ, встрѣтились на службѣ очень родовитый бояринъ, князь Пенковъ—ярославскій и простой бояринъ Челяднинъ изъ второстепенной знати. Князь Пенковъ назначенъ первымъ воеводой большого полка, бояринъ Челяднинъ первымъ воеводой лѣвой руки. Челяднинъ заподозрилъ правильность своего назначенія и такъ его провѣряетъ. Для удобства обозначимъ Пенкова буквой *А*, а Челяднина буквой *В*. *В* взглянулъ на *А*, какъ на своего «совмѣстника», т. е. соперника, съ которымъ ему быть «не вмѣстно», съ которымъ онъ хочетъ спорить. Чтобы провѣрить свое назначеніе, *В* беретъ «разряды» и ищетъ въ нихъ «случая», т. е. такого назначенія изъ прошлыхъ лѣтъ, гдѣ бы встрѣтились вмѣстѣ предокъ *В* съ предкомъ *А*. *В* нашелъ, что дѣдъ *А* нѣкогда былъ посланъ въ походъ съ отцомъ *В*, и оба эти предка занимали тѣ же должности, на

какія назначены теперь *А* и *В*. Нашедши такой случай, т. е. опредѣливъ отношенія между фамиліями, *В* беретъ «родословецъ», обращается къ другому счету. Онъ высчитываетъ разстояніе отъ предковъ своего совмѣстника и свое. Нашъ *А* есть внукъ старшаго князя Пенкова въ прямой нисходящей линіи; слѣдовательно, седьмое мѣсто (А отъ своего отца четвертое, а отецъ его отъ дѣда тоже четвертое). *В* есть сынъ четвертаго Челяднина, но второй; слѣдовательно, отъ отца своего пятое мѣсто. *А* и *В* по родословцу представляютъ величины не равныя предкамъ. *А* выше по разряду, но ниже по родословцу. Согласно съ измѣненіемъ отношенія по родословцу должны измѣниться и отношенія по разрядамъ. Если-бы *В* былъ седьмое мѣсто отъ своего отца, онъ пошелъ бы въ походъ воеводой лѣвой руки, но онъ на два мѣста выше *А* по родословцу. Высчитавъ такъ свое мѣстническое отношеніе къ *А*, *В* бьетъ челомъ, что быть ему такъ съ *А* «не вмѣстно», что отечество потерпитъ «поруху», что онъ «потеряетъ» въ разрядѣ, тогда какъ *А* безъ права «найдетъ» въ разрядѣ. Такова система мѣстническаго счета въ ея простѣйшемъ видѣ.

Легко видѣть цѣль, къ которой стремилось боярство, опредѣляя такъ отношеніе своихъ членовъ или фамилій. Всѣ дальнѣйшія поколѣнія бояръ на службѣ государя, какъ и за столомъ, должны были размѣщаться въ такомъ же порядкѣ, въ какомъ сидѣли первыя поколѣнія. Отношенія между фамиліями не должны измѣняться. Какъ нѣкогда стояли на службѣ родители, такъ вѣчно пусть стоятъ и потомки. Вотъ идея мѣстничества. Очевидно, *мѣстничество устанавливало не наслѣдственность должностей, а наслѣдственность служебныхъ отношеній между фамиліями.* Отношеніе фамилій— главное основаніе мѣстничества; должности сами по

себѣ ничего въ немъ не значили. Князь Пенковъ готовъ былъ занять какую угодно должность, лишь бы Челяднинъ съ нимъ вмѣстѣ стоялъ на должности еще ниже. Это совершенно обратное отношеніе лица къ должности сравнительно съ существующимъ теперь. Въ настоящее время правительственное значеніе лица опредѣляется его должностью, т. е. степенью власти и отвѣтственности, съ нею сопряженной; нынѣ мѣсто красить человѣка, а въ мѣстничествѣ человѣкъ красилъ мѣсто; нынѣ значеніе лица опредѣляется должностью, имъ занимаемою, а тогда значеніемъ лица опредѣлялась должность, какую оно занимало. Вотъ почему иногда родовитый человѣкъ XVI в. послѣдовательно занималъ все низшія должности. Князь Воротынскій сперва ходилъ воеводой большого полка, потомъ является воеводой правой, а далѣе смѣщается въ воеводы лѣвой руки. Это не пониженіе по службѣ. Въ первый разъ онъ былъ самымъ родовитымъ изъ назначенныхъ съ нимъ въ походъ, но потомъ его послали съ Одоевскимъ и, наконецъ, съ Шуйскимъ, а до Одоевскаго и Шуйскаго князю Воротынскому далеко; рукой не достать.

Легко замѣтить, когда и какимъ образомъ могла сложиться въ Москвѣ такая система служебныхъ отношеній. Мѣстами стали считаться, очевидно, когда стало тѣсно сидѣть. Бояре стали испытывать такую тѣсноту со времени Іоанна III; поэтому линіи предковъ, служебныя отношенія которыхъ принимались потомками за основаніе своего фамильнаго старшинства, въ мѣстническихъ спорахъ не восходили обыкновенно раньше этого князя. Впрочемъ, само собой понятно, что мѣстническое отношеніе большей части самыхъ знатныхъ фамилій и не могло установиться раньше этого государя, потому что эти фамиліи до Іоанна III еще не служили въ Москвѣ. Двѣ причины заставили этихъ бояръ такъ

разстановиться и уложить свои взаимныя отношенія по службѣ въ такую систему: 1) Приливъ въ Москву служилыхъ людей, различныхъ по происхожденію и значенію; приливъ этотъ цѣлыми массами съ половины XV в. вызвалъ потребность стройнаго, для всѣхъ однообразнаго распорядка отношеній, независимо отъ личныхъ и случайныхъ соглашеній государя съ тѣмъ или другимъ новымъ слугою. 2) Невыгода покинуть московскую службу, за отсутствіемъ другого двора, равнаго московскому по служебнымъ выгодамъ, побуждала бояръ сдѣлать разъ установившійся служебный распорядокъ постояннымъ, наслѣдственнымъ, отдѣльный случай превратить въ постоянное основаніе фамильнаго положенія, т. е. настоящаго и будущаго отношенія фамилій. Обѣ эти причины начали дѣйствовать съ половины XV в., и мѣстничество могло установиться не раньше этого времени.

Разбирая эту служебную систему, легко замѣтить ея политическое значеніе для служилаго класса. Мѣстничество ставило отношенія лицъ и фамилій въ зависимость отъ служебныхъ отношеній предковъ, т. е. политическое положеніе лица или фамиліи оно дѣлало независимымъ ни отъ каприза государя, ни даже отъ личныхъ заслугъ и качествъ служилыхъ лицъ. Какъ стояли предки, такъ должны стоять и потомки, и ни государева воля, ни государственныя заслуги не должны путать этого распорядка. Эта наслѣдственность положеній и была тѣмъ, что̀ заставляло бояръ такъ дорожить мѣстничествомъ, ставить его выше всего, выше своей жизни. «За мѣста, говорили бояре XVII в., наши отцы помирали». Боярина можно было избить, прогнать со службы, ограбить, но нельзя было заставить служить ниже своего «отечества». Такимъ образомъ мѣстничество имѣло оборонительный характеръ. Имъ боярскій классъ

защищался отъ произвола сверху и отъ случайныхъ интригъ снизу, со стороны служилыхъ лицъ. Мѣстничество сообщило боярству характеръ политической корпораціи, характеръ политической аристократіи. Сама верховная власть признавала за нимъ такое значеніе. Вотъ одинъ изъ многихъ случаевъ, гдѣ вскрывается такой взглядъ на мѣстничество. Въ 1616 г. князь Волконскій, не родовитый, но много служившій бояринъ, билъ челомъ боярамъ, что ему по своей службѣ обидно быть ниже боярина Головина. Бояре разобрали дѣло и послали князя въ тюрьму за то, что онъ «своимъ бездѣльнымъ челобитьемъ» обезчестилъ Головина, человѣка родовитаго, до котораго ему далеко по отечеству, а что касается до службы Волконскаго, то «за службу государь жалуетъ деньгами и помѣстьемъ, а не отечествомъ». Итакъ, государь можетъ сдѣлать служилаго человѣка богатымъ, но не можетъ сдѣлать его знатнымъ, потому что знатность идетъ отъ предковъ, а покойныхъ предковъ нельзя сдѣлать болѣе или менѣе знатными, чѣмъ они были. Итакъ, когда московское боярство стало складываться изъ пестрыхъ, сбродныхъ элементовъ въ цѣлый правительственный классъ, этотъ складъ вышелъ аристократическимъ.

Отношеніе новаго боярства къ государю.

Благодаря такому складу и настроенію, измѣнилось отношеніе бояръ и къ своему государю. Эта перемѣна была неизбѣжнымъ послѣдствіемъ самаго процесса, какимъ создались какъ государева власть, такъ и само боярство. Политическія обстоятельства, съ одной стороны, поставили московскаго князя на высоту національ-

ныхъ государей съ широкою властью, а съ другой— навязали ему правительственный классъ съ широкими политическими притязаніями. Въ одно и то же время расширялись и власть московскаго государя, и притязанія московскаго боярства; слѣдствіемъ этого было разрушеніе единства интересовъ между обѣими политическими силами, а уничтоженіе единства интересовъ разрушило гармонію отношеній. Московское боярство XIV в. приходило служить въ Москву, съ цѣлью пріобрѣсти здѣсь служебныя выгоды; эти выгоды росли для московскаго служилаго человѣка вмѣстѣ съ успѣхами московскаго государя. Отсюда единство интересовъ между обѣими сторонами. Вотъ почему московскіе бояре XIV в. дружно помогали своему государю въ его внѣшнихъ дѣлахъ и усердно содѣйствовали ему во внутреннемъ устройствѣ. По памятникамъ XIV в. проходитъ яркою нитью тѣсная связь, задушевныя симпатіи между московскими великими князьями и ихъ боярами. «Слушали бы вы, пишетъ Симеонъ въ своей духовной младшимъ братьямъ, во всемъ отца нашего, владыку Алексѣя, да старыхъ бояръ, которые отцамъ нашимъ и намъ добра хотѣли». Еще задушевнѣе выступаютъ эти отношенія въ біографіи великаго князя Димитрія Донского, составленной современникомъ. Біографъ заставляетъ говорить умирающаго великаго князя дѣтямъ: «бояръ своихъ любите, честь имъ достойно воздавайте по ихъ службѣ, безъ воли ихъ ничего не дѣлайте». Обратившись затѣмъ къ боярамъ, великій князь въ сочувственныхъ словахъ напомнилъ имъ, какъ они работали вмѣстѣ въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ, какъ укрѣпляли княженіе, какъ стали страшны для недруговъ Русской земли. Между прочимъ великій князь сказалъ своимъ сотрудникамъ: «я всѣхъ васъ любилъ и въ чести держалъ,

веселился съ вами, съ вами и скорбѣлъ, и вы назывались у меня не боярами, а князьями земли моей».

Съ половины XV в. должно было измѣниться отношеніе между обѣими политическими силами. Новые титулованные бояре шли въ Москву въ большинствѣ случаевъ не затѣмъ, чтобы найти новыя служебныя выгоды, а съ горькимъ сожалѣніемъ о потерянныхъ выгодахъ удѣльной самостоятельности. Чувства и стремленія обѣихъ сторонъ разошлись, хотя шли изъ одинаковаго источника. Почувствовавъ себя въ сборѣ вокругъ московскаго кремля, потомки великихъ и удѣльныхъ князей стали болѣе притязательными сравнительно со старыми московскими боярами. Почувствовавъ себя во главѣ объединенной Великой Руси, московскій государь съ трудомъ выносилъ и прежнія отношенія свои къ боярамъ и не могъ ужиться съ новыми притязаніями. Отсюда произошелъ рядъ столкновеній между московскимъ государемъ и его боярами. Эти столкновенія часто обозначаются громкимъ названіемъ политической борьбы московскаго государя съ непокорной московской аристократіей. Но это была очень своеобразная борьба какъ по формамъ, въ которыхъ она выражалась, такъ и по побужденіямъ, которыя ее двигали. Борьба, завязавшаяся между московскимъ государемъ и его боярствомъ, проходитъ рѣзкой чертой по исторіи Московскаго государства съ княженія Іоанна III. Она сообщила этой исторіи много живости, драматическаго движенія, но она выразилась въ формахъ, какія рѣдко принимала борьба политическая въ другихъ странахъ. Бояре, отстаивая свои притязанія, не поднимались открыто противъ государя, не брали въ руки оружія, не вели даже наслѣдственной оппозиціи противъ него. Чаще всего эта борьба выражалась въ придворныхъ смутахъ и интригахъ, которыя иногда чрезвы-

чайно трудно разсмотрѣть. Въ продолженіе полутора вѣковъ она съ особенной силой возобновлялась два раза и каждый разъ вызывалась случайнымъ и спеціальнымъ вопросомъ о престолонаслѣдіи. Іоаннъ III, какъ извѣстно, сперва назначилъ своимъ преемникомъ внука своего Димитрія, вѣнчалъ его на великое княженіе, а потомъ развѣнчалъ его и объявилъ наслѣдникомъ своимъ своего сына отъ второй жены Софіи, Василія. Знатнѣйшее московское боярство въ этомъ семейномъ столкновеніи стало на сторонѣ внука и противодѣйствовало сыну, не сочувствуя его матери и принесеннымъ ею политическимъ понятіямъ и внушеніямъ. Это глухое столкновеніе доходило до сильнаго раздраженія съ обѣихъ сторонъ, вызывало сильныя ссоры при дворѣ, рѣзкія выходки со стороны бояръ, кажется, даже крамолу, заговоръ; по крайней мѣрѣ, впослѣдствіи сынъ Василія, царь Іоаннъ, жаловался, что бояре на отца его вмѣстѣ съ внукомъ дѣда, Димитріемъ, «многія пагубныя смерти умышляли и самому государю-дѣду многія поносныя и укоризненныя слова говорили». Но какъ и изъ-за чего шло дѣло и въ чемъ состояла эта крамола, остается неяснымъ. Только черезъ годъ (1499) послѣ вѣнчанія Димитрія пострадали важнѣйшіе бояре за свое противодѣйствіе Василію. Боярину князю Симеону Ряполовскому-Стародубскому отрубили голову, а его друзей, князя Ивана Патрикѣева съ сыномъ Василіемъ, знаменитымъ впослѣдствіи старцемъ Вассіаномъ Косымъ, насильно постригли въ монашество.

Та же глухая борьба шла и въ княженіе Іоаннова преемника, Василія. Послѣдній недовѣрчиво относился къ боярамъ, какъ государь, котораго они не хотѣли видѣть на престолѣ и съ трудомъ его на немъ терпѣли. И въ это время борьба обнаружилась лишь въ опалахъ, постигшихъ нѣкоторыхъ лицъ изъ знати. Такъ,

первостепеннаго боярина князя Василія Холмскаго за что-то посадили въ тюрьму, а второстепенному думному человѣку Берсеню-Беклемишеву отрѣзали языкъ за непригожія рѣчи о великомъ князѣ и его матери.

Но съ особенной силой борьба между обѣими партіями обнаружилась при царѣ Іоаннѣ и опять по вопросу о престолонаслѣдіи. Вскорѣ по завоеваніи Казанскаго царства въ 1553 г. Іоаннъ опасно заболѣлъ и велѣлъ боярамъ присягнуть новорожденному сыну своему, царевичу Димитрію. Многіе первостепенные бояре отказались отъ присяги или принесли ее неохотно, объявивъ, что не хотятъ служить «малому мимо стараго», т. е. хотятъ служить двоюродному брату царя, удѣльному князю Владиміру Андреевичу Старицкому. Пробужденное этимъ столкновеніемъ раздраженіе царя къ боярамъ нѣсколько лѣтъ спустя произвело полный разрывъ между обѣими сторонами, повело къ учрежденію опричнины и вызвало цѣлый рядъ жестокихъ опалъ и казней, упавшихъ на боярскія фамиліи.

Но во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ въ продолженіе трехъ царствованій не обозначаются ясно побужденія, которыми руководились боровшіяся стороны. Изъ-за чего шла борьба, какіе непримиримые интересы ее питали — этого обѣ стороны не высказываютъ прямо. Іоаннъ Ш глухо жаловался на неуступчивость, строптивость своихъ бояръ; отправляя пословъ въ Польшу послѣ дѣла о наслѣдникѣ, онъ давалъ имъ въ инструкціи, между прочимъ, такое наставленіе: «чтобы во всемъ между вами гладко было, пили бы бережно, не до-пьяна, и во всемъ бы себя берегли, а не поступали бы такъ, какъ князь Симеонъ Ряполовскій: высокоумничалъ съ княземъ Василіемъ, сыномъ Ивана Юрьевича (Патрикѣева)».

Немного яснѣе обозначаются чувства и стремленія оппозиціонной боярской стороны въ княженіе Василія.

Отъ этого времени уцѣлѣлъ памятникъ, который вскрываетъ настроеніе боярской оппозиціи. Это отрывокъ слѣдственнаго дѣла объ упомянутомъ выше думномъ человѣкѣ, Иванѣ Никитичѣ Берсенѣ-Беклемишевѣ (1525 г.). Беклемишевъ, далеко не принадлежавшій къ боярской первостепенной знати, былъ человѣкъ строптивый, неуступчивый. Въ то время въ Москвѣ проживалъ вызванный съ Аѳона исправитель и переводчикъ богослужебныхъ книгъ, ученый монахъ Максимъ Грекъ. Человѣкъ бывалый, знакомый съ католическимъ Западомъ, Максимъ привлекъ къ себѣ любознательныхъ людей изъ московской знати, которые приходили въ его келью бесѣдовать о «книгахъ и о цареградскихъ обычаяхъ», такъ что его келья въ Симоновомъ монастырѣ сдѣлалась похожа на ученый клубъ. Любопытно, что наиболѣе обычными гостями Максима были люди изъ оппозиціонной знати; къ нимъ принадлежали и сынъ упомянутаго выше опальнаго боярина Холмскаго, и сынъ грубившаго Іоанну Ш боярина Тучкова. Но самымъ близкимъ собесѣдникомъ Максима былъ нашъ Иванъ Никитичъ Берсень-Беклемишевъ. Онъ былъ тогда въ опалѣ; оправдывая свое «колючее» прозвище (берсень-крыжовникъ), онъ въ Думѣ что-то рѣзко возразилъ государю при обсужденіи вопроса о Смоленскѣ. Тотъ разсердился и выгналъ его изъ совѣта, сказавъ: «пошелъ вонъ, смердъ, ты мнѣ ненадобенъ». Берсень въ бесѣдахъ съ Максимомъ и высказывалъ свои огорченныя чувства, въ которыхъ можно видѣть отраженіе политическихъ думъ тогдашняго общества. Берсень ничѣмъ не доволенъ въ Московскомъ государствѣ: ни людьми, ни порядками; всего болѣе недоволенъ онъ самимъ государемъ. Недовольство это совершенно консервативнаго направленія; старые московскіе порядки съ недавняго времени стали измѣняться, и на это жа-

луется Берсень; онъ относится еще снисходительно къ Васильеву отцу: Іоаннъ III, по его мнѣнію, «былъ добръ и до людей ласковъ и потому Богъ помогалъ ему во всемъ; онъ любилъ «встрѣчу» (возраженіе противъ себя), а нынѣшній государь не таковъ, людей мало жалуетъ, упрямъ и не любитъ встрѣчи противъ себя и опаляется на тѣхъ, кто ему встрѣчу говоритъ». Берсень высказываетъ цѣлую философію консерватизма. «Самъ ты знаешь, говоритъ онъ Максиму, да и мы слыхали отъ разумныхъ людей, что какая земля перемѣняетъ свои старые обычаи, та земля недолго стоитъ; а у насъ нынѣшній великій князь старые обычаи перемѣнилъ, такъ отъ насъ какого добра ждать». Когда Максимъ возразилъ, что государи перемѣняютъ «царскіе и земскіе обычаи», соображаясь съ государственными интересами, Берсень отвѣчалъ: «а все-таки лучше старыхъ обычаевъ держаться, людей жаловать и стариковъ почитать, а нынѣ государь нашъ, запершись самъ третей у постели, всякія дѣла дѣлаетъ». Этой перемѣной обычаевъ Берсень объясняетъ безпорядки и тревоги, испытываемые Русской землей. Первой виновницей этой измѣны старымъ обычаямъ, родной старинѣ, Берсень считаетъ мать великаго князя: «какъ пришли сюда Греки, говоритъ Берсень, такъ земля наша и замѣшалась; а до тѣхъ поръ земля наша Русская въ мирѣ и тишинѣ жила. Какъ пришла сюда мать великаго князя, великая княгиня Софія, съ вашими Греками, такъ и пошли у насъ нестроенія великія, подобныя вашимъ цареградскимъ». Максимъ Грекъ счелъ долгомъ заступиться за землячку и возразилъ: «великая княгиня Софія съ обѣихъ сторонъ была роду великаго: по отцу—царскаго роду, цареградскаго, а по матери—великаго Дуксуса Феррарійскаго Италійскія страны».—«Какова бы она ни была, отвѣчалъ Берсень, да къ нашему

нестроенію пришла». За всѣ эти лишнія рѣчи, вскрывшіяся на слѣдствіи, Берсеню и отрѣзали языкъ. Значитъ, боярство при Василіи жаловалось на нарушеніе установленныхъ обычаемъ правительственныхъ порядковъ, на недовѣріе государя къ боярамъ и на то, что рядомъ съ Боярской Думой онъ создалъ интимный кабинетъ изъ немногихъ довѣренныхъ лицъ, съ которыми предварительно обсуждалъ государственные вопросы, потомъ уже вносившіеся въ Думу. Берсень не требуетъ никакихъ новыхъ правъ для боярства, онъ только отстаиваетъ старыя права, нарушаемыя государемъ. Онъ — оппозиціонный консерваторъ, противникъ государя, потому что стоитъ противъ нововведеній.

По смерти Василія, въ малолѣтство его преемника, власть попала въ руки бояръ. Теперь они могли распорядиться государствомъ по своему, осуществить свои политическіе идеалы, согласно съ ними перестроить государственный порядокъ, но они не пытались строить никакого новаго порядка. Въ продолженіе десяти лѣтъ, раздѣлившись на партіи, они вели усобицы другъ съ другомъ изъ за личныхъ или фамильныхъ интересовъ, а не изъ за государственнаго порядка. Эта борьба боярскихъ партій, наполнившая государство смутами, не только прошла безплодной для политическаго значенія боярства, но и уронила политическій авторитетъ класса въ глазахъ общества.

Въ царствованіе Грознаго, когда возобновилась борьба, обѣ стороны высказались откровеннѣе. Въ 1564 г. князь А. М. Курбскій, сверстникъ и любимецъ царя, командуя полками въ Ливонской войнѣ, проигралъ одну битву и, опасаясь опалы, бѣжалъ къ польскому королю. Но бѣглый бояринъ не захотѣлъ молча разстаться съ царемъ Іоанномъ; изъ своего убѣжища онъ написалъ Грозному рѣзкое обличительное посланіе, въ которомъ

упрекалъ царя за жестокость въ обращеніи съ боярствомъ. Царь не стерпѣлъ обиды и отвѣчалъ боярину-бѣглецу длиннымъ посланіемъ. Такъ завязалась любопытная переписка, продолжавшаяся до 1579 г. Кромѣ того, Курбскій написалъ въ Литвѣ полемическую исторію Грознаго, гдѣ также высказалъ политическія воззрѣнія своей братіи. Такъ, обѣ стороны исповѣдывались другъ другу и могли вполнѣ высказать, изъ-за чего шла борьба между ними. Однако и въ этой полемикѣ, веденной обѣими сторонами съ большимъ жаромъ и талантомъ, не находимъ прямого отвѣта на вопросъ о причинахъ вражды, раздѣлявшей обѣ стороны. Письма Курбскаго наполнены личными упреками. Въ исторіи Іоанна онъ высказываетъ нѣсколько общихъ политическихъ сужденій. Курбскій нападаетъ на новый порядокъ, заведенный въ Московскомъ государствѣ, видя въ немъ дѣло насилія и хищничества московскихъ государей, губившихъ своихъ родичей, удѣльныхъ князей. Онъ считаетъ правильнымъ такой государственный порядокъ, который основанъ не на произволѣ государя, а на участіи «синклита» бояръ въ управленіи: чтобы вести дѣла правильно и успѣшно, государю необходимо совѣтоваться съ боярами. Впрочемъ, не съ однимъ синклитомъ бояръ государь долженъ дѣлить власть; Курбскій допускаетъ и народное представительство въ управленіи, стоитъ за необходимость земскаго собора. Въ своей исторіи царя Іоанна онъ высказываетъ такой возвышенный политическій девизъ: «если царь и почтенъ царствомъ, но не получилъ отъ Бога какихъ-либо дарованій, онъ долженъ искать добраго и полезнаго совѣта не только у своихъ совѣтниковъ, но и у простыхъ людей, потому что даръ духа является не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной». Итакъ, Курбскій стоитъ за правительствен-

ное значеніе боярскаго совѣта и за участіе земскаго собора въ управленіи. Но ни правительственное значеніе боярскаго совѣта, ни участіе земскаго собора не были въ то время только идеалами, политическими мечтами: и боярскій совѣтъ, и земскій соборъ были политическими фактами; первый — фактомъ очень старымъ, второй — явленіемъ недавнимъ, появившимся именно въ царствованіе Грознаго, который впервые созвалъ земскій соборъ въ 1550 г. Ни Іоаннъ, ни его предшественники не пытались прямо и открыто уничтожить правительственное значеніе боярскаго совѣта въ управленіи; важныя дѣла они обсуждали и рѣшали вмѣстѣ съ боярами. Итакъ, Курбскій отстаиваетъ дѣйствовавшіе факты; его политическая программа не идетъ за предѣлы существовавшаго порядка, онъ не требуетъ перестройки дѣйствительности, ни новыхъ правъ для бояръ, ни новыхъ обезпеченій для старыхъ правъ.

Послушаемъ другую сторону. Политическіе идеалы царя Іоанна всѣ сводятся къ одной идеѣ, къ мысли о самодержавной власти. Самодержавіе для Іоанна не только нормальный, свыше установленный государственный порядокъ, — оно для него исконный фактъ нашей исторіи, непрерывно идущій изъ глубины отдаленныхъ вѣковъ. «Самодержавства нашего начало отъ Святого Владиміра; мы родились на престолѣ, а не чужое похитили; русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ всѣмъ царствомъ, а не бояре и вельможи». Этому самодержавію царь приписываетъ божественное происхожденіе и указываетъ ему не только политическое, но и высокое религіозно-нравственное назначеніе: «тщюсь со усердіемъ людей на истину и на свѣтъ наставить, да познаютъ единаго, истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и отъ Бога имъ даннаго государя, а отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія да престанутъ,

которыми царство растлѣвается; ибо если царю не повинуются подвластные, то никогда междоусобныя брани не прекратятся». Сущность этого самодержавія Іоаннъ выражаетъ въ такой простѣйшей формѣ: «жаловать своихъ холопей мы вольны и казнить ихъ вольны же».

Вотъ и вся политическая программа царя Іоанна. Столь рѣзко выраженная идея самодержавной власти у царя не развивается въ опредѣленный политическій порядокъ, изъ нея не извлекаются никакія практическія послѣдствія. Царь нигдѣ не говоритъ, согласенъ ли его идеалъ съ существующимъ государственнымъ устройствомъ, или требуетъ новаго; можетъ ли, напр., его самодержавная власть дѣйствовать съ наличнымъ боярствомъ, или должна создать другія орудія управленія. Но противъ самодержавія, какъ его понимали тогда въ Москвѣ, не возставало и боярство. Бояре признавали власть московскаго государя, какъ ее создала исторія; они только настаивали на необходимости и пользѣ участія въ управленіи другой политической силы, созданной тою же исторіею,—боярства и даже призывали на помощь этимъ двумъ силамъ третью—земское представительство. Изъ-за чего вышелъ споръ и даже лилась кровь? Обѣ стороны отстаивали то, что̀ уже было: каждая защищала учрежденіе или обычай, на который не нападала противная сторона. Вотъ своеобразный характеръ политической борьбы, о которой идетъ рѣчь—видимое отсутствіе достаточной политической причины для борьбы. Обѣ стороны, кажется, не могли удержаться отъ нея, но какъ будто не умѣли достаточно объяснить ее, сказать, изъ-за чего онѣ борятся. Это потому, что причиной борьбы были не противоположныя политическія стремленія обѣихъ сторонъ, а противорѣчіе въ самомъ политическомъ строѣ Московскаго государства. Госу-

царь и боярство не разошлись другъ съ другомъ въ политическихъ идеалахъ, а только почувствовали это противорѣчіе, созданное исторіей Московскаго государства, и не знали, какъ съ нимъ справиться. Что такое было Московское государство въ XVI вѣкѣ? Это—абсолютная монархія, но съ аристократическимъ управленіемъ. Значитъ, характеръ верховной власти въ этомъ государствѣ не соотвѣтствовалъ свойству правительственныхъ органовъ, черезъ которые она должна была дѣйствовать. Правительственная практика не соотвѣтствовала политическимъ понятіямъ общества: въ первой государь являлся не такимъ, какимъ представляло его себѣ второе. Благодаря этому, обѣ политическія силы, руководившія государствомъ, почувствовали себя въ чрезвычайно неловкомъ положеніи и не знали, какъ изъ него выйти. Ни боярство не умѣло устроить государственный порядокъ безъ государевой власти, какой она была тогда, ни государь не зналъ, какъ управиться безъ боярскаго содѣйствія съ своимъ царствомъ въ его новыхъ предѣлахъ; ни та, ни другая сторона не знали, какъ ужиться одной съ другой и какъ обойтись другъ безъ друга. Не умѣя ни разстаться, ни помириться, онѣ попытались раздѣлиться, жить рядомъ, но не вмѣстѣ. Такимъ выходомъ изъ затрудненія и была *опричнина*.

Происхожденіе и значеніе опричнины.

Царь Іоаннъ, столь успѣшно начавшій править государствомъ со своими боярами, потомъ разошелся съ ними. Вражда росла десять лѣтъ со времени извѣстныхъ событій 1553 года и, наконецъ, разразилась полнымъ разрывомъ. Въ концѣ 1564 г. царь неожиданно собрался въ дорогу со всей семьей и нѣкоторыми при-

дворными, захватилъ утварь, иконы и кресты, платье и всю казну и уѣхалъ въ Александровскую слободу. Черезъ мѣсяцъ онъ прислалъ въ столицу двѣ грамоты. Въ одной онъ клалъ свой государевъ гнѣвъ на все духовенство, бояръ и на всѣхъ служилыхъ и приказныхъ людей, поголовно обвиняя ихъ, что они о государствѣ, государѣ и обо всемъ православномъ христіанствѣ не радѣли, отъ враговъ ихъ не обороняли, напротивъ, сами притѣсняли христіанъ, расхищали казну и земли государевы, а духовенство покрывало виновныхъ, защищало ихъ. «И вотъ царь, гласила грамота, въ великой жалости сердца не стерпѣвъ всѣхъ этихъ измѣнъ, покинулъ свое царство и пошелъ поселиться гдѣ-нибудь, гдѣ Богъ укажетъ». Московскому простонародью, купцамъ и всѣмъ тяглымъ людямъ царь прислалъ другую грамоту, гдѣ писалъ, «чтобы они сомнѣнія не держали, что опалы и гнѣва на нихъ нѣтъ». Тогда Москва завопила въ смятеніи, прося митрополита съ боярами ѣхать къ царю и уговорить его вернуться на царство. При этомъ горожане кричали, чтобы царь вернулся на царство оборонять ихъ отъ волковъ и сильныхъ людей, что за государевыхъ измѣнниковъ и лиходѣевъ они не стоятъ и сами ихъ истребятъ. Царь принялъ челобитную отъ явившейся къ нему въ слободу депутаціи духовенства и бояръ, согласился вернуться на царство, но съ условіемъ, чтобы ему на своихъ измѣнниковъ и ослушниковъ опалу класть, а иныхъ казнить, имущество же ихъ брать на себя, чтобы духовенство и бояре, и приказные люди все это положили на его государевой волѣ, чтобы ему въ томъ не мѣшали. Для казни и опалы учреждена была тогда царемъ опричнина.

Опричнина—это новый дворъ, какой создалъ себѣ царь, съ особыми боярами, дворецкими и всѣмъ при-

дворнымъ штатомъ. Изъ числа служилыхъ людей въ Москвѣ въ этотъ дворъ взяты 1,000 человѣкъ, которымъ въ столицѣ отведены были особыя улицы и слободы, для чего перевели прежнихъ обывателей на новыя мѣста. Для содержанія этого двора изъ состава государства выдѣлено было 20 городовъ съ уѣздами, гдѣ земли розданы были опричникамъ, а прежніе владѣльцы переведены были въ другія области. Весь этотъ выдѣленный изъ государства міръ получилъ свое особое управленіе. Все остальное государство подъ именемъ *земщины* оставлено было подъ управленіемъ думныхъ бояръ, не взятыхъ въ опричнину и получившихъ названіе земскихъ. Всѣ учрежденія центральныя, какъ и областныя, должны были дѣйствовать попрежнему, обращаясь съ вопросами и всѣми земскими дѣлами въ думу земскихъ бояръ, которая правила землею, докладывая государю только важнѣйшія военныя и земскія дѣла. Такимъ образомъ государство раздѣлилось на двѣ не равныя части—*земщину* и *опричнину*. Во главѣ первой остались думные бояре, во главѣ второй непосредственно сталъ самъ царь. За выѣздъ изъ Москвы царь взялъ съ земщины штрафъ въ 100,000 рублей (около 2 милліоновъ на наши деньги). Учредивъ опричнину, написавъ уставъ для нея, царь принялся казнить измѣнниковъ и ослушниковъ, начавши съ ближайшихъ сторонниковъ князя Курбскаго, послѣ побѣга котораго вскорѣ и учреждена была опричнина.

Съ перваго взгляда опричнина представляется учрежденіемъ, лишеннымъ всякаго политическаго смысла. Въ самомъ дѣлѣ, царь, объявивъ всѣхъ бояръ измѣнниками, оставлялъ землю подъ управленіемъ этихъ самыхъ измѣнниковъ. Но опричнина становится понятна въ связи съ тѣмъ политическимъ столкновеніемъ, которымъ она была вызвана. Прежде всего въ опричнинѣ

надо различать ея политическую форму и ея политическую цѣль. Политическая форма, въ какую облечено это учрежденіе, была заимствована изъ преданій и обычаевъ старины: это былъ удѣлъ. Самый терминъ «опричнина» взятъ изъ удѣльнаго языка: въ княжескихъ грамотахъ XIV в. опричнинами назывались тѣ владѣнія, которыя выдѣлялись въ удѣлъ княгинямъ-вдовамъ. Самъ Іоаннъ смотрѣлъ на это учрежденіе, какъ на особое свое владѣніе, какъ на удѣлъ, который онъ выдѣлилъ изъ состава земщины, государства. Въ 1574 г. онъ вѣнчалъ на царство крещенаго касимовскаго хана Симеона и далъ ему титулъ «государя, великаго князя Симеона всея Руси». Переводя этотъ титулъ на простой языкъ, царь Іоаннъ назначилъ Симеона предсѣдателемъ Думы земскихъ бояръ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ царствовалъ этотъ Симеонъ, потомъ онъ былъ сосланъ въ Тверь. Правительственные указы издавались отъ имени Симеона, какъ «государя, великаго князя всея Руси», а Іоаннъ довольствовался титуломъ государя-князя московскаго (даже не великаго), и въ челобитной къ Симеону онъ называлъ себя княземъ московскимъ «Иванцемъ Васильевымъ». Итакъ, Іоаннъ противопоставлялъ себя, какъ князя московскаго удѣла, государю всея Руси, который предсѣдательствовалъ въ Думѣ земскихъ бояръ. Послѣ онъ переименовалъ опричнину въ дворъ опричныхъ бояръ, а служилыхъ людей въ бояръ и служилыхъ людей дворовыхъ. Не думайте, однако, что Іоаннъ хотѣлъ только реставрировать старую удѣльную форму. Учрежденіе опричнины является слѣдствіемъ разрыва съ боярами. Въ опричнину царь убѣжалъ, спасаясь отъ боярства. Такъ, въ духовной своей, написанной въ 1572 г., царь пресеріозно считаетъ себя изгнанникомъ, скитальцемъ и пишетъ: «по множеству беззаконій моихъ распростерся на меня гнѣвъ Божій,

изгнанъ я боярами ради ихъ самовольства изъ своего достоянія и скитаюсь по странамъ».

Но опричнина, служа убѣжищемъ гонимому царю, получила новую политическую задачу, для которой не было особеннаго учрежденія въ существовавшемъ государственномъ устройствѣ. Отжившая удѣльная форма воскрешена была, чтобы вывести боярскую крамолу изъ Русской земли. Такимъ образомъ, опричнина была высшей полиціей по дѣламъ государственной измѣны. Отрядъ въ тысячу человѣкъ, зачисленный въ опричнину и потомъ увеличенный до шести тысячъ, становился корпусомъ дозорщиковъ внутренней крамолы. Малюта Скуратовъ былъ шефомъ этого корпуса, а царь выпросилъ себѣ у духовенства, бояръ и всей земли полицейскую диктатуру для борьбы съ этой крамолой. Какъ полицейскій отрядъ, опричнина получила особый мундиръ—собачью голову и метлу, знакъ ихъ должности, состоявшей въ томъ, чтобы выслѣживать, вынюхивать и выметать измѣну.

Таково было происхожденіе и назначеніе опричнины. Легко видѣть, однако, что это учрежденіе не отвѣчало на политическій вопросъ, тогда стоявшій на очереди, не разрѣшало столкновенія, которымъ было вызвано. Столкновеніе явилось слѣдствіемъ одного противорѣчія въ политическомъ строѣ Московскаго государства. Противорѣчіе это состояло въ томъ, что Московское государство вышло изъ событій XV и XVI вв. аристократическо-абсолютной монархіей. По мѣрѣ упраздненія удѣловъ, московскій государь все болѣе и болѣе чувствовалъ себя полнымъ властителемъ Русской земли. По мѣрѣ того же упраздненія удѣловъ, вокругъ него становились потомки упраздненныхъ великихъ и удѣльныхъ князей, собиралась аристократія, составившая верхній слой правительственнаго класса, вмѣстѣ съ которымъ

царь долженъ былъ править Русской землей. Значеніе власти государя росло вмѣстѣ, рука объ руку, съ другой политической силой, ее ограничивавшей. Отсюда и произошло столкновеніе. Затрудненіе заключалось въ неудобномъ для государя политическомъ положеніи бояръ, какъ правительственнаго класса, его стѣснявшаго. Поэтому выйти изъ затрудненія можно было двумя путями: надобно было или устранить боярство, какъ правительственный классъ, и замѣнить его другими, болѣе гибкими и послушными орудіями, или привлечь къ престолу наиболѣе надежныхъ людей изъ боярства и съ ними править, какъ уже и правилъ Іоаннъ въ началѣ своего царствованія. Царь и думалъ и о томъ, и о другомъ; но одного онъ не могъ сдѣлать, а другого не сумѣлъ или не захотѣлъ. Онъ не могъ скоро создать другого правительственнаго класса, достаточно привычнаго и способнаго къ управленію. Во всякомъ случаѣ, избирая тотъ или другой выходъ, предстояло дѣйствовать противъ политическаго положенія цѣлаго класса, а не противъ отдѣльныхъ лицъ. Іоаннъ поступилъ наоборотъ: заподозривъ въ измѣнѣ все боярство, онъ бросился на заподозрѣнныхъ, вырывая ихъ поодиночкѣ, но оставилъ боярство во главѣ земскаго управленія. Не имѣя возможности сокрушить неудобный для него порядокъ управленія, онъ сталъ истреблять отдѣльныхъ ненавистныхъ ему лицъ. Въ этомъ и состояла политическая безцѣльность опричнины. Столкновеніе было вызвано порядкомъ, а не лицами, а опричнина была направлена противъ лицъ, а не противъ порядка. Вотъ почему она и не устранила возникшаго затрудненія, не разрѣшила стоявшіе на очереди политическіе вопросы. Почему однако такой неожиданный исходъ данъ былъ политической борьбѣ? Въ этомъ большое значеніе имѣетъ личный характеръ царя. Онъ былъ виноватъ въ томъ, что

затрудненіе не было устранено, а только устранены нѣкоторыя непріятныя его послѣдствія. Благодаря этому, личный характеръ царя Іоанна получилъ нѣкоторое значеніе въ нашей государственной исторіи.

Характеръ и значеніе Іоанна Грознаго.

Іоаннъ очень рано, на четвертомъ году, потерялъ отца, а на восьмомъ остался круглымъ сиротой. Отъ природы получилъ онъ умъ бойкій, гибкій и немного насмѣшливый, настоящій московскій, великорусскій умъ. Но обстоятельства, среди которыхъ прошло его дѣтство, испортили его, дали ему неестественное, болѣзненное развитіе: онъ росъ среди явленій боярскаго самоуправства. Придворныя интриги, сцены насилія и произвола, какими ознаменовалась борьба боярскихъ партій, были первыми впечатлѣніями Іоанна. Попавъ среди боровшихся людей, которымъ до малаго государя мало было дѣла, Іоаннъ росъ безъ призора. «Родственники мои не заботились обо мнѣ», говорилъ онъ въ 1555 г. митрополиту на Красной площади передъ всѣмъ народомъ. Судя по его воспоминаніямъ о своемъ дѣтствѣ, въ немъ рано и глубоко врѣзалось и всегда живо сохранялось чувство сиротства, одиночества, безпомощности. Отсюда его робость, ставшая основной чертой его характера. Къ тому же онъ былъ напуганъ въ дѣтствѣ. Разъ въ 1542 г. старый князь Шуйскій напалъ ночью на стоявшаго за его противниковъ митрополита Іоасафа; владыка скрылся во дворцѣ князя. Мятежники разбили окна, бросились за нимъ и вломились съ шумомъ въ спальню великаго князя, разбудили и напугали его. Такія тревоги развили въ Іоаннѣ пугливость, способность вдругъ оробѣть, которая потомъ превратилась въ

наклонность преувеличивать опасность, развили въ немъ страхъ съ необыкновенно великими глазами. Молодой князь съ дѣтства видѣлъ себя среди чужихъ. Люди, выросшіе между чужими, рано пріобрѣтаютъ особенную привычку ходить оглядываясь, заглядывать въ глаза окружающимъ, чтобы заранѣе угадать, не готовится ли нападеніе. Эти привычки подсматривать и подслушивать за другими развили въ Іоаннѣ чрезвычайную подозрительность, которая съ лѣтами и опытомъ превратилась въ глубокое недовѣріе къ людямъ. Недаромъ въ своей духовной онъ даетъ дѣтямъ наставленіе, какъ людей любить и жаловать и какъ отъ нихъ беречься. Обстоятельства дѣтства въ изобиліи снабжали Іоанна раздражающими впечатлѣніями. Онъ не разъ и горько чувствовалъ равнодушіе и пренебреженіе къ себѣ со стороны окружающихъ. Онъ говорилъ потомъ, что его съ братомъ Юріемъ въ дѣтствѣ стѣсняли во всемъ, держали какъ убогихъ людей, плохо кормили и одѣвали, ни въ чемъ воли не давали, все заставляли дѣлать насильно и не по возрасту. Въ торжественные, церемоніальные случаи, при выходѣ или пріемѣ пословъ, его окружали царственной пышностью, становились вокругъ него съ раболѣпнымъ смиреніемъ, а въ будни тѣ же люди не церемонились съ нимъ, порой баловали, порой дразнили. Играютъ они, бывало, съ братомъ Юріемъ въ спальнѣ покойнаго отца, а князь Шуйскій развалится передъ ними на лавкѣ, обопрется локтемъ о постель отца и ногу на нее положитъ, не обращая никакого вниманія на дѣтей. Горечь, съ какою Іоаннъ вспоминалъ черезъ 25 лѣтъ объ этомъ, показываетъ, какъ сильно и часто его сердили. Но въ обстановкѣ, въ какой шло его дѣтство, онъ не всегда могъ тотчасъ обнаружить чувство досады или злости. Частое раздраженіе, притомъ сдержанное, постепенно превратилось въ постоянное; минутныя вспышки стали

постояннымъ свойствомъ, обычнымъ настроеніемъ. Отсюда непомѣрная щекотливость въ Іоаннѣ, болѣзненность, чувство собственной кожи, не выносившей малѣйшаго непріятнаго прикосновенія. Іоаннъ вышелъ психологически недотрогой. Пугливый и подозрительный, Іоаннъ рано привыкъ думать, что онъ окруженъ врагами, и получилъ печальную наклонность высматривать, какъ плетутся вокругъ него безконечныя нити козней, которыми, чудилось ему, окружающіе старались его опутать со всѣхъ сторонъ. Это заставляло его постоянно держаться настороже: мысль, — что вотъ-вотъ изъ-за угла покажется недругъ — стала обычнымъ, ежедневнымъ настроеніемъ его души. Всего сильнѣе работалъ въ немъ инстинктъ самосохраненія. Всѣ усилія его бойкаго ума потрачены были на развитіе этого грубаго чувства. Какъ всѣ люди, рано понявшіе борьбу за существованіе, Іоаннъ рано выросъ, получилъ преждевременную зрѣлость. Въ 17—20 лѣтъ онъ уже поражалъ окружающихъ необыкновеннымъ количествомъ передуманныхъ мыслей, до которыхъ его предки не додумывались и въ зрѣломъ возрастѣ. Въ 1546 г., когда онъ заговорилъ съ окружающими о женитьбѣ и вѣнчаніи на царство, то бояре и митрополитъ, по словамъ лѣтописи, расплакались отъ умиленія и радости, что царь такъ молодъ, а ужъ такъ много передумалъ, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, отъ всѣхъ утаившись.

Этой опасной въ молодости привычкой къ уединенному раздумью, наклонностью подумать о многомъ втихомолку, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, онъ надорвалъ свои нравственныя силы, нарушивъ ихъ равновѣсіе. Постоянное напряженіе, въ какомъ онъ жилъ, породило въ немъ необыкновенную возбуждаемость, наклонность искусственно возбуждать себя. Въ работу ума онъ рано привыкъ вводить дѣйствіе чувства. О

чемъ бы онъ ни размышлялъ, онъ постоянно подзадоривалъ свои мысли страстью. Подъ вліяніемъ страсти онъ могъ разгорячить голову до отважныхъ и широкихъ помысловъ, свою рѣчь до высокаго краснорѣчія, и тогда отъ его словъ летѣли, какъ отъ раскаленнаго желѣза подъ молотомъ кузнеца, искры остроумія, насмѣшки и пикантныя выраженія. Въ сочиненіяхъ своихъ Іоаннъ является однимъ изъ лучшихъ нашихъ писателей XVI в. Въ его сочиненіяхъ, написанныхъ подъ диктовку страсти и раздраженія, онъ поражаетъ насъ гибкостью ума, изворотливостью діалектики, блескомъ мысли; но это фосфорическій блескъ, лишенный теплоты; это не вдохновеніе, а горячка головы, нервическая прыть, слѣдствіе искусственнаго возбужденія. Минуты такого умственнаго напряженія сопровождались полнымъ упадкомъ духовныхъ силъ, и тогда отъ его остроумія не оставалось и простого здраваго смысла. Въ эти минуты онъ способенъ былъ на затѣи, лишенныя всякой сообразительности. Въ письмахъ къ Курбскому Іоаннъ поражаетъ насъ смѣной самыхъ разнообразныхъ чувствъ. Порывы великодушія и раскаянія, проблески задушевнаго лиризма чередуются съ грубой шуткой, жестокимъ озлобленіемъ, холоднымъ презрѣніемъ къ людямъ. Нервное, напряженное состояніе, какое переживалъ Іоаннъ, сдѣлало его однимъ изъ тѣхъ людей, которые въ добрыя минуты, кажется, не живутъ, а горятъ яркимъ пламенемъ; но какъ скоро это пламя гаснетъ, отъ него остается одна копоть. Усиленная работа ума и чувства смѣняется полнымъ упадкомъ нравственныхъ силъ, и жизнь становится простымъ физіологическимъ процессомъ. Обыкновенно такіе люди со временемъ, когда ослабнетъ въ нихъ возбуждаемость, прибѣгаютъ къ искусственному средству—къ вину, и Іоаннъ не чуждался этого средства.

Такой печальный запасъ впечатлѣній, чувствъ вынесъ Іоаннъ изъ дѣтства.

Онъ совершилъ много хорошаго и рядомъ съ этимъ еще больше поступковъ, которые сдѣлали его предметомъ ужаса и отвращенія для современниковъ и послѣдующихъ поколѣній. Разгромъ Новгорода (1570 г.), московскія казни и убійство митрополита Филиппа, и безобразія съ опричниками въ Александровской слободѣ,—читая обо всемъ этомъ, подумаешь, что это былъ звѣрь отъ природы. Но онъ вовсе не былъ такимъ. Когда онъ освобождался отъ внѣшнихъ раздражающихъ впечатлѣній, оставался наединѣ съ самимъ собою, съ своими задушевными думами, имъ овладѣвала грусть, къ которой способны только люди, испытавшіе много нравственныхъ потрясеній. Кажется, ничего не могло быть формальнѣе, пошлѣе духовной грамоты московскаго князя. Іоаннъ и въ этомъ канцелярскомъ актѣ выдержалъ свой лирическій характеръ. Духовную свою 1572 г. онъ начинаетъ религіознымъ размышленіемъ и продолжаетъ такими задушевными словами: «тѣло изнемогло, болѣзнуетъ духъ, раны душевныя и тѣлесныя умножились, и нѣтъ врача, который бы исцѣлилъ меня. Ждалъ я, кто бы поскорбѣлъ со мною, и никого не явилось; утѣшающихъ я не нашелъ, заплатили мнѣ зломъ за добро, ненавистью за любовь».— Бѣдный страдалецъ!—подумаешь, читая эти строки, а этотъ страдалецъ нѣсколько времени тому назадъ, по одному подозрѣнію въ измѣнѣ, разгромилъ городъ съ цѣлой областью, ни въ чемъ не виноватой....

Сами по себѣ описанныя свойства Іоанна могли бы послужить только любопытнымъ матеріаломъ для психолога или лучше для психіатра. Къ сожалѣнію, одно обстоятельство сообщило имъ значеніе гораздо болѣе важное, чѣмъ какое имѣютъ обыкновенно психологиче-

скіе курьезы, появляющіеся въ частной жизни, особенно въ такой обильной всякими душевными курьезами, какъ русская—Іоаннъ былъ царь. Черты личнаго характера его дали особое направленіе его политическому образу мыслей, а политическій образъ мыслей оказалъ сильное, хотя и отрицательное дѣйствіе на его политическій образъ дѣйствій, т. е. испортилъ его.

Іоаннъ очень рано и много, раньше и больше, чѣмъ слѣдовало, сталъ думать своей нервной мыслью о томъ, что онъ государь московскій и всея Руси. Событія боярскаго правленія постоянно поддерживали въ немъ эту думу, сообщили ей тревожный, быстрый характеръ. Его сердили и обижали, выталкивали изъ дворца и грозили убить людей, къ которымъ онъ привязывался, пренебрегая его просьбами и слезами; у него на глазахъ выказывали непочтеніе къ памяти его отца, можетъ быть, дурно отзывались о покойномъ въ присутствіи сына. Но этого сына всѣ признавали государемъ; ни отъ кого не слыхалъ онъ и намека на то, что его царственное право можетъ подвергнуться сомнѣнію, спору. Каждый изъ окружающихъ, обращаясь къ Іоанну, называлъ его великимъ государемъ; каждый случай, его тревожившій или раздражавшій, заставлялъ его вспомнить о томъ же и съ любовью останавливаться на мысли о своемъ царственномъ достоинствѣ.

Легко догадаться, какъ и чему учили Іоанна. Учили его по старо-русски, заставляя безконечно повторять зады, твердить Часословъ и Псалтирь. Изреченія изъ этихъ книгъ затверживались механически и на всю жизнь врѣзывались въ память. Кажется, дѣтская мысль Іоанна рано начала проникать въ это механическое зубреніе Часослова и Псалтири съ указкою въ рукѣ. Здѣсь онъ встрѣчалъ строки о царѣ и царствѣ, о по-

мазанникѣ Божіемъ, о нечестивыхъ совѣтникахъ, о блаженномъ мужѣ, который не ходитъ на совѣтъ ихъ и т. д. Съ тѣхъ поръ, какъ сталъ Іоаннъ понимать свое сиротское положеніе и думать объ отношеніяхъ своихъ къ окружающимъ, эти строки должны были живо затрогивать его вниманіе. Онъ понималъ эти библейскіе афоризмы по своему, прилагая ихъ къ себѣ, къ своему положенію. Они давали ему прямые и желательные отвѣты на вопросы, какіе возбуждались въ его головѣ житейскими столкновеніями, давали высокое нравственное оправданіе чувству злости, вызывавшейся въ немъ этими столкновеніями. Какіе быстрые успѣхи въ изученіи и толкованіи писанія долженъ былъ сдѣлать Іоаннъ, примѣняя къ своей экзегезѣ такой нервный и себялюбивый методъ, изучая и толкуя слово Божіе подъ диктовку раздраженнаго и капризнаго чувства! Съ тѣхъ поръ книги должны были стать любимымъ предметомъ его занятій. Отъ Псалтири онъ охотно перешелъ къ другимъ книгамъ Писанія, перечиталъ много, что могъ достать изъ тогдашняго книжнаго запаса. Это былъ начитаннѣйшій москвичъ XVI столѣтія. Не даромъ современники называли его «словесной мудрости риторомъ». Все, что онъ читалъ, было духовнаго содержанія; вездѣ находилъ онъ и отмѣчалъ одни и тѣ же мысли и образы, которые близко подходили къ его настроенію, вторили его собственнымъ думамъ. Онъ читалъ и перечитывалъ любимыя мѣста, и они неизгладимо врѣзывались въ его память. Не менѣе нынѣшнихъ записныхъ ученыхъ Іоаннъ любилъ пестрить свои сочиненія цитатами кстати и некстати и не менѣе ихъ грѣшилъ въ этихъ цитатахъ. На каждомъ шагу онъ вставлялъ въ свою рѣчь отдѣльныя строки изъ Писанія, иногда выписывалъ подрядъ цѣлыя главы изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ или апостольскихъ посланій и очень часто искажалъ

ихъ текстъ безъ всякой нужды. Но это происходило не отъ небрежности въ списываніи, но отъ того, что Іоаннъ, очевидно, выписывалъ изъ своихъ источниковъ наизустъ.

Такъ завязалось въ головѣ Іоанна политическое размышленіе—занятіе, котораго не знали его предки ни среди дѣтскихъ игръ, ни въ хозяйственныхъ заботахъ зрѣлаго возраста. Это занятіе, надо думать, началось еще въ учебной комнатѣ на глазахъ дьяка—учителя и бояръ—надзирателей, когда великій князь только что получилъ возможность покинуть указку и читать толкомъ, т. е. не по складамъ. Но несомнѣнно, что это занятіе и потомъ продолжалось, уже втихомолку, тайкомъ отъ окружающихъ, которые, какъ могъ думать Іоаннъ, не одобрили бы такого направленія его мыслей. Недаромъ уже въ 1546 году, когда Іоанну едва минуло 17 лѣтъ, онъ поразилъ бояръ неожиданностью своихъ мыслей, заговоривъ съ ними о томъ, что надо жениться, но что прежде женитьбы онъ хочетъ «поискать прародительскихъ порядковъ, какъ прародители его, цари и великіе князья и сродникъ его Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, на царство, на великое княженіе садились». Первымъ помысломъ Іоанна, по выходѣ изъ правительственной опеки бояръ, было принять титулъ царя и вѣнчаться на царство торжественнымъ обрядомъ, какъ былъ вѣнчанъ его отецъ. Бояре удивились, что «царь такъ молодъ, а уже прародительскихъ обычаевъ поискалъ». Политическія его думы вырабатывались тихонько отъ бояръ, какъ тихонько складывался и его нравственный характеръ.

По позднѣйшимъ сочиненіямъ царя можно съ нѣкоторою точностью возстановить всю нить его политическихъ размышленій, которыя онъ вынашивалъ и вынянчивалъ въ своей головѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Его посланія къ князю Курбскому—наполовину

политическіе трактаты о царской власти и государственномъ порядкѣ и наполовину обличительные памфлеты противъ боярства. Попробуйте бѣгло перелистовать эти длинныя, предлинныя посланія: васъ поразитъ видимая безпорядочность, съ какою излагаются здѣсь мысли, и необыкновенная пестрота, разнообразіе книжнаго матеріала, который авторъ щедрою рукою разсыпалъ по своимъ страницамъ. Чего тутъ нѣтъ, какихъ именъ, текстовъ и примѣровъ! Длинныя и короткія выписки изъ Григорія Назіанзина, Іоанна Златоуста и другихъ отцовъ Церкви, строки и цѣлыя страницы изъ пророка Исаіи, книгъ Моисеевыхъ и другихъ частей Библіи; образы изъ греческой миѳологіи: Зевсъ, Аполлонъ, Діонисъ, герои Иліады, Антиной и Эней, взятые изъ распространеннаго въ древнерусской письменности сказанія о плѣненіи Трои; библейскія имена Гедеона, Авимелеха, Іеффая; безсвязные эпизоды изъ исторіи евреевъ, римской и византійской имперій и даже западныхъ народовъ со средневѣковыми именами: Зинзириха Вандальскаго, Готовъ, Савроматовъ, Французовъ, словомъ, все то, что̀ можно было вычитать изъ древнерусскихъ учебниковъ всеобщей исторіи (хронографовъ), и, наконецъ, порой мимоходомъ брошенная черта изъ русскихъ лѣтописей,—и все это перепутанное, переполненное анахронизмами, выплываетъ въ посланіяхъ у Іоанна, повинуясь капризному движенію его мысли, и вся эта ученая каша сдобрена философскими и политическими афоризмами и посолена жестокимъ и иногда удачнымъ сарказмомъ или ироніей. Какая хаотическая память, набитая сбродомъ всякой всячины!—подумаешь, перелистывая эти посланія. Недаромъ князь Курбскій называетъ его письма бабьей болтовней, гдѣ изреченія Св. Писанія чередуются съ рѣчами о женскихъ тѣлогрѣяхъ и постеляхъ.

Но всматриваясь ближе въ этотъ пѣнящійся потокъ воспоминаній, чувствъ и мыслей, вы безъ труда поймете основную мысль, которая тонкой, но всегда замѣтной нитью проходитъ по этимъ, повидимому, столь нестройнымъ страницамъ. Затверженные авторомъ съ дѣтства любимые тексты Писанія всѣ одинаковаго содержанія. Всѣ они говорятъ о царской власти, о ея божественномъ происхожденіи, объ отношеніяхъ къ ней совѣтниковъ и всѣхъ подданныхъ, о гибельныхъ послѣдствіяхъ безначалія, разновластія и т. д. Вотъ какъ читаетъ онъ свои любимые тексты: «всякая душа владыкамъ предвладующимъ да повинуется, никакая же бо владычества, еже не отъ Бога учинена есть; тѣмъ же противляйся власти, Божію повелѣнію противится. Раби, послушайте господей своихъ. Горе дому, имъ же домомъ жена обладаетъ; горе граду, имъ же мнози обладаютъ». Вчитываясь въ Писаніе, Іоаннъ создавалъ себѣ изъ ветхозавѣтныхъ образовъ особый идеальный міръ, въ который уходилъ, спасаясь отъ житейскихъ тревогъ и волненій; онъ съ любовью созерцалъ эти ветхозавѣтные образы помазанниковъ Божіихъ—Давида, Соломона. Но въ этихъ образахъ онъ созерцалъ самого себя, старался найти отраженіе своей собственной царственной особы; и въ такомъ отраженіи его собственная фигура представлялась ему въ такомъ блескѣ и величіи, какого и не чудилось его предкамъ, простымъ московскимъ князьямъ.

Іоаннъ былъ первый русскій государь, который узрѣлъ въ себѣ царя въ настоящемъ смыслѣ слова, въ смыслѣ помазанника Божія. Это было открытіемъ для Іоанна и онъ залюбовался своей собственной фигурой, какъ она отразилась чрезъ призму Писанія. Свое царственное «я» сдѣлалось для него предметомъ поклоненія, онъ самъ для себя сталъ святыней и создалъ себѣ

цѣлое богословіе царской власти. Тономъ вдохновеннаго свыше и вмѣстѣ съ тонкой ироніей пишетъ онъ своему врагу Стефану Баторію во время переговоровъ о мирѣ, коля ему глаза его избирательною властью: «мы, смиренный Іоаннъ, царь и великій князь всея Руси по Божію изволенію, а не по многомятежному человѣческому мнѣнію». Но изъ всѣхъ этихъ усилій мысли и воображенія царь вынесъ простую, голую мысль о царской власти, безъ всякой обдуманной политической программы. Увлеченный борьбою, онъ упустилъ изъ виду текущіе интересы государственной жизни и усиленной работой развилъ въ себѣ отвлеченную мысль о личной власти, не умѣя приладить ее къ окружающей дѣйствительности. Потому стоявшіе на очереди практическіе вопросы государственнаго порядка остались у него не разрѣшенными. Вопросъ шелъ о важномъ противорѣчіи въ государственномъ устройствѣ. Противорѣчіе это состояло въ томъ, что московскій государь, почувствовавъ себя абсолютнымъ, долженъ былъ править посредствомъ аристократическаго класса. Слѣдовательно, требовалось точнѣе опредѣлить политическія отношенія между столь несходными силами. Іоаннъ приступилъ къ этому вопросу съ своей нервной возбудимостью. Разрѣшеніе этого противорѣчія неизбѣжно вызывало столкновеніе между ними, обоюдныя недоразумѣнія. Царь, столкнувшись съ боярами, по обыкновенію, преувеличилъ опасность, испугался, отдался чувству, которое всегда легко возбуждалось въ немъ и овладѣвало имъ — чувству страха. Тогда политическій вопросъ превратился для него въ вопросъ о своей личной безопасности; политическія задачи стали личными тревогами, политическія затрудненія преобразились въ личные страхи, и онъ, какъ не въ мѣру испугавшійся человѣкъ, закрывши глаза, началъ бить

направо и налѣво, не разбирая враговъ и друзей. Онъ началъ казнить бояръ; казненныхъ заносилъ онъ въ синодики и посылалъ поминать ихъ души по монастырямъ. Стоитъ посмотрѣть эти любопытные синодики. Князь Курбскій, пересчитывая жертвы Іоанна, насчитываетъ ихъ свыше четырехсотъ; по нѣкоторымъ синодикамъ число ихъ возвышается до 4000; но боярскихъ именъ въ этихъ спискахъ сравнительно очень немного; зато въ поминаніе заносились перебитые массами и неповинные въ боярской крамолѣ дворовые люди, подъячіе, псари, монахи, монахини, «скончавшіеся христіане мужескаго, женскаго и дѣтскаго чина, имена коихъ Ты самъ, Господи, вѣси», какъ причитаетъ синодикъ послѣ каждой группы избитыхъ массами.

Царь Іоаннъ своимъ характеромъ и дѣятельностью произвелъ на современниковъ двойственное впечатлѣніе. Они никакъ не умѣли согласить смѣлыхъ и обдуманныхъ его начинаній въ первую половину царствованія съ несообразными предпріятіями и жестокостями временъ опричнины. Это впечатлѣніе оказало вліяніе и на сужденіе Карамзина объ Іоаннѣ Грозномъ. Историографа всего болѣе поразили рѣзкія противорѣчія, совмѣщавшіяся въ царѣ, и онъ признается, что не понимаетъ Іоанна, что характеръ его есть загадка для ума. Онъ видитъ въ этомъ характерѣ непостижимую смѣсь добра и зла, прекрасныхъ стремленій и гнусныхъ инстинктовъ, превосходныхъ качествъ съ отвратительнымъ ихъ употребленіемъ. Отличныя его способности были раболѣпными слугами гнуснѣйшихъ пороковъ; его самообладаніе было только орудіемъ его лицемѣрія, сознаніе высоты своей власти выражалось въ капризномъ изступленіи противъ людей, обыгрывавшихъ царя въ шашки, или противъ персидскаго слона, не исполнившаго его приказа стать на колѣна. Іоаннъ

двоится въ глазахъ Карамзина; было два царя Іоанна: одинъ, царствовавшій до 1560 г., герой добродѣтели; другой—неистовый кровопійца, свирѣпствовавшій съ 1560 г. Такой взглядъ на историческаго дѣятеля отразился и на общей оцѣнкѣ его дѣятельности, сдѣланной исторіографомъ. Карамзинъ признаетъ за Іоанномъ много правительственныхъ доблестей: дѣловитость, вѣротерпимость, любовь къ просвѣщенію, талантъ законодателя и государственнаго организатора. Тѣмъ не менѣе царствованіе Іоанна, одно изъ прекраснѣйшихъ по его началу, исторіографъ ставитъ по его конечнымъ результатамъ на ряду съ монгольскимъ игомъ и бѣдствіями удѣльнаго времени.

Своеобразный взглядъ на Іоанна высказалъ Погодинъ (въ 1828 г.). Грозный—громкое ничтожество. Мнѣніе Карамзина о величіи этого царя, проявленномъ въ дѣяніяхъ первой половины его царствованія, Погодинъ считаетъ историческимъ предразсудкомъ. Слава этихъ дѣяній принадлежитъ не царю, а партіи бояръ, руководимой священникомъ Сильвестромъ и управлявшей государствомъ; самъ царь былъ лицомъ совершенно страдательнымъ, не принималъ никакого участія въ управленіи, а когда онъ вышелъ изъ-подъ опеки мудрыхъ совѣтниковъ и началъ дѣйствовать самостоятельно, то не сдѣлалъ ничего замѣчательнаго. Мысль о зависимости царя отъ Сильвестра и его сторонниковъ Погодинъ доказываетъ тѣми мѣстами изъ писемъ Іоанна къ князю Курбскому, гдѣ онъ самъ жалуется на самовластіе своихъ совѣтниковъ и на свое униженіе ими, на то, что они сняли съ него всю власть и сами государились, а онъ былъ государемъ только по имени, ничѣмъ не владѣя на самомъ дѣлѣ. Но Іоаннъ, очевидно, преувеличивалъ это самовластіе Сильвестра и его партіи, изображая себя жалкой, безпомощной ихъ

жертвой, чтобы придать тѣмъ болѣе тяжести обвиненію ихъ въ захватѣ не принадлежавшей имъ власти. Значитъ, полемическій пріемъ одного изъ борцовъ Погодинъ принялъ за историческое свидѣтельство современника, наблюдателя борьбы, изъ напраслины, взведенной на себя царемъ для самозащиты, сдѣлалъ его характеристику.

У Соловьева въ объясненіи характера и образа дѣйствій Іоанна на первомъ планѣ поставлена борьба стараго съ новымъ, борьба новаго государственнаго порядка, установленнаго отцомъ и дѣдомъ царя, съ удѣльными преданіями, хранителями которыхъ были бояре. Эта борьба съ своими послѣдствіями вредно подѣйствовала на умъ Іоанна и испортила его сердце. Раздоры, своеволіе и своекорыстіе бояръ въ малолѣтство Іоанна, ихъ враждебное отношеніе къ его отцу и обращеніе съ нимъ самимъ, то грубое и пренебрежительное, то раболѣпное и льстивое, съ одной стороны, рано пробудили въ его умѣ усиленную мысль о своей власти, какъ средствѣ обороны отъ враговъ, сообщили ему ускоренное развитіе и, какъ слѣдствіе этого, излишнюю воспріимчивость, а съ другой—воспитали въ немъ два чувства: презрѣніе къ ласкателямъ и ненависть къ врагамъ, строптивымъ вельможамъ, беззаконно похитившимъ его права, пріучили его не уважать жизни человѣка и человѣческаго достоинства, употреблять мѣры жестокія и кровавыя, пренебрегать средствами духовными, нравственными. Потому Іоаннъ представляется Соловьеву не столько тираномъ своихъ враговъ, сколько жертвой борьбы съ ними. «Своекорыстіемъ, презрѣніемъ общаго блага, жизни и чести ближняго сѣяли Шуйскіе съ товарищами: выросъ Грозный».

Итакъ, вслѣдствіе характера царя, не былъ разрѣшенъ вопросъ, какой слѣдовало разрѣшить, но были затро-

нуты вопросы, не требовавшіе разрѣшенія. Вотъ гдѣ источникъ опричнины. Предпринявъ борьбу съ неудобнымъ государственнымъ порядкомъ, навязаннымъ исторіей, царь Іоаннъ превратилъ ее въ борьбу съ лицами, вмѣсто того, чтобы опредѣлить свои отношенія къ нимъ. Опричнина ничего не разрѣшала, ничего не устраняла изъ существующихъ политическихъ затрудненій. Такимъ образомъ, значеніе Іоанна въ исторіи нашего государства вовсе не такъ велико, какъ можно было думать, судя по шуму, какой производила его дѣятельность. Грозный царь сильнѣе подѣйствовалъ на воображеніе и нервы своихъ современниковъ, чѣмъ на государственный порядокъ того времени. Жизнь Московскаго государства несомнѣнно и безъ Іоанна пошла бы такъ, какъ она шла послѣ Іоанна, но нѣкоторые вопросы разрѣшены были бы безъ тѣхъ политическихъ потрясеній, какія произошли послѣ Іоанна и были имъ подготовлены. Іоаннъ былъ замѣчательный писатель, если угодно, бойкій политическій мыслитель, но онъ не былъ политическій дѣлецъ. Ему предстояло завершить начатое его предшественниками устройство государства въ его новыхъ границахъ, а онъ, вслѣдствіе испуга, поднялъ шумную борьбу для огражденія личной безопасности государя, такую борьбу, которою поколебалъ самое основаніе государства и сыноубійствомъ подготовилъ гибель своей династіи. Его можно сравнить съ ветхозавѣтнымъ слѣпымъ богатыремъ, который, чтобы погубить враговъ, обрушилъ на самого себя зданіе, на крышѣ котораго эти враги сидѣли. Таково было значеніе Іоанна въ исторіи Московскаго государства XVI в. Онъ подготовилъ смуту, наступившую по смерти сына его, царя Ѳеодора.

Мы кончили изученіе перемѣны, какая произошла въ высшемъ правительственномъ классѣ московскаго

общества. Но этотъ классъ былъ лишь вершиной въ длинной лѣстницѣ общественныхъ классовъ, какіе стали обозначаться въ московскомъ обществѣ XV и XVI в.в. Теперь мы обратимся къ изученію этихъ низшихъ слоевъ общества, лежавшихъ подъ боярствомъ.

Устройство служилаго класса и его элементы.

Боярство было лишь верхнимъ слоемъ многочисленной служилой массы, сформированной Московскимъ государствомъ въ продолженіе XV и XVI в.в. Эта масса состояла изъ чрезвычайно разнообразныхъ элементовъ. Я перечислю кратко главные изъ нихъ. Въ основаніе этихъ классовъ легъ старый удѣльный дворъ московскаго великаго князя. Уже до половины XV в. этотъ дворъ былъ многочисленнѣе дворовъ другихъ великихъ князей, существовавшихъ на Руси. Уже до Іоанна III въ составѣ московскаго боярства можно насчитать до 40 знатныхъ фамилій, не говоря о фамиліяхъ среднихъ и низшихъ служилыхъ людей. Но съ половины XV в. московскій дворъ осложняется цѣлымъ рядомъ вошедшихъ въ него новыхъ элементовъ. Элементы эти были: 1) князья удѣльные и великіе, сведенные или сошедшіе со своихъ столовъ; 2) бояре этихъ князей, вмѣстѣ съ бывшими своими господами перешедшіе на московскую службу; 3) низшіе служилые люди, какіе были у великихъ и удѣльныхъ князей.

Кромѣ этихъ элементовъ, которые можно назвать служилыми, т. е. военными по происхожденію, въ составъ московскаго служилаго класса вошло много людей неслужилаго происхожденія. 1) При прежнихъ великихъ и удѣльныхъ князьяхъ, кромѣ слугъ военныхъ, были слуги и невоенные, дворцовые—разные мастеровые и

ремесленники, служившіе для хозяйственныхъ надобностей князя. Таковы были дьяки съ подъячими, псари и конюхи и т. д. Въ XV и XVI в.в. эти люди стали получать помѣстья, наравнѣ съ военными слугами, и вошли въ составъ военнаго класса. 2) У прежнихъ удѣльныхъ бояръ были свои вооруженные дворовые люди, «послужильцы», какъ ихъ называли. Съ Іоанна III этихъ дворовыхъ послужильцевъ московскій государь сталъ отбирать у бояръ, давая имъ земли наравнѣ съ прочими служилыми людьми и такимъ образомъ зачисляя ихъ въ составъ военнаго класса. 3) Неслужилое, т. е. земское или тяглое общество, и даже духовенство дали свои значительные вклады въ составъ служилаго общества.

Эти тяглые люди вмѣстѣ съ поповичами проникли въ служилый классъ различными путями. 1) Съ половины XV вѣка устанавливается правило, что всѣ землевладѣльцы должны нести по землѣ воинскую повинность. Завоевывая вольные города: Новгородъ, Вятку, Псковъ, московское правительство переводило оттуда землевладѣльцевъ-горожанъ въ центральные, низовые уѣзды государства, давая имъ помѣстья и вотчины и превращая горожанъ въ военныхъ людей. Такимъ образомъ значительное количество бывшихъ горожанъ-землевладѣльцевъ Новгорода, Пскова и Вятки попало въ составъ военно-служилаго московскаго класса. 2) Съ усложненіемъ приказной администраціи умножался классъ дьяковъ и подъячихъ. Въ нихъ набирали преимущественно грамотныхъ людей изъ духовнаго званія и тяглаго простонародья или, какъ говоритъ Курбскій, «изъ поповичей и простого всенародства». Эти дьяки и подъячіе получали за свою приказную службу въ награду или пріобрѣтали сами вотчины и помѣстья и съ нихъ отбывали ратную повинность. Дѣти ихъ станови-

лись уже настоящими дворянами. 3) Правительство, нуждаясь въ ратныхъ людяхъ для внѣшней обороны, само вербовало ихъ на время похода изъ тяглыхъ классовъ, городскихъ и сельскихъ, и даже изъ холоповъ. Подъячій половины XVII в. Котошихинъ говоритъ, что во время прежнихъ войнъ правительство брало ратныхъ людей изъ всѣхъ классовъ. Многіе изъ нихъ за свою ратную службу и за «полонное терпѣніе» освобождались не только отъ крестьянства, но и отъ холопства, получали отъ правительства мелкія помѣстья и такимъ образомъ становились военно-служилыми людьми. Наконецъ, 4) въ продолженіе XV, XVI и XVII в.в. не прекращался приливъ ратныхъ слугъ изъ-за границы — Польши, Литвы, Германіи, изъ разныхъ татарскихъ ордъ; крещеные татары часто цѣлыми гнѣздами «испомѣщались» въ московскихъ областяхъ. Довольно трудно опредѣлить количественное отношеніе между столь различными элементами, вошедшими въ составъ служилаго класса, который въ XVIII в. сложился въ цѣльное сословіе, подъ именемъ дворянства. Въ концѣ XVII в. по родословной книгѣ значилось 915 фамилій, которыя, впрочемъ, не захватывали собою всего тогдашняго служилаго люда. Разбирая эти фамиліи по ихъ національному происхожденію, можно такъ приблизительно опредѣлить ихъ численное отношеніе другъ къ другу: фамилій русскаго происхожденія 33%, польско-литовскаго, т. е. въ большинствѣ тоже русскаго, 24%, западно-европейскаго 25%, татарскаго и вообще восточнаго 17%, а 1% остается неизвѣстнымъ.

Мы перечислили общественные элементы, изъ которыхъ въ XV и XVI в.в. слагался служилый классъ въ Московскомъ государствѣ. Разнообразіе этихъ элементовъ сообщило необыкновенную пестроту служилой московской массѣ. Съ теченіемъ времени столь разно-

образные элементы сольются помощью одинаковыхъ правъ и обязанностей въ одно сословіе; сословныя права и обязанности, вмѣстѣ съ одинаковымъ воспитаніемъ, одинаковыми нравами и понятіями, образуютъ изъ него плотный, однообразный слой, который подъ именемъ дворянства надолго станетъ во главѣ русскаго общества и оставитъ въ немъ глубокіе слѣды своего вліянія. Но въ XVI в. еще не было ничего подобнаго; говоря о томъ времени, нельзя заводить рѣчи о служиломъ сословіи въ точномъ смыслѣ этого слова. Это разнообразіе составныхъ элементовъ служилаго класса отразилось въ служебной іерархіи, по ступенямъ которой разстановились разные слои его. Весь многочисленный служилый людъ раздѣлялся на нѣсколько разрядовъ, или *чиновъ*. То были, считая сверху: 1) чины *думные*—бояре, окольничіе и думные дворяне; 2) чины *московскіе*—стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и жильцы; 3) чины *городовые*, провинціальные — дворяне и дѣти боярскія. Эта лѣстница старыхъ московскихъ чиновъ была похожа на позднѣйшую табель о рангахъ, но отличалась отъ нея тѣмъ, что служебные чины нашего времени пріобрѣтаются только личной службой, а старые чины пріобрѣтались личной службой и отечествомъ или службою отцовъ и дѣдовъ, т. е. были въ нѣкоторой степени наслѣдственны. Человѣкъ знатнаго боярскаго рода обыкновенно начиналъ свою службу прямо въ чинѣ московскаго дворянина или даже стольника и постепенно поднимался выше, до боярства. Незнатный городовой дворянинъ иногда дослуживался до чина жильца или дворянина московскаго, но очень рѣдко поднимался выше; значитъ, родовитый человѣкъ начиналъ съ того, чѣмъ кончалъ неродовитый.

Наборъ и устройство этого многочисленнаго военно-служилаго класса объясняется глубокими перемѣнами

во всемъ общественномъ складѣ. Перемѣны эти вышли изъ того же источника, откуда вытекали уже изученные политическіе факты этого періода, т. е. изъ территоріальнаго расширенія границъ Московскаго княжества. Новыя границы его поставили его въ непосредственное сосѣдство съ важнѣйшими иноплеменными врагами Руси, Шведами, Поляками, Татарами. Это сосѣдство создало для Московскаго государства положеніе, которое можно назвать вооруженнымъ миромъ; то была почти постоянная борьба, на западѣ изрѣдка прерывавшаяся ненадежными перемиріями, а на югѣ и юго-востокѣ не прерывавшаяся никогда. Борьба эта въ XVI вѣкѣ стала уже нормальнымъ состояніемъ государства. Англійскій посолъ, Флетчеръ, жившій въ Москвѣ въ концѣ XVI вѣка, пишетъ, что война съ Татарами крымскими, казанскими Ногаями, Черемисами и другими восточными инородцами бываетъ у Москвы каждый годъ. Крымскіе Татары дѣлаютъ набѣги на Русскую землю разъ или дважды въ годъ, иногда около Троицына дня, чаще во время жатвы; они налетаютъ изъ степей на Русь внезапно отдѣльными стаями, кружась около границъ, подобно дикимъ гусямъ, бросаясь туда, гдѣ чуютъ добычу, захватывая и опустошая все на пути. Плѣнные—главная добыча, которой они ищутъ, особенно мальчики и дѣвушки, которыхъ продаютъ въ Турцію и другія страны. Въ XVI в. по берегамъ Чернаго и Средиземнаго морей вездѣ можно было встрѣтить русскихъ рабовъ и рабынь. Для этой добычи Татары отправлялись въ походъ, увѣшенные корзинами. Пограничные обыватели, привыкнувъ къ ежегоднымъ нападеніямъ Татаръ, держали очень мало скота; только свиньи гуляли въ степи на просторѣ, охраняемыя Магометовымъ закономъ. Такъ, въ XVI в. на южной границѣ Московскаго государства повторялись печальныя явленія, какія описываетъ древняя

кіевская лѣтопись XI—XII в.в., разсказывая о Печенѣгахъ и Половцахъ. Разрядныя книги XVI в. живо рисуютъ тревожную жизнь на опасныхъ московскихъ границахъ. Ранней весной въ Разрядномъ Приказѣ (военномъ министерствѣ) закипала работа. Въ разные южные пограничные и ближайшіе къ нимъ центральные уѣзды посылали повѣстки съ приказомъ мобилизировать дворянъ и дѣтей боярскихъ, которымъ назначались сборные пункты. Служилые люди поднимались «конны, людны и оружны» и собирались числомъ до 60.000 и болѣе ратниковъ въ указанныхъ пунктахъ, гдѣ ихъ осматривали, соединяя въ *полки* (корпуса), а полки въ цѣлыя арміи, изъ которыхъ одну ставили по Окѣ, подъ Коломной или выше, другую на Клязьмѣ у Владиміра или подъ Нижнимъ, третью на рѣкѣ Угрѣ или въ другомъ мѣстѣ по границѣ съ Литвой. Оградившись такимъ образомъ съ опасныхъ сторонъ, въ Москвѣ ждали извѣстія о движеніи враговъ и иногда полки стояли до глубокой осени, пока распутица или морозъ не являлись имъ на смѣну сторожить Московское государство отъ внѣшнихъ враговъ. Огромныя массы вооруженнаго люда ежегодно поднимались на ноги для этой сторожевой службы. Эти непрерывныя опасности заставляли московское правительство съ половины XV в. усиленно вербовать ратныхъ людей. Къ концу XVI в. составилась многочисленная вооруженная сила изъ конныхъ ратниковъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, числомъ около 100.000, и изъ пѣшихъ полковъ стрѣлецкихъ, казачьихъ и наемныхъ иноземцевъ—числомъ не менѣе 25.000.

По мѣрѣ того, какъ эта масса набиралась, возникалъ и все настоятельнѣе требовалъ разрѣшенія вопросъ, какъ и чѣмъ содержать эту огромную военную силу. Содержаніе многочисленнаго служилаго класса въ Москов-

скомъ княжествѣ удѣльныхъ вѣковъ обезпечивалось тремя главными источниками; то были: 1) вотчины, пріобрѣтенію которыхъ служилыми людьми содѣйствовали сами князья; 2) кормленіе, т. е. доходы съ извѣстныхъ правительственныхъ должностей, на которыя назначались служилые люди и 3) денежное жалованье, слѣды котораго замѣтны, по крайней мѣрѣ, еще въ XIII в. Теперь эти три источника оказывались недостаточными для содержанія разроставшагося служилаго класса. Являлась настоятельная потребность въ новыхъ экономическихъ средствахъ; но съ объединеніемъ Сѣверной Руси подъ властью московскаго государя экономическія средства народа не увеличились. Промышленность и торговля не сдѣлали замѣтныхъ успѣховъ. Московскій государь-хозяинъ путемъ собиранія Русской земли пріобрѣлъ одинъ новый капиталъ: то были обширныя пространства земли пустой или жилой, т. е. населенной крестьянами. Этотъ капиталъ онъ и могъ пустить въ оборотъ для обезпеченія содержанія служилыхъ людей. Такъ, земля стала въ Московскомъ государствѣ средствомъ для экономическаго обезпеченія содержанія государственной ратной службы. Изъ этого соединенія службы съ землевладѣніемъ и развилась *помѣстная система*.

Происхожденіе и развитіе помѣстной системы.

Помѣстной системой называется порядокъ служилаго землевладѣнія, установившійся въ Московскомъ государствѣ XV и XVI в.в. Въ основаніи этого порядка лежало *помѣстье*. Помѣстьемъ въ Московской Руси назывался участокъ государственной земли данный государемъ въ личное владѣніе служилому человѣку подъ условіемъ службы, т. е. какъ на-

града за службу и вмѣстѣ какъ средство для службы. Подобно самой службѣ, это владѣніе было временнымъ, обыкновенно пожизненнымъ. Условнымъ, личнымъ и временнымъ характеромъ своимъ помѣстное владѣніе отличалось отъ *вотчины*, составлявшей полную и наслѣдственную земельную собственность своего владѣльца.

Какъ и все въ Московскомъ государствѣ, помѣстное владѣніе землей возникло еще въ удѣльное время; оно имѣло свой первоначальный источникъ въ поземельномъ хозяйствѣ удѣльнаго московскаго князя. Въ сохранившихся памятникахъ русскаго права XIV вѣка не замѣчаемъ слѣдовъ такого землевладѣнія; въ XVII в., напротивъ, оно является господствующимъ видомъ землевладѣнія въ Московской Руси и даже сообщаетъ свой характеръ землевладѣнію вотчинному, такъ что въ началѣ XVIII в. оба вида землевладѣнія смѣшиваются, и слово помѣщикъ становится синонимомъ частнаго землевладѣльца. Вообще, чтобы объяснить происхожденіе помѣстнаго владѣнія, надобно вспомнить, что удѣльный князь былъ прежде всего хозяиномъ-землевладѣльцемъ своего удѣла. Князь считалъ себя собственникомъ всей территоріи своего княжества, но только территоріи съ ея хозяйственными угодьями. Люди, т. е. свободныя лица, юридически не входили въ составъ этой собственности. Свободный человѣкъ приходилъ въ княжество, работалъ и уходилъ, былъ въ немъ экономической случайностью. Всѣ права князя, судебныя, финансовыя и другія, простиравшіяся на свободныхъ обывателей княжества, вытекали изъ одного общаго источника—изъ права собственности на землю, составлявшую территорію княжества. Всѣ отношенія удѣльнаго князя къ обывателямъ, сидѣвшимъ на его землѣ, по происхожденію своему, были поземельными, т. е. выходили изъ того, что обыватель пользовался

землей князя; какъ скоро прекращалось это пользованіе, тотчасъ разрывались и всѣ связи, соединявшія обывателя съ владѣльцемъ удѣла. Такъ, крестьянинъ, живя на землѣ князя или частнаго владѣльца въ предѣлахъ княжества, платилъ ему дань, подчинялся его судебной власти, пока жилъ и работалъ въ предѣлахъ его княжества; но крестьянинъ могъ покинуть это княжество и перейти въ другое, тогда онъ переставалъ принадлежать прежнему князю, не платилъ ему дани и освобождался отъ его юрисдикціи. Значитъ, крестьянинъ былъ не подданнымъ удѣльнаго князя, а только свободнымъ и временнымъ арендаторомъ княжеской сельской земли, какъ горожанинъ былъ вольнымъ арендаторомъ городской земли.

Таково первоначальное и простое основаніе, на которомъ держались отношенія обывателей удѣла къ его князю. Въ каждомъ удѣлѣ могли быть земли, принадлежавшія частнымъ свѣтскимъ владѣльцамъ и церковнымъ учрежденіямъ. Появленіе такихъ земель значило, что князь уступалъ частному лицу или учрежденію свое право собственности на нѣкоторыя земли въ своемъ княжествѣ. Остальныя права, тогда связанныя съ княжескимъ землевладѣніемъ, право суда и дани, князь или удерживалъ за собой, или въ извѣстномъ размѣрѣ предоставлялъ вмѣстѣ съ правомъ собственности на землю частному ея пріобрѣтателю.

Мы знаемъ, что свѣтскія лица, владѣвшія землями въ княжествахъ XIV в., обыкновенно были вольными слугами того или другого князя, входили въ составъ его дружины; но кромѣ слугъ вольныхъ, военныхъ, у князей удѣльныхъ были еще слуги не военные, состоявшіе при дворцѣ князя для его хозяйственныхъ надобностей, подъ управленіемъ дворецкаго. Это были

дьяки съ подъячими, псари, конюхи, ключники, бортники и разные другіе ремесленные люди. Одни изъ нихъ были лично свободные люди, другіе принадлежали къ холопамъ князя; тѣ и другіе одинаково не имѣли поземельной собственности. Но тѣмъ и другимъ удѣльные князья за ихъ службу или для обезпеченія ея исправнаго отбыванія давали участки земли въ пользованіе. Отношеніе такихъ слугъ къ князю довольно ясно изображено въ духовной грамотѣ 1410 года удѣльнаго князя серпуховскаго Владиміра. Князь—завѣщатель говоритъ здѣсь о своихъ дворовыхъ людяхъ, которымъ были розданы земли въ пользованіе: «а кто изъ бортниковъ или садовниковъ, или псарей и т. п. не захочетъ жить на тѣхъ земляхъ, инъ земли лишенъ, поди прочь, а сыну моему, князю Іоанну, не надобны, на котораго грамоты полной не будетъ (т. е. которые изъ этихъ людей лично свободны, не холопы полные)». Значитъ, пользованіе княжеской землей для этихъ слугъ было неразрывно соединено со службой по дворцовому хозяйству князя. Въ земельныхъ дачахъ этихъ дворцовыхъ слугъ удѣльнаго князя и надобно видѣть юридическій первообразъ помѣстья. Впослѣдствіи роды княжеской службы смѣшались, различіе между слугами вольными и дворцовыми людьми князя сгладилось: тѣ и другіе одинаково стали служилыми людьми московскаго государя и получали отъ него земли въ пользованіе на томъ же правѣ, какъ получали ихъ дворцовые люди князя XIV в., свободные и несвободные. Итакъ, юридическимъ родоначальникомъ помѣщика въ Московскомъ государствѣ XVI в. былъ псарь удѣльнаго князя XIV вѣка. Помѣстное владѣніе, какъ особый юридическій видъ землевладѣнія, завязалось еще въ удѣльное время, имѣло своимъ источникомъ поземельное хозяйство удѣльнаго князя XIV вѣка.

Помѣстная система, какъ стройный и сложный порядокъ служилаго землевладѣнія, развилась изъ помѣстнаго владѣнія удѣльнаго времени только съ половины XV в., съ княженія Іоанна III. Съ того времени стали вырабатываться точныя правила раздачи казенныхъ земель въ помѣстное владѣніе служилымъ людямъ. Эти правила стали необходимы, когда правительство, усиленнымъ наборомъ создавъ многочисленную вооруженную массу, начало обезпечивать ея содержаніе земельными дачами. Слѣды усиленной и систематической раздачи казенныхъ земель въ помѣстное владѣніе появляются уже во второй половинѣ XV в. До насъ дошла переписная книга Вотьской пятины Новгородской земли, составленная въ 1500 г. Въ 2 уѣздахъ этой пятины, Ладожскомъ и Орѣховскомъ, по этой книгѣ, встрѣчаемъ уже 106 московскихъ помѣщиковъ, на земляхъ которыхъ находилось около 2,000 дворовъ съ 4,000 жившихъ на нихъ крестьянъ и дворовыхъ людей. Эти цифры показываютъ, какъ торопливо шло «испомѣщеніе» служилыхъ людей, и какого развитія достигло московское помѣстное владѣніе на сѣверо-западной окраинѣ государства, въ Новгородской землѣ, въ теченіе какихъ-нибудь 20 лѣтъ по завоеваніи Новгорода. Въ указанныхъ уѣздахъ Вотьской пятины по переписной книгѣ 1500 года едва ли не больше половины всей пахотной земли было уже во владѣніи помѣщиковъ. Слѣды такого же, очень усиленнаго развитія помѣстнаго владѣнія встрѣчаемъ и въ центральныхъ уѣздахъ государства. Отъ первыхъ годовъ XVI в. сохранилось нѣсколько межевыхъ грамотъ, разграничивающихъ Московскій и ближайшіе къ нему уѣзды другъ отъ друга. По границамъ этихъ уѣздовъ грамоты указываютъ рядомъ съ вотчинниками множество мелкихъ помѣщиковъ. Это были дьяки съ подьячими, псари, конюхи, словомъ, тѣ дво-

ровые люди, которымъ въ XIV в. князья давали земли въ пользованіе за службу. Въ XVI в. служилые люди иногда испомѣщались цѣлыми массами. Наиболѣе извѣстный случай такого испомѣщенія относится къ 1550 году. Для разныхъ службъ при дворѣ правительство тогда набрало изъ разныхъ уѣздовъ 1,000 служилыхъ людей, городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Служилымъ людямъ, которыхъ служба привязывала къ столицѣ, нужны были для хозяйственныхъ потребностей подмосковныя вотчины или помѣстья. Тысячѣ набранныхъ по уѣздамъ для столичной службы служилыхъ людей правительство и роздало помѣстья въ Московскомъ и ближайшихъ уѣздахъ, присоединивъ къ этой массѣ нѣсколько людей высшихъ чиновъ, бояръ и окольничихъ, у которыхъ не было подмосковныхъ вотчинъ и помѣстій. Размѣры помѣстныхъ участковъ были не одинаковы, соотвѣтствовали чинамъ помѣщиковъ; бояре и окольничіе получили по 200 четвертей въ полѣ (300 десятинъ въ трехъ поляхъ); дѣти боярскія, раздѣленныя на нѣсколько статей или разрядовъ, получили по 200—100 четвертей въ полѣ. Такимъ образомъ 1,078 служилымъ людямъ разныхъ чиновъ въ томъ году роздано было заразъ 176,775 десятинъ пахотной земли.

Вскорѣ послѣ завоеванія Казани правительство привело въ порядокъ помѣстное владѣніе и поземельную службу, составило списки служилыхъ людей, съ раздѣленіемъ ихъ на разряды по качеству вооруженія, также по размѣрамъ вотчиннаго и помѣстнаго владѣнія и по окладамъ денежнаго жалованья, какое съ того же времени стали получать служилые люди въ прибавку къ поземельнымъ своимъ доходамъ. До насъ дошли отрывки этихъ списковъ, составленныхъ не раньше 1556 г. Здѣсь при имени каждаго служилаго

лица обозначено, сколько у него вотчины и помѣстья, съ какимъ числомъ дворовыхъ людей обязанъ онъ являться на службу и въ какомъ вооруженіи, и какъ великъ назначенный ему окладъ денежнаго жалованья. Съ этого времени помѣстное владѣніе и является стройной и сложной системой, основанной на точно опредѣленныхъ и постоянныхъ правилахъ. Вотъ главныя черты этой системы въ ея окончательномъ видѣ, какой она получила въ половинѣ XVII столѣтія.

Всѣми поземельными отношеніями служилыхъ людей завѣдывало особое центральное учрежденіе—*Помѣстный Приказъ*, какъ *Разрядный Приказъ* завѣдывалъ собственно ихъ служебно-военными отношеніями. Служилые люди владѣли землей по мѣсту службы, какъ и служили по мѣсту, гдѣ владѣли землей,—отсюда и самое названіе помѣстья. Служба привязывала служилыхъ людей либо къ столицѣ, либо къ извѣстной области. Поэтому и служилые люди раздѣлялись на два разряда: къ первому принадлежали московскіе чины, вмѣстѣ съ думными составлявшіе московскій списокъ; ко второму—чины уѣздные, или городовые дворяне и дѣти боярскія. Московскіе чины, кромѣ помѣстій и вотчинъ въ дальнихъ уѣздахъ, имѣли по закону еще подмосковныя помѣстья или вотчины. Уѣздные дворяне и дѣти боярскія получали помѣстья тамъ, гдѣ служили, т. е. гдѣ должны были защищать государство, образуя мѣстную землевладѣльческую милицію. Служебныя обязанности служилаго человѣка падали не только на его помѣстье, но и на вотчину. Въ половинѣ XVI вѣка въ первый разъ была опредѣлена точно самая норма службы съ земли, т. е. количество ратной повинности, падавшей на служилаго человѣка по его землѣ. По закону, состоявшемуся въ царствованіе Грознаго въ 1550-хъ годахъ, съ каждыхъ 100 четей въ одномъ полѣ, т. е. съ 150

десятинъ доброй пахотной земли въ трехъ поляхъ, долженъ являться въ походъ одинъ ратникъ «на конѣ и въ доспѣхѣ полномъ», по выраженію указа, а въ дальній походъ—съ двумя конями. Землевладѣльцы, имѣвшіе вотчины или помѣстья, заключавшія болѣе 100 четей земли, соотвѣтственно этому выводили съ собой или выставляли въ походъ, если не могли итти сами, извѣстное количество вооруженныхъ дворовыхъ людей. Помѣстные оклады были чрезвычайно разнообразны, смотря по чинамъ и по вотчинамъ. Они были прямо пропорціональны первымъ и обратно пропорціональны вторымъ. Чѣмъ выше чинъ, тѣмъ больше окладъ; чѣмъ больше вотчина у служилаго человѣка, тѣмъ меньше его помѣстный окладъ, ибо помѣстье собственно было подспорьемъ къ вотчинѣ. Притомъ обыкновенно давали не весь окладъ сразу, а только часть его, дѣлая потомъ прибавки по службѣ. Поэтому *оклады* отличались отъ *дачъ*. Люди высшихъ чиновъ, бояре, окольничіе и думные дворяне, получали помѣстья по 1000 четей и болѣе; провинціальные дворяне и дѣти боярскія получали оклады отъ 100 четей до 300; впрочемъ, бывали оклады больше и меньше этого. Съ помѣстнымъ окладомъ съ половины XVI столѣтія соединялся денежный въ извѣстной, впрочемъ измѣнявшейся, пропорціи. Приказный человѣкъ половины XVII вѣка Котошихинъ говоритъ, что денежный окладъ назначался по 1 рублю на каждыя 5 четей въ одномъ полѣ, т. е. на $7^1/_2$ десятинъ помѣстнаго оклада. Впрочемъ, по книгамъ видно, что эта пропорція часто нарушалась. Притомъ денежные оклады выдавались обыкновенно только передъ большими походами или черезъ извѣстное количество лѣтъ, напримѣръ, черезъ два года въ третій.

Помѣщики, служившіе съ помѣстій и вотчинъ, если таковыя были, держали при себѣ до возраста и готовили къ службѣ своихъ сыновей. Дворянинъ XVI вѣка начиналъ свою службу обыкновенно съ 15 лѣтъ. До этого времени онъ числился въ *недоросляхъ*, поспѣвалъ на службу. Съ 15 лѣтъ онъ—*новикъ*, поспѣлъ на службу. Его тогда *верстаютъ* помѣстьемъ и денежнымъ окладомъ, новичнымъ, къ которому потомъ бывали *придачи* за службу. Верстаніе новиковъ было двоякое: старшихъ сыновей, поспѣвшихъ на службу, когда еще сохранялъ силы служить отецъ, верстали въ отводъ, давали имъ особыя помѣстья; младшаго сына, который поспѣвалъ на службу, когда отецъ уже дряхлѣлъ, *припускали* къ нему въ помѣстье съ тѣмъ, чтобы по смерти отца онъ вмѣстѣ съ землей наслѣдовалъ и его служебныя обязанности. При этомъ верстаніи правительство вообще наблюдало, чтобы на двоихъ служилыхъ людей, отца съ сыномъ или двухъ братьевъ, приходилось помѣстья не болѣе 500 четей. Если у отца поспѣвало на службу болѣе трехъ сыновей, то одного изъ нихъ при помѣстьѣ въ 500 четей припускали къ отцу, а остальныхъ двухъ верстали въ отводъ. Таковы были главныя правила помѣстнаго верстанія. Съ теченіемъ времени выработались правила обезпеченія семействъ, оставшихся послѣ служилыхъ людей. Если умиралъ служилый человѣкъ, то изъ его помѣстья выдѣлялась извѣстная доля *на прожитокъ* (въ пенсію) его вдовѣ и дочерямъ, вдовѣ до смерти или вторичнаго замужества, или до постриженія, дочерямъ до 15 лѣтъ, когда онѣ могли выйти замужъ. По достиженіи 15 лѣтъ дочь по закону лишалась своей прожиточной части. Впрочемъ, выходя замужъ, она могла справить свой прожитокъ за женихомъ. Величина про-

житка зависѣла отъ того, какъ умиралъ помѣщикъ. Если онъ умиралъ дома, своею смертью, вдовѣ его выдѣлялось 10% изъ его помѣстья, дочерямъ по 5%; если онъ былъ убитъ въ походѣ, эти оклады удваивались.

Послѣдствія помѣстной системы.

Таковы основанія помѣстной системы. Установленіе этого порядка землевладѣнія сопровождалось важными послѣдствіями для государственнаго быта и народнаго хозяйства. Въ нашей исторіи не много фактовъ, которые своими послѣдствіями производили бы болѣе глубокій переворотъ въ политическомъ и хозяйственномъ складѣ общества. Вотъ только ближайшія изъ этихъ послѣдствій, успѣвшія обнаружиться уже къ концу XVI столѣтія.

1. Первымъ изъ этихъ послѣдствій была *перемѣна въ государственномъ положеніи значительной части земель.* Прежде, въ удѣльные вѣка, земля платила, тянула тягло, лица служили; теперь служебныя обязанности съ лицъ распространены были и на землю, т. е. разложены на лица по землѣ. Такимъ образомъ, рядомъ съ землей тяглой, платящей, появилась земля служащая; точнѣе говоря, земля, оставаясь тяглой, сдѣлалась вмѣстѣ и служащей. Этимъ объясняется, почему съ XVI в. мы не встрѣчаемъ уже въ гражданскомъ обществѣ неслужилыхъ землевладѣльцевъ, какіе существовали въ разныхъ княжествахъ прежде. Теперь всѣ неслужилые землевладѣльцы стали служить или перестали быть землевладѣльцами.

2. Перенесеніе служебныхъ обязанностей на землю вызвало *измѣненіе юридическаго характера древне-русскаго вотчиннаго землевладѣнія.* Въ удѣльные вѣка землевладѣніе служилыхъ людей достигло нѣкоторыхъ

успѣховъ развитія. По разнымъ княжествамъ мы встрѣчаемъ бояръ, владѣвшихъ крупными вотчинами. Вотчина служилаго человѣка до XVI в. была его полною частною собственностью, не зависѣвшей отъ служебнаго положенія своего владѣльца. Служебныя обязанности землевладѣльца не падали на его землю. Вотъ почему служилый человѣкъ могъ служить въ одномъ уѣздѣ и владѣть землей въ другомъ, покинуть одинъ удѣлъ и сохранить право собственности на землю въ покинутомъ княжествѣ. Съ XVI столѣтія такой юридическій характеръ боярской вотчины началъ измѣняться. Изъ собственности на гражданскомъ правѣ она постепенно превратилась въ собственность на правѣ государственномъ. Укажемъ лишь на главные моменты этого превращенія. Прежде всего объединеніе Сѣверной Руси подъ московской властью стѣснило древній обычай бояръ переходить отъ князя къ князю. Теперь въ Московскомъ государствѣ служилый человѣкъ терялъ уже возможность покинуть дворъ московскаго государя и сохранить право собственности въ Московскомъ государствѣ. Такимъ образомъ, служба стала связываться съ землевладѣніемъ. Отраженіе этой перемѣны находимъ въ договорной грамотѣ Іоанна III съ удѣльнымъ его братомъ Борисомъ Волоцкимъ (1473 г.) Здѣсь читаемъ условіе: «князей служебныхъ съ вотчинами не принимать». Такимъ образомъ, стѣсненіе свободы службы и землевладѣнія началось именно со служилыхъ князей. Въ духовной Іоанна III это стѣсненіе распространено на простыхъ бояръ и вольныхъ слугъ. Съ тѣхъ поръ служилый человѣкъ не могъ покинуть службы московскому государю, не лишившись вмѣстѣ съ тѣмъ и земельной собственности въ покинутомъ государствѣ. Другое обстоятельство, которое заключалось въ исторіи самаго землевладѣнія, содѣйствовало укрѣпленію

той же связи земли со службой. Вмѣстѣ съ объединеніемъ Сѣверной Руси подъ московскою властью въ землевладѣніи произошли важныя перемѣны. Земли стали быстро переходить изъ рукъ въ руки. Приливъ въ Москву новыхъ слугъ изъ другихъ княжествъ, особенно изъ-за границы, повидимому, содѣйствовалъ той быстротѣ, съ какой земли мѣняли своихъ владѣльцевъ. Огромное количество государевыхъ земель роздано было въ вотчины этимъ пришлымъ слугамъ, многіе изъ которыхъ приходили служить безъ всего. Другіе, особенно бывшіе удѣльные князья, при переходѣ на московскую службу, теряли часть своихъ прежнихъ удѣльныхъ вотчинъ. Тогда во множествѣ исчезали вотчины старинныя, унаслѣдованныя отъ отцовъ и дѣдовъ, и во множествѣ появились вотчины новыя, благопріобрѣтенныя, недавно купленныя, чаще всего пожалованныя государемъ. Въ этомъ земельномъ вихрѣ и стало мутиться столь ясное прежде юридическое понятіе о вотчинѣ, какъ полной земельной собственности. Но все это только подготовляло перемѣну въ юридическомъ характерѣ земельной собственности.

Перемѣна въ юридическомъ характерѣ земельной собственности произведена была преимущественно новымъ принципомъ, который все болѣе торжествовалъ съ конца XV вѣка. Этимъ принципомъ была мысль, что земля, находящаяся въ частномъ владѣніи, должна служить, что тяжелыя ратныя повинности должны быть разверстаны на служилыя лица по землѣ. На этомъ принципѣ была основана помѣстная система; онъ проникъ и въ вотчинное землевладѣніе, подчинивъ его повинностямъ, какія падали на помѣстья, стѣснивъ вотчинниковъ въ правѣ распоряженія своими вотчинами. Выраженіе этой перемѣны мы находимъ въ двухъ указахъ 1562 и 1572 г.г. Первый указъ касается

вотчинъ служилыхъ князей, второй—вотчинъ простыхъ бояръ и другихъ служилыхъ людей. Оба эти указа стѣсняютъ право отчужденія вотчинъ, какъ и право распоряженія ими въ духовныхъ завѣщаніяхъ. Князьямъ и боярамъ вообще запрещено было продавать, мѣнять и какимъ либо образомъ отчуждать свои старинныя вотчины. Право отчужденія въ дозволенныхъ случаяхъ стѣснено было точно выраженными правилами выкупа родовыхъ вотчинъ. Родовая вотчина могла быть отчуждена только временно, и отчужденіе ея обусловливалось возможностью выкупа родичами прежняго владѣльца. Право завѣщанія стѣснено было еще больше. Вотчинники могли отказывать свои вотчины родственникамъ, прямымъ или боковымъ наслѣдникамъ, но не далѣе внучатъ; притомъ, завѣщаніе въ пользу боковыхъ родственниковъ въ указанномъ колѣнѣ получало силу лишь съ утвержденія его правительствомъ. Женѣ вотчинникъ могъ завѣщать лишь часть крупной вотчины и то на прожитокъ, въ пожизненное пользованіе, безъ права дальнѣйшаго распоряженія. Наконецъ, было совершенно запрещено отказывать вотчины «по душѣ» въ монастыри. Всѣ эти стѣсненія постепенно приблизили вотчины къ помѣстьямъ, такъ что на дѣлѣ оставалось мало различія между тѣмъ и другимъ видомъ землевладѣнія. Всѣ эти перемѣны въ правѣ земельной собственности вытекали главнымъ образомъ изъ того принципа, въ силу котораго положена была служба на землю. Указы XVI в., ограничивая право распоряженія вотчинами, объясняютъ это стѣсненіе тою цѣлью, чтобы «въ службѣ убытка не было», и «земля бы изъ службы не выходила». Таково было другое послѣдствіе помѣстной системы, обнаруживающееся въ юридическомъ значеніи земельной собственности.

3. *Развитіе помѣстнаго землевладѣнія создало мѣстныя общества, мѣстныя землевладѣльческія корпораціи.* Напрасно образованіе этихъ дворянскихъ мѣстныхъ обществъ обыкновенно относятъ къ XVIII вѣку, къ учрежденіямъ Екатерины II по преимуществу. Эти дворянскія общества, только съ болѣе строгими обязанностями, существовали уже въ XVI в. Всѣ служилые люди уѣзда были связаны другъ съ другомъ порукой. За каждаго служилаго человѣка ручались въ исправномъ отбываніи имъ службы его сосѣди, за которыхъ, въ свою очередь, ручались ихъ сосѣди и т. д. Порука распространялась на весь уѣздъ. Это была не круговая, а, такъ сказать, цѣпная порука. Эта связь, поручительство, выражалась въ томъ, что дворяне уѣзда собирались и выбирали изъ своей среды отвѣтственныхъ присяжныхъ «окладчиковъ», по 8, по 10 или болѣе человѣкъ на уѣздъ. Когда изъ столицы пріѣзжалъ въ уѣздъ бояринъ — «разборщикъ», т. е. ревизоръ, смотрѣть дворянъ и верстать новиковъ помѣстьями, присяжные окладчики показывали ему, сколько дворянъ въ уѣздѣ, сколько за кѣмъ изъ нихъ земли, сколько у кого изъ нихъ дѣтей и какъ кто служитъ, т. е. является ли въ походъ съ полнымъ количествомъ ратныхъ людей и въ указанномъ вооруженіи. Такимъ образомъ, служба и соединенное съ нею служилое землевладѣніе были связями, которыми держались дворянскія уѣздныя общества. Ими же вызывались и періодическіе съѣзды уѣзднаго дворянства, слѣды которыхъ появляются уже въ княженіе Іоанна Грознаго.

4. *Помѣстное владѣніе стало средствомъ искусственнаго развитія частнаго землевладѣнія на Руси.* Огромное количество земли роздано было въ руки служилымъ людямъ на помѣстномъ правѣ. Нельзя при настоящей обработкѣ поземельныхъ книгъ и актовъ опредѣ-

лить количественное отношеніе помѣстныхъ земель къ вотчиннымъ ни въ XVI, ни въ XVII столѣтіяхъ; по свидѣтельству Котошихина, около половины XVII в. въ распоряженіи дворца оставалось немного земли съ крестьянами; остальное было роздано въ частное владѣніе. Именно Котошихинъ говоритъ, что въ его время имѣлось только 30,000 крестьянскихъ дворовъ, приписанныхъ ко дворцу. Еще менѣе осталось земель вольныхъ или черныхъ крестьянъ, соотвѣтствующихъ позднѣйшимъ государственнымъ крестьянамъ; во время Котошихина ихъ считалось всего около 20,000 дворовъ. Церковныя власти, патріархъ съ епископами, владѣли всего 35,000 дворовъ; монастыри имѣли около 90,000 дворовъ. Но въ 1686 году только за думными и ближними людьми, т. е. людьми высшихъ чиновъ, числилось около 100,000 крестьянскихъ дворовъ. Поэтому можно судить о количествѣ населенной земли, бывшей во владѣніи всего служилаго класса. Самъ Котошихинъ отказывается даже приблизительно опредѣлить, сколько было крестьянъ за всѣми служилыми людьми. Онъ только говоритъ, что за иными боярами было по десяти, по пятнадцати тысячъ дворовъ и даже болѣе. Всѣ помѣстья съ теченіемъ времени слились съ вотчинами, стали собственностью владѣльцевъ. Значитъ, если бы не было помѣстной системы въ государствѣ русскомъ, путемъ естественнаго движенія капиталовъ никогда не образовалось бы столько частныхъ земельныхъ собственниковъ, сколько ихъ было въ XVIII столѣтіи. Помѣстная система въ этомъ отношеніи имѣла то же дѣйствіе, какое въ другомъ классѣ имѣло или имѣетъ Положеніе 19 февраля, которымъ искусственно, при содѣйствіи государства, создано крестьянское землевладѣніе, т. е. огромное количество земли на правахъ собственности передано крестьянскимъ обществамъ.

5. *Развитіе помѣстнаго землевладѣнія чрезвычайно подорвало русскіе города, городскую промышленность.* Помѣстная система, увлекая массу служилыхъ людей изъ города въ деревню, такимъ образомъ лишала городскую промышленность главныхъ и наиболѣе доходныхъ потребителей. Землевладѣльцы, живя въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, старались завести своихъ дворовыхъ ремесленниковъ, чтобы все получать на мѣстѣ, не обращаясь въ городъ. Такимъ образомъ у городскихъ рабочихъ и ремесленниковъ исчезъ цѣлый классъ заказчиковъ и потребителей. Вотъ чѣмъ, между прочимъ, объясняется необыкновенно тугой ростъ нашей промышленности въ XVI и XVII вѣкахъ.

6. Наконецъ, быстрое развитіе помѣстнаго землевладѣнія создало въ служилой средѣ слой, прежде незамѣтный, которому можно дать названіе *служилый землевладѣльческій пролетаріатъ.* Чѣмъ болѣе размножался служилый классъ, тѣмъ болѣе истощались земельныя средства московскаго правительства. Къ началу XVII столѣтія оно уже чувствовало недостатокъ удобной земли для «испомѣщенія» служилыхъ людей. Поэтому оно все болѣе сокращало земельные оклады; къ концу XVI вѣка мы встрѣчаемъ чрезвычайно мелкихъ помѣщиковъ, которыхъ оклады приближались къ крестьянскимъ участкамъ. Были помѣщики съ 10, 15, даже 5 четями пахотной земли. Образовалась масса бѣдныхъ провинціальныхъ дворянъ. Списки уѣзднаго дворянства XVI в. съ отмѣтками ревизоровъ даютъ много краснорѣчивыхъ указаній на успѣхъ, съ какимъ развивался этотъ землевладѣльческій пролетаріатъ. Многіе помѣщики на землѣ своей не имѣли ни одного крестьянскаго двора, жили одними своими дворами «однодворками» (отсюда и названіе — однодворцы). Въ

спискахъ мы встрѣчаемъ такія заявленія окладчиковъ: «такой-то сынъ боярскій отъ службы отбылъ, на службу ходитъ пѣшъ по бѣдности»; другой—«собою худъ (бѣдно вооруженъ), не служитъ, служитъ нечѣмъ, живетъ въ городѣ у церкви, стоитъ дьячкомъ на клиросѣ»; третій—«худъ, не служитъ, жилъ во крестьянахъ за другимъ помѣщикомъ»; четвертый—«бѣденъ, не служитъ, живетъ у другого помѣщика въ дворникахъ, «портной мастеришко»; пятый—«худъ, не служитъ, волочится межъ дворянъ, питаясь Христовымъ именемъ; бояре приговорили изъ службы выкинуть вонъ».

Крестьяне въ XVI вѣкѣ.

Въ одно время съ устройствомъ служилаго класса и служилаго землевладѣнія измѣнилось и положеніе земледѣльческаго класса, крестьянъ. По поземельнымъ описямъ и актамъ XVI вѣка крестьянскія поселенія въ Московскомъ государствѣ представляются въ такомъ видѣ: вокругъ села съ церковью, въ которомъ находилось 4 или 5 крестьянскихъ дворовъ, рѣдко больше, разбросаны во всѣ стороны десятки деревень, которыя тянули къ этому селу, какъ къ церковному и хозяйственно-административному своему центру. Деревня, возникшая на «нови», на поднятомъ впервые участкѣ, называлась *«починкомъ»*. Обыкновенно починокъ состоялъ изъ одного крестьянскаго двора; съ теченіемъ времени, превратившись въ деревню, онъ расширялся, въ немъ появлялось два, три двора, рѣдко больше. У каждаго двора былъ свой пахотный участокъ, непремѣнно огороженный; участки эти были разработанными островами среди обширныхъ, нетронутыхъ или заброшенныхъ пустошей. Въ XVI вѣкѣ на земляхъ частныхъ

владѣльцевъ изъ 100 десятинъ обыкновенно находилось подъ пашней менѣе десяти десятинъ, на болѣе разработанныхъ церковныхъ земляхъ — менѣе 20 десятинъ; но среди жилыхъ деревень находились слѣды деревень покинутыхъ, какъ и въ селахъ среди жилыхъ дворовъ находились дворы пустые. Такой внѣшній видъ крестьянскихъ поселеній XVI в. говоритъ, во-первыхъ, о чрезвычайной разбросанности крестьянскаго населенія, во-вторыхъ, о его подвижности, бродяжничествѣ.

Земли, на которыхъ находились эти поселенія, были трехъ разрядовъ: *церковныя*, *служилыя*, принадлежавшія служилымъ вотчинникамъ и помѣщикамъ, и *государевы*. Послѣднія подраздѣлялись на два разряда: на *государевы-дворцовыя*, приписанныя ко дворцу, и *государевы-черныя*, т. е. государственныя. Впрочемъ, юридическое различіе между обоими этими видами государевыхъ земель было незначительно. Они переходили изъ одного разряда въ другой и въ XVII вѣкѣ смѣшались, соединясь подъ однимъ дворцовымъ управленіемъ. Итакъ, въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка было три рода землевладѣльцевъ: государь, церковныя учрежденія и служилые люди. Тяглые люди не были въ XVI вѣкѣ землевладѣльцами-собственниками; крестьянъ-собственниковъ не было. Крестьянинъ жилъ на чужой землѣ: на церковной, служилой, либо государевой, либо на земляхъ черныхъ. Крестьянинъ хорошо сознавалъ, что эти земли ему не принадлежатъ, что онъ ими только пользуется. Объ этой землѣ крестьяне XVI вѣка говорили: «та земля великаго князя, а моего владѣнія; та земля Божія, да государева, а роспаши и ржи наши». Значитъ, крестьянинъ очень хорошо отличалъ право собственности отъ права пользованія. По своему поземельному положенію крестьянинъ XVI вѣка юридически былъ безземельнымъ земледѣльцемъ, живущимъ на чужой

землѣ. Изъ этого положенія крестьянъ вытекалъ рядъ важныхъ послѣдствій юридическихъ, политическихъ и экономическихъ.

1. Разсмотримъ *юридическія отношенія крестьянъ*, т. е. ихъ отношенія къ землевладѣльцамъ. Крестьянинъ былъ вольный хлѣбопашецъ, сидѣвшій на чужой землѣ; его свобода выражалась въ правѣ свободнаго «выхода», т. е. въ правѣ покинуть одинъ участокъ и перейти на другой, отъ одного землевладѣльца къ другому. Первоначально право это не было стѣснено закономъ, но самое свойство земледѣльческаго труда налагало нѣкоторое ограниченіе на это право крестьянина, какъ и на произволъ землевладѣльца въ отношеніи къ крестьянамъ: землевладѣлецъ, напр., не могъ согнать крестьянина съ земли передъ жатвой, какъ и крестьянинъ не имѣлъ побужденія покинуть участокъ свой, не сжавъ посѣяннаго имъ хлѣба. Изъ этихъ естественныхъ отношеній сельскаго хозяйства вытекла необходимость установленія постояннаго, закономъ опредѣленнаго срока для крестьянскаго перехода, когда бы обѣ стороны могли расчитаться другъ съ другомъ. Судебникъ Іоанна III установилъ для этого одинъ обязательный срокъ—двѣ недѣли, слѣдующія за осеннимъ Юрьевымъ днемъ (26 ноября). Впрочемъ, въ Псковской землѣ въ XV вѣкѣ существовалъ другой законный срокъ для крестьянскаго выхода, именно время Филиппова заговѣнья (14 ноября). Значитъ, крестьянинъ могъ покинуть участокъ, когда кончались всѣ полевыя работы, и обѣ стороны могли свести взаимные счеты.

Свобода крестьянина выражалась также въ томъ, что, садясь на чужую землю, онъ заключалъ съ землевладѣльцемъ поземельный договоръ. Условія этого договора мы находимъ въ *порядныхъ грамотахъ*. Крестьянинъ договаривался съ землевладѣльцемъ, какъ свобод-

ное, юридически равноправное съ нимъ лицо. Онъ бралъ у хозяина большой или малый участокъ земли, сообразуясь со своими рабочими средствами. Участки эти были чрезвычайно разнообразны. Крестьянинъ бралъ обрабатывать извѣстную долю «обжи» или «выти». Обжа и выть — поземельныя единицы, изъ которыхъ первой опредѣлялось количество пахотной земли на сѣверѣ, а второй—въ центральныхъ областяхъ. *Обжой* назывался вообще участокъ отъ 10—15 десятинъ въ трехъ поляхъ. *Выть* была единицей нѣсколько болѣе значительной, притомъ чрезвычайно измѣнчивой, смотря по качеству почвы. Чаще всего выть доброй земли заключала въ себѣ 18 десятинъ, выть худой—24 десятины. Впрочемъ, встрѣчаемъ выти и большихъ, и меньшихъ размѣровъ. Крестьянинъ бралъ у землевладѣльца извѣстную долю выти или обжи и въ порядной грамотѣ излагалъ условія, на которыхъ снималъ землю. Условія эти касались прежде всего платежей и повинностей, какія долженъ былъ нести крестьянинъ за пользованіе чужой землей. Въ иныхъ имѣніяхъ всѣ повинности соединялись въ извѣстномъ денежномъ оброкѣ, въ другихъ вмѣсто денежныхъ и натуральныхъ платежей крестьянинъ обязывался работать на землевладѣльца. Но чаще встрѣчаемъ смѣшанныя условія: сверхъ оброка деньгами или хлѣбомъ крестьянинъ обязывался еще нести въ пользу землевладѣльца «барщину», которая называлась «издѣліемъ» или «боярскимъ дѣломъ». Совмѣщеніе оброка и барщины объясняется тѣмъ, что они выходили изъ разныхъ источниковъ. Денежный и хлѣбный оброкъ въ древней Руси былъ собственно рентой, платой за пользованіе чужой землей. «Издѣліе» имѣло совсѣмъ другое происхожденіе. Крестьянинъ, садясь на чужой землѣ, обыкновенно бралъ у хозяина ссуду, или «подмогу». За это, вмѣсто платежа процентовъ, крестьянинъ обязывался

работать на хозяина, чаще всего пахать извѣстное количество земли. Итакъ, барщина древней Руси вышла изъ соединенія поземельнаго найма съ денежнымъ или другимъ займомъ.

И размѣръ, и виды оброка были чрезвычайно разнообразны, но, кажется, это разнообразіе лишь видимое. Одинъ и тотъ же монастырь, Троице-Сергіевскій, въ 1580 году положилъ на крестьянъ одного своего села одинъ оброкъ по три рубля съ выти, а въ 1590 году онъ назначилъ крестьянамъ другого села вмѣсто всего оброка пахать на монастырь по 2½ десятины съ выти озимыхъ и яровыхъ. Опредѣливъ отношенія тогдашнихъ денегъ къ нынѣшнимъ и нынѣшнюю стоимость земли, находимъ, что тяжесть, положенная монастыремъ на крестьянъ обоихъ селъ, была почти одинакова. По цѣнамъ хлѣба московскій рубль конца XVI вѣка равнялся приблизительно 20—22 нынѣшнимъ. Итакъ, крестьяне одного монастырскаго села платили съ выти 60—66 рублей; почти тоже стòитъ и теперь обработка 2½ десятинъ озимыхъ и 2½ яровыхъ. Значитъ, плата за пользованіе землей въ XVI вѣкѣ была довольно высока. Въ одной дворцовой волости Тверского уѣзда крестьяне платили къ концу XVI столѣтія съ выти въ 24 десятины худой земли оброкъ, равняющійся 3 рублямъ съ небольшимъ нынѣшнихъ денегъ за десятину. Въ имѣніяхъ Троицкаго монастыря, въ Углицкомъ уѣздѣ, въ то-же самое время крестьяне платили монастырю съ нѣсколько большей выти худой же земли такой оброкъ, что на каждую десятину приходилось даже по четыре рубля слишкомъ. Нынѣ едва ли существуютъ въ тѣхъ мѣстахъ такія высокія арендныя цѣны.

Итакъ, *крестьяне XVI вѣка по отношеніямъ своимъ къ землевладѣльцамъ были вольными и перехожими арендаторами чужой земли*: государевой, церков-

ной или служилой. Кромѣ того, крестьяне подчинялись юрисдикціи землевладѣльца въ извѣстныхъ дѣлахъ и за то платили ему «судныя пошлины», какъ платили пошлины «продажныя», совершая куплю-продажу въ предѣлахъ его вотчины.

2. Теперь разсмотримъ *политическое положеніе крестьянъ*, т. е. ихъ отношеніе къ государству. Государство начинало знать крестьянина, какъ хлѣбопашца и своего плательщика, лишь съ той минуты, когда онъ, сѣвши на чью либо землю, начиналъ ее обрабатывать. Поэтому, крестьянинъ начиналъ платить государству только тогда, когда бросалъ сѣмена во вспаханный имъ участокъ. Раньше того, не сидя на тягломъ участкѣ, крестьянинъ и не платилъ государству. Поэтому въ иныхъ актахъ мы встрѣчаемъ условіе, въ силу котораго крестьянинъ, садясь на тяглый участокъ съ озимымъ хлѣбомъ, посѣяннымъ его предшественникомъ, обязуется платить въ первый годъ подать только съ ярового, который онъ посѣетъ весной. Значитъ, крестьянская подать въ древней Руси не была собственно ни поземельнымъ налогомъ, ни налогомъ на трудъ, а падала на приложеніе крестьянскаго труда къ землѣ. Государственная подать, падавшая на крестьянъ, служила обезпеченіемъ ихъ общественнаго устройства.

Съ этимъ устройствомъ тѣсно связанъ и вопросъ о порядкѣ крестьянскаго землевладѣнія древней Руси, т. е. вопросъ о томъ, было ли это владѣніе общинное или какое иное. Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, надо опредѣлить существенные признаки общиннаго землевладѣнія, какъ оно исторически выработалось у насъ. Такъ какъ крестьянинъ нигдѣ не былъ собственникомъ земли, то не можетъ быть и рѣчи объ общинной земельной собственности. Значитъ, вопросъ объ общинномъ землевладѣніи у насъ есть вопросъ объ общин-

номъ пользованіи землею. Общинное пользованіе землей характеризуется тремя существенными чертами, выработавшимися ко времени освобожденія крестьянъ. 1) Земля, владѣемая извѣстнымъ сельскимъ обществомъ на общинномъ правѣ, должна принадлежать одному собственнику, т. е. членами извѣстнаго сельскаго общества непремѣнно должны быть крестьяне, водворенные на землѣ одного владѣльца. 2) Земли, владѣемыя на общинномъ правѣ, не дѣлятся на постоянные, наслѣдственные участки, а періодически передѣляются между всѣми членами общества. 3) Съ общинной земли идетъ государству подать, уплата которой обезпечивается круговой порукой, всѣми членами общества другъ за друга. Вотъ три существенныя черты общиннаго пользованія землею, выразившіяся въ исторіи русскаго крестьянскаго землевладѣнія: единство собственника, періодическіе передѣлы и круговая порука въ уплатѣ государственныхъ податей.

Правительство соединяло разбросанныя сельскія крестьянскія поселенія въ административные округа, называвшіеся станами или волостями. Эти административные сельскіе округа и были связаны круговой порукой въ уплатѣ государственныхъ податей. Но въ большинствѣ такихъ округовъ встрѣчаемъ земли разныхъ владѣльцевъ: дворцовыя, церковныя и служилыя. Итакъ, въ отношеніи древне-русскихъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ не могло быть перваго признака общиннаго землевладѣнія—единства собственника. Далѣе, нигдѣ не замѣчаемъ слѣдовъ періодическаго передѣленія земли. Каждый крестьянинъ, вступая въ составъ извѣстнаго сельскаго общества, бралъ себѣ извѣстный участокъ земли, расширялъ или сокращалъ свою запашку по своему усмотрѣнію, т. е. сообразуясь со своими средствами; точно также по личному усмотрѣ-

нію передавалъ этотъ участокъ дѣтямъ, даже стороннему крестьянину, наконецъ, покидалъ этотъ участокъ и переходилъ на другой въ предѣлахъ того же сельскаго общества или сосѣдняго. Значитъ, крестьянское землевладѣніе въ древней Руси приближалось по характеру своему къ тому, какое утвердилось и существуетъ въ малороссійскихъ губерніяхъ: это было землевладѣніе участковое и подворное. Наконецъ, всѣ обыватели древне-русской волости были связаны круговой порукой. При отдѣльномъ участковомъ владѣніи, что̀ могло быть предметомъ этой поруки? Ею обезпечивалась уплата казенныхъ податей за несостоятельныхъ членовъ общины. Правительство назначало по описи опредѣленную постоянную сумму налоговъ на все сельское общество, предоставляя ему разверстывать ее между отдѣльными своими членами. Разверстка совершалась по участкамъ отдѣльныхъ домохозяевъ, но изъ наличныхъ крестьянъ нѣкоторые могли оказаться безсильными платить падавшую на нихъ долю податей, и въ такомъ случаѣ за нихъ платило общество; а другой крестьянинъ покидалъ свой участокъ, и за него должна была платить тоже община до новой поземельной описи. Это и составляло предметъ круговой поруки въ древнерусскомъ сельскомъ обществѣ. Податью и создано было крестьянское общественное управленіе. Волость выбирала старосту и окладчиковъ, которые разверстывали подать между ея членами или, выражаясь языкомъ актовъ, «сидѣли на мірскомъ разметѣ». Староста съ окладчиками и всѣми крестьянами распоряжался землею волости, раздавалъ участки новымъ поселенцамъ, давалъ имъ льготы, защищалъ эту землю отъ стороннихъ захватовъ и т. д. Но всѣ эти распоряженія вытекали изъ круговой поруки въ уплатѣ податей, а не изъ общиннаго пользованія землей.

Значитъ, связью, на которой держалось древне-русское сельское общество, служила собственно государственная подать, а не земля; то былъ союзъ финансовый, а не поземельный, основанный на общинномъ владѣніи землей; то было сельское общество, но не поземельная община. Иначе говоря, *въ древней Руси существовало мірское распредѣленіе земель для уплаты податей, но не было общиннаго пользованія землей.* Послѣднее завязалось позднѣе XVI вѣка, подъ вліяніемъ поземельнаго прикрѣпленія крестьянъ, и было закрѣплено введеніемъ подушной подати. Таково было отношеніе крестьянъ къ государству.

3. Теперь войдемъ въ разсмотрѣніе *экономическаго положенія крестьянъ*, посмотримъ, какъ они жили въ тѣсномъ кругу своего хозяйства. Крестьянинъ былъ вольный и перехожій наниматель чужой земли, свобода котораго обезпечивалась правомъ «выхода», т. е. перехода. Таково было положеніе крестьянина по праву, но уже въ XVI вѣкѣ оно было не таково на дѣлѣ. Вольный и перехожій арендаторъ-крестьянинъ приходилъ на чужую землю съ пустыми руками, т. е. безъ капитала, безъ земледѣльческаго инвентаря; селясь на чужой землѣ, онъ обыкновенно нуждался въ ссудѣ, въ подмогѣ со стороны землевладѣльца. Эта подмога была почти общимъ явленіемъ при заключеніи договора крестьянина съ землевладѣльцемъ. Чрезвычайно рѣдко крестьянинъ садился на чужую землю безъ барской подмоги. Она выражалась въ различныхъ видахъ. Крестьянинъ получалъ отъ землевладѣльца готовый дворъ или лѣсъ для его постройки. Далѣе, землевладѣлецъ ссужалъ его хлѣбомъ на прокормленіе до первой жатвы, давалъ также деньги и въ иныхъ случаяхъ скотъ. Всѣ эти виды подмоги носили общее названіе «боярскаго серебра», а получившій ее назывался

«серебренникомъ». Вольный арендаторъ земли становился должникомъ землевладѣльца. Кромѣ прямой подмоги была еще косвенная; именно, землевладѣлецъ давалъ своему крестьянину на извѣстное количество лѣтъ льготу не только отъ вотчинныхъ оброковъ и повинностей, но и отъ государственныхъ податей. Послѣ онъ долженъ былъ вознаградить землевладѣльца за эту льготу. Каждый крестьянинъ, покидая участокъ земли, который онъ обрабатывалъ, долженъ былъ расчитаться съ хозяиномъ: 1) заплатить ему ссуду — «серебро»; 2) вознаградить его за льготы и 3) заплатить за пользованіе барскимъ дворомъ, уплатить «пожилое», т. е. за всѣ прожитые годы. По Судебнику 1497 года пожилое это опредѣлено было въ размѣрѣ одного рубля за четыре года въ полевыхъ мѣстахъ, гдѣ не было строевого лѣса, и въ размѣрѣ полъ-рубля въ мѣстахъ лѣсныхъ, такъ что за каждый годъ приходилось отъ одной четверти до одной восьмой рубля. Судебникъ 1550 года увеличилъ пожилое, набавивши два алтына.

Если расчитать тяжесть для крестьянина всѣхъ этихъ платежей при уходѣ отъ владѣльца, особенно если онъ долго жилъ на его землѣ, то можно легко понять, что *въ большинствѣ случаевъ вольный и перехожій землепашецъ, сохраняя свое право перехода, не имѣлъ фактической возможности покинуть насиженный участокъ, расплатиться съ землевладѣльцемъ безъ чужой помощи.* Такимъ образомъ, экономическое положеніе крестьянъ ставило ихъ въ противорѣчіе съ ихъ положеніемъ юридическимъ. Это противорѣчіе и было причиной важной перемѣны въ положеніи крестьянъ, обнаруживающейся во второй половинѣ XVI вѣка.

Вопросъ о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ въ XVI в.

Перемѣну, происшедшую въ положеніи крестьянъ въ XVI в., обыкновенно изображаютъ такими чертами. До конца XVI в. крестьяне были вольными хлѣбопашцами, пользовавшимися правомъ свободнаго перехода съ земли одного владѣльца на землю другого. Но изъ этого права вышли большія неудобства, какъ для общественнаго порядка, такъ и для государственной казны, и особенно для мелкихъ служилыхъ землевладѣльцевъ, у которыхъ богатые вотчинники сманивали крестьянъ, оставляя ихъ безъ рабочихъ рукъ, слѣдовательно, безъ средствъ исправно отбывать государеву службу. Вслѣдствіе этихъ затрудненій правительство царя Ѳеодора прикрѣпило крестьянъ къ землѣ, отмѣнивъ право крестьянскаго перехода. Печальные результаты крѣпостного права, обнаружившіеся впослѣдствіи, вышли изъ этого поземельнаго прикрѣпленія крестьянъ. Такъ какъ первый указъ, отмѣнявшій право крестьянскаго выхода, былъ изданъ, когда государствомъ правилъ Борисъ Годуновъ, то на этого правителя падаетъ вся отвѣтственность за эти послѣдствія. Онъ есть первый виновникъ крѣпостного права, крѣпостникъ-учредитель. Итакъ, въ концѣ XVI в. правительство одной общей мѣрой измѣнило поземельное положеніе крестьянъ.

Въ такомъ изображеніи дѣла много неяснаго и неточнаго. Прежде всего не вѣроятенъ самъ законъ, отмѣнившій право крестьянскаго выхода. Московское правительство не любило такихъ общихъ рѣшительныхъ мѣръ, привыкнувъ вводить крупныя перемѣны постепенно, мѣрами мелкими, частными. Во-вторыхъ, не только не сохранилось общаго указа, отмѣнившаго крестьянскій выходъ, но въ уцѣлѣвшихъ актахъ нѣтъ

и намека на то, чтобы такой указъ когда либо былъ изданъ. Первымъ актомъ, въ которомъ видятъ указаніе на прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, какъ на общую мѣру, считаютъ указъ 24 ноября 1597 г. Но этотъ указъ содержаніемъ своимъ не оправдываетъ сказанія объ общемъ прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ въ XVI в. Изъ этого акта узнаемъ только, что если крестьянинъ убѣжалъ отъ землевладѣльца не раньше 5 лѣтъ до изданія указа и землевладѣлецъ учинилъ искъ о немъ, то по суду и иску такого крестьянина должно возвратить къ прежнему землевладѣльцу съ семьей и имуществомъ, «съ женой, дѣтьми и со всѣми животы»; если же крестьянинъ убѣжалъ раньше 5 лѣтъ и землевладѣлецъ не вчинилъ о немъ своевременно иска, то такого крестьянина назадъ не возвращать и исковъ и челобитныхъ о немъ не принимать. Болѣе ничего не говорится въ указѣ 24 ноября. Изъ него, однако, заключили, что за 5 лѣтъ до него былъ изданъ законъ, запрещавшій крестьянскіе переходы, прикрѣплявшій крестьянъ къ землѣ. Уже Погодинъ, а за нимъ и Бѣляевъ основательно замѣчали, что указъ 1597 г. не даетъ права предполагать, будто за 5 лѣтъ до него состоялось общее распоряженіе, прикрѣплявшее крестьянъ къ землѣ. Этотъ указъ только устанавливаетъ 5-лѣтнюю давность для сыска бѣглыхъ. Впрочемъ, и Бѣляевъ думалъ, что если не въ 1592 г., то не раньше 1590 г. должно было состояться распоряженіе, отмѣнявшее крестьянскій выходъ, потому что отъ 1590 г. сохранился актъ, въ которомъ еще признается за крестьянами право выхода, и можно надѣяться, что со временемъ этотъ указъ будетъ найденъ въ архивахъ. Можно съ увѣренностью сказать, что никогда не найдутъ ни того, ни другого указа, ни 1590, ни 1592 г.г., потому что ни тотъ, ни другой не были изданы.

До насъ дошло значительное количество порядныхъ грамотъ, въ которыхъ крестьяне уговариваются съ землевладѣльцами, садясь на ихъ землю. Эти порядныя идутъ съ половины XVI в. до половины XVII и даже далѣе. Если вы, читая эти порядныя, забудете легенду о прикрѣпленіи крестьянъ при царѣ Ѳеодорѣ, то порядныя не напомнятъ вамъ о ней. Крестьяне договаривались съ землевладѣльцами въ первой половинѣ XVII в. совершенно такъ же, какъ они договаривались во второй половинѣ XVI вѣка. Въ этихъ порядныхъ опредѣляются условія земельной аренды, величина оброка и барщины, обязательства крестьянина въ случаѣ его ухода отъ землевладѣльца (крестьянинъ обязывается, въ случаѣ ухода, заплатить землевладѣльцу пожилое, ссуду и вознаградить его за льготы). Возможность ухода всегда предполагается въ порядной, какъ возможность вполнѣ законная. Предположеніе, что въ концѣ XVI вѣка крестьяне лишены были права перехода, дѣлаетъ непонятнымъ цѣлый рядъ порядныхъ грамотъ, составленныхъ по указанной формѣ. Такъ, одинъ монастырь въ 1599 году, переводя своихъ крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое, заключаетъ съ ними новую порядную грамоту, какъ съ вольными арендаторами. Другой актъ того же года разсказываетъ, что монастырь долго искалъ одного своего бѣглаго крестьянина, наконецъ, отыскавши его въ вотчинѣ одного служилаго землевладѣльца, потребовалъ назадъ. Вдова землевладѣльца выдала крестьянина. Во время Русской Правды крестьянинъ обратился бы за такой побѣгъ въ полнаго холопа. Теперь, послѣ предполагаемаго прикрѣпленія, монастырь не только не наказываетъ своего бѣглаго, но заключаетъ съ нимъ новый договоръ и даже даетъ ему льготы и ссуду на обзаведеніе. Контрактъ заключается съ крестьяниномъ, какъ съ совершенно свободной гражданской стороной. Итакъ, по порядными гра-

мотамъ не замѣтно прикрѣпленія крестьянъ и въ первой половинѣ XVII вѣка. Съ другой стороны, нѣкоторые крестьяне являются прикрѣпленными къ землѣ, лишенными права выхода, уже задолго до предполагаемаго указа о поземельномъ прикрѣпленіи крестьянъ. Въ 1552 году дана была грамота чернымъ крестьянамъ Важскаго уѣзда. Эта грамота предоставляетъ сельскимъ обществамъ право возвращать своихъ старыхъ тяглецовъ, убѣжавшихъ на землю монастырскую, и сажать на прежніе участки. Это распоряженіе касается черныхъ, государственныхъ крестьянъ, но не всѣ тяглые крестьяне являются тогда же какъ бы прикрѣпленными къ землѣ. Въ 1560-хъ годахъ богатымъ солеварамъ Строгоновымъ отданы были обширныя пустоши на Камѣ и Чусовой, съ правомъ населять ихъ новоприходными, призывая послѣднихъ со всѣхъ сторонъ. Строгоновы не могли призывать къ себѣ только тяглыхъ крестьянъ и «письменныхъ», т. е. посаженныхъ на тягло и записанныхъ въ книгахъ: такихъ тяглыхъ поселенцевъ Строгоновы обязаны были выдавать съ семьями и имуществомъ по требованію мѣстныхъ начальствъ. Итакъ, предположеніе объ указѣ, прикрѣпившемъ крестьянъ въ концѣ XVI вѣка, не оправдывается ни съ той, ни съ другой стороны, ни предшествующими, ни послѣдующими явленіями.

Далѣе, читая указы XVI и XVII столѣтій о крестьянахъ, мы находимъ, что крестьяне уже до предполагаемаго указа царя Ѳеодора не пользовались правомъ выхода. Судебникъ 1550 года опредѣляетъ точно правила и условія крестьянскаго выхода. Но крестьяне во второй половинѣ XVI вѣка сами почти не переходили съ участка на участокъ. Порядныя грамоты, какъ ихъ ни много,—исключительныя явленія: большею частью это—договоры тѣхъ рѣдкихъ въ своей средѣ крестьянъ, которые не задолжали прежнимъ землевладѣльцамъ,

или вольныхъ людей, которые въ первый разъ порядаются въ крестьяне. Масса крестьянъ потеряла уже возможность пользоваться правомъ перехода. Право это выродилось въ два другія явленія: *крестьянскій своз* и *крестьянскій побѣгъ*. Крестьяне сами не переходили отъ землевладѣльца къ землевладѣльцу, но одинъ землевладѣлецъ перевозилъ ихъ отъ другого. Право крестьянскаго перехода превратилось въ право землевладѣльца перевозить крестьянъ, и законодательство конца XVI и начала XVII вѣка не говоритъ уже о переходѣ, а только опредѣляетъ условія своза. Это измѣненіе крестьянскаго права сопровождалось важными затрудненіями для государства и вносило чрезвычайный безпорядокъ въ сельскія отношенія. Благодаря ему, въ XVI вѣкѣ возникла ожесточенная борьба землевладѣльцевъ за рабочія руки крестьянъ. Время около 26 ноября, Юрьева дня осенняго, было временемъ удивительныхъ сценъ, разыгрывавшихся на всемъ пространствѣ государства. Приказчикъ богатаго землевладѣльца отправлялся въ село черныхъ крестьянъ или мелкихъ помѣщиковъ и начиналъ «отказывать» крестьянъ, т. е. подговаривалъ крестьянъ къ переселенію, платилъ за нихъ ссуду и пожилое и свозилъ ихъ на землю своего господина. Крестьянскія общества или мелкіе землевладѣльцы, лишаясь рабочихъ рукъ, старались силою удержать ихъ, насчитывая на крестьянъ лишнее, а если не имѣли на это возможности, то собирали своихъ людей и встрѣчали отказчика съ кольями. Жалобы мелкихъ помѣщиковъ и государственныхъ крестьянъ ярко рисуютъ намъ эти ноябрьскія сцены. Далѣе, крупные землевладѣльцы, пользуясь крестьянскими переходами, имѣли возможность сманивать на свою землю крестьянъ изъ черныхъ обществъ и у мелкихъ помѣщиковъ. Но съ своей земли они не выпускали крестьянъ. Какъ мы

сказали, крестьяне рѣдко садились на землю безъ ссуды со стороны землевладѣльца, т. е. становясь нанимателями земли, превращались въ должниковъ своего господина. Долгъ росъ по мѣрѣ того, какъ крестьянинъ заживался на арендованномъ участкѣ, становился старожильцемъ. Пожилое и ссуда уплачивались при отказѣ. Между тѣмъ, благодаря льготамъ, какими располагали крупные землевладѣльцы, у нихъ крестьяне были зажиточнѣе, сравнительно со своею братіею, жившей на другой землѣ. Такимъ образомъ, одновременно крестьянинъ терялъ и возможность, и охоту покидать насиженный участокъ у богатаго землевладѣльца. Онъ становился должникомъ его, а съ другой стороны, слишкомъ хорошо обстраивался и обживался, чтобы имѣть побужденіе переходить къ другому землевладѣльцу. Вотъ почему въ XVI в. крестьяне крупныхъ землевладѣльцевъ, бояръ и церковныхъ учрежденій, въ большинствѣ не пользовались правомъ перехода: они были личные должники своихъ господъ, а личный долгъ ставилъ должника въ положеніе кабальнаго холопа. Этотъ кабальный холопъ могъ даже по закону превратиться въ полнаго. Судебникъ 1497 г., говоря о крестьянскомъ выходѣ, опредѣляетъ его срокъ и только. Судебникъ 1550 г. дѣлаетъ важное добавленіе. Крестьянинъ могъ отказаться отъ своей земли въ одинъ срокъ въ году; но если онъ съ пашни продавался въ полное холопство своему или чужому господину, то это онъ могъ сдѣлать безъ всякаго срока и не платя пожилого. Такимъ образомъ вольный и перехожій, но лишенный земледѣльческаго инвентаря крестьянинъ, благодаря противорѣчію между его экономическимъ и юридическимъ положеніемъ, становился въ положеніе кабальнаго холопа и подвергался опасности превратиться въ полнаго холопа. Но полный холопъ переставалъ быть плательщикомъ государственныхъ по-

датей. Значитъ, крестьянскій выходъ, переставши быть правомъ крестьянъ, превратился въ одностороннюю привилегію крупныхъ землевладѣльцевъ и подвергалъ государство опасности потерять своихъ плательщиковъ. Итакъ, крестьяне потеряли право перехода раньше, чѣмъ оно было отмѣнено по закону. Законодательство конца XVI и начала XVII вѣка только регулировало этотъ свозъ крестьянъ землевладѣльцами другъ у друга.

Далѣе, крестьяне, не имѣя возможности расплатиться съ землевладѣльцемъ, т. е. воспользоваться своимъ правомъ перехода, съ половины XVI ст. начинаютъ усиленно бѣгать, покидать участки безъ расплаты. Побѣги крестьянъ—яркое явленіе въ крестьянскомъ быту, обнаруживающееся съ половины XVI в. Легко замѣтить причину ихъ усиленій. Историческія обстоятельства загнали нѣкогда массу русскаго населенія на верхне-волжскій суглинокъ. Здѣсь населеніе удерживалось въ продолженіе вѣковъ; но съ половины XV в. засоренныя кочевниками степи начали прочищаться. Взятіе Казани съ Астраханью, т. е. завоеваніе всего средняго и нижняго Поволжья, военные успѣхи Московскаго государства за Окой и появленіе цѣлаго ряда укрѣпленныхъ городовъ, углубившихся въ степь, Тулы, Орла, Курска, Кромъ, Бѣлгорода и т. д.,—все это открыло крестьянамъ возможность воротиться на нѣкогда покинутыя прадѣдами пепелища. Крестьяне начали бѣгать на заокскій черноземъ, подвергая государство страшному кризису. Но вся система государственныхъ налоговъ, какъ и хозяйственное положеніе служилыхъ людей, держалось на крестьянскихъ пашняхъ верхне-волжскаго суглинка. Теперь государство подвергалось опасности остаться съ суглинкомъ безъ крестьянъ, а Москвѣ предстояла опасность превратиться въ столицу пустыни. Объ этихъ побѣгахъ крестьянъ

говоритъ рядъ свидѣтельствъ второй половины XVI ст. Всюду, какъ видно и по поземельнымъ описямъ, и по извѣстіямъ пріѣзжавшихъ въ Россію иностранцевъ, между жилыми селами разсѣяны были во множествѣ села и деревни пустыя. Поссевинъ говоритъ, что во многихъ краяхъ государства на пространствѣ 300 миль путешественникъ не встрѣчаетъ ни одного жителя, хотя и находитъ пустыя деревни. Флетчеръ, ѣдучи въ 1588 г. по самой бойкой дорогѣ, изъ Вологды въ Москву, говоритъ, что онъ встрѣтилъ много большихъ селъ, въ которыхъ были цѣлы избы, но не было ни одного крестьянина; то же, добавляетъ путешественникъ, можно видѣть и во многихъ другихъ мѣстахъ государства, по разсказамъ людей, тамъ путешествовавшихъ.

Эти побѣги крестьянъ и заставили правительство принять мѣры съ цѣлью удержать крестьянскія руки на старыхъ участкахъ, на которыхъ они были записаны по книгамъ. Законы конца XVI и начала XVII в.в., регулируя крестьянскій свозъ землевладѣльцами, принимаютъ мѣры и противъ крестьянскихъ побѣговъ. Царь Борисъ въ 1601 г. издалъ указъ, въ силу котораго могли свозить другъ у друга крестьянъ только мелкіе землевладѣльцы низшихъ чиновъ и притомъ свозить не болѣе двухъ крестьянъ заразъ. Землевладѣльцы Московскаго уѣзда совсѣмъ лишены были права перевоза на свои земли чужихъ крестьянъ. Указъ этотъ изданъ былъ, какъ мѣра, облегчавшая положеніе крестьянъ. Онъ говоритъ, что государь позволяетъ вывозить крестьянъ по причинѣ налоговъ и продажъ, которыми землевладѣльцы ихъ обременяли. Въ 1602 г. указъ этотъ былъ повторенъ: право своза здѣсь ограничено съ цѣлью предотвратить бои и грабежи, которыми сопровождался перевозъ крестьянъ землевладѣльцами

другъ отъ друга. Перевозить крестьянъ могли только мелкіе землевладѣльцы, притомъ не иначе, какъ съ согласія самихъ крестьянъ. Въ царствованіе перваго самозванца въ 1606 г. былъ изданъ третій указъ. Здѣсь допускался переходъ крестьянъ отъ землевладѣльца къ землевладѣльцу по нуждѣ: если крестьянинъ бѣжалъ отъ землевладѣльца въ голодные годы, не имѣя чѣмъ прокормиться, его не возвращали. Если бѣглый крестьянинъ во время голода отдавался въ холопство другому владѣльцу, его также запрещено было возвращать прежнему; если же онъ отдавался въ холопство безъ нужды, то его возвращали къ прежнему владѣльцу въ крестьянство, но съ соблюденіемъ пятилѣтней давности при сыскѣ. Значитъ, указы царя Бориса и его преемника не предполагаютъ крестьянъ прикрѣпленными къ землѣ по закону, а только принимаютъ мѣры противъ незаконныхъ побѣговъ и опредѣляютъ условія перевоза крестьянъ землевладѣльцами другъ отъ друга. О крестьянскомъ правѣ выхода всѣ три указа не говорятъ ни слова, ибо этотъ выходъ сталъ уже давно воспоминаніемъ. Сохранилось даже современное иностранное извѣстіе, показывающее, что Борисъ Годуновъ не только не отнималъ у крестьянъ свободы перехода, но пытался защищать ихъ отъ произвола землевладѣльцевъ. Это извѣстіе говоритъ, что, жалуя крестьянъ, которыхъ прежде землевладѣльцы считали крѣпостными, царь Борисъ точно опредѣлилъ, сколько обязаны крестьяне платить своимъ господамъ и работать на нихъ. Наконецъ, Уложеніе 1649 г. прямо свидѣтельствуетъ, что до него не было издано закона, прикрѣплявшаго крестьянъ къ землѣ, а только устанавливался порядокъ иска. Въ главѣ XI, ст. 3, гдѣ говорится о порядкѣ иска и возвращенія бѣглыхъ крестьянъ, мы читаемъ: «до нынѣшняго указа не было государственной заповѣди (запре-

та), чтобы никому крестьянъ за себя не принимать, а только были указаны бѣглымъ крестьянамъ урочные годы», т. е. сроки давности для сыска бѣглыхъ.

Таковы перемѣны, обнаруживающіяся въ положеніи крестьянъ съ половины XVI в. Эти перемѣны можно обозначить слѣдующими чертами. 1) Право крестьянскаго выхода никогда не было отмѣнено, ибо этотъ выходъ исчезъ самъ собою, безъ законодательной отмѣны еще раньше конца XVI в. 2) Большая часть крестьянъ на земляхъ крупныхъ землевладѣльцевъ попала въ крѣпостное состояніе путемъ долговыхъ обязательствъ, но то было прикрѣпленіе не поземельное, а личное. 3) Законодательство съ половины XVI в. не отмѣняло крестьянскаго выхода, а только съ одной стороны регулировало порядокъ своза крестьянъ однимъ землевладѣльцемъ у другого, съ другой — принимало мѣры къ пресѣченію крестьянскихъ побѣговъ. 4) При Борисѣ Годуновѣ возникла мысль, еще неясная, о поземельномъ прикрѣпленіи крестьянъ съ точнымъ опредѣленіемъ податей и повинностей; но это было не источникомъ крѣпостного права, а мѣрой противъ личнаго прикрѣпленія, грозившаго государству потерей податныхъ плательщиковъ.

Управленіе въ Московскомъ государствѣ XVI в.

I. Управленіе въ Московскомъ княжествѣ удѣльнаго времени.

Изучивъ устройство общества въ Московскомъ государствѣ, теперь сдѣлаемъ краткій очеркъ правительственныхъ формъ, въ какія облеклось послѣднее въ XV и XVI в.в. Управленіе его все развилось изъ удѣльнаго. Чтобы понять послѣднее, надобно припомнить харак-

теръ и строй княжествъ удѣльнаго времени. Какъ мы знаемъ, удѣльное княжество было собственно не государство, а хозяйство князя; иначе говоря, государство было въ то время не что иное, какъ княжеское хозяйство. Поэтому *управленіе удѣльнаго времени было собственно эксплоатаціею различныхъ статей этого хозяйства.* Населеніе уѣзда было для князя не обществомъ, не союзомъ подданныхъ для достиженія извѣстной цѣли, для общаго блага; оно было лишь орудіемъ хозяйственной эксплоатаціи княжества. Правительственныя дѣйствія, имѣющія цѣлью общее благо, поддержаніе общественнаго порядка, тогда разсматривались какъ доходныя статьи княжескаго хозяйства и были сопряжены съ извѣстными пошлинами въ пользу правительства и его агентовъ. Такъ, произошли всѣ тѣ пошлины судебныя, торговыя, свадебныя и другія, какія поступали въ княжескую казну удѣльнаго времени. На такомъ строѣ удѣльныхъ княжествъ развилась и держалась удѣльная администрація. Часть земель княжества эксплоатировалась непосредственно самимъ княземъ, приписывалась къ его дворцу на содержаніе послѣдняго. Это область дворцоваго управленія. Различныя части дворцоваго хозяйства поручались въ управленіе отдѣльнымъ боярамъ и слугамъ князя, иногда даже его холопамъ. Дворцовые слуги и земли управлялись дворецкимъ. Различныя угодія на княжескихъ земляхъ, напримѣръ, промыслы бортный, рыбный, звѣриный, вѣдались особыми дворцовыми сановниками: чашникомъ, стольникомъ, ловчимъ и т. д. Такъ при дворцѣ сложилась цѣлая система административныхъ вѣдомствъ, которыя всѣ имѣли хозяйственное происхожденіе и назначеніе. Люди, которымъ поручались эти вѣдомства, называются въ актахъ удѣльнаго времени *боярами введенными.* Эти бояре, главные управители дворцовыхъ

*

или центральныхъ вѣдомствъ,—то же самое что *ministeriales palatii domini regis* при средневѣковыхъ короляхъ. Особенно важныя дѣла, которыя не могли быть рѣшены отдѣльными боярами введенными, или которыя касались не одного, а нѣсколькихъ вѣдомствъ, восходили къ самому князю и рѣшались имъ вмѣстѣ съ тѣми боярами, вѣдомства которыхъ они касались. Это и есть *княжеская дума* удѣльнаго времени, *совѣтъ бояръ* при князѣ. Таково было устройство центральнаго правительства въ удѣльное время, состоявшаго изъ отдѣльныхъ дворцовыхъ вѣдомствъ и изъ боярскаго совѣта, измѣнчиваго по составу, составлявшагося особо для каждаго дѣла изъ двухъ, трехъ или болѣе бояръ.

Всѣ земли, не приписанныя къ княжескому дворцу, т. е. земли частныхъ владѣльцевъ и черныхъ крестьянъ, предоставлены были мѣстной администраціи. Областное управленіе сосредоточивали въ своихъ рукахъ *намѣстники* и *волостели*. Значительныя княжества дѣлились на административные округа, называвшіеся *уѣздами*. Уѣздъ не былъ административнымъ округомъ въ нашемъ смыслѣ слова, подчиненнымъ одной власти съ ея орудіями. Волостели, управлявшіе сельскими волостями, не были такими административными орудіями намѣстника, какъ начальника всего уѣзда. Уѣздъ состоялъ собственно изъ города и сельскихъ обществъ, которыя назывались *волостями*. Намѣстникъ правилъ городомъ и ближайшими къ нему округами сельскими, которые въ отличіе отъ прочихъ волостей назывались *станами*. Станъ—та же сельская волость, только пригородная и потому приписанная къ округу намѣстника. Каждая сельская волость, входившая въ составъ уѣзда, управлялась своимъ волостелемъ, который обыкновенно ни въ чемъ не зависѣлъ отъ городского намѣстника.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣднему принадлежала лишь высшая юрисдикція по уголовнымъ дѣламъ, совершавшимся въ волостяхъ уѣзда. Намѣстники и волостели правили съ помощью подчиненныхъ имъ орудій, *тіуновъ*, творившихъ судъ подъ именемъ *доводчиковъ* и *праветчиковъ*, которые вызывали тяжущихся на судъ, правили съ нихъ пени и пошлины, отдавали ихъ на поруки и т. п. Тіуны, доводчики и праветчики не были государственными чиновниками; обыкновенно они были дворовые люди или холопы намѣстниковъ и волостелей. Намѣстникъ, какъ и волостель, былъ по характеру своему собственно правительственнымъ арендаторомъ князя: онъ снималъ на извѣстныхъ условіяхъ доходы княжества въ извѣстномъ административномъ округѣ. Даже самыя условія этой правительственной аренды напоминаютъ условія поземельныхъ контрактовъ того времени. Въ старину земля отдавалась въ аренду обыкновенно «исполу», т. е. изъ половины урожая, почему крестьянинъ древней Руси на сѣверѣ и назывался половникомъ даже тогда, когда по условіямъ аренды платилъ менѣе 50% валового дохода. И областной управитель удѣльнаго времени снималъ у князя округъ «исполу», изъ половины доходовъ; на это прямо указываетъ духовная великаго князя московскаго Симеона, гдѣ мы читаемъ, что если кто изъ бояръ князя станетъ служить его княгинѣ и будетъ волости вѣдать, тотъ даетъ княгинѣ половину прибытка, правительственнаго дохода.

Каждый правительственный актъ намѣстника и волостеля сопряженъ былъ съ извѣстнымъ доходомъ, такъ что правительственныя отправленія имѣли значеніе не столько дѣйствій, направленныхъ къ поддержанію порядка или закона, сколько дѣйствій, имѣвшихъ цѣлью извлеченіе доходовъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ должность областного управителя называлась «кормленіемъ»; по-

слѣдній кормился въ буквальномъ значеніи этого слова. Содержаніе его составлялось изъ кормовъ и изъ пошлинъ, какими оплачивались извѣстные правительственные акты. *Кормы* были: 1) *въѣзжій*; 2) *ежегодные постоянные*, именно, рождественскій (къ Рождеству) и петровскій (къ Петрову дню). Въѣзжій кормъ собирался при въѣздѣ управителя на кормленіе, при самомъ вступленіи его въ должность; управляемые давали управителю на въѣздъ «кто что принесетъ». Рождественскій и петровскій кормы были рано опредѣлены съ большой точностью. Въ удѣльное время кормы вообще взимались натурою; такъ, рождественскій кормъ намѣстника состоялъ изъ полоти мяса (половины говяжаго стяга), 10 хлѣбовъ, бочки овса и воза сѣна съ каждой сохи *). Итакъ, каждая соха платила намѣстнику опредѣленные поборы натурой. Это кормы въ собственномъ смыслѣ. Затѣмъ, намѣстникъ съ своими помощниками получалъ извѣстныя *пошлины* съ правительственныхъ актовъ, напримѣръ, *судебныя* пошлины, т. е. извѣстный процентъ съ суммы иска или «противенъ» противъ истцова (иска), т. е. пеню, равнявшуюся суммѣ иска; далѣе, въ пользу намѣстника шли *торговыя* пошлины, налоги на продаваемые товары; пошлины *свадебныя*, взимавшіяся при выдачѣ замужъ обывательницы въ предѣлахъ округа или за его границы; въ первомъ случаѣ намѣстникъ бралъ свадебный убрусъ (платокъ), во второмъ выводную куницу (мѣхъ).

---

*) Соха—платежная единица удѣльнаго времени, перешедшая въ Московское государство; подъ нею разумѣлось въ городѣ извѣстное количество тяглыхъ дворовъ, въ селѣ—извѣстное пространство тяглой земли. И та, и другая соха разнообразились по мѣсту и по времени, равно какъ и по качеству земли и городскихъ дворовъ. Впослѣдствіи въ Московскомъ государствѣ сельская соха всего чаще содержала въ себѣ 1.200 десятинъ доброй земли, 1.500 десятинъ средней и 1.800 десятинъ худой.

2. Перемѣна въ центральномъ управленіи съ половины XV вѣка.

Таково было устройство центральнаго и областного управленія въ удѣльное время. Съ расширеніемъ Московскаго княжества, съ превращеніемъ его въ Великорусское государство, усложнившіяся задачи администраціи должны были измѣнить удѣльное управленіе какъ въ центрѣ, такъ и въ провинціи. Въ центрѣ старинныя вѣдомства, по которымъ были распредѣлены разныя части дворцоваго хозяйства, превратились въ учрежденія, называемыя *Приказами.* Вѣдомства удѣльнаго времени были единоличными порученіями, управлялись тѣмъ или другимъ лицомъ, которому князь «приказывалъ» извѣстную отрасль дворцовой администраціи. Теперь эти единоличныя порученія замѣнились Приказами, постоянными и сложными присутственными мѣстами. Такъ совершился *переходъ отъ управленія посредствомъ лицъ къ управленію посредствомъ постоянныхъ учрежденій.* Появленіе Приказовъ не было рѣзкимъ переходомъ управленія отъ одного порядка къ другому. Приказы были постепеннымъ развитіемъ, осложненіемъ дворцовыхъ вѣдомствъ, единоличныхъ порученій удѣльнаго времени. Въ началѣ XIV вѣка, при несложномъ княжескомъ хозяйствѣ, для управленія извѣстною его отраслью достаточно было одного лица. Съ расширеніемъ Московскаго княжества, съ усложненіемъ письменнаго производства, тому и другому боярину введенному сталъ нуженъ дьякъ съ подъячими, иногда товарищъ для совмѣстнаго рѣшенія дѣлъ. Какъ скоро при бояринѣ введенномъ являлась цѣлая канцелярія, съ этой минуты являлся и Приказъ, какъ постоянное правительственное мѣсто.

Одновременно съ превращеніемъ дворцовыхъ удѣльныхъ вѣдомствъ въ Приказы возникло большое количество новыхъ Приказовъ, для которыхъ въ удѣльное время не существовало соотвѣтствующихъ вѣдомствъ. Эти Приказы всѣ были вызваны усложненіемъ государственной администраціи, появленіемъ такихъ правительственныхъ задачъ, которыя не укладывались въ тѣсныя рамки дворцоваго хозяйства. Эти Приказы одинъ за другимъ возникли по мѣрѣ накопленія такихъ задачъ въ XV—XVI вв. Высшая уголовная юрисдикція изъята была постепенно изъ вѣдомства областныхъ управителей, и для нея создано было особое центральное учрежденіе *Разбойный Приказъ*. Точно также намѣстники и волостели были лишены права вершать дѣла о холопствѣ, для которыхъ учрежденъ былъ особый *Холопій Приказъ*. Уже до конца XVI столѣтія въ актахъ мы можемъ собрать извѣстія болѣе, чѣмъ о 30 Приказахъ.

Такъ какъ вѣдомства Приказовъ опредѣлялись случайно, по требованію минуты, то они были распредѣлены чрезвычайно запутанно и неправильно на нашъ административный взглядъ, привыкшій къ строгой регламентаціи и точному распредѣленію дѣла по существу. Благодаря такому распредѣленію административныхъ дѣлъ, очень трудно сгруппировать Приказы въ какіе либо разряды. Можно лишь сказать, что одни изъ нихъ вѣдали извѣстнаго рода дѣла на пространствѣ всего государства, другіе—всякія, точнѣе, разныя дѣла, но только въ извѣстной области. Къ первому разряду относятся важнѣйшіе изъ Приказовъ: *Посольскій*, вѣдавшій иностранныя дѣла; *Разрядный*, вѣдавшій всѣ воинскія дѣла, слѣдовательно, управлявшій служилымъ классомъ; *Помѣстный*, управлявшій вотчинами и помѣстьями, служилыми землями; *Разбойный*; *Холопій* и другіе. Къ Приказамъ мѣстнаго характера можно

отнести: *Казанскій Дворецъ*, управлявшій бывшимъ Казанскимъ царствомъ и другими близкими къ нему землями на востокѣ, *Сибирскій Приказъ*. Впрочемъ, судные областные Приказы, какими были *Московскій*, *Владимірскій*, *Дмитровскій*, *Рязанскій*, вѣдали преимущественно судъ по вотчиннымъ и по мѣстнымъ дѣламъ дворянства въ извѣстныхъ областяхъ, т. е. соединяли въ себѣ черты того и другого разряда Приказовъ.

Итакъ, съ образованіемъ государства усложнилось центральное управленіе. Вмѣстѣ съ этимъ долженъ былъ измѣниться строй и характеръ высшаго правительственнаго учрежденія, руководившаго отдѣльными вѣдомствами—*Государевой Боярской Думы*. Дума, составлявшаяся въ удѣльное время изъ тѣхъ или другихъ бояръ введенныхъ, теперь также стала сложнымъ и постояннымъ учрежденіемъ, съ опредѣленнымъ вѣдомствомъ и составомъ. Она теперь утратила даже свой прежній, исключительно боярскій характеръ. Въ XVI вѣкѣ въ нее вошли рядомъ съ людьми высшихъ боярскихъ чиновъ, боярами и окольничими, также представители не боярскаго класса дворянъ, такъ называемые *думные дворяне*, не принадлежавшіе обыкновенно къ первостепенной знати. Эти думные дворяне, или дѣти боярскія, «что въ Думѣ живутъ», появляются въ ней впервые, насколько можно судить по сохранившимся извѣстіямъ, въ правленіе великой княгини Елены, въ малолѣтство Грознаго. Кромѣ того, въ Думѣ присутствовали *думные дьяки*, государственные секретари и докладчики. Дума состояла изъ нѣсколькихъ десятковъ членовъ; но большинство членовъ, являвшихся на ея ежедневныя засѣданія, обыкновенно состояло изъ начальниковъ отдѣльныхъ Приказовъ. Сами думные дьяки не были спеціальными секретарями Думы, а управляли каждый извѣстнымъ Приказомъ; чаще всего это были главные

дьяки Приказовъ Посольскаго, Помѣстнаго и Разряднаго, иногда также Казанскаго Дворца, такъ что думныхъ дьяковъ было трое или четверо. Такъ какъ дьяки были государственными секретарями и докладчиками, то ихъ Приказы имѣли значеніе отдѣленій канцеляріи Государевой Думы. Вотъ почему у послѣдней не было особой канцеляріи: ея приговоры записывались дьяками, присутствовавшими въ Думѣ, и черезъ нихъ сообщались подчиненнымъ учрежденіямъ. Все это сообщало Боярской Думѣ характеръ Совѣта Министровъ.

Дума имѣла очень обширный кругъ дѣлъ судебныхъ и административныхъ; но преимущественно это было законодательное учрежденіе. Каждый новый законъ исходилъ изъ Думы съ обычной помѣтой «государь указалъ и бояре приговорили». Это законодательное значеніе Думы указано въ Судебникѣ 1550 г., одна статья котораго гласитъ: «А которыя будутъ дѣла новыя, а въ семъ Судебникѣ не писаны, и какъ тѣ дѣла съ государева докладу (или указу) и со всѣхъ бояръ приговору вершатся, и тѣ дѣла въ семъ Судебникѣ приписывати». Всѣ дополнительные къ Судебнику указы собственно были приговорами Думы. Далѣе, Дума имѣла контроль надъ областнымъ управленіемъ, равно какъ и руководила дѣйствіями Приказовъ. Она же рѣшала въ качествѣ высшей инстанціи множество судебныхъ дѣлъ. Члены Думы собирались на засѣданіе во дворецъ рано по утрамъ. Государь часто самъ предсѣдательствовалъ на совѣтѣ бояръ; но если бояре, засѣдая безъ государя, находили возможнымъ рѣшить предложенный имъ законодательный вопросъ, то ихъ приговоръ обыкновенно получалъ силу закона, не восходя къ государю на утвержденіе. Иногда, въ особо важныхъ случаяхъ, обыкновенный составъ Думы расширялся, и въ нее входилъ правительственный эле-

ментъ сторонній—глава церковной іерархіи съ высшимъ духовенствомъ. Такія засѣданія Думы назывались *соборами*, которые слѣдуетъ отличать отъ Земскихъ соборовъ. Такъ измѣнилось центральное управленіе въ Московскомъ государствѣ.

3. Перемѣны въ областномъ управленіи съ половины XV вѣка.

Какъ центральное управленіе въ Московскомъ государствѣ постепенно вышло изъ тѣсной сферы княжескаго дворцоваго хозяйства, такъ и управленіе областное постепенно теряло характеръ правительственной аренды, или кормленія. Въ этомъ состояла перемѣна, совершившаяся въ продолженіе XV и XVI вѣковъ въ областной администраціи. Мы можемъ отмѣтить три момента въ ходѣ этого переустройства.

Первымъ моментомъ было болѣе *точное опредѣленіе правъ и отвѣтственности областныхъ управителей*. Со второй половины XV столѣтія центральное правительство начинаетъ прежде всего точнѣе опредѣлять порядокъ кормленія и, опредѣливъ его, ограничиваетъ произволъ кормленщиковъ. Это началось переложеніемъ натуральныхъ поборовъ на денежные. Именно, въ уставныхъ грамотахъ второй половины XV вѣка, какія давались отдѣльнымъ округамъ, намѣстничьи и волостелины кормы уже положены на деньги. Такъ, за рождественскій кормъ намѣстникъ получалъ теперь вмѣсто десяти хлѣбовъ десять денегъ, вмѣсто воза сѣна два алтына и т. д. Далѣе, запрещено было теперь намѣстникамъ и волостелямъ съ ихъ людьми самимъ собирать свои кормы; это поручено было выборнымъ отъ обществъ: *сотскимъ*—въ городахъ и станахъ, *старостамъ*—въ прочихъ сельскихъ волостяхъ. Намѣстнику указывалось, сколько онъ долженъ держать тіуновъ и доводчиковъ,

и какъ они должны кормиться. Съ теченіемъ времени стали опредѣленными и самые сроки кормленія. Въ XVI столѣтіи московское правительство стремилось, повидимому, сокращать ихъ; такъ, по Судебнику 1550 г. кормленщикъ занимаетъ должность не долѣе года, хотя, впрочемъ, встрѣчаются случаи кормленія двухлѣтняго и трехлѣтняго. Наконецъ, опредѣленъ былъ порядокъ принесенія жалобъ на намѣстниковъ и волостелей съ ихъ правительственными помощниками. По Судебникамъ обыватели сами назначаютъ срокъ, въ который намѣстникъ или его человѣкъ долженъ стать на судъ передъ великимъ княземъ, т. е. отвѣчать на обвиненіе передъ Государевой Думой. Этотъ срокъ долженъ быть назначенъ, когда намѣстникъ съѣдетъ уже съ кормленія.

Вторымъ моментомъ указаннаго процесса было *подчиненіе областного управителя извѣстному надзору* и вмѣстѣ *стѣсненіе сферы его власти*, изъятіе извѣстныхъ дѣлъ изъ его компетенціи. Это стѣсненіе вводилось путемъ двойного контроля, сверху и снизу. Контроль сверху выражался въ *докладѣ*. Такъ называлось перенесеніе дѣла изъ низшаго учрежденія въ высшее для его окончательнаго рѣшенія — *вершенія*, говоря языкомъ того времени. Въ низшемъ областномъ учрежденіи только вчинялось дѣло, но окончательный приговоръ произносился высшимъ центральнымъ учрежденіемъ, при чемъ, разумѣется, пересматривалось и все дѣло, какъ его велъ областной управитель. Въ продолженіе XV и XVI вв. все бо́льшее количество дѣлъ идетъ отъ областныхъ кормленщиковъ въ центральныя учрежденія на докладъ. Во второй половинѣ XV столѣтія, по первому Судебнику, ограничена была власть лишь нѣкоторыхъ изъ областныхъ управителей. Они обязаны были посылать на докладъ нѣкоторыя дѣла о холопствѣ и важнѣйшія

уголовныя дѣла о разбоѣ, татьбѣ и душегубствѣ. По второму Судебнику, это ограниченіе распространено было на всѣхъ намѣстниковъ и волостелей. Точно также уже съ половины XV вѣка едва ли не бóльшая часть поземельныхъ дѣлъ рѣшается въ центрѣ, а не въ провинціи.

Съ другой стороны судебныя дѣйствія намѣстниковъ и волостелей подчинены были надзору представителей мѣстныхъ обществъ. Сохранившіеся акты удѣльнаго времени изображаютъ дѣятельность лишь органовъ княжеской власти, какими были въ мѣстномъ управленіи намѣстники и волостели. Но едва замѣтно мелькаетъ въ грамотахъ другой рядъ мѣстныхъ учрежденій, въ которыхъ выражалась самодѣятельность мѣстныхъ обществъ. Города и пригородные станы выбирали своихъ сотскихъ, сельскія волости — своихъ старостъ. По уцѣлѣвшимъ актамъ удѣльнаго времени трудно сказать, каково было значеніе этихъ земскихъ властей, но онѣ, повидимому, существовали всюду. Вѣроятно, имъ были предоставлены мѣстныя хозяйственныя дѣла обществъ. Въ концѣ XV столѣтія имъ уже принадлежала раскладка казенныхъ податей. Уставныя грамоты этого времени возлагаютъ на нихъ сборъ намѣстничьихъ и волостелевыхъ кормовъ. При старостахъ являются выборные *окладчики*, которые сидѣли «у земскаго размета», раскладывали подати и повинности. Но, повидимому, до конца XV вѣка они не имѣли никакого судебнаго значенія, ни особой юрисдикціи, ни даже участія въ судѣ областныхъ управителей. Съ конца XV столѣтія земскія учрежденія постепенно развиваются и принимаютъ все болѣе дѣятельное участіе въ мѣстномъ управленіи и судѣ. Прежде всего выборныя земскія власти вводятся въ судъ намѣстниковъ и волостелей. По первому Судебнику и Уставнымъ грамотамъ того

времени намѣстникамъ и волостелямъ запрещено было судить безъ сотскихъ, старостъ и «добрыхъ людей». Участіе этихъ земскихъ представителей въ судѣ первоначально было пассивное: они только присутствовали на судѣ, какъ его свидѣтели. Если дѣло шло на докладъ въ высшую инстанцію, и одна сторона оспаривала правильность «суднаго списка» (судебнаго протокола), то старосты и добрые люди призывались засвидѣтельствовать, такъ ли шелъ судъ, какъ то записано въ спискѣ. «Добрые люди» выбирались особо для каждаго дѣла, какъ понятые. Въ XVI столѣтіи они превращаются въ постоянное учрежденіе, первоначально въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, потомъ и повсюду; по Судебнику 1550 года въ судѣ областныхъ управителей присутствуютъ обязательно выборные земскіе старосты съ постоянными присяжными засѣдателями—*цѣловальниками*. Теперь и значеніе ихъ расширилось: они стали принимать болѣе дѣятельное участіе въ судѣ. Когда доводчики отдавали обвиняемаго на поруки и при этомъ не находили поручителей, то они не могли ковать его въ желѣзо, не явивъ старостамъ и цѣловальникамъ; въ противномъ случаѣ послѣдніе могли освободить арестованнаго. Итакъ, теперь мѣстныя власти являются въ областномъ судѣ не простыми ассистентами при намѣстникѣ или волостелѣ, но и земскими поручителями. Такъ съ двухъ сторонъ подвергалась надзору и стѣсненію власть удѣльныхъ кормленщиковъ.

4. Земскія учрежденія въ царствованіе Іоанна Грознаго.

Уже въ первой половинѣ XVI столѣтія обозначается *третій моментъ въ переустройствѣ областного управленія; онъ состоялъ въ попыткѣ замѣнить властъ кормленщиковъ выборными земскими властями*. Эта за-

мѣна также совершилась постепенно, и изъ нея развилась цѣлая система земскаго самоуправленія. Прежде всего была сдѣлана попытка предоставить мѣстнымъ обществамъ уголовную полицію. До Іоанна IV намѣстники и волостели вѣдали и уголовныя дѣла, сначала безъ доклада, потомъ перенося важнѣйшія изъ нихъ на докладъ въ центральныя учрежденія. Наиболѣе тяжкія уголовныя преступленія, «лихія дѣла», татьба съ поличнымъ, разбой и душегубство, были для намѣстника и волостеля самою доходною судебною статьею, и потому личный интересъ областного управителя побуждалъ его преслѣдовать такія преступленія. Но карая за нихъ, областной кормленщикъ не имѣлъ ни средствъ, ни побужденія предупреждать ихъ, лишая себя тѣмъ самымъ дохода. Между тѣмъ успѣхи государственнаго порядка возбуждали потребность въ предупредительной полиціи. Намѣстники и волостели не годились для этого. Правительство посылало сначала въ области сыщиковъ для преслѣдованія «лихихъ людей»; но эти сыщики, дѣйствуя съ помощью мѣстныхъ обществъ, ложились на нихъ новымъ бременемъ, притѣсняли обывателей. Поэтому правительство пришло къ мысли поручить уголовную полицію самимъ мѣстнымъ обществамъ. Въ малолѣтство Грознаго, во время правленія Шуйскихъ, съ 1539 г. правительство начало давать городскимъ и сельскимъ обществамъ такъ называемыя «губныя грамоты», предоставлявшія имъ преслѣдованіе, поимку и даже казнь лихихъ людей—душегубцевъ, разбойниковъ и татей. Сначала это преслѣдованіе поручалось прежнимъ земскимъ властямъ: старостамъ и сотскимъ; потомъ всѣ классы уѣзднаго общества стали выбирать изъ среды мѣстныхъ дворянъ особыхъ *губныхъ старостъ съ цѣловальниками.* Каждый округъ дѣлился на полицейскіе участки, сотни съ подраздѣленіемъ

на полусотни и десятки, съ выборными полицейскими чинами: *сотскими, полусотскими и десятскими.* Это были исполнительные органы губного старосты съ его цѣловальниками. Въ XVI вѣкѣ выбирался одинъ губной староста на весь уѣздъ. Поимка и преслѣдованіе лихихъ людей возлагались на общества, какъ обязанность; общества не только выбирали губныхъ старостъ, но и отвѣчали за нихъ. Если въ округѣ совершалось лихое дѣло, то за него отвѣчали всѣ обыватели, уплачивая иски пострадавшихъ людей вдвое, безъ суда. Такъ мѣстные міры призваны были содѣйствовать правительству въ огражденіи общественной тишины и безопасности.

Наконецъ, около половины XVI вѣка правительство сдѣлало еще болѣе смѣлую попытку—замѣнить намѣстниковъ и волостелей выборными общественными властями, поручить самимъ обществамъ не только уголовную полицію, но весь судъ и все управленіе. Неизвѣстно въ точности, съ какого времени началась эта важная замѣна. До насъ дошелъ указъ отъ 20-го сентября 1555 года. Здѣсь мы читаемъ, что государь, для устраненія неудобствъ, какія обнаружились въ управленіи намѣстниковъ и волостелей, поручилъ общественныя дѣла *излюбленнымъ старостамъ,* а за прежніе намѣстничьи доходы на города и волости указалъ положить оброки, которые должны итти на жалованье отставленнымъ областнымъ управителямъ. Жалованье выдавалось по «отечеству» и «дородству» городовымъ (провинціальнымъ) дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ въ четвертый годъ, другимъ высшимъ чинамъ въ третій годъ. Съ этого именно времени служилые люди, въ дополненіе къ мѣстнымъ окладамъ, стали получать и денежное жалованье, которое было какъ бы вознагражденіемъ служилыхъ людей за потерю княженій. Въ

грамотѣ, данной устюжскимъ волостямъ въ томъ же году (1555), замѣна намѣстниковъ и волостелей выборными властями земскими является уже общею мѣрою. Царь говоритъ, что онъ, «жалуя все крестьянство», велѣлъ городамъ и волостямъ вмѣсто намѣстниковъ и волостелей выбрать «излюбленныхъ старостъ, которыхъ себѣ крестьяне межъ собою излюбятъ и выберутъ всею землею, которые умѣли бы и разсудить въ правду безпосульно и безволокитно и собирали бы оброкъ для доставленія въ государеву казну». По отдѣльнымъ актамъ видно, что земскіе старосты вводились по мѣстамъ еще ранѣе 1555 года.

Замѣна намѣстниковъ и волостелей земскими старостами совершалась по просьбѣ самихъ обществъ, и далеко не всѣ общества воспользовались новымъ правомъ, которое покупалось новою повинностью, оброкомъ на жалованье отставнымъ служилымъ людямъ. Вотъ почему земское самоуправленіе въ то время получило названіе *откупа*, жалованныя грамоты на самоуправленіе—названіе *откупныхъ*. Земскіе старосты съ выборными отъ мѣстнаго тяглаго населенія присяжными помощниками, цѣловальниками, вели всѣ земскія дѣла подъ личною отвѣтственностью и мірской порукой. Недобросовѣстное исполненіе обязанностей преслѣдовалось смертной казнью и конфискаціею имущества, которое шло пострадавшимъ отъ недобросовѣстности истцамъ и тѣмъ, кто на нихъ «доведетъ». Весь міръ, выбиравшій старосту и цѣловальниковъ, отвѣчалъ за ихъ дѣятельность, за добросовѣстный судъ и исправный сборъ повинностей. Въ 1556 году въ Новгородской области сборъ государственныхъ податей порученъ былъ самому земству. Для этого велѣно было всѣмъ сословіямъ въ каждой пятинѣ выбрать по одному сыну боярскому и по три-четыре человѣка лучшихъ людей,

да въ каждомъ погостѣ по одному человѣку, и эти выборные старосты должны были подъ личною и общественною отвѣтственностью собирать и доставлять новгородскимъ дьякамъ казенныя подати. Дьяки отвѣчали за сборъ передъ центральнымъ правительствомъ, а выборные — передъ дьяками. Отсюда можно понять политическое значенiе этого самоуправленiя.

Разсматривая кругъ дѣлъ земскихъ старостъ, мы видимъ, что эти дѣла—не мѣстныя земскiя, а чисто государственныя, которыя прежде вѣдались мѣстными органами центральнаго правительства. *Сущность земскаго самоуправленiя состояла такимъ образомъ не столько въ правѣ обществъ вѣдать свои мѣстныя земскiя дѣла, сколько въ обязанности исполнять извѣстныя общегосударственныя приказныя дѣла, выбирать изъ своей среды людей къ «государеву дѣлу».* Это былъ новый видъ государственной службы; земское самоуправленiе являлось лишь орудiемъ центральной администрацiи. Всего лучше этотъ характеръ самоуправленiя, какъ новой земской повинности, выражается въ участiи, предоставленномъ обществамъ въ финансовомъ управленiи. Различныя казенныя статьи: таможни, кабаки, казенныя рыбныя ловли отдавались «на вѣру»; для этого общества выбирали *вѣрныхъ головъ* и *цѣловальниковъ*, которымъ правительство довѣряло подъ присягой сборъ доходовъ съ этихъ статей, обезпечивая себѣ исправность этихъ сборовъ личною имущественною ихъ отвѣтственностью или отвѣтственностью избравшаго ихъ общества. Если голова или цѣловальникъ не добиралъ положенной суммы казеннаго сбора, онъ долженъ былъ доплатить недоборъ изъ собственныхъ средствъ; при его несостоятельности за него платили его избиратели.

Итакъ, земское самоуправленiе было слѣдствiемъ обнаруживавшейся при новыхъ государственныхъ за-

дачахъ недостаточности или невыгодности прежнихъ правительственныхъ учрежденій для исполненія этихъ задачъ. На помощь центральному правительству призвано было земство, которое дѣйствовало, связанное круговымъ поручительствомъ. Если мы сопоставимъ такой характеръ земскаго самоуправленія съ изученнымъ уже нами устройствомъ общественныхъ классовъ, то найдемъ тѣсное соотвѣтствіе между административными и общественными перемѣнами, совершившимися въ XV—XVI вѣкахъ. Правительство распредѣлило государственныя службы и повинности между различными классами общества, и по характеру этихъ службъ каждый классъ общества получалъ свое участіе въ мѣстномъ управленіи на основаніи круговой поруки, которая шла снизу, съ самыхъ мелкихъ обществъ, до верха управленія.

Эта разверстка государственныхъ службъ между классами завершилась въ половинѣ XVI вѣка. Въ этомъ надобно искать объясненія того явленія, почему именно съ половины XVI столѣтія правительство созываетъ *Земскіе соборы.* Первый изъ нихъ былъ созванъ изъ представителей всѣхъ чиновъ государства, т. е. всѣхъ его служилыхъ разрядовъ, въ 20-й годъ жизни Іоанна Грознаго, слѣдовательно, въ 1549—50 году. Вѣроятно, это былъ тотъ соборъ, которому прочитанъ былъ новый Судебникъ. Земскіе соборы составлялись изъ тѣхъ чиновъ государства, на которые положены были разныя государственныя службы и повинности. Въ XVI вѣкѣ въ составъ ихъ входили: Освященный соборъ духовенства, т. е. митрополитъ, а потомъ патріархъ съ епископами, Боярская Дума, начальники и дьяки московскихъ приказовъ, представители дворянства и столичнаго купечества. Изъ дворянства призывались на соборъ предводители уѣздныхъ дворянскихъ

отрядовъ, слѣдовательно, не выборные депутаты, а должностныя лица. Точно также и отъ столичнаго купечества на соборѣ 1598 г. присутствовали старосты и сотскіе московскихъ сотенъ и слободъ, т. е. гильдій и цеховъ, и 21 человѣкъ *гостей*, купцовъ высшаго разряда, которые по своему званію обязаны были исполнять финансовыя порученія правительства, служили отвѣтственными агентами казны. Такимъ образомъ земскій соборъ въ XVI в. составлялся изъ двухъ высшихъ правительственныхъ учрежденій, руководившихъ управленіемъ церковнымъ и государственнымъ, и изъ отвѣтственныхъ исполнительныхъ органовъ центральнаго и мѣстнаго управленія. Такой составъ сообщалъ Земскому собору характеръ совѣщанія правительства со своими собственными агентами, органами центральнаго и мѣстнаго, военнаго и финансоваго управленія. Поэтому соборъ XVI вѣка не былъ представительнымъ собраніемъ въ строгомъ смыслѣ слова. Представительное значеніе онъ получаетъ только въ XVII вѣкѣ. Отсюда мы можемъ понять значеніе Земскаго собора. Чины, участвовавшіе въ несеніи государственныхъ службъ и тягостей, призывались центральнымъ правительствомъ, чтобы обсудить общегосударственное дѣло и, принявъ извѣстное рѣшеніе, обязаться нести налагаемыя имъ тягости. Это лишь высшая форма всенародной круговой поруки, на которой было основано все управленіе въ Московскомъ государствѣ.

Этимъ я заканчиваю обзоръ устройства Московскаго государства въ томъ видѣ, какъ оно сложилось къ концу XVI вѣка. Это государство складывалось медленно и трудно и въ томъ видѣ, какой оно приняло къ концу XVI в., ему нельзя отказать въ нѣкоторой своеобразности. Когда мы приступаемъ къ оцѣнкѣ извѣстнаго государственнаго порядка, мы прежде всего спрашиваемъ, есть ли

это централизація, или порядокъ, основанный на мѣстномъ самоуправленіи. Московское государство XVI в. не подходило ни подъ то, ни подъ другое опредѣленіе. Въ немъ видимъ и строгую централизацію, и самодѣятельность мѣстныхъ обществъ съ обширнымъ кругомъ дѣлъ; но эта мѣстная самодѣятельность была только орудіемъ централизаціи.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Оглавленіе первой части

Второй періодъ.

Третій періодъ.

